

БЫЛИНЫ

БЫЛИНЫ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

Собственной
коллекции

Ⓒ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

*Большая серия
Второе издание*

Л Е Н И Н Г Р А Д * 1 9 5 7

БЫЛИНЫ

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Б. Н. Путилова*

РУССКИЙ БЫЛИННЫЙ ЭПОС

Среди разнообразных по содержанию и форме произведений русского песенного фольклора выделяется группа песен, которые принято называть былинами. Термин «былина» получил распространение в русской науке с 50—60-х годов XIX века. В народе, среди создателей и хранителей этих песен, слово «былина» не употреблялось, певцы называли эти песни *стáринами, стáринками*. Лишь отдельные сказители восприняли от собирателей фольклора слово «былина» и изредка пользовались им.

Определить сколько-нибудь сжато признаки жанра былины или дать краткую характеристику его особенностей не представляется возможным. Только более или менее подробное рассмотрение содержания и поэтики былин может дать представление о сущности и специфике этого вида фольклора. Однако прежде чем перейти к такому рассмотрению, следует указать на некоторые, самые общие пока, черты былин.

Былины принадлежат фольклору, то есть устному народному творчеству. Литература формы былин не знает, хотя отдельные писатели в своем творчестве и использовали образы и мотивы былин.

Былины — произведения песенные. В этом их коренное отличие от сказок, с которыми они связаны иногда по содержанию.

Характерным признаком былинной формы является развернутый сюжет, большое повествование; поэтому былины, как правило, значительны по своему объему: обычно они насчитывают несколько сот стихов. По существу, их можно было бы назвать песнями-поэмами. В науке обычно довольно четко отличают былины от некоторых других произведений русского песенного фольклора, также обладающих

развернутыми сюжетами. Сами певцы эту разницу не всегда ощущают. Так, словом «старина» они называют иногда песни, которые в науке называются «историческими»: это песни, содержание которых может быть соотнесено с конкретными событиями и лицами поздней русской истории (преимущественно XVI—XVII веков). Таковы песни об Иване Грозном, о Ермаке, о Скопине-Шуйском, Степане Разине и другие. Старинами же певцы называют песни с религиозным содержанием — духовные стихи (о Егории Храбром, об Анике-воине, о Голубиной книге). К старинам относят певцы и многие песни-баллады, например о князе Романе, о князе Михайле и его жене, о Василии и Софье, о князе Волхонском и Ванюше-ключнике и другие. Некоторыми своими художественными особенностями былины действительно близки к песням историческим, к духовным стихам и к балладам. Но эта близость проявляется лишь в отдельных частностях, в целом же былины отличаются от них и по содержанию и по самым принципам художественного отражения действительности и представляют вполне самостоятельный жанр русского народного песенного творчества.

Былинам свойственны величие содержания, грандиозность, монументальность образов; героический пафос. Центральное место среди былин занимают песни о богатырях и их героических подвигах, а также песни сказочно-фантастического содержания. Уже самое предварительное знакомство с былинами показывает, что они принадлежат глубокой старине. Реально-историческая основа их — это действительность Руси X—XVI веков, а нередко и более ранних эпох.

Былинам присуще внутреннее идейно-художественное единство. Оно выражается, в частности, в тенденции к объединению песен с различными сюжетами в циклы, связанные общностью героев, событий, исторических центров и т. д. Так выделяется цикл киевских былин, в которых действие совершается в Киеве или вокруг Киева; внутри этого цикла выявляется, например, цикл былин об Илье Муромце или цикл былин о борьбе с татарским нашествием и другие.

Науке известно около ста былинных сюжетов. В своей совокупности вся масса былин объединяется понятием *народный героический эпос*.

Героический эпос как своеобразная, исторически закономерная форма народной поэзии известен и многим другим народам. У одних народов эпос давно исчез из живой устной традиции, у других он живет и сейчас. Будучи записан, научно исследован и издан, эпос становится достоянием мировой культуры. Так, широчайшую известность получили исландские саги, карело-финские руны, эпические песни южных славян, нартские сказания (народов Северного Кавказа), эпос

народов Средней Азии («Манас», «Алпамыш») и другие. В этом ряду стоят и русские былины.¹

Понять русский эпос, его содержание, смысл его образов, его историческое значение возможно лишь при учете той художественной специфики, которая ему присуща. Поэтому, прежде чем говорить о составе русского эпоса, об основных этапах его развития, о его содержании, необходимо охарактеризовать те особенности, которые составляют художественную специфику былин и делают их неповторимым явлением искусства.

I

Знакомясь с былинами, мы сразу же оказываемся в каком-то особом мире, не похожем ни на ту действительность, которая окружает нас, ни на ту историческую действительность, которая воссоздана наукой на основании различных исторических источников. Эпос не оторван от действительности и не противопоставлен ей; эпос отражает жизнь. Но тот мир, с которым мы сталкиваемся в былинах, не есть «натуральное», эмпирически достоверное отображение жизни: он представляет собою художественно преобразованную, поэтически воссозданную действительность — сплав реального и фантастического, «правды» и яркого вымысла. Этот мир может быть назван *эпическим*, поскольку он — как художественное целое, как система — принадлежит эпосу. В нем живут и действуют необычные, *эпические* герои; в нем совершаются необыкновенные, *эпические* события; реальные понятия о времени, о пространстве, об отношениях между людьми, реальные представления о вещах и явлениях здесь смещены, они приобретают тоже *эпический* характер.

Что же представляет собой эпический мир, в который вводят нас былины? В его изображении причудливо соединяются самые фантастические представления, подчас очень древнего характера, с историческими впечатлениями русского средневековья и, частично, более поздних эпох. При этом мир фантастический (или полуфантастический) и мир реально-исторический предстают как одинаково достоверные; оба эти мира в былинах взаимосвязаны и непрерывно общаются между собой. Мир реальный — это Русская земля. Русь неизменно является основной ареной происходящих событий в боль-

¹ Слово «эпос» имеет в теории литературы и другое, более широкое значение: эпос — это повествовательный род литературы (в отличие от других родов — лирики и драмы), основными видами которого являются роман, повесть, рассказ и т. д. В настоящей книге слово *эпос* будет употребляться только в первом, более узком значении.

шинстве былин. Действие совершается чаще всего вокруг Киева или Новгорода, но часто называются и другие города: Чернигов, Ростов, Муром, Галич, Рязань; среди рек чаще всего упоминаются Днепр, Волхов, Дунай. Уже этот перечень географических названий показывает, что в былинах изображается домосковская Русь, Русь X—XIV веков. Русские города и Русская земля в целом даются в эпосе предельно сжато, но вполне достоверно. Здесь нет развернутых картинных описаний, но в ходе повествования перед нами открываются отдельные конкретные реалии, воссоздающие обстановку старой русской жизни: княжеские терема и церкви в Киеве, торговые ряды в Новгороде, мосты через Волхов, суда на Ильмень-озере; города, окруженные стенами, в углах которых построены башни, и т. д. Не знают былины и пейзажных описаний, но они воссоздают вполне определенный образ Русской земли. Этот образ, при всей его лаконичности и обобщенности, производит большое художественное впечатление. Эпос пронизывает ощущение неизмеримости просторов Русской земли, безбрежности ее полей, нескончаемости ее дорог, обилия дремучих лесов и широких рек.

Русь в былинах окружена множеством других земель. В изображении их соединяется действительность с фантастикой, какие-то (самые общие) реальные исторические и географические представления переплетены с типичными для средневековья представлениями о чудесных странах. Наименования земель в былинах нередко чисто условны, с этими наименованиями далеко не всегда связано реальное содержание. Иногда былина ставит в одном ряду земли, очень далекие одна от другой. Например, Дюк Степанович выезжает

Из славного города из Галича,
Из Волян-земли богатая,
Из той Карелы из упрямыя,
Из той Индии богатая. . .

Когда мы находим в былинах такие названия, как земля Индийская, Литовская, Половецкая, Карела и т. п., мы не должны думать, что речь идет обязательно об исторической Индии или об исторической Литве. Характерно, что когда герой попадает в какую-нибудь из этих стран, он неизменно встречается там. . . с татарами. В образе чужой земли, как бы она ни называлась в каждом отдельном случае, предстает обычно государство, враждебное Руси. Естественно, что это государство находится под властью татар: весь русский эпос проникнут идеей борьбы с татарами. Другие народы в былинах упоминаются очень редко, и в этих упоминаниях много неясного, реальное смыкается с нереальным (чукши и калмыки, алюторы и черкесы, сорочины и т. д.).

Герои эпоса с народами чужих земель, по существу, не соприкасаются, они неизменно сталкиваются с их правителями и вступают с ними в борьбу как с врагами Русской земли.

Конкретные пространственные представления в былинах отсутствуют: где и как далеко расположена та или иная земля, в каком направлении к ней надо добираться, как велика она, — всего этого эпос, как правило, не знает. Но герой никогда не затрудняется выбором пути: пространства, отделяющие искомую землю от Руси, он преодолевает со сказочной быстротой и легкостью.

Все сказанное проливает отчасти свет на характер того мира, который изображается в былинах и который может быть назван миром эпическим. Не менее показательны также особенности сюжетосложения и изображения людей в былинах.

Былинные сюжеты в своей основной массе отличаются большой долей условности и наличием значительной доли фантастики. Было бы грубой ошибкой считать эти сюжеты плодом чистого вымысла, имеющим к действительности самое отдаленное отношение. Все сюжеты эпоса связаны с действительностью и отражают ее, но эти формы отражения глубоко своеобразны, так как обусловлены определенным художественным мышлением. Главным содержанием эпоса является борьба народа с теми силами, которые враждебны ему, которые олицетворяют старое, отживающее, которые угрожают его нормальной жизни. Но народа в прямом смысле в былинах нет; нет здесь и реалистических образов представителей различных слоев народа. Сила народа, его героизм, его исторические функции воплощены в образах богатырей, в богатырских подвигах. Что касается враждебных сил, то они в былинах представлены различно. В ряде случаев — это чудовища, фантастические существа (Идолище, Тугарин, Змей, Соловей-разбойник); в других случаях это вражеские, чаще всего татарские, цари и царевичи, короли и королевичи, окруженные полчищами воинов. Борьба против иноземных захватчиков изображается в былинах как поединок богатыря с несметными татарскими полчищами. Картины уничтожения татар в былинах целиком фантастичны.

Если обратиться к сюжетам, в которых нет воинского содержания, то и в них можно обнаружить немало условного и фантастического. Содержанием ряда былин является женитьба героя, и совершается эта женитьба всегда необыкновенно. Соловей Будимирович приезжает в Киев издалека; под окнами племянницы князя Владимира Забавы Путятичны он строит в одну ночь сказочный дворец. Дунай побеждает встретившуюся ему в поле богатыршу, силой доказывает свое превосходство над ней, и она становится его женой. Михаил Потык и Иван Годинович женятся на колдуньях — представительницах

иною, неземного мира. Садко женится в морском царстве на девушке, которая, по-видимому, олицетворяет реку Волхов. Очевидно, что в этих и в других сходных эпических историях далеко не все «выдуманно»: они отражают, с одной стороны, древние мифологические представления, а с другой — воспоминания о формах брака в родовом обществе.

Былины говорят нередко и об общественных и личных столкновениях. Эти столкновения — жизненные социальные и бытовые конфликты — воспроизводятся, как правило, опять-таки в вымышленных сюжетах, в которых значительна доля фантастики и эпической условности.

Подобно тому как борьбу народа против внешних врагов олицетворяет в эпосе герой-богатырь, так и социальные столкновения народных масс с господствующими сословиями, с княжеской властью, социальный протест народа выражается в действиях только одного героя. Он ведет борьбу с князем, и борьба эта изображается по-эпически. Очевидно, эпически условен тот спор, который затевают князь Владимир и Иван Гостиный сын, — чьи кони лучше. Развязка же этого спора фантастична: Бурушка, конь Ивана, узнав о беде, случившейся с его хозяином, выручает его тем, что распугивает княжеских жеребцов (былина «Иван Гостиный сын»).

Нередко развитие сюжета определяется тем, что окружающие героя персонажи эпически наивны и простодушны. Жена Ставра, чтобы выручить своего мужа, является в Киев под видом жениха или татарского посла. Князь Владимир ни о чем не подозревает, но его племянница (либо сама княгиня) догадывается, что приехавший «жених» — женщина. Князь Владимир пытается установить, кто же перед ним — мужчина или женщина; средства, к которым он прибегает при этом, допустимы только в эпосе или в сказке (см. былинку о Ставре Годиновиче). Весь сюжет строится на том, как жена Ставра ловко отражает все попытки князя Владимира узнать правду и одурачивает его.

Вообще люди в былинах ведут себя далеко не так, как в жизни. Им присущи необычные поступки, необычные реакции на происходящее вокруг них. Садко, чтобы спасти свои корабли от бури, опускается в морское царство; князь Владимир, накинув на одно плечо шубу, бежит в кабак, чтобы просить Ваську-пьяницу помочь спасти Киев от татар; на пир к князю Владимиру может явиться кто угодно, и каждый получит место за столом соответственно своему званию.

В сюжетах былин, своеобразных, не всегда легко разъяснимых в целом или в каких-то своих частях, заключено глубокое обобщение тех или иных явлений жизни.

Глубокое своеобразие эпоса как специфической формы искусства

проявляется в изображении людей. И здесь действительное и фантастическое, реальное и условное неразделимы. Очень ясно можно увидеть эти особенности на центральных образах русского эпоса — образах богатырей. Богатыри наделены колоссальной внешней силой, в которой как бы сконцентрирована «гигантская сила коллектива».¹ Богатырь обычно вооружен палицей весом в сорок, в девяносто пудов; его лук с трудом несут десятки людей; он пьет вино ведрами; он один способен уничтожить несметные вражеские силы; сошку, которой пашет Микула Селянинович, не в силах поднять вся дружина Вольги; Святогор так тяжел, что его не держит земля; Илья Муромец ощущает в себе силу, достаточную для того, чтобы повернуть землю. Можно было бы думать, что герои, наделенные такими физическими качествами, должны выглядеть, как чудовища, и мало походить на обыкновенных людей. Между тем это совсем не так. Богатырской силой владеют в былинах самые нормальные люди, мало чем отличающиеся внешне от окружающих. Эту особенность русского эпоса тонко уловил художник В. Васнецов, давший вполне реалистические изображения богатырей. Но для эпоса никакого несоответствия между внешней обыкновенностью богатыря и грандиозностью его силы нет. В эпосе внешне необычны, чудовищны, фантастичны образы врагов. Соловей-разбойник сидит на семи дубах; у Идолища голова — как пивной котел, руки — как граблища; Тугарин обладает крыльями и может летать; наконец, эпос знает образ летающего змея, который, однако, разговаривает человеческим языком и совершает человеческие поступки. Когда богатырь оказывается рядом с одним из этих чудовищ, он выглядит маленьким и беспомощным. Но именно он одерживает победу, и победа эта, на первый взгляд неожиданная, вытекает из всей концепции эпоса: человеческое в былинах всегда торжествует над всем, что чуждо и враждебно людям.

Внутренний облик богатырей, психологическое содержание их образов, как и их внешность, характеризуются подлинной человечностью. Но эпос по-своему, не так, как другие виды искусства, изображает этот внутренний мир людей, раскрывает их переживания и чувства. Эпическим героям в большей степени, чем, скажем, героям сказок, свойственны раздумья, психологические реакции на увиденное и пережитое, свойственна углубленная внутренняя жизнь. Но эта жизнь в былинах не раскрывается средствами психологического анализа, чуждого самой природе эпоса. Былина, как правило, не описывает душевных переживаний героя, не углубляется в процесс внутренней его жизни; она показывает проявление страстей героев, раскрывает

¹ М. Горький. Разрушение личности. «О литературе. Литературно-критические статьи». М., 1953, стр. 48.

как бы *конечный результат* работы их мысли. Характеры героев проявляются в поступках, в действиях, а не в лирическом самораскрытии и не в пространственных психологических характеристиках от третьего лица. Глубочайшая человечность эпоса проявляется в том, что поток разнообразных страстей, сплетение противоречивых чувств, резкие столкновения характеров передаются в предельно сдержанной форме.

Поступки героев в былинах естественно вытекают из их отношения к происходящему, они обусловлены жизненными обстоятельствами и психологическими состояниями. Но эпос всегда повествует о поступках, о действиях и далеко не всегда раскрывает их жизненную и психологическую первооснову. Герои часто не объясняют, почему они поступают именно так, а не иначе (и это не всегда ясно из самого повествования), однако упорно стремятся к намеченной цели. В былине «Добрыня и Змей» богатырь едет к реке. Мать просит его не купаться в Пучай-реке, не встречаться со Змеем, так как это грозит ему гибелью. Однако Добрыня, вопреки просьбам матери, нарушает запрет. В итоге он бьется со Змеем и побеждает его. Поведение матери психологически вполне понятно: она знает о существовании Змеинного царства и о том, что все, кто попадают туда, гибнут. Она хочет уберечь сына. Поведение Добрыни может быть понято только в свете более широких эпических представлений. Добрыня — герой новой эпохи; он не верит в предначертания судьбы, но верит в свои силы. Добрыня убежден, что от зла, как бы ни было оно сильно, нельзя прятаться, со злом надо биться. В Добрыне, в данном случае, проявляются черты народного героизма — непреклонная решимость, готовность к борьбе, к прямой встрече с опасностью. С той же самой ситуацией мы сталкиваемся в былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Богатырь оказывается на распутье трех дорог: одна сулит ему богатство, другая — женитьбу, третья — смерть. Илья без промедления едет по той дороге, где ему «убиту быть», и побеждает Соловья-разбойника. За этим эпизодом мы ощущаем огромное обобщение, связанное с переломом в мировоззрении народа. Герой разрушает старые понятия о неизбежности исполнения предсказанного; своими действиями он утверждает, что победа возможна и неизбежна вопреки роковым предначертаниям.

Образы Ильи Муромца и Добрыни Никитича в описанных ситуациях, как и во многих других, вырастают до степени гигантских исторических обобщений. При всем том былины дают предельно сжатое, лишенное каких-либо психологических подробностей, описание событий; в центре этого описания — действия героев, их поступки, за которыми скрыто большое жизненное и психологическое содержание. Примеры можно было бы умножить, ими полны эпические сюжеты,

Трагичен сюжет былины «Бой Ильи Муромца с сыном»: отец и сын, не зная друг друга, встречаются на поле боя и бьются с ожесточением. Борьба завершается тем, что Илья вынужден убить сына. В данном случае нас интересует не генезис этой сложной былины и не ее содержание (см. примечание к былине). Для нас важно, что былина почти не касается тех внутренних психологических побуждений, которые руководят обоими героями в их столкновении. Лишь тщательный анализ, сличение всех имеющихся вариантов между собою, сопоставление былины со сходными иноземными сюжетами позволяет понять, что в своем жестоком стремлении убить отца Сокольник руководился чувством обиды «незаконнорожденного», «заугольника», а Илья Муромец сначала встречает его как сына, о существовании которого знал, но которого никогда не видел, а затем расправляется с ним, как с существом вероломным и злобным.

Все сложное и противоречивое поведение Михаила Потыка по отношению к жене-колдунье может быть понято лишь при учете того решающего обстоятельства, что Потык любит свою жену, хотя эта любовь колдовского происхождения. Лишь освобождение героя от колдовских чар раскрывает ему глаза на истинное положение вещей, и тогда он убивает жену, обретая свободу. Но о том, что Потык любит Марью Лиходеевну, былина почти никогда не говорит.

Сюжетов, в которых большую, а иногда и решающую роль играют непримиримые столкновения страстей, психологические конфликты, в русском эпосе немало.

Любой былинный герой — носитель определенных народных представлений — всегда персонаж ярко индивидуальный. В одних и тех же ситуациях различные персонажи ведут себя по-разному, в соответствии с присущими им особенностями характера. Там, где Алеша Попович действует грубо и неумело, Добрыня Никитич проявляет обходительность, вежество; там, где другие богатыри отступают перед превосходящими их силой противниками, Илья Муромец решительно вступает в борьбу и наносит им поражение. Только самому поверхностному наблюдателю герои эпоса могут показаться на одно лицо. На самом деле каждый из них своеобразен и неповторим, хотя многое их роднит друг с другом.

Обычная, наиболее часто встречающаяся в эпосе форма передачи различных психологических состояний героев — радости и горя, гнева и спокойствия, влюбленности и ревности — изображение внешнего, физического проявления тех или иных чувств. Испуганный свистом Словья-разбойника князь Владимир «окарачь ползет»; он же, рассерженный непочтительным отношением к его послу со стороны чужеземного царя, «рвет свои русы кудри и бросает их о кирпичат пол».

Царь Саул, обрадованный встречей с сыном, «берет его за руку за правую и целует его во уста сахарные».

Не редко о том или ином душевном состоянии героя былина говорит устоявшейся эпической формулой: «Тут ему за беду стало, за великую досаду показалось»; «Тут ласковый Владимир-князь закручинился»; «Взяло Добрыню пуще вострого ножа по его по сердцу богатырскому»; «И тут Калину-царю за беду стало». Одни и те же формулы, варьируясь, применяются к персонажам совершенно различного социального положения и, казалось бы, разной психологии, к героям, попадающим в различные обстоятельства. Формулой «за беду стало», например, определяется и состояние Добрыни, решившего, что голуби на тереме у Маринки смеются над ним, и Калина-царя, узнавшего, что Василий Игнатьевич убил его зятя, и князя Владимира, которому Иван Годинович сообщил об отказе отдать свою дочь за русского богатыря.

Так своеобразная черта былинной поэтики — широкое применение устойчивых эпических выражений при различных описаниях, характеристиках, переход из одной былины в другую так называемых «общих мест», которые придают эпической стилистике такое яркое единство, — постоянно обнаруживается и в области психологических характеристик былинных героев.

В передаче подробностей «биографии» героев, обстоятельств их жизни есть также много своеобразного, встречающегося только в эпосе (или в сказках). Многое здесь относится к области необычайного, прямо чудесного. Так, с помощью чуда получает силу Илья Муромец. Согласно одному сюжету, здоровье и сила приходят к нему через питье, которое подносят ему странники («Исцеление Ильи Муромца»). По другому сюжету — Илье передает силу умирающий Святогор. У Самсона-Святогора сила заключена в волосах. Илья Муромец знает, что смерть ему в бою «не писана». Некоторые герои вырастают и обретают силу с необычайной быстротой: к пятнадцати годам Волх Всеславьевич становится могучим богатырем. Волх же рождается чудесным образом — от лютого змея; в момент его рождения дрожит земля, трепетом охвачена вся природа. Богатыри иногда обладают особой силой видения — их нельзя обмануть или погубить с помощью обмана. Таков, например, Илья Муромец, разгадывающий козни царевны-колдуньи («Три поездки Ильи»). Богатыри редко погибают, и смерть их всегда трагична и величественна; из их крови образуются реки («Дунай», «Сухман»).

Возраст богатырей, всегда устойчивый, по существу очень условен. Он столь же неизменен и постоянен, как и многие другие «общие места» эпоса. Илья Муромец всегда описывается как «старый бо-

гатырь», «старый казак». Таким он выступает уже в былине о Соловье-разбойнике, хотя в былине, предшествующей ей сюжетно — об исцелении, ему только тридцать три года. Напротив, Добрыня всегда фигурирует с эпитетом «молодой», молодым он остается (как и его жена Настасья), когда возвращается домой после двенадцатилетней отлучки («Добрыня, его жена и Алеша»). Заметим здесь, что Добрыню по возвращении никто не узнает дома, даже мать. Момент неузнавания обычен в былинах, — и даже в ситуациях, где нет такого большого перерыва во времени. Не узнает, например, Алешу его слуга Еким, хотя они только что перед этим расстались. Очевидно, что перед нами еще одна «загадка» эпоса.

Итак, былинные герои, будучи самыми обыкновенными людьми, в то же время во многом необыкновенны. Очевидно, в образах богатырей отложились весьма архаичные представления о героях, которые наделены через посредство чудесных сил особыми качествами.

Но русский эпос принадлежит эпохе классового общества и государства, поэтому его герои, генезис которых подчас связан с древними мировоззренческими истоками, действуют в исторической обстановке. Их «биографии», их подвиги связаны с жизнью государства. Рядом с чертами архаичными, рядом с чертами общечеловеческими в них очень сильно выявлены черты исторических героев, живущих в определенных социальных условиях. Отсюда — многие богатыри связаны в своем происхождении с определенными местами, хорошо известными древней Руси: Илья родом из города Мурома, из села Карачарова; Добрыня — из Рязани; Алеша — из Ростова; Дюк — из Галича; Васька Буслаев — из Новгорода и т. д. Быть может, в этих приурочениях есть следы того, что данные герои были когда-то местными, племенными героями и в определенных условиях стали героями общенародными. Но главное, в чем выразился «историзм» образов богатырей, — это в том, что деятельность их оказалась связанной органически с историческими центрами древней Руси. Как бы ни были архаичны по своим истокам образы Садко или Васьки Буслаева, их невозможно уже представить вне Новгорода, вне своеобразной общественной и бытовой жизни этого города. К каким бы древним основам ни возводили мы образы Ильи Муромца или Добрыни Никитича, но герои эти принадлежат Киеву и эпохе борьбы с татарским нашествием.

Сложность, своеобразное художественное богатство образов русских богатырей определяется тем, что они слагались, формировались как законченные и монументальные обобщения в течение не только ряда веков, но и нескольких общественных формаций, прежде всего — эпохи первобытно-общинного строя и эпохи феодализма. Художественное развитие этих образов не завершилось полностью в условиях

русского средневековья, но захватило и более поздние периоды народной жизни.

Особенности поэтики эпоса очень наглядно сказались в изображении того материального мира, который окружает былинных героев. Изображение предметов, различных бытовых деталей составляет неприменную и заметную часть былинного повествования. Описания касаются жилища, убранства комнат, обстановки, утвари, предметов хозяйствования, охоты, промыслов. Описываются постоянно детали одежды, вооружение, снаряжение. В пределах одной отдельно взятой былины подобных описаний не так много и они не дают цельной картины, но в совокупности эпос дает их очень много и они определенным образом характеризуют былинную поэтику.

С одной стороны, абсолютное большинство предметов, которые называются или изображаются в былинах, исторически вполне достоверно; эти предметы не выдуманы, они действительно существовали и служили людям древней Руси. В былинах подробно изображается оружие, причем эпос знает только холодное оружие — стрелы и луки, копья, палицы. С той же подробностью описываются снаряжение боевого коня, богатырское платье. В некоторых былинах особенно детально описаны жилища, внутреннее убранство комнат и т. д. Знают былины и описание орудий труда (сошка в былине «Вольга и Микула»), предметов домашнего обихода, предметов торговли и т. д. Бытовая достоверность многих из этих описаний установлена исследователями. Иногда в этой достоверности видят проявление реалистичности эпоса. Однако реалистичность не может быть сведена к бытовому правдоподобию. Что касается изображения вещей, то главное состоит не в том, что они есть в былинах, а в том, как и в каких целях они здесь изображаются.

Основная тенденция в изображении предметов заключается в постоянной их идеализации, в приукрашивании их качеств, материала, из которого они изготовлены, в преувеличении их красоты, стоимости, возможностей их действия. Поражает в эпосе обилие дорогих, красочных, редких по красоте вещей. Предметы домашнего обихода, одежда, оружие, снаряжение — всё это изготовлено из самого прочного и дорогого дерева, из золота и серебра, из самых драгоценных мехов, украшено позолотой, резьбой из моржовой кости, доставлено из-за моря, стоит огромных денег. Иногда говорят, что эта роскошь отражает реальные наблюдения над бытом бояр, князей, купцов. Однако это далеко не так. Богатый вещный мир эпоса отражает прежде всего художественные идеалы народа. Богатство и красота снаряжения, одежды, оружия характеризуют обычно героев эпоса — богатырей, служат средством их эпической идеализации. Прекрасные своими моральными

качествами, своим героизмом, былинные герои прекрасны и внешне. Эпически-условный характер той красоты и великолепия, какие отличают вещи, принадлежащие богатырям, легко открывается во многих случаях. Роскошный наряд Ильи Муромца иногда включает и такую деталь, как лапти, сплетенные из семи шелков, между которыми вплетены камешки самоцветные. На сошке Микулы Селяниновича иногда обнаруживается очень дорогая резьба. Стрелы Дюка, струганные из заморского тростника и оперенные перьями какого-то необыкновенного орла, вдобавок еще украшены самоцветными камнями, которые ночью блестят от лунного света.

В былинах описание предметов никогда не имеет самостоятельной цели, вещь включается в повествование постольку, поскольку она нужна по ходу действия. Так, в гридне Владимира будут описаны столы и скамьи, за которыми сидят пирующие, угол с иконами, которым молится входящий, печка, на которую забирается пришедший богатырь; гораздо подробнее будет описан двор Дюка, но это потому, что в описании богатства и роскоши жизни этого персонажа заключается содержание былины. Но мы, например, почти ничего не знаем о том, где живут богатыри, как выглядят их дома и т. д. Создается впечатление, что у Ильи Муромца и у Алеши Поповича, после того как они покинули родные места, один — Муром, а другой — Ростов, вообще нет дома.

Предметы нужны в эпосе не сами по себе, не для придания повествованию бытового колорита или большей достоверности. В мире эпических героев и эпических событий они сами приобретают эпический характер и получают особую силу выразительности.

Содержание, идеология, образы эпоса, общие принципы его отношения к действительности отличаются исключительным единством. Этому внутреннему единству полностью соответствуют цельность и законченность поэтики былин (принципы композиции, стилистика, стих). Поэтика былин — результат многовековой коллективной работы. Когда эта работа завершилась, мы не знаем. Но очевидно, что основные принципы былинной поэтики столь же древни, как и содержание и образы эпоса. Следует иметь в виду, что поэтика былин — явление сложное по своим историческим корням и предпосылкам. Форма эпоса рождалась одновременно с его содержанием; форма создавалась ради выражения эпического содержания, и понятно, что она не могла не определяться, помимо всего прочего, уровнем и спецификой художественного мышления коллектива определенной эпохи. Формы эпоса творились тогда, когда не было еще ни форм литературных, ни многих позднее возникших форм фольклорных. Поэтика былин в целом ряде своих особенностей обусловлена устной природой эпоса. Былины со-

эдавались устным путем и жили, передаваясь из уст в уста. Отсюда, в частности, идет устойчивость и повторяемость многих элементов былинной поэтики.

Сюжетная сложность и внутренний драматизм былин воплощаются в строгих рамках предельно простой и ясной композиции. Русскому эпосу присуще единообразие композиционных принципов. Некоторые былины начинаются с запева, прямо не связанного с сюжетом, но связанного с ним внутренне. Классическими могут считаться запев в былине о Соловье Будимировиче («Высота ли, высота поднебесная») или запев о турах в былине «Василий Игнатьевич и Батыга». Чаще же всего запева нет, и былина открывается зачином, который прямо вводит слушателя в обстановку действия и знакомит с основными персонажами. Зачины по своему типу и по стилистическому оформлению сравнительно единообразны, они переходят из былины в былину (пир у князя Владимира; начало вражеского нашествия; выезд богатыря из дому; встреча в чистом поле). Завязка конфликтов совершается быстро, и дальнейшее повествование идет с большой экспрессией, не прерываясь ни посторонними описаниями, ни вставными эпизодами, ни отступлениями. Единство и последовательность сюжетного повествования — один из законов поэтики эпоса. Движение сюжета связано всегда с одним центральным персонажем. Эпос не знает расщепления сюжета на несколько самостоятельных линий. В былинах не может совершаться одновременно несколько действий. Повествование никогда не возвращается назад, не уходит в сторону от основной линии и идет в рамках единого времени. В былине может быть очень много эпизодов, но все они связаны между собой во временной последовательности. Былина заканчивается, когда наступает развязка конфликта. Случаи, когда бы повествование продолжалось за пределами развязки, весьма немногочисленны и общей картины не меняют. Иногда былина завершается поэтической концовкой, обычно очень краткой и к содержанию былины ничего по существу не прибавляющей.

В различных былинах есть сходные ситуации, сходные действия персонажей. Так, часто события совершаются на княжеском пире; богатырю нередко приходится готовиться к дальней поездке, седлать коня, готовить оружие; встречи персонажей в поле, в доме, знакомства, приезд и отъезд, прощания и т. д. — всё это не раз повторяется в различных сюжетах. Существенной особенностью былинного повествования является то, что каждый из этих повторяющихся мотивов получил свое установившееся стилистическое выражение, общее для эпоса в целом. Во всех былинах княжеский пир описывается примерно одинаково, в сходных формах, в единообразных характеристиках. То же самое относится к описаниям богатырской поездки, седлания

коня, к описаниям снаряжения, стрельбы и т. д. Практика сказительского искусства XIX—XX веков показывает, что у каждого сказителя есть свой запас излюбленных эпических формул и характеристик, которые он, иногда почти не меняя, переносит из былины в былинку. Эти формулы и характеристики у разных сказителей различаются лишь в каких-то деталях, в подробностях, но в принципе они едины. Очевидно, что наблюдения над творческой манерой сказителей XIX—XX веков могут быть перенесены и на всю историю эпоса.

Говоря об особенностях былинной стилистики и стиха, надо отметить, что многие из них являются общими и для других песенных жанров старого русского фольклора. Но вместе с тем у былин есть своя стилистическая система, отнюдь не совпадающая со стилистическими системами, скажем, исторической песни или песни лирической. Поэтику жанра характеризуют не отдельные элементы, приемы, а совокупность этих приемов, место и роль каждого из них в общей системе.

Стилистическая система былин находится в полном единстве с их героическим содержанием и эпической формой в широком смысле. Эта система непосредственно связана с теми представлениями о действительности, о людях, о событиях, которые господствуют в эпосе; больше того, стилистика есть конкретное выражение этих представлений. В эпосе неизменно сталкиваются и борются два мира. Один из них дорог эпосу, он является предметом любви и воспевания; другой мир ненавистен, он подлежит уничтожению и развенчанию. Соответственно этому в эпосе живут два ряда героев: одни воплощают светлые идеалы народа, они окружены особым уважением и восхищением; другие — враги народа, с которыми идет непримиримая борьба, которых сопровождают презрение и ненависть. Добро и зло в былинах, лишенные какой-либо абстрактности, исторически и социально вполне определенные, есть категории, эстетически постоянные: добро не может стать злом, и наоборот. С этими представлениями в эпосе связаны неизменные и совершенно определенные стилистические характеристики явлений и героев. Эпос почти не знает характеристик нейтральных, противоречивых, двойственных.

Основное стилистическое средство характеристики в былинке — эпитет. Эпитету придается столь большая роль в былинах, что почти ни один персонаж, ни один предмет не называются без него. Былинные эпитеты обычно называют постоянными, так как они прочно прикреплены к данному лицу или предмету, и украшающими, так как многие из них как будто «приукрашивают» определяемое. Однако суть дела не в этом. Эпитет определяет прежде всего принадлежность предмета или лица к одному из противостоящих друг другу миров;

эпитет служит стилистическим средством выделения и воспевания всего, что принадлежит народному началу. Это может быть предмет из мира природы (белая березка, красное солнце, степь широкая, чистая), это русские города и все, что к ним относится (славный Киевград, славный Новгород, терема златоверхие, улочки широкие, божьи церкви), это, наконец, богатыри и все то, что связано с богатырями (добрый молодец, стар казак, дружина хоробрая, удаль богатырская, родна матушка, ретивое сердечушко, буйна голова и т. д.). С другой стороны, эпитет четко определяет отношение эпоса к миру враждебному. Обычный осудительный эпитет татар — поганый, эпитет татарского царя — собака. Столь же осудительный эпитет бояр — толстобрюхие.

Сложнее обстоит дело с Владимиром. Обычные эпитеты его — положительные (ласковый, красно солнышко), они сохраняются и тогда, когда повествуется о Владимире злом, вероломном, трусливом. Очевидно, эпитеты древнее тех сюжетных ситуаций, в которых князь рисуется в неприглядном виде. Перед нами пример того, как последовательное сохранение в эпосе выработанной стилистики вступает в противоречие с новым его содержанием. Такие примеры эпос знает не только в области эпитета. Это означает, что, при всем своем совершенстве, поэтика эпоса таит в себе и черты художественной ограниченности.

Употребление эпитетов связано в эпосе также и с отмеченной выше тенденцией изображать вещи, предметы высокого качества, особой ценности, красоты. Отсюда неизменные почти всегда эпитеты — добрый (конь), чистая (вода), цветное (платье), острая (сабля), белояровое (пшено), черкасское (седельце), шелковы (подпруги), золотые (стремена) и т. д. и т. п.

Роль эпитета в былинах особенно велика, потому что эпитет восполняет отсутствие более или менее развернутых описаний и характеристик, он несет на себе большую смысловую и эмоциональную нагрузку. Былины, например, не знают пейзажа. Но скупой эпитет заменяет пейзажные описания, помогая слушателю представить и дорисовать картину. Так появляются «тихие заводи», «чистые поля», «дороги прямоезжие», «темная ночь», «белый день» и т. д.

Эпитет в былинах, при всей своей внешней традиционности, повторяемости, устойчивости, по-настоящему эмоционален. Он вносит в эпическое повествование, часто неторопливое, внешне спокойное, подлинную экспрессию.

Близко к эпитетам, в некоторых отношениях, стоит употребление в былинах сравнений. Они также довольно определенно делятся на две основные группы, в зависимости от того, к какому кругу явлений

и к каким героям применяются. Но употребляются сравнения гораздо реже, чем эпитеты. Более употребительны так называемые отрицательные сравнения, которые не только ставят рядом изображаемые предметы, но и подчеркивают различие между ними:

Не белая заря занималася,
Не красно солнце выкаталось,
Выезжал тут добрый молодец,
Добрый молодец — Илья Муромец.

К эпитетам примыкают, по их стилистическому значению в тексте, и слова с уменьшительными, ласкательными или уничижительными суффиксами. Этим приемом эпос широко пользуется в именах собственных (Илюшенька, Добрынюшка, Дунаюшка, Авдотьюшка, Васенька, и, наоборот, — Идолище, Угарище, Вахрамеища, старец Пилигримище), в других наименованиях героев (чадышко, матушка, дядюшка, но — царище, собачище), в характеристике предметов и явлений (головушка, думушка, шапочка, шубонька).

Экспрессивный, в конечном счете, характер носят и речи персонажей; стилистически они построены таким образом, что не только ясно выражают смысл, но и раскрывают отношение говорящего. Следует указать, что русский эпос отнюдь не чужд элементов иронии, и ирония чаще всего сосредоточена в речах героев. Отрицательные персонажи в былинах совершенно лишены чувства юмора. Иронические реплики всегда принадлежат героям положительным, богатырям, и ирония обращена в адрес врагов. Эпос уже знает силу смеха и умеет ею пользоваться. Достаточно вспомнить, например, эпизод в былине «Илья Муромец и Идолище» (он есть также в былине «Алеша и Тугарин»), когда Идолище хвастает своей прожорливостью, а богатырь издевается над ним, предвещая ему судьбу коровы, лопнувшей от обжорства, или ироническое замечание Соломана («Соломан и Василий Окулович»), которого везут на казнь, по адресу сопровождающих его царя Василия, Соломаниды и Таракашки.

Выразительность слова в эпосе стоит на высоте настоящего большого искусства. Именно эта выразительность, эта предельная смысловая нагрузка, которая ложится на каждое слово, на группы слов, связанных по содержанию, позволяет былинам чрезвычайно экономными средствами добиться больших художественных результатов. Одним из важных приемов, способствующих этой выразительности, являются повторы:

Того ли то соболя заморского,
Заморского соболя ушистого,
Ушистого соболя пушистого;

Без бою, без драки, кровопролития;

Не для красоты, для ужюжества —
Для-ради крепости богатырския.

Эпос почти не знает употребления местоимений в целях разгрузки текста от повторения одного и того же слова. Напротив, в былинах такое слово будет настойчиво повторяться из фразы в фразу, из строки в строку, хотя контекст уже позволяет обойтись без него. Например, в одном варианте былины «Исцеление Ильи» слово «яндюма» (ендова) употреблено на протяжении восьми строк пять раз, а на протяжении тридцати четырех строк — четырнадцать; там же слова «родитель» и «родители» употреблены на протяжении тридцати двух строк — четырнадцать раз. Это для эпоса — система, принцип.¹

Нередко можно встретить в литературе утверждение о медлительности и спокойствии, всегда присущих былинному стилю. Однако в нем эти качества вовсе не являются преобладающими. Если у отдельных сказителей позднего времени можно найти тенденции к подробным, замедленным описаниям, кажущимся излишними, то это проявление индивидуальной манеры, вероятно характерное для позднего этапа жизни былин. В своих классических формах стиль русского эпоса отличается величавостью, но и динамичностью, неторопливостью в описаниях, но и экспрессивностью, живописным богатством и разнообразием, которые достигаются предельно экономными средствами. Ярчайший тому пример — тексты былин в «Сборнике Кирши Данилова», записанные в XVIII веке.

Существенную роль в поэтической системе эпоса играет стих. Это стих песенный. Он теснейшим образом связан с мелодикой былин, и его метрика не может рассматриваться обособленно. В тех случаях, когда былина перестает петься и просто рассказывается, былинный стих разрушается, эпическая песня переходит в прозаическую бивальщину.

Велика выразительная роль былинного стиха. Если единые композиционные принципы организуют былинку как художественное произведение в целом, придают ему законченность и стройность, то внутри былины, в отдельных ее эпизодах такую организующую роль выполняет стих, песенные строки и группы строк — строфы или строфемы. Простая и высокая организация былинных строф придает всему течению повествования особую гармоничность, плавность, сим-

¹ Большой материал по стилистике былин подобран и проанализирован в книге М. П. Штокмара «Исследования в области русского народного стихосложения». М., 1952, стр. 239—291.

метрию. Организация эта достигается средствами синтаксиса и морфологии. Это значит прежде всего, что все стихи, входящие в строфу, строятся по единой синтаксической схеме; это означает также, что в одних и тех же опорных местах стиха (в пределах строфы) будут появляться одинаковые морфологические формы. Кроме того, большую роль в организации строфы играют приемы анафор, повторов:

- Как Владимир-от князь по гридне-то похаживат,
А своима-ти русыма кудрями приростряхиват,
А белыма-ти ручками да прирозмахиват,
• А златыми-ти перстнями принашшалкиват.

Она скоро скочила на резвы ноги,
Чёботы обула на босу ногу,
Салоп одевала на одно плечо,
По крылечику спущалась полегошенько,
По улешке шла поскорёшенько.
У первого терема послухала,
В тоём тереме стучит-бунчит,
Стучит-бунчит, щелчит-молчит, —
Тут Соловьева золота казна.
У другого терема послухала,
В другом терему шепотком говорят, —
Тут Соловьева родна матушка.

Последний пример показывает, как беспрерывно меняется характер организации строф, как новые строфы связываются определенными приемами с предыдущими, как в повествовании эти связи усложняются, прерываются и вновь появляются.

Былинный стих знает рифму, но рифма эта особая. С одной стороны, она появляется как бы естественно, в результате синтаксической упорядоченности строфы (сравн. выше, первый пример); с другой стороны, эта рифма не всегда выявляется при чтении былин, но она совершенно определенно обнаруживается в исполнении, которое порождает специфические ударения (так, рифмуются конечные: по солнышкú — по месяцú). Былина знает рифму не только конечную, но и внутреннюю, знает она и другие виды созвучий — аллитерации, звуковые повторы. Другими словами, былинный стих есть порождение высокой песенно-поэтической культуры.

Эпос в целом, как явление словесно-музыкального искусства, отличается художественным совершенством. Разумеется, в отдельных

былинах не все совершенно, можно обнаружить немало частности, которые покажутся не вполне удачными в художественном отношении. Дело не в этом. Нельзя подходить к эпосу с критериями современной эстетики. У него свои художественные законы, своя эстетика. Многие в ней безвозвратно принадлежат прошлому. Известная характеристика, данная Марксом древнегреческому искусству, как искусству периода детства человеческого общества, вполне применима и к русскому эпосу и к его эстетике. Былины вырастали, когда словесное искусство русского народа переживало пору своего детства. В эпосе много наивного, много такого в показе жизни, людей, что заставляет думать о *первых шагах* поэзии. Но в этом искусстве, лишенном фальши, свободном от многих грехов, которые пришли к искусству позднее, в пору его зрелости, есть та большая правда и та высокая поэзия, та гармония большого содержания и совершенной формы, благодаря которым произведения эпоса «продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном смысле сохраняют значение нормы и недостижимого образца».¹

II

Сюжетный состав русского эпоса — в том виде, в каком он известен по материалам XVII—XX веков, — обширен и многообразен. Число сюжетов приближается к ста; характерной особенностью эпоса как жанра народного творчества является то, что каждая былина живет в многообразии вариантов, которые представляют различные версии единого сюжета; в этих вариантах отражается сложная жизнь былинного сюжета, который прошел через целые эпохи и подвергался большим идейно-художественным изменениям.

Сложность и многосоставность русского эпоса — результат многовековой его истории. Не только эпос в целом, но и отдельные сюжеты складываются в результате художественного творчества ряда эпох. В любой былине могут быть вскрыты черты более древние и более поздние; при этом они соединены не механически, но представляют сложное художественное целое. Понять это целое — значит понять идейный смысл былины, ее место в народном творчестве.

Вот почему ключ к пониманию эпоса как неповторимого явления

¹ К. Маркс. К критике политической экономии. Введение. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XII, ч. 1, 1933, стр. 203.

искусства, к раскрытию «загадок» его эстетики, к уяснению его значения — в его истории.¹

Проблема происхождения русских былин неотделима от более широкой проблемы — происхождения народного эпоса вообще. Анализируя эпические произведения народов, стоящих на разных ступенях общественного развития, В. Я. Пропп пришел к выводу, что эпос возникает, как правило, в условиях распада общинно-родового строя и рождения классового общества. Выделение и анализ наиболее архаичных по содержанию эпических сюжетов разных народов показывает, что всё это сюжеты героические, и пафос борьбы в них направлен против различных отживающих институтов и представлений родового общества. В частности, эпос направлен против мифологии как важной формы идеологии этого общества. Мифология является, выражаясь словами К. Маркса, «почвой и арсеналом» эпического искусства.² Но, черпая из мифологии, нередко опираясь на мифологические образы и сюжеты, представляющие собой первоначальную художественную обработку действительности, эпос содержит в себе отрицание понятий о мире и идеалов, выраженных в мифологии.

«Героем первобытного мифа является человек, но человек, первоначально мыслящий себя подчиненным тем силам природы, с которыми жизнь заставляет его вести борьбу, и пытающийся расположить их в свою пользу. По мере того как с хозяйственным и техническим прогрессом исчезает сознание подчиненности, в мифах появляются рассказы об активной борьбе человека с природой и ее олицетворенными в художественных образах силами. Тенденция этих рассказов по существу противоположна древнейшим основам мифа, уничтожает их и ведет к созданию нового вида народной поэзии — к созданию эпоса. Эпос рождается из мифа не путем эволюции, а из отрицания его и всей его идеологии. При некоторой общности сюжетов и композиции, миф и эпос диаметрально противоположны один другому по своей идейной направленности».³

Если в свете этих закономерностей, которые устанавливаются на широком сравнительном материале, обратиться к русскому эпосу, то можно сделать вывод, что хотя он в целом и относится к периоду развитого классового общества (Киевская Русь, эпоха татарского на-

¹ История русского эпоса исследована в последнее время В. Я. Проппом в книге «Русский героический эпос», изд. Ленинградского государственного университета, 1955. Основные положения этой книги разделяются автором настоящей статьи.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XII, ч. 1, стр. 203.

³ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 33.

шествия, эпоха формирования централизованного государства), но в нем обнаруживаются более древние истоки. Очевидно, что восточные славяне имели эпос задолго до образования русского государства, и некоторые черты этого эпоса могут быть восстановлены сравнительным путем.

В русских былинах есть следы генетической связи с мифологией. Очевидно, такие персонажи были, как Тугарин, Идолище, Соловей-разбойник, Змей, выступающие в эпосе, который относится к периоду развития феодальных отношений, в качестве *врагов государства*, на более ранней ступени истории эпоса представляли собой *мифологические чудовища*. В мифах эти чудовища — хозяева стихий, от которых во многом зависит судьба человека. В эпосе они осмысляются уже как ненужные и враждебные существа, которых герой уничтожает. Очевидно, что и герои, борющиеся с чудовищами — Илья Муромец, Добрыня, Алеша, — тоже имеют каких-то очень древних предшественников в эпосе первобытно-общинного строя и в мифе.

Другим проявлением древних истоков русского эпоса можно считать наличие в нем следов представлений о существовании двух миров — здешнего и потустороннего. Согласно мифам многих народов, в ином мире живут хозяева стихий; герой мифа отправляется к ним и получает от них какое-нибудь благо. В эпосе этот иной мир предстает обычно чужим, страшным и враждебным. Эпический герой либо вступает с ним в борьбу и разрушает его, либо, случайно попав в него, старается спастись и вернуться на землю.

Очень архаична в этом плане былина о Садко: бедный гусяр Садко получает богатство благодаря чудесной помощи подводного царя, обитающего в Ильмень-озере. Отправившись с товарами за море, Садко попадает на дно морское к морскому царю, откуда спасается чудесным способом. В русском эпосе есть и другие сюжеты, в которых мир реальный и мир фантастический (мифологический по своим истокам) стоят рядом. Михайло Потык, отправившись на охоту, попадает к «тихим заводям», которые представляют собой таинственные, колдовские места; здесь Потык встречает свою будущую жену, которая оказывается колдуньей, обитательницей иного мира. В былинке «Добрыня и Змей» изображается фантастическая река; она представляется огненной, ее струи несут пловцов к высоким горам, в которых живет Змей-Горынчище.

Однако в целом понятия о потустороннем мире в русском эпосе преодолены и забыты.

Связь с мифологическими представлениями первобытно-общинного строя обнаруживается вполне отчетливо в былинах о Волхе Все-славьевиче и о Святогоре, особенно в эпизодах рождения Волха, в

характеристике обоих богатырей, в эпизодах смерти Святогора, передачи им силы Илье Муромцу и т. д. Очень важно то обстоятельство, что Святогор, например, явно трактуется в былинах как герой прошлого, обреченный на неизбежную гибель.

Изучение эпоса доклассового общества у разных народов приводит к выводу, что большое место в нем занимает тема борьбы героя за основание и сохранение семьи. Все общественное значение этой темы станет ясным, если учесть, что моногамная семья, возникающая в недрах первобытно-общинного строя, становится, по словам Энгельса, «грозной силой», которая начинает противостоять роду и способствует разрушению старого строя.¹ Семья становится идеалом, борьба за нее — против сил, препятствующих ее созданию и укреплению, — героизируется.

Так, например, герой привозит невесту издалека, а не находит ее дома, и этот мотив, почти обязательный в эпосе, может быть объяснен обычаем родового строя — брать жену из другого рода (экзогамный брак). Добывание жены в эпосе представляется подвигом: герой иногда должен освободить ее от власти чудовища, похитившего ее; чудовище при этом уничтожается; нередко женщина сама оказывается связанной с иным миром. В эпических песнях о сватовстве действует не мифологический и не сказочный герой, наделенный даром волшебства, обладающий чудесными орудиями, вооруженный магическими средствами. Эпический герой борется, опираясь на свою силу, бесстрашие, мужество, на свои *моральные* качества. В этом герое возвеличиваются некоторые черты человека, составляющие идеал общества определенной эпохи.

В условиях зарождения классового общества, начавшегося разделения на имущих и неимущих, в обстановке первых военных столкновений эпический герой наделяется новыми качествами: он выступает как защитник обездоленных, как спаситель тех, кто попал в беду, и как доблестный воин. Добывание жены характерно для целого ряда русских былин. Заметим, что герой почти всегда находит для себя жену за пределами дома. В «Садко» невесты прямо связаны с морским царем, в «Михайле Потыке» и в «Иване Годиновиче» невесты принадлежат колдовскому миру. В некоторых сюжетах чудовища похищают женщин (Змей, Идолище); правда, тема сватовства здесь отсутствует.

Можно думать, что во всех этих случаях мы имеем дело с очень

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. М., 1948, стр. 295.

старыми эпическими представлениями и мотивами, которые вошли в более поздний эпос. Но вошли они сюда не механически, а получили совершенно новую трактовку.

Эпос первобытно-общинного строя не просто продолжается и развивается в новых исторических условиях, но и подвергается коренным преобразованиям. Меняется проблематика эпоса, меняются его идеалы, понятия о героизме, меняется его содержание. В обстановке феодального государства образуется качественно новый эпос.

Определить более или менее точно, какие именно из известных былинных сюжетов сформировались в этот период (то есть в X — начале XIII века, до начала татарского нашествия), — задача чрезвычайно трудная. Как уже говорилось, былины складывались в законченные произведения столетиями. Поэтому, не имея возможности сколько-нибудь определенно датировать тот или иной сюжет, мы должны стремиться обнаружить всякий раз исконную художественную идею данного сюжета и на основании этого определить время его создания.

В большинстве русских былин сюжеты концентрируются вокруг Киева и Новгорода, вокруг князя Владимира. Можно думать, что такой характер русский эпос, как эпос *государственный*, получил в период еще до татарского нашествия. Защита молодого русского государства от внешних врагов была делом народных масс. Понятно, что именно она в первую очередь героизировалась в эпосе. Русские богатыри, будучи связаны в своих художественных истоках с героями доисторического эпоса, стали героями историческими. Отныне в эпосе основным проявлением героизма стала борьба за благополучие всего народа, за независимость государства. В былинах эта борьба получила формы не реально-исторические, а эпические, художественно-вымышленные. Ранний героический эпос изображает не борьбу вооруженного народа с иноземными захватчиками — половцами, печенегами и т. д., а столкновение богатыря с чудовищем. Но чудовище это, фантастическое по своей внешности, вполне исторично по своим делам.

Идолище и Тугарин — это насильники, явившиеся в Киев откуда-то издалека; они ведут себя здесь как полновластные хозяева, бесцеремонно и нагло; они не считаются с властью князя Владимира, помыкают им и унижают его; больше того — в самом княжеском доме они находят себе своеобразную опору в лице княгини и бояр Такова неприглядная картина, которую рисуют былины в Киеве, захваченном врагами. Очевидно, что какие-то части и подробности этой картины являются результатом более позднего творчества. Но основа ее достаточно древняя. Несомненно, что в этих былинах изначальными

были мотивы вражеских насилий и княжеской беспомощности. Изначальным здесь следует признать и мотив появления героя, которому предстоит освободить Киев от врагов. Характерно, что в этих былинах и Илья Муромец, победитель Идолища, и Алеша, победитель Тугарина, не принадлежат еще к окружению князя. Оба они являются издалека, из глубины Руси, Владимир их не знает и в силы их не верит. Характерно, что когда Алеша объявляет о своем решении биться с Тугарином и закладывает свою голову, Владимир и бояре держат сторону Тугарина. Илья и Алеша здесь — носители народного героизма. Они сочетают в себе скромность и бесстрашие, внешнюю незаметность и внутреннюю силу; они не могут спокойно смотреть, каким унижениям и оскорблениям подвергается достоинство русских людей. Таким образом, в эпических сюжетах, еще рядом нитей связанных с доисторическим прошлым, получили мощное выражение новые идеи народного эпического творчества — патриотизм и зарождавшееся национальное сознание.

С еще большей силой эти идеи обнаруживаются в былине об Илье Муромце и Соловье-разбойнике.

В Соловье-разбойнике все фантастично, кроме внутреннего смысла его действий. Он преграждает дорогу к Киеву:

Прямоезжая дороженька заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела,
Серый зверь тут не прорыскиват,
Черный ворон не пролетыват.

В лице Соловья воплощаются в эпосе те темные антинародные силы, которые препятствовали объединению всех русских земель, установлению между ними прочных связей. Не обязательно видеть в Соловье-разбойнике эпическое изображение феодального князя. Образ этот — обобщение более широкого исторического плана.

Уничтожая Соловья-разбойника и тем самым освобождая дороги, веками закрытые, прокладывая путь к Киеву, Илья Муромец совершает великий подвиг. Подвиг этот — в духе героических представлений той поры, когда государство только созидалось, когда народ ощутил важность единства и за это единство вел борьбу. Герой выходит из гущи народной. Вначале он безвестен. На княжеском дворе над ним вначале смеются. Заключительная картина — распластавшиеся в страхе на земле князь и бояре и могучий Илья Муромец с побежденным им Соловьем-разбойником — представляет полное торжество народного героизма.

В раннем русском эпосе героизируется, однако, не только воинский подвиг, но и нечто не менее значительное — мирный земледельческий

труд. Переход к земледелию как основной форме производства был величайшим историческим событием. Но сам по себе этот переход еще не явился темой героического эпоса.

Былины героизируют не формы производства, но человеческие дела, поступки и поведение людей. В классовом обществе героизация носит классовый характер. Создав образ могучего пахаря Микулы Селяниновича, нарисовав поэтическую и величественную картину его работы, народный эпос раскрыл крестьянский труд как богатырский подвиг. Микула не только возвеличен сам по себе, он сопоставлен с князем и его дружиной, и это сопоставление оказывается явно в пользу Микулы.

Очевидно, к эпосу ранней феодальной поры относится группа былин, которые можно было бы условно объединить в цикл былин о сватовстве: «Михайло Потык», «Иван Годинович», «Соловей Будимирович», «Дунай». Выше уже говорилось об отражении в некоторых из этих былин мотивов и представлений, характерных для догосударственного эпоса. Основное же их содержание вполне характерно для русского эпоса X—XIII веков. Действие в них сосредоточено вокруг Киева. Истории с добыванием невесты так или иначе переплетаются в этих сюжетах с событиями государственного порядка: Дунай отправляется к чужеземному царю сватом от князя Владимира; не получив согласия царя, он забирает у него дочь силой. Михаил Потык получает вначале поручение собрать дань в чужой земле, затем его посылают в далекий поход. В борьбу с чужеземным царем вступает и Иван Годинович. Во всех этих былинах идеалы героизма, свойственные более раннему эпосу, подвергаются отрицанию. Добывание невесты перестает быть объектом эпического воспевания. Жены, добытые из другого мира, становятся причиной несчастий и трагедий для богатырей. Михаил Потык и Иван Годинович в конце концов убивают своих жен, которые обнаруживают полную враждебность миру русскому, миру человеческому. Жена Дуная — богатырша, укрощенная им, — казалось бы легко и быстро приобщается к новому для нее миру. Но между нею и ее мужем возникает конфликт, который оканчивается трагически и для них и для их сына. И только былина о Соловье Будимировиче, веселая, светлая, с большой долей юмора, лишенная трагического колорита, не осложнена мотивами борьбы с прошлым. Нет в ней совершенно воинских мотивов. Это одна из ранних бытовых былин, в которой на первый план решительно выступают *человеческие отношения*, отношения внутри общества, внутри семьи.

Новые черты русского эпоса очень наглядно выступают в таких былинах, как «Иван Гостиный сын», «Ставр Годинович», «Дюк Степанович», «Чурила», «Сорок калик» и некоторые другие. Нет основа-

ний видеть в этих былинах нечто совершенно единое в идейно-тематическом и художественном плане. Былины эти разные, во многом непохожие одна на другую, но есть в них и общие черты. Роднит их, в частности, то, что в былинах этих нет богатырей и богатырских подвигов, нет чудовищных персонажей и борьбы с ними. Здесь преобладает социально-бытовое содержание, и не без оснований эти былины определяют иногда как новеллистические. Конфликты в них завязываются на почве социальных и бытовых отношений; в них сталкиваются герои, представляющие разные социальные силы. Народная идея, пронизывающая весь эпос классового общества, — о превосходстве народного героя над представителями господствующих сословий, — эта идея воплощается в названных былинах по-своему: здесь нередко речь идет о прямом столкновении героя с князем и его окружением. Правда, это столкновение приобретает в былинах эпически-условный характер. Но важно, что разрешается оно всегда в пользу эпического героя и заканчивается не только поражением князя (либо кого-то из его близких), но и его осмеянием.

В некоторые новеллистические былины сравнительно широко входят мотивы сказок. Если более ранний эпос в сюжетном отношении постоянно соприкасался со сказкой и основой связей этих двух жанров была общность художественных источников (в том числе — мифология), то в эпосе периода феодализма сказки сами становятся одним из источников, питающих эпос. Используя сюжетные стороны сказки, эпос не воспринимает эстетику этого жанра, сказочные мотивы и образы в нем перерабатываются.

Спорным в науке остается вопрос о времени возникновения новгородских былин — о Василии Буслаеве и Садко. В сюжетах этих былин обнаруживаются очень древние поэтические следы (см. об этом выше), но в целом содержание их широко отражает социально-бытовые черты средневекового Новгорода. Историческая действительность может входить в эпос по-разному: она может обнаруживаться в виде элементов, играющих в былине второстепенную роль; но она может также проявляться в главном — в сюжете, в характере основного конфликта. Второстепенных историко-бытовых реалий, характерных для жизни Новгорода, в былинах о Садко и Василии Буслаеве немало, и они придают этим былинам неповторимый колорит. Но еще более важно, что самые конфликты в этих былинах, как и герои их, типичны именно для Новгорода. Нельзя представить их в Киеве или в каком-нибудь другом месте. Конечно, и в этих былинах реальные исторические и социальные конфликты получили эпическое выражение. Сложная жизнь Новгорода, полная острых противоречий, доходившая до открытой борьбы враждующих классовых группировок, предстает в

былине о Ваське Буслаеве в поэтическом изображении побоища богатырской дружины Буслаева с «мужиками новгородскими». В былине о Садко отразились не только торговое могущество и широкие экономические связи Новгорода, но и чаяния обездоленных масс новгородцев: бедный гусяр Садко с помощью чудесных сил обретает богатство и личную независимость; он добивается всего этого благодаря своему высокому искусству. Столкновение между различными социальными силами Новгорода выливается в былине в эпический спор между Садко и купцами.

Обзор основных сюжетов и тем, характерных для былин, создание которых с большой долей вероятности можно отнести к периоду развития феодальных отношений, показывает, что развитие эпоса в этот период шло в совершенно определенном направлении.

Во-первых, это был эпос классовый, эпос, отражающий борьбу классов и выражающий идеологию угнетенных классов, их чаяния, их идеалы героизма.

Во-вторых, это эпос государственный, в котором идея государственного единства, независимости, центральной княжеской власти звучит вполне отчетливо.

В-третьих, это эпос, в центре которого оказывается человеческая личность, личность, воплощающая в своем образе черты коллектива, но всегда наделенная своими индивидуальными качествами, психологически содержательная, социально-определенная.

В-четвертых, эпос складывается и развивается как специфическая форма искусства, со своими характерными методами и приемами отражения действительности, со своей поэтикой.

Огромную, можно сказать решающую роль в дальнейшем развитии эпоса сыграла вековая борьба русского народа с татаро-монгольскими завоевателями (XIII—XV века).

Татарское нашествие на Русь было страшным и опустошительным. Наступившее вслед за этим татарское иго легло тяжчайшим бременем на плечи народа. По словам К. Маркса, оно «не только давило, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой».¹ Из истории известно, что народные массы вели против татар упорную и самоотверженную борьбу, которая в конце концов увенчалась победой. Эпос показывает, как относился народ к захватчикам и какие идеалы владели им в годы нашествия.

Опустошения, произведенные татарами на русской земле, не могли убить народной культуры. Более того, борьба народа, его стра-

¹ К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII века. Цит. по изданию. История СССР, т. 1. М., 1939, стр. 174.

дания и испытания стали источником для развития народного искусства. Эту особенность отметил Н. Г. Чернышевский: «Не у всех младенчествующих народов есть прекрасная и богатая народная поэзия. Чем же обуславливается ее расцвет? Энергиею народной жизни. Только там являлась богатая народная поэзия, где масса народа... волновалась сильными и благородными чувствами, где совершались силою народа великие события».¹

Борьба за уничтожение татарского владычества на Руси принадлежала именно к таким «великим событиям», совершавшимся «силою народа», которые порождали «прекрасную и богатую народную поэзию», прежде всего — эпос. Поэтические отголоски этой борьбы буквально пронизывают весь русский эпос; то и дело они всплывают в различных былинах в виде отдельных мотивов, упоминаний, нередко — без должной мотивировки. О татарах певцы могут вспомнить в любом сюжете при самых неожиданных подчас обстоятельствах. Но есть в русском эпосе группа былин, содержание которых прямо и целиком посвящено борьбе с татарами. В эту группу входят «Илья Муромец и Калин-царь», «Василий Игнатьевич и Батыга», «Камское побоище», «Добрыня и Василий Казимирович», «Козарин» и некоторые другие. Сюжетов, относящихся к этой группе, не так уж много. Но, во-первых, они представлены рядом версий, которые довольно существенно отличаются иногда одна от другой, а во-вторых, эти былины пользовались широчайшей известностью в народе. Надо думать, что они были распространены повсеместно.

Былины о борьбе с татарами отличаются, по сравнению с эпосом Киевской Руси, более высоким историзмом, но следует помнить об эпических формах, в которые этот историзм отливался. Необходимо сразу же определить его границы и его характер. В былинах о борьбе с татарами нельзя искать откликов на какие-то конкретные факты истории, хотя отдельные имена персонажей могут быть соотнесены с историческими лицами (Батыга — Батый, Мамай и др.). В былинах не изображаются ни битва на реке Калке (1223), ни взятие Рязани (1237), ни Куликовская битва (1380). Здесь изображается в поэтически обобщенной форме *татарское нашествие*. В истории это нашествие дробилось на ряд конкретных событий, отделенных одно от другого промежутками в несколько лет, десятилетий и даже столетий. В былинах народные впечатления, трагический и героический народный опыт многих событий отлились в один цельный образ.

¹ Н. Г. Чернышевский. Рецензия на сборник Н. Берга «Песни разных народов». Полное собрание сочинений, т. II. М., 1949, стр. 295.

Между нашествием татар в XIII веке и уничтожением их владычества на Руси легли века страданий и борьбы, века ига. Эпос этого не знает. Об иге и различных его проявлениях эпос почти не говорит. В былинах нашествие врага сразу же встречает сокрушительный отпор и терпит поражение; былины заканчиваются бегством татар. Значит, историческая действительность отразилась в эпосе не столько в своем истинном виде, сколько в том виде, как хотел этого народ. Другими словами, рядом с правдой истории эпос выразил исторические стремления народа. В былинах нашествие заканчивается немедленным разгромом не потому, что так было на самом деле, а потому, что этого хотел народ, к этому он стремился.

С этой основной идейной особенностью былин о разгроме татарского нашествия связана и важная сюжетная их особенность. События здесь совершаются в Киеве, при князе Владимире. Это понятно с точки зрения истории эпоса: ко времени сложения былин о татарском нашествии, очевидно, характер русского эпоса как киевского уже определился. Но это понятно также и с точки зрения идеологии вновь созданных былин: Киев в них — не только и не столько исторический город, сколько эпический центр Русской земли, воплощение ее государственности, ее силы и красоты. Защита Киева как бы олицетворяет защиту всей Руси.

Историзм эпоса, посвященного татарскому нашествию, проявляется в первую очередь в том, как изображается враг, как осмысливается борьба с ним и как показано взаимодействие различных социальных сил в ходе борьбы.

Татары в былинах выступают не в виде фантастических чудовищ, но в своем реальном облике. Изображая появление татар, былины дают картины, исполненные поэтического величия и трагического пафоса; картины эти вместе с тем не противоречат истории. Окружение Киева хорошо организованными полчищами, требования к князю сдать город и полностью признать власть татар, ультиматумы, унижающие достоинство русских людей, похвальба татар — все это знакомо по летописным данным.

Высокий уровень народного сознания проявился в изображении русского лагеря. Сплоченным силам врага в эпосе вначале ничто не противостоит. Князь Владимир и его бояре оказываются неспособными организовать сопротивление. Они теряются, они напуганы, не знают, что делать, и готовы капитулировать.

В былинах не изображается феодальная раздробленность, однако картина, которая рисуется здесь, типична именно для этой эпохи. Князь Владимир, в сущности, не воплощает никакой власти и реально не располагает никакими силами. Отношение к нему — отрицательное,

Он не вызывает ни сочувствия, ни поддержки. За всеми этими эпическими обстоятельствами угадывается горький опыт народа, пережившего измены, трусость, неспособность к борьбе, эгоизм феодалов. Этот опыт соединился с идеализированными воспоминаниями о первых десятилетиях Киевского государства. Так сложился эпический образ князя Владимира, сотканный из противоречий и контрастов, из светлых и темных черт.

Князь Владимир обращается за помощью к богатырям. В былинах рассматриваемого цикла отношения князя и богатырей в момент нашествия нередко чрезвычайно напряжены. Иногда богатырей вовсе не оказывается в Киеве; иногда налицо один Илья Муромец, но он заточен самим князем в темницу; иногда выясняется, что богатырей нет при дворе, и Владимир вынужден искать их в городе. Во всех этих случаях имеет место либо прямо выраженный, либо подразумеваемый разлад богатырей с князем. Если вспомнить, что в былинах всякие отношения, в том числе и социальные, изображаются не прямо, а в эпической форме, то следует признать, что в данном случае перед нами эпическое изображение глубокого разлада между княжеской властью и народом. Создается впечатление, что времена, когда богатыри стремились в Киев, когда они служили князю Владимиру, остались в прошлом. Такая трактовка снова свидетельствует о возросшем историческом сознании творцов эпоса.

Владимир находит в конце концов богатырей, и они выступают на защиту Киева. Но разлад их с князем не исчезает, иногда он даже обнажается. В некоторых вариантах подчеркивается, что Илья Муромец идет против татар не ради спасения князя и княгини, а ради «матушки свято-Русь-земли». Патриотический пафос былин достигает здесь наивысшего выражения: народ как бы утверждает, что его борьба за родную землю не имеет ничего общего с защитой личности князя; борьба эта бескорыстна и самоотверженна.

Самое изображение битвы от начала до конца эпично. В былинах происходит не сражение, а уничтожение богатырем татарских полчищ. Повествование иногда осложняется эпизодами взятия богатыря в плен и т. д., а заканчивается оно картиной позорного бегства татар и победного возвращения богатыря. Некоторые сюжеты и в финале приобретают социальный характер (см. былинку «Василий Игнатьевич и Батыга» и примечание к ней).

В былинах об уничтожении татарского нашествия ярко проявился оптимизм народа, его вера в свои силы и возможности. В этом смысле былины эти представляют высшее достижение русского эпического творчества.

С другой стороны, в них видно и нарастание классовых противо-

речий и классовой борьбы. По-видимому, и в наиболее ранних героических былинах этого цикла по мере их дальнейшего художественного развития классовые мотивы всё усиливались, а во вновь складывавшихся былинах, позднее входивших в этот же цикл, они приобретали еще большую роль, нередко становились *ведущими*. Но процессы эти характерны уже для следующего периода истории эпоса.

Этот следующий период — время образования централизованного государства (XV—XVI века).

Разумеется, и этот новый период истории русского эпоса может быть представлен лишь в некоторых моментах и в значительной мере предположительно.

Распространенной в наше время стала точка зрения, что на период XIV—XVI веков падает окончательное формирование русского эпоса в том его сюжетном составе и в тех его художественных формах, в каких он известен по более поздним записям. Завершается процесс создания Киевского цикла. Время Киева осмысливается как «эпическое время», то есть как эпоха великих возможностей народа, эпоха богатырей и их героических подвигов.¹ Отныне почти каждый вновь возникающий сюжет неизменно включается в Киевский цикл, так или иначе применяется к «эпическому времени».

Основной идейно-художественной особенностью эпоса периода образования централизованного государства было то, что вновь возникавшие былины отражали действительность, новую проблематику, новые идеалы в традиционных эпических формах. По-прежнему события, описываемые в былинах, относятся к Киеву, по-прежнему в них действуют князь Владимир, княгиня Евпраксия, киевские бояре, богатыри, татары и т. д. Отступления здесь сравнительно редки и очень непоследовательны. Много знакомого можно обнаружить в новых былинах со стороны их сюжетного содержания: большую роль в развитии сюжетов по-прежнему играют мотивы княжеского пира, поручений, которые дает князь богатырям, богатырского выезда, встречи героя с вражеской силой и т. д.

Новый эпос не повторяет старого, ранее созданного и не является подражанием ему. Но этот новый эпос связан старыми формами; его художественные возможности ограничены; новое содержание действительности во всем его богатстве не может в этих формах выразиться.

¹ Русское народное поэтическое творчество, т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков. М.—Л., 1953, стр. 189—190 (глава написана Д. С. Лихачевым).

В народном творчестве начинает развиваться новый жанр историко-героической поэзии — историческая песня.

Мнения исследователей относительно того, какие именно былины созданы в XIV—XVI веках, значительно расходятся. Называются в числе их «Сухман», «Данила Ловчанин», «Наезд литовцев», «Хотен Блудович», «Добрыня и Маринка», «Дюк», «Вольга и Микула», «Исцеление Ильи», «Василий Буслаев» и другие. На наш взгляд, из этого ряда более или менее вероятно отнесение к указанному периоду лишь первых четырех былин. Остальные, может быть, гораздо старше по времени возникновения.

Очевидно, что в XIV—XVI веках продолжает возникать эпос воинский. Теперь это не только былины об отбитом татарском нашествии («Сухман»), но и былины о борьбе с литовскими князьями («Наезд литовцев»). Но рядом с воинской темой в эпосе начинает громко звучать тема социальная. Новые представления о героизме ярко проявляются в былинах о Сухмане и Даниле Ловчанине: оба богатыря оказываются в непримиримом конфликте с князем, оба гибнут, но в гибели их выражен протест против княжеского самоуправления, против несправедливости.

В ином плане социальная проблематика находит место и в былине о Хотене, где воинская тема вообще отсутствует и события приобретают характер бытового конфликта.

Вряд ли правомочно искать в былинах о Сухмане или Даниле Ловчанине какие-то конкретно-исторические отголоски (например, во второй былине — изображение нравов, характерных для Ивана Грозного и его окружения). Былины — не памфлеты, и действительность входит в них не намеками и не иносказаниями. В новых былинах отразилось обострение классовых противоречий и классовой борьбы, но отразилось оно в эпических формах: противоречия между народом и его угнетателями преломились в былинах в виде трагического конфликта богатыря с князем.

«Московский период» истории русского эпоса, по-видимому, вообще знаменуется усилением социальных мотивов в самых различных былинах, как вновь созданных, так и унаследованных от предшествующего времени. Это характерно и для «мятежного» XVII века.

Русский эпос, героический в своей основе, содержит немало таких мотивов и характеристик, которые прямо или косвенно несут элементы протеста и обличения, включают в себе свободолюбивые настроения.

Это выражается и в подчеркнуто отрицательной характеристике, в ряде случаев, князя Владимира и княгини, в насмешливо-пренебрежительном отношении к «боярам толстобрюхим». Очень наглядно со-

циальные представления, типичные для эпоса, проявляются в характеристике состава богатырей на заставе:

Гришка рода боярского,
Боярские роды хвастливые.
.
Алешенька рода поповского;
Поповские глаза завидущие,
Поповские руки загребущие.

Гневная отповедь, какую дает Алеша Попович княгине, вступившей за Тугарина («Чуть не назвал я тебя сукою, сукою да волочайкою»); выступление Васьки-пьяницы против киевских бояр; бунт Ильи против Владимира — всё это явления одного порядка, свидетельствующие о том, как в русском героическом эпосе постепенно накапливались социальные мотивы, как рядом с идеалами воинского служения родине начинали пробуждаться идеалы народной свободы и социальной справедливости.

Идеалы эти были подхвачены другими жанрами народной поэзии (исторические песни, песни «удалые» и др.).

III

В истории эпоса любого народа есть периоды его рождения, подъема, наивысшего расцвета и постепенного угасания. Периоды эти исторически обусловлены, они связаны с особенностями общественного развития народа, с изменениями в укладе его жизни, в быту, в сознании и культуре.

Рано или поздно наступает время, когда условия жизни народа больше не способствуют созданию нового эпоса и не поддерживают интенсивного существования эпоса, ранее созданного. Эпические песни, возникшие в прошлом, еще некоторое время живут в народе, их помнят и передают из поколения в поколение. Но постепенно они забываются, и эпос, как *живая устная форма* народного искусства, исчезает. Но он не исчезает как явление культуры. Записанные и изданные учеными, воспринятые и обработанные писателями, переосмысленные композиторами, художниками, произведения народного эпоса — целыми сюжетами, отдельными частями, образами, мотивами, идеями — вливаются в национальную культуру народа, усваиваются ею, становятся ее нераздельной частью. Так эпос народа обретает новую жизнь, становится бессмертным.

Нарисованная нами картина типична для заключительных этапов

истории эпоса самых различных народов. Но у каждого народа судьба эпоса складывается — в пределах общих закономерностей — по-своему.

Эпос русского народа вступил в заключительную стадию своего развития примерно в конце XVII века, то есть с началом развития капиталистических отношений в России. Рост капитализма, разрушавшего постепенно, но неуклонно старые устои народной жизни, с одной стороны, и усиление — вплоть до середины XIX века — крепостнического гнета, пагубным образом сказывавшегося, в частности, на народной культуре, с другой, — эти два основных социально-экономических фактора были определяющими для судьбы былины.

Процесс угасания русского эпоса шел медленно и неравномерно. Следует сразу же сказать, что самое понятие «угасание» в применении к эпосу нельзя отождествлять с деградацией, с вырождением. «Угасая», эпос в основных своих частях продолжал оставаться подлинным искусством, прекрасным и высоким, а отношение к нему среды, которая его знала и хранила, оставалось в полном смысле творческим. В условиях России, где веками сложившаяся народная жизнь менялась чрезвычайно медленно (особенно в некоторых районах), период «угасания» эпоса охватил несколько столетий. Наиболее интенсивно оно происходило в центре России, где к середине XIX века былины, по-видимому, полностью исчезли. В местах казачьих поселений (Дон, Терек, Нижняя Волга, Урал) былина была живым фольклорным жанром вплоть до начала XX века; но она здесь сильно преобразовалась, приняв форму хоровой песни, небольшой по объему, с сильно сокращенным (а чаще деформированным) сюжетом.

В XVIII — первой половине XIX века очаги эпоса, сравнительно значительные, сохранялись в Сибири, но затем и здесь они стали быстро исчезать.

Единственным обширным районом, где эпос хранился самым интенсивным образом вплоть до последнего времени, был район русского Севера (Прионежье, Пинега, Мезень, побережье Белого моря, Печора). В течение столетий Север хранил не только былины, но и другие замечательные произведения народной поэзии, а вместе с ними и богатые традиции художественной культуры народа в области деревянного зодчества, резьбы по дереву и кости, старинной одежды, кружев и т. д. Известная отграниченность районов Севера от вторжения капитализма, сохранение в течение долгого времени экономической и культурной обособленности, сохранявшаяся без глубоких перемен специфика хозяйствования, внутреннего быта — при наличии прочных старых культурных традиций, — все это, по-видимому, в первую очередь способствовало сохранению здесь эпоса.

Хранили былины, передавая их из поколения в поколение, пев-

цы (сказители), принадлежавшие к крестьянской среде. Крестьянство же было и той основной аудиторией, к которой обращались сказители со своим искусством. Можно сказать, что русский былинный эпос в XVIII—XX веках был художественным достоянием крестьянства.

Некоторые буржуазные ученые, не верившие в творческие силы народных масс, утверждали, что крестьяне унаследовали эпос лишь на последнем этапе его истории, причем унаследовали его далеко не в полном виде, привели его в состояние разрушения, деградации. Большое распространение в буржуазной науке получила теория аристократического происхождения русских былин, согласно которой эпос был создан профессиональными певцами, выполнявшими волю князей и бояр и обслуживавшими феодальную среду. Теория эта методологически несостоятельна и опровергается имеющимися материалами. Прежде всего содержание эпоса от начала до конца народно. Песни с такой идеологией не могли сложиться при дворах феодалов; очевидно, что они складывались в народной среде. Что же касается того, кто конкретно их создавал, то мы считаем научно неверной самую постановку такого вопроса. Эпос — порождение коллективного творчества, это — безличное, безавторское искусство. Былины не сочинялись отдельными лицами, а (как и сказки или песни) *рождались* из художественного сознания коллектива, то есть народа. Крестьянству, как основному классу русского народа X—XVI веков, принадлежит решающая роль в образовании и развитии эпоса. Поэтому методологически необоснованно искать предшественников северных сказителей в какой-то иной социальной среде. Русские крестьяне издревле владели эпическим искусством, это было их родное, ими же и созданное искусство, они знали его до того, как был заселен Север, они же и принесли его сюда. Советские фольклористы выяснили основные закономерности развития русского эпоса на Севере. Теперь уже ясно, что северные крестьяне в XVIII—XX веках хранили эпос творчески, относились к нему с художественной активностью.¹

В чем же проявилось творческое отношение северных крестьян к былинному наследству?

По-видимому, с давних пор исполнение былин становится делом отдельных личностей, мастеров-сказителей. На Севере сказительское искусство приобрело широкий размах и находилось на очень высоком уровне. Искусство это бережно хранилось и передавалось из поколения в поколение. Нередко оно становилось семейной традицией (так, например, в знаменитой семье Рябинных). Мастерство

¹ См. А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948.

сказителей пользовалось у крестьян уважением и популярностью. С искусством сказителей и связаны основные творческие процессы в эпосе его «северного» периода. Надо иметь в виду, что искусство это коллективно по своей природе: оно опирается на определенные устойчивые традиции, оно объединяет мастерство отдельных личностей с целыми художественными школами, индивидуальные поэтические склонности с общими закономерностями.

Главной творческой заслугой северных сказителей было то, что они *сберегли* основной состав русского эпоса от забвения и разрушения. Если бы они механически, пассивно запоминали и исполняли былины, эпос деградировал бы через два-три поколения. Лучшим доказательством творческой активности сказителей Севера являются те великолепные тексты былин, которые от них записаны и в которых исследователи обнаруживают бережно донесенные через века эпические сюжеты глубокой старины. Одна из причин такого явления кроется в особом отношении сказителей к своим былинам. Эпос для них — это и родная история и живая поэзия. Содержание былин, их герои, многие подробности полны для сказителей большого современного звучания. Отсюда — возможности, которые открываются перед сказителями в творческом развитии былин даже в пределах традиционных сюжетов. Изучение показывает, что сказители довольно широко производили изменения композиционного порядка (контаминации сюжетов, включение в одни сюжеты эпизодов из других и т. д.). Они нередко вводили в повествование подробности, подсказанные их собственным хозяйственным и бытовым опытом (картины северной природы, изображение пахоты на северном поле, артельной рыбной ловли в северных морях и т. д.). Отдельные сказители испытывали несомненную тягу к созданию новых былинных сюжетов. Но пора рождения нового эпоса миновала, и как раз на примере таких попыток мы убеждаемся в том, что эпос не возрождается, а угасает. В конечном счете, северные сказители не смогли создать ни одного действительно нового сюжета. Складывая былины, они обращались либо к преданию, либо к сказке, либо к книге, то есть брали уже готовый сюжет и перекладывали его в былинную форму. Иногда это получалось удачно (сравн., например, в настоящем сборнике былинку «Ванька Удовкин сын»), но от этих попыток, большинство которых не подхватывалось другими сказителями и не закреплялось в традиции, ничего качественно нового в эпосе не возникало. Новые былины интересны в плане изучения сказительского искусства XIX века, в плане же изучения эпоса они дают очень мало. Рядом с прекрасными художественными достижениями, которые характеризуют сказительское мастерство, отчетливо обнаруживаются в большом количестве текстов забвение сюжетов, утрата

многих художественных качеств, механическая передача отдельных мест, далеко не всегда оправданные контаминации и т. д.

Другими словами, эпос на Севере не только художественно совершенствовался, но и художественно разрушался, — и совсем не потому, что иссякли творческие силы крестьянства, а потому, что закономерный процесс угасания эпоса остановить было невозможно.

Заслуги северных сказителей, сумевших сберечь былины для русской культуры, исключительно велики. Естественно, что собиратели и исследователи обращали самое пристальное внимание на тех, кто исполнял былины. Со времен П. Н. Рыбникова (60-е годы) и особенно А. Ф. Гильфердинга (70-е годы) стало традицией сообщать в сборниках былин данные об исполнителях, давать им характеристики и т. п. Благодаря поискам многих собирателей наша наука знает десятки сказителей — подлинных мастеров, владевших большим былинным репертуаром и умевших великолепно исполнять былины. Среди них нельзя не назвать певцов, которые по праву считаются классиками былинного сказительства. Это, в первую очередь, Трофим Григорьевич Рябинин, крестьянин деревни Середка Кижской волости Олонецкой губернии (ум. в 1885 году); от него записывали П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг. Репертуар Т. Г. Рябинина — 26 былин, общим объемом до шести тысяч стихов. От Трофима Григорьевича усвоил былины его сын Иван Трофимович. Он выступал с исполнением былин в Петербурге, Москве и в других городах, ездил в южнославянские страны. Наследником эпической традиции Ивана Трофимовича был его пасынок И. Г. Рябинин-Андреев (ум. в 1926 году), передавший былины сыну П. И. Рябинину-Андрееву. Здесь мы видим, как знание и исполнение былин явилось прочной семейной традицией, переходя из поколения в поколение.

Выдающейся сказительницей была М. Д. Кривополенова, крестьянка из д. Шотогорка на р. Пинеге (ум. в 1924 году). От нее записывали А. Д. Григорьев и О. Э. Озаровская. Кривополенова отличалась большой артистичностью исполнения, ее выступления в Москве, Петрограде, на Украине и на Кавказе пользовались большим успехом.

Сибирское сказительское искусство представлено талантливым певцом Л. Тупицыным из д. Ересная (Алтай); его открыл С. Гуляев.

Рядом с певцами, которые здесь названы, и вслед за ними идут многие сказители XIX—XX веков, в том числе 20—30-х годов нашего столетия, давшие собирателям немало великолепных по художественным достоинствам былин: олонечкие певцы Прохоров (по прозвищу Утка), Сорокин и Касьянов, беломорская сказительница

А. М. Крюкова, сказители советского времени Ф. А. Конашков, А. М. Пашкова, И. Фофанов и многие другие.

Какова же судьба эпоса в наше время, в условиях советской действительности? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к фактам. Советские фольклористы в течение последних тридцати лет настойчиво искали эти факты, идя по следам старых собирателей и заходя в неизведанные места.

Выясняется прежде всего, что там, где в XIX — начале XX века отмечалось быстрое затухание эпической традиции, там оно теперь либо окончательно завершилось, либо завершается. Единственным еще живым в какой-то мере очагом эпоса остается Север, но и здесь объем и характер былинной традиции существенно изменились по сравнению с недавним прошлым. Многие сюжеты, зафиксированные прежними собирателями, ныне забыты. Если раньше в пределах ограниченного района сказители насчитывались десятками и сотнями, то теперь их единицы. Интерес к слушанию былин (и, следовательно, к их исполнению) заметно упал. Былины на современном Севере больше не составляют того значительного, бросающегося в глаза живого явления культуры, каким они были в недалеком прошлом.

Следовательно, в условиях роста новой, советской культуры, приносящей в глухие места книгу, кино, радио, театр, в условиях нового быта эпос не находит почвы для сохранения и подъема.

В 30-е годы появились попытки создания былин, посвященных нашей современности. Некоторые сказители, обладавшие даром импровизации, стали создавать эпические песни о гражданской войне, о героях советской эпохи («Новины» М. С. Крюковой). В печати эти попытки были подхвачены и искусственно развиты. Время показало, что новые былины — чаще всего слабые стилизации, в которых бросалось в глаза разительное несоответствие их архаичной формы современному содержанию, — не получили признания в народе.

Очевидно, что ни о каком возрождении былинного эпоса в наше время думать не приходится. Речь должна идти о создании в народном творчестве новых художественных форм для отражения нашей героической действительности.

Но русский эпос уже обрел себе бессмертие. Он обрел его прежде всего в тысячах записей, сделанных фольклористами на протяжении примерно двухсот лет. Записи эти в большей части опубликованы. Лучшие сборники былин составляют гордость русской филологической науки и служат прекрасным источником для глубокого знакомства с эпосом: это «Сборник Кириши Данилова», составленный в середине XVIII века и впервые увидевший свет в 1804 году; «Песни, собранные П. В. Киреевским» — сборник записей 30—50-х го-

дов XIX века; «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» (начало 60-х годов); «Онежские былины» А. Ф. Гильфердинга (записи 1871 года); «Архангельские былины и исторические песни» А. Д. Григорьева (начало XX века); это собрания советских фольклористов — «Онежские былины», сборник записей экспедиции 1926—1928 годов под руководством Б. М. и Ю. М. Соколовых; «Былины Севера» А. М. Астаховой, результат поездок 1928—1933 годов, и другие.

Русский эпос изучали писатели, и многие мотивы и образы его по-новому ожили на страницах романов, поэм, повестей.

Эпос — в единстве его поэтических и музыкальных образов — вдохновлял композиторов. И если былины не будут звучать в устном исполнении сказителей, то эпос вечно будет звучать в «Богатырской симфонии» Бородина или в «Фантазии на темы Рябинина» Аренского.

Но влияние былин на различные стороны русской культуры не может быть сведено к прямому использованию их писателями, композиторами, художниками. Оно неизмеримо шире и глубже. Былины — наше национальное достояние. Уже многие поколения русских людей не знают, что значит былина в ее живом, непосредственном исполнении. Они знают былинку по книге, по литературным, сценическим, музыкальным обработкам. Былинными героями им близки и дороги, идеи былин понятны и волнующи.

Так эпос, влившись в могучее русло единой национальной культуры и обогатив ее, сам преображенный и обогащенный, вновь возвращается народу.

Б. Путилов

Б Ы Л И Н Ы

СВЯТОГОР И ТЯГА ЗЕМНАЯ

Снарядился Святогор во в чисто поле гуляти,
Заседлает своего добра коня
И едет по чисту полю.
Не с кем Святогору силой померяться,
А сила-то по жилочкам
Так живчиком и переливается.
Грузно от силушки, как от тяжелого беремени.
Вот и говорит Святогор:
«Как бы я тяги нашел,
Так я бы всю землю поднял».
Наезжает Святогор в степи
На маленькую сумочку переметную;
Берет погонялку, пощупает сумочку — она не скрянется,
Двинет перстом ее — не сворóхнется,
Хватит с коня рукою — не подыметса.
«Много годов я по свету еживал,
А эдакого чуда не наезживал,
Такого дива не видывал:
Маленькая сумочка переметная
Не скрянется, не сворохнется, не подыметса».
Слезает Святогор с добра коня,
Ухватил он сумочку обема рукама,
Поднял сумочку повыше колен —
И по колена Святогор в землю угрыз,
А по белу лицу не слезы, а кровь течет.
Где Святогор увяз, тут и встать не мог,
Тут ему было и кончение.

СВЯТОГОР И ГРОБ

Как выехал Илья на добром кони,
Как сам-то еще пораздумался:
«Какой я есть богатырь-носитель?»
На бое мни смерть да не писана,
Как на бое да не сказана.
Поеду я еще во святы й горы,
Проведаю ведь я про богатырей,
Про того ли я Егора-Святогора ведь, —
Есть матерой богатырь да великих,
Есть он, да был горных,
Его-то я ведь силушки не попробовал».
Заехал-то Ильюшенька Муромец
На ты ль тут горы на высокие,
Под ущелья были да плотные.
Как едет чудовище, чудо ведь,
Сидит-то он еще на добром кони,
Такого чуда он да ведь не видал,
Такого ведь чуда он не слышал.
Как ту разъехался на добром кони,
Ударил своей палицей богатырской
Прямо тут ему буйну голову.
А как то ведь чудовище да идет-то,
На кони сидит да подремливат,
Назад-то ведь чудо не оглянется,
Вперед-то ведь он колыбается.
Илья-то тут-ка был Муромец,
Сам-то он еще пораздумался:
«Как раньше ездил я да наезживал,

Как сразу я головушек поимывал,
С добрых-то я коней попихивал.
Теперь-то у меня сила не по-старому,
Могутá стала да не прежняя».
А ударил палицей да во сѣрой дуб —
Разлетелся дуб да ведь сѣрых.
Как дрúгой раз наехал на чудовище,
Бил-то ведь его буйну голову —
Как на кони сидит да подремливат,
Вперед-то чудо ведь да не оглянется,
А на добром кони ни пошáтнется
От того удара богатырского.
Как наехал тут Илья третий раз,
Ударил тут его плотно-наплотно,
Ударил тут его крепко-накрепко.
Чудовище назад увыркнúлося,
Схватило Илью за желтѣ кудрѣ,
Спускал он его во карман да глубоких,
Повез-то он вперед да поехал ведь.
Стал-то конь у того у Святóгора,
Ноги-то стали ведь подгибаться,
За каждое ведь стал спотыкаться.
А ни про то Егор воспроговорил:
«А и что же ты, конь ведь богáтырский,
Стали ноженьки подгибаться,
За кажинно место спотыкаться?»
А конь про то ему проязычился:
«А тяжело возить двух богáтырей, —
Стали ноженьки подгибаться,
За кажинное место спотыкаться,
Как едут тут два богáтыря
А на мни, на добром кони».
Как он спустил-то руку в карман-то ведь,
Как вынул из кармана Ильюшеньку,
Стал-то у него да ведь спрашивать:
«Какой ты есть, удалѣй добрый мóлодец?»
Смел ты ведь наехать на меня теперь,
Ударить меня ведь три-то раз».
А говорит Илья таковы слова:
«Да нужно мне с тобой познакомиться,
Твоей-то силушки да попробовать».

Как про тебя слава широко-то шла
По всим землям-то, еще по всим ордам,
Как очень ты был да ведь сильныи, —
Потому наехал я теперь
На тебя, на доброго молодца». —
«Спасибо ти, Ильюшенька Муромец,
Как ты наехал, ударил меня-то ведь
Три раза тут, три великих, —
Будто три раза как комар кусил, —
А вот тебе спасибо за это ведь,
Ты со мной ведь познакомился.
Будь-ко ты мне нунь мёньшим братом,
Я буду еще да бóльшим братом.
Если бы я тебе да ударил-то,
Как от тебя один да ведь прах-то стал,
Разлетелись бы твои косточки».
Поехали по сельгáм, по плотам
Рассказывать, показывать жительство.
Приехали оны да в одно местó,
Лежит-то гроб да ведь каменный,
Лежит-то ведь гроб да устроен-то.
«Ай же ты, Илюша, ложись во гроб».
Илья свалился да во этот гроб, —
Как гроб Ильи не пристанет-то,
Очень широкий, очень длинных.
«А нет, так нунь не устроен гроб,
Мне теперь этот да неладен есть».
Говорит Святогор таковы слова:
«Выходи, Илья, поскурехоньку,
А не гля тебя ведь гроб устроен-то,
А мни-то, я думаю, подойдет теперь».
Илья-то вышел с гроба, воспрогóворит:
«Не лажно те ложиться во этот гроб, —
Тебе ведь с гроба нунь не повыйти ведь».
Да как только лег-то ведь Святогор-то ведь,
Да гроб-то по его будто есть.
«Прикрой-ко ты еще да ведь крышку-то, —
Крышка тут рядом да лежит-то ведь».
Как клал Илья да ведь крышку ведь
На того ли на Святогора на его-то.
«Как сымь-то ты крышку ведь».
Илья принялся он да за крышку ведь, —

Как крышка тут будто прѣросла,
Никак не мог, не может да ведь крышки взять,
Не может он никак да ведь крышки взять.
Как тот и Илюша Муромец
Палицей своей богатырскойей
Расколачивает эту крышку ведь.
«Как, как же мни со гроба повыступить?»
Ударил тут Илья да ведь палицей —
Скочил тут обруч да железный;
Ударил он да раз ведь обруч железный —
Другой-то тут обруч стал;
Ударил он третий раз обруч железный —
Третий раз да стал обруч железный.
А нынь-то ведь Егору да славы поют,
Как стали по гробу обручи.
«Бери-ко меч да сильных,
Секи ведь, секи да эти да обручи,
Да надь со гробу повыйти мне!»
Дак тут берет его да ведь меч, —
Да его меча не может да ведь поднять.
«А нет, ты, богатырь, Святогор-то ведь,
Твоего меча не могу от земли вложить,
От земли поднять не могу теперь».
«Илья, попади, припади-тко
Ко гробу ведь, да ко щелочке,
Я вздохну, тебе да прибавлю
Силушки в тебе да вдвое теперь,
Как станешь ты владеть да моим мечем».
Припал-то он ведь, Илюша, ко щелочке,
Вздохнул-то, встал да с своим мечем,
Как тюкнул он да мечем-то ведь —
Наскочили да вдоль обручи железные,
Другой раз тюкнул — обручи железные.
Тут Святогору славы поют.
«Как припади, Илюша, ко щелочке,
Я вздохну — будет вся ведь сила моя у тебя». —
«Не надо мни твоей боле силушки». —
«Каб ты припал да ведь другой-то раз,
Вздохнул бы вздохом да мертвые,
Уснул бы ты да у гроба ведь,
Как тут твоя бы жизнь да кончалася.
Как же ты, Илюшенька Муромец,

Как привяжи ко дубу ко моему ведь,
К моему ко гробу великому,
Как привяжи добра коня-то ведь,
Привяжи его плотно-наплотно,
Чтоб тут подохнул ведь и добрый конь, —
Никому не владеть да добрым конем,
Добрым конем еще богатырским».
Как привязал Илья на поводу шелковые
Его-то ведь еще да добра коня —
Тут Святогор, тут и конь добрыи.
Тут Святогору славу поют,
Славу поют век и по веку,
А и слава ему не минуется.

ВОЛХ ВСЕСЛАВЬЕВИЧ

По саду, саду по зеленому
Ходила-гуляла молода княжна,
<Молода княжна> Марфа Всеславьевна.
Она с каменю скочила на лютого на змея,
Обвивается лютой змей
Около чебота зелён сафьян,
Около чулочика шелкова,
Хоботом бьет по белу стегну.
А втапоры княгиня понос понесла,
А понос понесла и дитя родила.
А и на небе просветя светёл месяц,
А в Киеве родился могуч бóгатырь,
Как бы молоды Вольх Всеславьевич.
Подрожала сыра земля,
Стряслось славно царство Индейское,
А и синее море сколыбалось
Для-ради рожденья богатырского,
Молода Вольха Всеславьевича;
Рыба пошла в морскую глубину,
Птица полетела вы́соко в небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы — по чащицам,
А волки, медведи — по ельникам,
Соболи, куницы — по островам.
А и будет Вольх в полтора часа,
Вольх говорит, как гром гремит:
«А и гой еси, сударыня матушка,
Молода Марфа Всеславьевна!

А не пеленай во пелену червчатую,
А не поясы в поясья шелковые, —
Пеленай меня, матушка,
В крепки латы булатные,
А на буйну голову клади злат шелом,
По праву руку палицу,
А и тяжку палицу свинцовую,
А весом та палица в триста пуд». —
А и будет Вольх семи годов,
Отдавала его матушка грамоте учиться,
А грамота Вольху в наук пошла;
Посадила его уж пером писать,
Письмо ему в наук пошла.
А и будет Вольх десяти годов,
Втапоры поучился Вольх ко премудростям:
А и первой мудрости учился —
Обвертываться ясным соколом;
Ко другой-то мудрости учился он, Вольх, —
Обвертываться серым волком;
Ко третьей-то мудрости учился Вольх —
Обвертываться гнедым туром золотые рога.
А и будет Вольх во двенадцать лет,
Стал себе Вольх он дружину прибирать.
Дружину прибирал в три годы,
Он набрал дружины себе семь тысячей;
Сам он, Вольх, в пятнадцать лет,
И вся его дружина по пятнадцати лет.
Прошла та слава великая
Ко стольному городу Киеву.
Индийский царь наряжается,
А хвалится, похваляется,
Хочет Киев-град за щитом весь взять,
А божьи церкви на дым спустить
И почестны монастыри рбзорить.
А втапоры Вольх он догадлив был,
Со всею дружиною хорáброю
Ко славному царству Индийскому
Тут же с ними во поход пошел.
Дружина спит, так Вольх не спит,
Он обвёрнется серым волком,
Бегал-скакал по темным по лесам,
<По темным по лесам> и по рáменью,

А бьет он звери сохатые,
А и волку, медведю спуску нет,
А и соболи, барсы — любимый кус,
Он зайцам, лисицам не брезгивал.
Вольх поил-кормил дружину хорабраю,
Обувал-одевал добрых молодцов, —
Носили они шубы соболиные,
Переменные шубы-то барсовые.
Дружина спит, так Вольх не спит,
Он обернется ясным соколом,
Полетел он далече на синё море,
А бьет он гусей, белых лебедей,
А и серым малым уткам спуску нет.
А поил-кормил дружинушку хорáбраю,
А все у него были ества переменные,
Переменные ества, сахáрные.
А стал он, Вольх, вражду чинить:
«А и гой еси вы, удалы добры молодцы!
Не много, не мало вас — семь тысячей,
А и есть ли у вас, братцы, таков человек,
Кто бы обернулся гнедым туром,
А сбегал бы ко царству Индейскому,
Проведал бы про царство Индейское,
Про царя Салтыка Ставрुльевича,
Про его буйну голову Батыевичу?»
Как бы лист со травой пристилается,
А вся его дружина приклоняется,
Отвечают ему удалы добры молодцы:
«Нет у нас таковá молодца,
Опричь тебя, Вольха Всеславъевича.
А тут таковой Всеславъевич,
Он обернулся гнедым туром золотые рога,
Побежал он ко царству Индейскому.
Он первую скок за целу версту скочил,
А другой скок не могли найти;
Он обернется ясным соколом,
Полетел он ко царству Индейскому.
И будет он во царстве Индейском,
И сел он на палаты белокаменны,
На те на палаты царские,
Ко тому царю индейскому
И на то оцошечко косящатое.

А и буйные ветры по насту тянут, —
Царь со царицею в разговоры говорит;
Говорила царица Аздяковна,
Молода Елена Александровна:
«А и гой еси ты, славной индейский царь!
Изволишь ты наряжаться на Русь воевать,
Про то не знаешь, не ведаешь, —
А и на небе просвета светел месяц,
А в Киеве родился могуч богатырь,
Тебе, царю, сопротивничек».
А втапоры Вольх он догадлив был,
Сидючи на окошке косящатом;
Он те-то де речи повыслушал,
Он обвернулся горносталем,
Бегал по подвалам, по погребам,
По тем по высоким теремам,
У тугих луков тетивки накусывал,
У каленых стрел железцы повынимал,
У того ружья ведь у огненного
Кременья и шомполы повыдергал,
А все он в землю закапывал.
Обвернется Вольх ясным соколом,
Звился он высоко по поднебесью,
Полетел он далече во чисто поле,
Полетел ко своей ко дружине хоробрыя.
Дружина спит, так Вольх не спит,
Разбудил он удалых добрых мбодцов:
«Гой еси вы, дружина хоробрая!
Не время спать, пора вставать,
Пойдем мы ко царству Индейскому!»
И пришли они ко стене белокаменной;
Крепка стена белокаменна,
Вороты у города железные,
Крюки, засовы все медные,
Стоят караулы денны-нощны,
Стоит подворотня — дорог рыбий зуб,
Мудрены вырезы вырезено,
А и только в вырезу мурашú пройти,
И все молодцы закручинилися,
Закручинилися и запечалилися,
Говорят таково слово:
«Потерять будет головки напрасные,

А и как нам будет стена пройти?»
 Молоды Вольх он догадлив был:
 Сам обвернулся мурашиком
 И всех добрых молодцов мурашками, —
 Прошли они стену белокаменну,
 И стали молодцы уж на другой стороне,
 В славном царстве Индейском.
 Всех обернул добрыми молодцами,
 Со своею стали сбруею со ратною,
 А всем молодцам он приказ отдает:
 «Гой еси вы, дружина хоробрая!
 Ходите по царству Индейскому,
 Рубите старого, малого,
 Не оставьте в царстве на сѣмена,
 Оставьте только вы по выбору,
 Не много, не мало — семь тысячей
 Душечки красны девицы».
 А и ходят его дружина по царству Индейскому,
 А и рубят старого, малого,
 А и только оставляют по выбору
 Душечки красны девицы.
 А сам он, Вольх, во палаты пошел,
 Во те во палаты царские,
 Ко тому царю ко индейскому;
 Двери были у палат железные,
 Крюки, пробой по булату злѣчены.
 Говорит тут Вольх Всеславьевич:
 «Хотя нога изломить, а двери выставить!»
 Пнет ногой во двери железные,
 Изломал все пробой булатные.
 Он берет царя за белы руки,
 А славного царя индейского
 Салтыка Ставркульевича,
 Говорит тут Вольх таково слово:
 «А и вас-то, царей, не бьют, не казнят!»
 Ухватя его, ударил о кирпичатый пол,
 Расшиб его в крохи <.....>.
 И тут Вольх сам царем насел,
 Взявши царицу Азвяковну,
 А и молоду Елену Александровну;
 А и те его дружина хоробрые
 И на тех на девицах переженилися.

А и молоды Вольх тут царем насел,
А то стали люди посадские.
Он злата-серебра выкатил,
А и коней, коров табуном делил,
А на всякого брата по сту тысячей.

ВОЛЬГА И МИКУЛА

Жил Святослав девяносто лет,
Жил Святослав да переставился.
Оставалось от него чадо милое,
Молодой Вольгá Святославгович.
Стал Вольга растеть-матереть,
Похотелоя Вольгí да много мудростей:
Щукой-рыбою ходить Вольги во синих морях,
Птицей-соколом летать Вольги под оболоки,
Волком и рыскать во чистых полях.
Уходили-то вси рыбушки во глубоки моря,
Улетали вси птички за оболоки,
Убегали вси звери за темны леса.
Стал Вольга он растеть-матереть,
И сбирал соби дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцев без единого,
Сам еще Вольга во тридцатых.
Был у него родной дядюшка,
Славный князь Владимир стольно-киевский,
Жаловал его трема городама всё крестьянамы:
Первым городом — Гурчовцем,
Другим городом — Ореховцем,
Третьим городом — Крестьяновцем.
Молодой Вольга Святославгович,
Он поехал к городам и за получкою
Со своёй дружинушкой хороброю.
Выехал Вольга во чистó полé,
Он услышал во чистом поле рáтая.
А орет в поле ратай, понукивает,

А у ратая-то сошка поскрипывает,
Да по камешкам омешики прочиркивают.
Ехал Вольга он до ратая,
День с утра ехал до вечера,
Да не мог ратая в поле наехати.
А орет-то в поле ратай, понукивает,
А у ратая сошка поскрипывает,
Да по камешкам омешики прочиркивают.
Ехал Вольга еще дрúгой день,
Дрúгой день с утра до пáбедья
Со своей со дружинишкой хороброу.
Он наехал в чистом поле ратая,
А орет в поле ратай, понукивает,
С края в край бороздки пометывает,
В край он уедет — другого нé видать,
То коренья, каменья вывертывает,
Да великие он кáменья вси в борозду валйт.
У ратая кобылка солбвенька,
Да у ратая сошка кленовая,
Гужики у ратая шелковые.
Говорил Вольга таковы слова:
«Бог теби помочь, оратаюшко,
А орать да пахать да крестьяновати,
С края в край бороздки пометывати!»
Гóворил оратай таковы слова:
«Да поди-ко ты, Вольга Святославгович!
Мни-ка надобно божья помочь крестьяновать,
С края в край бороздки пометывать.
А-й далече ль, Вольга, едешь, куда путь держишь
Со своею со дружинишкой хороброу?»
Говорил Вольга таковы слова:
«А еду к городам я за получкою, —
К первому ко городу ко Гурьевцу,
К дрúгому-то городу к Ореховцу,
К третьему городу к Крестьяновцу».
Говорил оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга Святославгович!
Да недавно был я в городе, третьяго дни,
На своей кобылке соловою,
А привез оттуль соли я два мехá,
Два меха-то соли привез по сбóроку пуд,

А живут мужики там разбойники,
Они просят грошов подорожных.
А я был с шальгой подорожною,
А платил им гроши я подорожные:
А кой стоя стоит, тот и сидя сидит,
А кой сидя сидит, тот и лежа лежит».
Говорил Вольга таковы слова:
«Ай же, оратай-оратаюшко!
Да поедем-ко со мною во товарищах
Да ко тем к городам за получкою».
Этот оратай-оратаюшко,
Гужики с сошки он повыстенул
Да кобылку из сошки повывернул,
А со тою он сошки со кленовенькой,
А-й оставил он тут сошку кленовую,
Он садился на кобылку соловеньку.
Они сели на добрых коней, поехали
По славному раздольицу чисту́ полю.
Говорил оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга Святославгович!
А оставил я сошку в бороздочке
Да не гля-ради прохожего-проезжего,
Ради мужика-деревенщины:
Они сошку с земельки повыдернут,
Из омешиков земельку повытряхнут,
Из сошки омешики повыколнут,
Мне нечем будет, молодцу, крестьяновати.
А пошли ты дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку с земельки повыдернули,
Из омешиков земелька повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст».
Молодой Вольга Святославгович
Посылает тут два да три добрых мблодца
Со своей с дружинушки с хороброей
Да ко этой ко сошке кленовенькой,
Чтобы сошку с земельки повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Едут туды два да три добрых молодца,
Ко этбй ко сошке кленовоей,
Они сошку за обжи кругом вертят,
А им сошки от земли поднять нельзя,

Да не могут они сошку с земельки повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросити сошки за ракитов куст.
Молодой Вольга Святославгович,
Посылает он целым десяточком
Он своей дружинушки хороброей
А ко этой ко сошке кленовой.
Приехали они целым десяточком
Ко этой славной ко сошке кленовенькой,
Они сошку за обжи кружком вертят,
Сошки от земли поднять нельзя,
Не могут они сошки с земельки повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
Молодой Вольга Святославгович
Посылает всю дружинушку хоробрую,
То он тридцать молодцов без единого.
Этая дружинушка хоробрая,
Тридцать молодцов да без единого,
А подъехали ко сошке кленовенькой,
Брали сошку за обжи, кружком вертят,
Сошки от земельки поднять нельзя,
Не могут они сошки с земельки повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросити сошки за ракитов куст.
Говорит оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга Святославгович!
То не мудрая дружинушка хоробрая твоя,
А не могут они сошки с земельки повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросити сошки за ракитов куст.
Не дружинушка тут есте хоробрая,
Столько одна есте хлебаясть».
Этот оратай-оратаюшко,
Он подъехал на кобылке соловенькой
А ко этой ко сошке кленовенькой,
Брал эту сошку одной ручкой,
Сошку с земельки повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.
Они сели на добрых коней, поехали
Да по славному раздолью чисту полю.

А у ратая кобылка она рысью идёт,
А Вольгин тот конь да поскакивает;
А у ратая кобылка грудью пошла,
Так Вольгин тот конь остаётся.
Стал Вольга покрикивати,
Стал колпаком Вольга помахивати,
Говорил Вольга таковы слова:
«Стой-ко, постой, да оратаюшко!»
Говорил Вольга таковы слова:
«Ай же, оратай-оратаюшко!
Эта кобылка конем бы была,
За эту кобылку пятьсот бы далй».
Говорит оратай таковы слова:
«Взял я кобылку жеребчиком,
Жеребчиком взял ю с-под матушки,
Заплатил я за кобылку пятьсот рублей.
Этая кобылка конем бы была,
Этой бы кобылки и сметы нет».
Говорил Вольга таковы слова:
«Ай же ты, оратай-оратаюшко!
Как-то тебя да именем зовут,
Как звеличают по отечеству?»
Гóворил оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга ты Святославгович!
Ржи напашу, в скирды складу,
В скирды складу да домой выволочу,
Домой выволочу, дома выгомочу,
Драни надеру да то я пива наварю,
Пива наварю, мужичков напою.
Станут мужички меня покликивати:
„Ай ты, мóлодой Микулушка Селя́нинович!“».

ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА

Как во том ле было прежде городе Муроме,
Кабы жил, кабы был тут нонь стар казак,
Кабы стар, пишут, казак Илья Муромец.
Он сидел-то на печеньке-то тридцать лет,
Не имел при себе он как ведь рук ле, ног.
Как ушли его нонь отец ле, нонче матушка,
Он остался на печке на муравленке,
Как пришли ле тут две калеки нонь убогие,
Как зашли нонче к ему, богу помолилися,
Говорят они старому Илье Муромцу:
«Ох ты ой еси, старья Илья Муромец!
Ты ставай-ко нонче с печеньки муравленой».
Говорит на то старой им, ответ дёржит:
«Ох вы ой еси, как люди нонь крещеные!
Я сидю нонче на печеньке земляной, право,
Я невного нонь, немало — ровно тридцать лет».
Говорят ему калеки во второй након:
«Ты отведай-ко, ставай нонче как с печи-то то».
Кабы стал нонче их ле, право, слушаться,
Он змахнул нонче своима рукамы белыма,
Шевелить как стал ногами нонче резвыма.
Говорят ему калеки таковы слова:
«Слезывай ты нонче с печки земляной, право».
Он как стал нонче слезывать, право, со печеньки,
Как задействовали его руки белые,
Заслужили как его нонь ноги резвые.
Как говорят ему калеки нонь прохожие:
«Ты возьми как ведро нонче водяное,

Ты поди-ко нонь, сходи как за водой, право,
Ты на ту как нонь на реченьку Карчагу ле,
Принеси-ко ты ведром воды, право».
Он пошел ле, старой, нонь за водой, право,
Он принес нонь воды, право, ключевойей.
А сидят ле тут калеки, говорят, право,
Говорят они старому Илье Муромцу:
«Ты повыпей-ко же нонче воды сколько хочется».
Говорят тут нонь калеки, его спрашивают:
«Ты учуял ле нонь в себе, право, чего-сего?»
Говорит нонче старой как им ответ дёржит:
«Я почул нонче в себе силу великую».
Говорят на то еще калики-то:
«Кабы есь у 'тця ле, нонь у матушки,
Кабы есь нонь у их полё посеяно, —
Зашел нонче скот да кабы топчет ле;
Ты поди огороди, огороди как нонче божий дар».
Как ушли-то калеки нонь убогие,
А пошел он как хранить полё отцовское.
Он завидел ле — в поле нонче скот ходит,
Он как из поля скота нонче выганивал,
Кабы полё-то сырым дубьем огораживал,
Он ведь рвал тут как дубьицо с кореньицом,
Он оклал, огородил людям на удивленьицо.
Как пришли его отец ле, ронна матушка,
Как пришли они, увидели свое полё,
Кабы всё оно как дубьями заклажено, —
Они тут как бы сами удивилися:
«Кабы що эки чудеса у нас сотворилися?»
Зашли они в комнату свою теплую,
Как увидели — старой их сын здоровый стал.
Говорит нонче старой как отцу, матушке:
«Ох ты ой еси, отец ле нонь родимыя!
Ох ты ой еси, как матушка любимая!
Вы как дай нонче вы мне было благословеньицо,
Я хочу нонче ехать в стольней Киев-град,
Я хочу нонь посмотреть князя Владимира
Со его любой со матушкой любимой».
Кабы дали тут ему благословеньицо
Кабы ехати ему на стольней Киев-град
На своем-то коне ле право белыём;
Кабы был-то у отца его конь белой весь,

Наюбел весь, как белыя куропись,
Его хвост был ле, грива научер-черна.
Кабы стал нонче старой тут отпрапляться,
Как он в ту ле дорожку старопрежнюю,
Старопрежнюю дорожку, прямоезжую.

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

Из того ли из города из Мурома,
Из того ли села да Карачаева,
БЫла тут поездка богатырская, —
Выезжает оттуль да добрый молодец,
Старый казак да Илья Муромец,
На своем ли выезжает на добрѡм конѣ,
И во том ли выезжает во кованом седле.
И он ходил-гулял да добрый молодец,
Ото младости гулял да он до старости.
Едет добрый молодец да во чистѡм полѣ,
И увидел добрый молодец да латырь-камешок,
И от камешка лежит три росстани,
И на камешке было подписано:
«В первую дороженьку ехать — убиту быть,
Во дрѹгую дороженьку ехать — женату быть,
Третьюю дороженьку ехать — богату быть».
Стоит старенький да издивляется,
Головой качат, сам выговариват:
«Сколько лет я во чистом поли гулял да езживал,
А ещѣ таковаго чуда не нахаживал.
Но начто поеду в ту дороженьку, да где богату быть?
Нету у меня да молодой жены,
И молодой жены да любимой семьи,
Некому держать-тѡщитъ да золотой казны,
Некому держать да платья цвѣтного.
Но начто мне в ту дорожку ехать, где женату быть?
Ведь прошла моя теперь вся молодость.
Как молодинка ведь взять — да то чужа корысть,

А как старая-то взять — дак на печи лежать,
На печи лежать да киселем кормить.
Разве поеду я ведь, добрый молодец,
А-й во тую дороженьку, где убиту быть:
А-й пожил я ведь, добрый молодец, на сём светѣ,
И походил-погулял ведь, добрый молодец, во чистом поли».
Но поехал добрый молодец в ту дорожку, где убиту быть.
Только видели добра молодца ведь сядучи,
Как не видели добра молодца поедучи, —
Во чистом поли да курева стоит,
Курева стоит да пыль столбом летит.
С горы на гору добрый молодец поскакивал,
С холмы нá холму добрый молодец попрыгивал,
Он ведь реки ты, озера меж ног спущал,
Он синѣ моря ты на окóл скакал.
Лишь проехал добрый молодец Корелу проклятую,
Не доехал добрый молодец до Индии до богатых,
И наехал добрый молодец на грязи на смоленские,
Где стоят ведь сорок тысячей разбойников,
И те ли ночные тати-подорожники.
И увидели разбойники да добра молодца,
Старого казáку Илью Муромца,
Закричал разбойничёский атаман большой:
«А гой же вы, мои братцѣ-товарищи,
И разудаленькие вы да добры молодцы!
Принимайтесь-ко за добра молодца,
Отбирайте от него да платьѣ цвѣтное,
Отбирайте от него да что ли добра коня».
Видит тут старыи казак да Илья Муромец,
Видит он тут, что да беда пришла,
Да беда пришла да неминуема.
Испроговорит тут добрый молодец да таково слово:
«А гой же вы, сорок тысяч разбойников,
И тех ли татѣй ночных да подорожников!
Ведь как бить-трепать вам будет стара некого,
Но ведь взять-то будет вам со старого да нечего.
Нет у старого да золотой казны,
Нет у старого да платьѣ цвѣтного,
А и нет у старóго да камня драгоценного,
Столько есть у старого один ведь добрый конь,
Добрый конь у старого да богатырский,

И на добром коне ведь есть у старого седёлышко,
Есть седельшко да богатырское, —
То не для красы, братцы, и не для басы,
Ради крепости да богатырский,
И что можно было сидеть да добру молодцу,
Биться-ратиться добру молодцу да во чистом поли.
Но еще есть у старого на кони уздечка тесмяная,
И во той ли во уздечике да во тесмяныи
Как зашито есть по камешку по яфону, —
То не для красы, братцы, не для басы,
Ради крепости богатырский;
И где ходит ведь, гулят мой добрый конь,
И среди ведь ходит ночи темныи,
И видно его да за пятнадцать верст да равномерных.
Но еще у старого на головушке да шеломчат колпак,
Шеломчат колпак да сорока пудов, —
То не для красы, братцы, не для басы,
Ради крепости да богатырский».
Скричал-сзычал да громким голосом
Разбойничёский да атаман большой:
«Ну что ж вы долго дали старому да выговаривать!
Принимайтесь-ко вы, ребята, за дело ратное».
А-й тут ведь старому да за беду стало,
И за великую досаду показалось.
Снимал тут старый со буйной главы да шеломчат колпак,
И он начал, старенький, тут шеломом помахать:
Как в сторону махнет — так тут и улица,
А-й в другу отмахнет — дак переулочек.
А видят тут разбойники, да что беда пришла,
И как беда пришла и неминуема,
Скричали тут разбойники да зычным голосом:
«Ты оставь-ко, добрый молодец, да хоть на семена!»
Он прибил-прирубил всю силу неверную
И не оставил разбойников на семена.
Обращается ко камешку ко латырю,
И на камешке подпись подписывал:
«И что ли очищена тая дорожка прямоезжая».
И поехал старенький во ту дорожку, где женату быть.
Выезжает старенький да во чисто поле,
Увидал тут старенький палаты белокаменныи,
Приезжает тут старенький к палатам белокаменным,
Увидала тут да красна девица,

Сильная поляница удалая,
И выходила встречать да добра молодца:
«И пожалуй-кось ко мне, да добрый молодец!»
И она бьет челом ему да низко кланяйтся,
И берет она добра молодца да за белы руки,
За белы руки да за златы перстни,
И ведет ведь добра молодца да во палаты белокаменны;
Посадила добра молодца да за дубовый стол,
Стала добра молодца она угащивать,
Стала у добра молодца выпрашивать:
«Ты скажи-тко, скажи мне, добрый молодец,
Ты какой земли есть да какой орды,
И ты чьего же отца есть да чьеё матери?»
Еще как же тѣбя именем зовут,
А звеличают тѣбя по отчеству?»
А-й тут ответ-то держал да добрый молодец:
«И ты почто спрашивашь об том, да красна девица?»
А я теперь устал, да добрый молодец,
А я теперь устал да отдохнуть хочу».
Как берет тут красна девица да добра молодца,
И как берет его да за белы руки,
За белы руки да за златы перстни,
Как ведет тут добра молодца
Во тую ли во спальню, богато убранну,
И ложит тут добра молодца на ту кроваточку обмансливу.
Испроговорит тут молодёц да таково слово:
«Ай же ты, душечка да красна девица!
Ты сама ложись да на ту кроватку на тисовую».
И как схватил тут добрый молодец да красну девицу,
И хватил он ей да подпазушки,
И бросил на тую на кроваточку;
Как кроваточка-то эта подвернулася,
И улетела красна девица во тот да во глубоок погреб.
Закричал тут ведь старый казак да зычным голосом:
«А гой же вы, братцы мои да вси товарищи,
И разудалые да добры молодцы!
Но имай, хватай, вот и сама идет».
Отворяет погреба глубокие,
Выпускает двенадцать да добрых молодцев,
И всё сильниих могучих богатырей;
Едину оставил саму да во погребе глубокоюм.
Бьют-то челом да низко кланяются

И удалому да добру молодцу,
И старому казáку Ильи Муромцу.
И приезжает старенький ко кáмешку ко латырю,
И на камешке-то он подпйсь подписывал:
«И как очищена эта дорожка прямоезжая».
Но направляет добрый молодец да своего коня
И во тую ли дороженьку, да где богату быть.
Во чистом поли наехали на три погребá глубоких,
И которые насыпаны погрéба златом-серебром,
Златом-серебром, камением драгоценным.
И обирал тут добрый молодец всё злато это, серебро,
И раздавал это злато-серебро по нищей по братии;
И раздал он злато-серебро по сиротам да бесприютным.
Но обращался добрый молодец ко камешку ко латырю,
И на камешке он подпись подписывал:
«И как очищена эта дорожка прямоезжая».

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И РАЗБОЙНИКИ

Ой, воздалече было, воздалеченько,
Было во чистом полѣ,
Ой, во чистом поле,
Пролежала бы там шлях-дороженька,
Она не широкая,
Ой, не широкая,
Шириною она, шлях-дороженька,
Она всего семь пядей,
Ай, всего семь пядей,
Длинниною она, шлях-дороженька,
Она конца-краю нет,
Ай, конца-краю нет.
Заповедана была вот дороженька
Она ровно тридцать лет,
Ай, ровно тридцать лет, —
Ну, никто-то по ней, по дороженьке,
Вот никто не хаживал,
Ай, ну не хаживал,
Ну, ни конного да ни пешего
По ней следу не было,
Ай, следу не было.
Ну, ишел там, прошел по дороженьке,
Вот прошел старой старик,
Ай, вот старой старик,
Ну старой-то старик по дороженьке,
Ишел Илья Муровец,
Ай, Илья Муровец.
На нем шубочка, на старинушке,

Шубочка худым-худа,
Ай, ну худым-худа,
Ну худым-то худа вот шубеночка,
Она вся излатана.
Ай, вся излатана;
Ее левая, вот шубеночки,
Полочка — пятьсот рублей,
Ай, ну пятьсот рублей,
А и правая вот и псалочка
Стоит усю тысячу,
Ай, усю тысячу;
Ну станочикам да рукавчикам
Шубочки цены-то нет,
Ай, ну цены-то нет.
Во право́й-то руке, ну, Илюшенька
Держит копые длинное,
Ай, копые длинное,
А во левой руке вот Илюшенька,
Он держит тугой сагайдак,
Ай, тугой сагайдак.
Настигала его, да Илюшеньку,
Вот темная ночушка,
Ай, темна ночушка.
Сыворачивал наш Илюшенька
Со путя-дороженьки,
Ай, со дороженьки,
Восходил старичок Илья Муровец
Вот он на высок курган,
Ай, на высок курган.
Под себе подстилал вот Илюшенька
Он левую полочку,
Ай, леву полочку,
Ну и правую вот бы полочкой
Илья одевается,
Ай, одевается.
В головашечки вот Илюшенька
Кладет свой тугой сагайдак,
Ай, тугой сагайдак.
Среди-то ночи, среди полу...
Среди полуночи,
Ай, ну полуночи
Наезжали-то на старинушку

Вот сорок охотников,
Ай, ну охотников,
Ну охотничков на старинушку,
Вот сорок разбойничков,
Ай, вот разбойничков.
Ну хотели они, вот разбойнички,
Они снять шубеночку,
Ай, снять шубеночку,
Ну шубеночку снять вот разбойнички,
Вот и сагайдак отнять,
Ай, сагайдак отнять.
Как и тут-то было наш Илюшенька
От сна пробуждается,
Ай, пробуждается,
За тугой сагайдак вот Илюшенька
Он скоро хватается,
Ай, вот хватается.
Да накладывает на тетивушку
Вот он каленú стрелу,
Ай, каленú стрелу.
Вот тугой сагайдак у Илюшеньки,
Будто-ровно лев, ревет,
Ай, ровно лев, ревет,
Каленú-то стрелы вот у Муровца
Они, ровно змеи, свищут,
Ай, змеи свищут.
Как и тут-то бы, тут вот охотнички
Они попужалися,
Ай, попужалися,
По темным-то лесам вот разбойнички
Они разбежались.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Из того ль из города из Муромля,
Из того села из Карачарова
Выезжал дурбодный добрый молодец,
А ведь старый казак да Илья Муромец.
Он заутренку тую христовскую
А стоял во городе й в Муромле
Да й хотел попасть к обедне в стольный Киев-
град.

Кладовал он заповедь великую —
Не съезжаться, не слетаться во чистом полй,
Да не делать бою-драки-кроволития.
Брал у батюшки, у матушки прощеньица,
А прощеньица-благословеньица,
Выходил Илья да на широкий двор,
Заходил он во конюшню во стоялую,
Брал коня за пóвода шелкóвые,
Выводил коня он на широкий двор,
Становил коня он посреди двора,
Стал засёдлывать коня он, закольчуживать:
На коня накладывает войлучек,
А на войлучек накладывал подпотничок,
На подпотничок седлушка черкальская,
Да й которое седелко изукрашено,
Разноцветным камением усажено,
Драгоценными шелками изушивано,
Да й червонным золотом обивано.
Да й берет с собой тут саблю вострую,
Свое длинное копье он муржамецкое,

Да й берет он палицу тяжелую,
А которая весом в девяносто пуд;
Брал он свой-от тугой лук разрывчатый,
Да й набрал он много стрелочек каленых,
Да й садился молодец тут на добра коня,
Да й поехал молодец и с широка двора,
С широка двора в раздольице чисто полё.
Его й путь-дорожка призамешкалась, —
Он не мог попасть ко городу ко Киеву,
А попал ко городу Чернигову.
Усмотрел под городом Черниговом,
Нагнанó там силушки черным-черно,
А-й черным-черно, как черна вóрона, —
Хочут мужиков черниговских да всех повырубить,
Хочут церкви божие на дым спустить.
Так тут старый казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Нарушает заповедь великую:
Да й просил себе он бога на помощь,
Да й пречисту пресвятую богородицу,
Приспускал коня он богатырского
А на тую ль рать — силу великую;
Стал конем топтать, а копьем колоть,
Из лука стрелять, рубить он силушку поганую;
Потоптал всю силушку й поганую.
Отворялися ворота во Чернигов-град,
А выходят мужички-черниговцы,
Они низко й ему да поклоняются:
«Ай же ты, богатырь да й святорусский,
А иди ж к нам ты да й воеводою!»
Говорит тут старый казак да Илья Муромец:
«Ай же вы, мужички да й вы черниговцы!
Не пойду я к вам да воеводою;
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую дорожку да в стольный Киев-град!»
Говорят ему й мужички-черниговцы:
«Ай же ты, богатырь да святорусский!
Прямоезжая ль дорожка да заколбдела,
Заколбдела й дорожка, й замуравела,
Замуравела й дорожка ровно й тридцать лет:
Там ни конницей никто ведь не проезживал,
Да й пехотой никто ведь не прохаживал,

Да й ни птица, черный ворон, не пролетывал,
Там ни пестрый зверь ведь не прорыскивал;
А сидит там во сыром дубѣ на реченьке,
У того ли дуба, дуба у Нѣвида,
Как у той ли у реченьки Смородинки,
Как у той ли грязи, грязи черной,
Как у той ли у березоньки поклапой,
У того ль у креста у Леванидова,
Сидит Сболовей-разбойник Одихмантьев сын.
Как засвищет Сболовей по-соловьиному,
Закричит, собака, й по-звериному,
Зашипит, проклятый, по-змеиному, —
Так все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоревы цветочки осыпаются,
А что есть людей вблизи, так все мертвы лежат!»
Говорит тут старый казак да Илья Муромец:
«Далеко ль дорожкой прямоезжей,
Прямоезжей дорожкой прямо в Киев-град?»
Говорят ему мужики-черниговцы:
«Прямоезжею дорожкой есть пятьсот всех верст,
А окольной дорожкой есть ведь цела й тысяча!»
Как тут старый казак да Илья Муромец
Попросил себе он бога на помощь
Да й пречисту пресвятую богородицу,
Припускал коня он богатырского
А по той ли дорожке прямоезжей;
Да й поехал по дорожке прямоезжей,
Прямоезжей дорожкой в стольный Киев-град;
Подъезжал ко реченьке Смородинке,
Да ко той ко грязи, грязи черной,
Да ко той ли березоньке поклапой,
Ко тому кресту ко Леванидову,
Да й под славный под крякновист дуб.
Как завидел его й Сболовей-разбойничек,
Засвистел тут Соловей по-соловьиному,
Закричал, собака, й по-звериному,
Зашипел, проклятый, по-змеиному, —
Так все травушки-муравы уплетались,
Все лазоревы цветочки осыпались,
А что есть людей вблизи, так все мертвы лежат,
А у старого казака Ильи Муромца
Ай конь на корзни да спотыкается.

А у старого казака Ильи Муромца
Его й сердце богатырское не сдрогнуло,
А берет он в руки плеточку шелкóвую,
А удары дает все тяжелые:
А он бил коня сперва между ушей,
А междú ушей, меж ноги задние,
А ведь сам коню да приговариват:
«Ах ты, волчья сыть да травяной мешок,
Ты идти не хошь али везти не мошь?»
Не слышал, что ль, посвисту й солóвьего,
Не слышал, что ль, покрику й звериногo,
Не слышал, что ль, пóшипу й змеиногo?»
Да й берет свой тúгой лук, отстегиват,
Да й берет он свою стрелочку каленую,
Натянул тетивочку шелковую,
Наложил он стрелочку й каленую,
Да й спустил тетивочку шелковую,
Его тую ль стрелочку каленую, —
Так просвистнула стрелочка каленая,
А попала в Соловья-разбойника,
А попала ему да во правóй висок;
Она сбила Соловья да из сыра дуба
Во сыру землú да й во ковыль-траву.
Как тут старый казак да Илья Муромец
Подъезжает ко дубу он скорешенько,
А ведь он ко Соловью близешенько,
Захватил он Соловья за рученьки за белые,
А сковал ему да й ножки резвые,
Да сковал ему да й ручки белые,
Привязал его ко стремени булатному,
А того ли Соловья приковывал,
Говорил он Соловью таковы слова:
«А не твой есть кус, да не тебе поить,
Не тебе спугать казака Илью Муромца».
Сам поехал по раздольицу чисту полю
Прямоезжей дорожкой прямо в Киев-град.
Тут случилось старому казаку Илье Муромцу
А ведь ехать мимо гнездышка Солóвьего,
Где живут его ведь дочери любимые
Со своими мужевьями со любимыми.
Посмотрела во окошечко тут старшáя дочь,

Увидала Соловья-й-разбойника,
Говорит она да й таковы слова:
«Наш-то батюшка сидит на добром кони,
Чужа мужика везет да й деревенщину,
А ко правому да стремени прикована!»
Посмотрела во окошечко да й с̄редня дочь,
Говорит она да й таковы слова:
«Наш-то батюшка сидит он на добром кони,
А везет ведь мужика да й деревенщину,
А ко правому да стремени прикована!»
Посмотрела во окошечко тут младша й дочь,
Говорит она да й таковы слова:
«Ай же вы, сестричушки любимые,
Умом-разумом вы не глупешеньки,
А ведь окушком вы есть тупешеньки, —
А ведь едет на коне, сидит мужик да деревенщина,
А везет ведь батюшку у правого у стремени!»
Тут скричали они да громким голосом:
«Ай же, м̄жевья наши любимые!
А берите-тка рогатины звериные
Да й бежите-тка в раздольцо чисто полё,
Ай убейте мужика да деревенщину!»
Так ведь эти мужевья любимые
А берут рогатины звериные
Да бежат в раздольцо чисто полё.
Как увидел их Соловей-разбойничек,
Закричал тут С̄ловей да й громким голосом:
«Ай же, з̄ятевья мои любимые!
А бросайте с рук рогатины звериные,
Подбегайте к добру молодцу близешенько
Да берите-тко за рученьки за белые,
За его за перстни за злаченые,
Да ведите-тко его в С̄ловьё во гнездышко,
Вы кормите его ествушкой сах̄рнеей,
Вы попойте его питьецом медвяным,
Вы дарите ему д̄ары драгоценные!»
Так ведь эти его з̄ятевья любимые
Побросали с рук рогатины звериные,
Подбегают к добру молодцу близехонько
Да й зовут его в Сол̄вьё в тоё гнездышко,
Хочут брать его за ручки за белые,
За его перстн̄й за злаченые.

Так ведь старьй казак да Илья Муромец,
А он выдернул да саблю вострую,
Разрубил его ведь зятевей любимых, —
Половину роет он серьйм волкам,
А вторую половину черным воронам,
А ведь сам слова тут выговаривал:
«А не ваш был кус и не вам поесть,
А не вам побить старого казака Илью Муромца».
Сам поехал дорожкой прямоезжей,
Прямоезжей дорожкой во стольный Киев-град.
Приезжает Илья да в стольный Киев-град,
Заезжает ко князю на широкий двор,
Становил коня он посреди двора,
Сам идет в палаты белокаменны.
Приходил в палаты белокаменны,
А он крест кладет да й по-писаному,
Да й поклон ведет да й по-ученому,
На две, на три, на четыре на сторонки поклоняется,
А ведь князю Владимиру в особину,
А и всем князьям да подколенным;
А ведь князь Владимир стольно-киевский,
А ведь он только пришел со церкви божиин,
А от той ли от обедни от христовскойей.
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Ты откуда, дуродний добрый молодец,
Ты с какой земли да из какой орды?
А какого ты отца есть, какой матери,
А какого будешь роду й племени?
А ведь как же тебя, молодца, да именём зовут,
Удалого величают по отечеству?
Да по имени тебе можно место дать,
По отечеству тебя пожаловать».
Отвечает тут старьй казак да Илья Муромец:
«А ведь есть я из города из Муромля,
Из того села да й Карачарова,
А ведь старьй казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Илья Муромец, да ведь крестьянский сын.
А приехал к тебе да и в услужение,
Послужить тебе да й верой-правдою,
Верой-правдою да неизменною,
Сохранять тебя я, князя-солнышка,

Да твою Апраксею й королевичну,
Сохранять я буду церкви божие.
Я заутреню ведь ту христовскую
Я стоял во городе й во Муромле,
Да й хотел сюда попасть к обедне в стольный
Киев-град.

Моя путь-дорожка призамешкалась,
Я не мог попасть ко городу ко Киеву, —
Я попал на рать—силу великую
Да под тем под городом Черниговом».
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Ай же ты, старый казак да Илья Муромец,
А которой дорожкой ехал ты в стольный Киев-град?»
Говорит тут старый казак Илья Муромец:
«Ай же, князь Владимир стольный киевский!
А ведь ехал я из города Муромля,
Из того села ли Карачарова,
А ведь ехал дорожкой прямоезжею,
Прямоезжей дорожкой прямо в Киев-град».
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Ай же ты, мужик да деревенщина!
Во глазах ты, мужик, да й насмехаешься,
Во глазах ты, собака, й подлыгаешься, —
Где тебе проехать дорожкой прямоезжейей?»
Прямоезжая ль дорожка заколодела,
Заколодела ль дорожка, замуравела,
Замуравела ль дорожка ровно й тридцать лет:
Так ведь никто тут не проезживал,
Да и пехотою никто тут не прохаживал,
Да и ни птица черный ворон не пролетывал,
Да и пестрый зверь тут не прорыскивал,
А сидит там Соловей-разбойничек,
Сидит Соловей-разбойничек Дихмантьев сын.
Как засвистит Соловей по-соловьиному,
Закричит Соловей да й по-звериному,
Так все травушки-муравы уплетались,
Все лазоревы цветочки отсыпалися,
А что есть людей — все мертвы лежат».
Говорит тут старый казак Илья Муромец:
«Ай же князь Владимир стольно-киевский!
А ведь Соловей-разбойничек Дихмантьев сын,
А ведь Соловей теперь на широком дворе,

На широком дворе да у добра коня
А ко правого ли стремени прикованный».
Как тут князь Владимир стольно-киевский
Одел кунью шубку на одно плечо,
Одел шапочку соболью на одно ушкó,
Да й пошел он скоренько на широкий двор;
Посмотрел он на Соловья-разбойничка,
Подходил он к Соловью близешенько,
Говорит он Соловью да таковы слова:
«Ай же ты, Соловей-разбойничек Дихмантьев сын!
Засвищи-тко, Соловей, по-соловьиному,
Закричи, собака, й по-звериному,
Зашипи-тко ты, проклятый, по-змеиному!»
Говорит тут Соловей-разбойничек:
«Ай же ты, князь Владимир стольно-киевский!
Не у тя я сегодня ведь ел да пил,
Не тебя ведь я й хочу послушати:
А сегодня я-то в поле ел и пил
А у старого казака Илья Муромца,
А его я могу й послушати;
Запечатались мои уста сахарние
Да й тех ли от раночек кровавых».
Да тут князь Владимир стольно-киевский
Налил полную чару зеленá вина,
Да не малую стопу — полтора ведра,
А подносит он Соловью-разбойничку.
А ведь этот Соловей-разбойничек,
Он выпил чару полтора ведра,
Говорит тут старый казак да Илья Муромец:
«А ты, Соловей-разбойничек Дихмантьев сын,
Засвищи-тко, Соловей, да в полсвиста,
Закричи-тко, Соловей, да в полкрика,
Зашипи-тко, Соловей, во полшипа!»
Так ведь этот Соловей-разбойник Дихмантьев сын,
Он почуял свою скорую ль кончинушку, —
Засвистал тут Соловей во полный свист,
Закричал тут Соловей во полный крик,
Зашипел тут Соловей во полный шип —
Там все травушки-муравы уплетались,
Все лазоревы цветочки отсыпалися,
А из тех ли теремов высоких
А хрустальные стеколышки посыпались,

А что есть людей вблизи, так все мертвы лежат.
А Владимир-князь он стольно-киевский,
А он по двору да в круге бегаёт,
Куньей шубкой да укрывается,
Говорит он казаку и таковы слова:
«Ай же старый казак Илья Муромец,
Илья Муромец ведь сын Иванович!
Пусть-ка Соловей-разбойничек Дихмантьев сын,
А пускай он не кричит здесь по-звериному,
Пусть, собака, не шипит здесь по-змеинному,
Да и не свищет пусть по-соловьиному».
Говорит тут старый казак да Илья Муромец,
Говорит он Соловью да таковы слова:
«Ай же Соловей-разбойничек Дихмантьев сын,
Ты зачем кричал во полный крик,
Ты зачем шипел во полный шип,
Ты зачем свистал во полный свист?
Я тебе велел свистать во полсвиста,
Я тебе велел кричать во полкрика,
Я тебе велел шипеть во полшипа,
Что же ты моего ль наказа не послушался?»
Говорит ему Соловей-разбойничек:
«Ай же старый казак да Илья Муромец!
Я зачуял свою ль скорую кончинушку, —
Оттого я стал кричать во полный крик,
Оттого я стал свистать во полный свист,
Оттого я стал шипеть во полный шип».
Так тут старый казак да Илья Муромец
Расковал тут Соловью он ножки резвые,
Расковал тут Соловью он ручки белые,
Отстегнул его от стремени булатного,
Брал его за ручки он за белые,
За его за перстни за злаченье,
Да и повел от князя с широка двора
А на тое ль поле на Куликово,
Приводил его на поле на Куликово,
Положил на плаху на дубовую,
Отрубил ему тут буйну голову, —
Половину роет он серым волкам,
А вторую половину — черным воронам.
Как ведь с той поры, с того времечка
А не стало и Соловья-разбойника.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ

Нунь сѣльнее могучее Иванище,
А шел как ѣн во Иерусѡлим-град
А господу ѣн богу помолиться ведь,
К господнему как гробу приложитися,
В Иордан ѣн речке окреститися.
Меженный день ѣн шел ведь по красному
по солнышку,
А осѣнну ночь как шел по самоцветным ѣн
по каменьям.
А сильнее могучее Иванище
А пришел ѣн нунь как тут во Иерусѡлим-град,
А богу как ѣн тут и помолился ведь,
К господню нунь как гробу приложился тут,
В Иордан как ѣн и речке окрестился ведь,
А назад шел мимо Киев-град.
Под Киевом как было ведь под городом
Стоит тут рать как силушка великая:
Наехало поганое Удолище,
А нагнал ведь рать — силу великую
Под славный как ѣн под Киев-град,
А сам-то ехал ѣн ко князю ко Владимѣру,
Забрался ѣн в палаты белокаменны.
А сѣльнее могучее Иванище
А с этой было силы со великой
А выхватил ѣн тут да и татарина,
А у татарина да ѣн выпрашивал:
«Скажи-ка ты, татарин, не утай себя,

Какой у вас да за богатырь есть
А сильнее могучее поганое Удолище?»
А тут-то ведь татарин Иванищу высказывал:
«А росту есть как ён высокого,
А толщина да как ведь копна сенная,
А голова-то у его что пивной котёл,
А глаза-то что ведь ложки бурлацкие,
А локоть у его — и с локоть есть
У сильного могучего богатыря».
А сильный могучий Иванища
Не смел напасть на рать — силу великую,
На сильного могучего богатыря,
На поганого да ён Удолища,
А сам-то еще и вперед пошел,
А пошел как мимо Киев-град,
Мимо того-то князя-то ведь Владимёра,
А назад пошел во матушку Русиюшку.
Навстречу попасть тут ведь старый казак

Илья Муромец,

Илья Муромец да сын Иванович,
У Иванищи как ён ведь выпрашивал:
«Ай сильный могучий ты Иванище!
А шел еще ты мимо Киев-град,
А всё ли как тут во Киеве по-старому,
А всё ли во Киеве по-ладному
У того-то ведь князя да у Владимёра?»
Говорил тут сильнее могучее Иванище,
Говорил он тут таковы слова:
«Во Киеве как было по-старому,
Во Киеве как было по-ладному
У того князя да у Владимёра;
Как стоит под Киевом да рать-то силушка велика,
А как нагнано у поганого Удолища,
Что сине море да колыбается;
Сам забрался ведь поганое Удолище,
Сам забрался к тому князю ко Владимёру,
Ко Владимёру да нунь в палаты белокамённые».
Говорит как ему старый казак Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович:
«Ай же сильнее могучее Иванище,
Скидывай-ка платьё ты каличище,
Одевай-ка мои платья богатырские,

А давай-ка ты мне шляпу во сорок пуд,
А давай-ка ты мне посох о девяносто пуд,
Пойду я ль ведь каликой перехожею
Во славный я ль во Киев-град,
К тому князю я ко Владимёру;
А на-ка ты, держи-ка моего коня,
А держи-ка ты коня да ведь дó меня.
Старый казак ведь Илья Муромец,
Пошел как ён каликой перехожею,
Пошел как ён во славный ведь во Киев-град
Ко тому-то ко князю ко Владимёру.
Приходит он каликой перехожею
Во славный-то ён во Киев-град
Ко князю да ко Владимёру.
Подходил как ён к палаты белокамённой,
Старый казак Илья Муромец,
А просит у окна ён милóбстыни.
А у князя как было у Владимёра,
А было тут погано ведь Удолище
В этих ведь палатах белокамённых;
Говорило тут поганое Удолище:
«Откуда есть калика перехожая?»
Говорил как еще старый казак Илья Муромец:
«А естя я из города из Муромля,
Из села как было Карáчева».
Говорил да тут поганое Удолище:
«Заходи-ка ты во палаты белокамённые».
Ну, старый казак ведь Илья Муромец
Заходил в палаты белокамённые
Ко князю-то как было ко Владимёру.
За столом сидит поганое Удолище,
А сильный могучий ён богатырь был,
А стал как у калики ён выпрашивать:
«У вас во городе да ведь во Муромле
А сильный там могучий ведь богáтырь есть,
А старый казак ведь Илья Муромец:
Какой ён есть ростом, какой волосом?»
Говорил как еще старый казак Илья Муромец,
Говорил как ён поганому Удолищу:
«А гляди-ка ты да на меня,
А Илья-то словно как и я ведь естя».
Говорит как тут поганое Удолище;

«А старьй ведь казак Илья Муромец
Помногу ли съедал питьва-естьва ён?»
Говорит калика перехожая
Поганому как тут ведь Удолишу:
«А старьй ведь казак Илья Муромец,
А к выти ён съедает три крупивчата калачика,
А питья как выпивает на три медных пятачика».
Говорит как тут поганое Удолище:
«Этот богáтырь кабы здесь да был,
А и на руку его брал бы я,
Другой сверху хлопнул — с его блин бы стал,
С вашего да с русского богатыря,
Со старого казáка Ильи Муромца.
А я-то ем по три печи ведь хлебушка печеного,
По коровы я да по яловой,
А питья-то выпиваю я да бочку пйвную».
А старьй казак Илья Муромец
Говорит поганому Удолищу:
«У нас как во городе Муромле
У попа была корова ведь обжорлива,
Много ела-пила да и лопнула;
А тебе-ка нунь ведь не минуть беды —
Помного ешь да пьешь, да и лопнешь ты».
Поганому как было ведь Удолишу
Таковы слова да й не слюбилися.
Схватил как ён ножище ведь, кинжалище,
А бросил ён в калику перехожую
Это ён ножище, ён кинжалище,
А в старого казака Илью Муромца.
А старьй казак ведь Илья Муромец,
На ножку ён был ведь легошенек,
А сам был ён повернешенек,
А тут ён было как и прйскочил,
Сторонку как ён и отвернулся ведь
От этого ножища ведь, кинжалища.
А это ведь ножище, как кинжалище,
А стало ведь тут в двирь дубовую,
А высадило двирь с придвирникамы.
А много там убило сторожа да и татаровей,
А старьй казак ведь Илья Муромец
Со своим-то как посохом принáскочил,

Ударил как поганого Удолища,
Ударил как его буйну голову.
А тут Удолище да нуньку хамкать стал.
Говорил как еще старый казак Илья Муромец:
«Ай же ты, поганое Удолище,
От одного удару ты как хамкать стал».
Старый казак ведь Илья Муромец,
Хватит как ён поганого Удолища,
Ай, сильного, могучего богатыря,
Хватил как его да за ноги,
А тропнул как его да о кирпичный пол.
От того ли от удару богатырского
Терема как тут да зашаталися,
Хрустальные околицы посыпались.
Тут богатырю славу поют.
Ну, старый казак Илья Муромец,
Шел ён во чисто поле пехотою,
Прибил как ён рать — силу великую,
Ни единой ён ведь да головушки
Не оставил ён поганых и на сѣмяна.
Сам как ён да шел ко добру коню
Со этой ён со битвы, со битвы со великою
А к сильному могучему Иванищу.
Как приходит ён к могучему Иванищу, —
Иванище стоит как да и весь в слезах,
Не может ён держать кóня доброго.
Старый казак ведь Илья Муромец,
Говорил как ён могучему Иванищу:
«Ай же сильный ты, могучий ведь Иванище,
Ай, силы у тебя да с два меня,
А ухватки у тебя и половинки нет».
А тут богатыри перекружилися,
А тут ёны да ведь переодилися.
Илья-то ведь поехал на добром кони,
Иванище пошел да ведь пехотою.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИЗДОЛИЩЕ

А пошел молодец на чужу сторону,
На злодеюшку, парень, пошел незнакомую.
Не несут, молодца, меня ноги резвые,
Не глядят у молодца да очи ясные,
А катится буйна голова со могучих плеч.
А навстречу молодцу гуня сараџинская.
Говорила к ёму гунюшка сараџинская:
«Уж ты здравствуёшь, удалой да доброй молодец!
А куда ты идешь, куда ты правишься?» —
«А я иду как ко городу ко Киеву,
А ко ласкову князю да ко Владимиру,
А ко той же к Опраксеи-королевични,
А мне осподу-богу помолитися,
Ко святым-де мощам надо приложитися,
А князю Владимиру покоритися,
А Опраксеи-княгини да извинитися.
А ты давно ле нонь, гунюшка, из Киева?
А еще всё ле во Киеве по-старому,
А еще всё ле во Киеве по-прежнему,
А еще нет ле у нас в Киеве чего нового?»
А говорила ёму гунюшка сараџинская:
«Уж ты ой, удалой да доброй молодец!
Да большо у нас в городе смешеньицо,
А велико у нас в Киеве потрясенъицо.
А ко нашому ко городу ко Киеву,
А ко нашому князю ко Владимиру
А подошло где Издолище поганое,
А поганое Издолище, проклятое.

А голова-то у Издолища как пивной котел,
 А между носом глаза нонь — да калена стрела,
 Да в плечах-то Издолищо всё коса сажень.
 А сидит он во грынюшке столовой тут,
 А за тем же за столиком за кленовым же
 А с той же с княгиной да со Опраксейей,
 А еще князь-от Владимир да ёго потчуёт.
 А да еще у нас в Киеве заповедано:
 А кто помянёт у нас да Илью Муромца,
 А да такового у нас да нонь судом судить,
 А судом где судить, да живому не быть, —
 Очи ясны вымать ёго косицами,
 Да язык бы тянуть да ёго теменём».
 А спросил где Илья да нонче Муромец:
 «А где как русские богатыри?»
 Отвечала ёму гуня да сарацинская:
 «А богатырей в Киеве не случилось,
 А сильних-могучих не погодилося:
 А Добрынюшка уехал на теплы воды,
 А Илеюшка уехал да тут на родину».
 Говорил где-ка удалой да доброй молодец:
 «Уж ты ой еси, как гунюшка сарацинская!
 А уж дай-ко мне клюку да всё чугунную,
 Я пойду-де в украинку в Поморскую».
 А дала где она клюку чугунную.
 А еще тут-де удалой да доброй молодец
 А пошел-де украинку Поморскую,
 А во ту-де во лавочку во питейную,
 А на тот пошел парень на царев кабак,
 А где пьют-де-ка голи да всё кабацкие,
 А те-де калики да перехожие.
 А говорил где удалой да доброй молодец:
 «А уж вы ой еси, голи да всё кабацкие,
 А те же калики да перехожие!
 А опохмельте меня вы, да доброго молодца,
 А со дороги меня да вы со дальнее,
 С перегару вы меня да со великого».
 А тут же как голи да всё кабацкие,
 А тут-де калики да перехожие
 А скинулись с денёг по полтинушке,
 Насбирали они, голи, на полтора ведра,
 А купили они, голи, всё зелена вина,

А наливали где-ка чарочку зелена вина,
Да не малу, не велику — полтора ведра,
А подавали где дороднёму доброму молодцу.
А берет молодец-от единой рукой,
А пьет молодец-от к единому духу.
А хмелинушка в башки тут проявилася,
А говорил где удалой доброй молодец:
«А уж вы ой еси, голи да всё кабацкие,
А те всё калики перехожие!
А опохмелили вы меня, доброго молодца,
А у меня денёг с собой тут не случилось,
Серебра-то с собой не погудилося.
А у меня есть на груди да тут чудён тут крест,
А у меня крест-от тянёт да полтора пуда,
А цена-то кресту была назначена.
А не много, не мало — да тут пятьсот рублей:
А в кресту ту ведь часть была чистого серебра,
А больша половина красного золота,
А третья-то часть да скатного жемчуга.
А уж вы ой еси, голи да всё кабацкие!
А подите вы во лавочку серебряну,
А к тому же к купцу да ко торговому,
А вы продайте этот крест мой за пятьсот рублей,
А по цене не возьмет, да крест в заклад возьмет».
А ещё тут как голи да рады-веселы,
А пошли где во лавочку во серебряну,
А к тому же к купцу всё торговому,
А говорят они сами да таковы слова:
«А уж ты ой еси, купец да всё торговый нонь!
А-й возьми ты у нас да тут чудён же крест,
А по цене не возьмешь, да крест в заклад возьми.
А у нас крест-от как тянёт да полтора пуда,
А цена-то кресту была назначена
А не много, не мало — да всё пятьсот рублей:
Половина-то была да чистого серебра,
А третья-то часть да красного золота,
А меньша-то часть была скатного жемчуга».
А тут же купец да всё торговый тут,
Говорил-де он им да таковы слова:
«Уж вы ой еси, голи всё кабацкие,
А те где калики перехожие!
А уж вы где этот взяли да нонь чудён тут крест?»

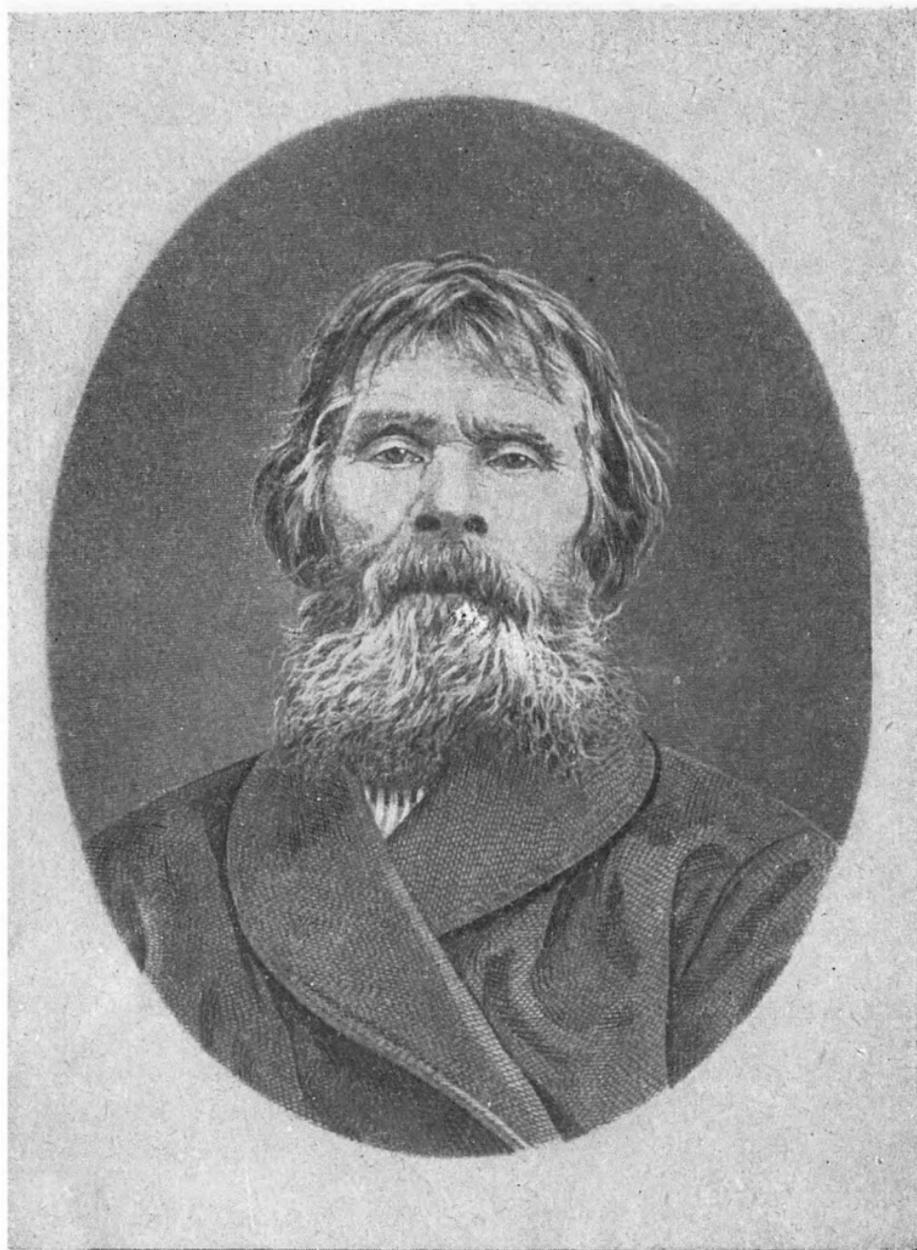
А говорят где-ка голи да всё кабацкие:
«А мы пьем-де во лавочке во питейное,
А пришел к нам удалой доброй молодец,
А принес-де-ка нам этот чудён тут крест».
А еще тут же купец да всё торговый тут,
А да за крест-от им дал да всё пятьсот рублей,
А награды он дал им ровно триста им,
А говорил где-ка сам таковы слова:
«А обогрело-осветило красно солнышко,
А откуль где-ка взялся да доброй молодец».
А еще тут-де голи да рады-веселы,
А пошли они во лавочку во питейную
А пить-де они всё зелена вина.
А еще тут купец да всё торговый тут
А положил этот крест на блюдо серебряно,
А да пошел-де ко городу ко Киеву,
А к тому же ко князю ко Владимиру,
А принес-де ему нонче подарочки,
А говорил где-ка сам таковы слова:
«А уж ты ой еси, Владимир стольне-киевский!
А прими мои подарочки немалые,
А немалые подарочки — во пятьсот рублей».
А выходил где тут купец на широкий двор,
А выходил где Владимир за им сам ведь вон,
Говорил где Владимир да стольне-киевский:
«А послушай-ко, купец да всё торговый тут!
А где эти взял нонь подарочки?»
Говорил где-ка купец да всё торговый тут:
«А из той же из лавочки из питейное,
А из той стороны из украинное
Приходили ко мне голи всё кабацкие,
Приносили они мне всё чудён тут крест».
А говорил-де Владимир таковы слова:
«А просветило тут ведь нонче красно солнышко,
А провещается как тут доброй молодец».
А еще тут-де Владимир стольне-киевский,
А да сряжался тут Владимир по-дорожному,
А да пошел-де украинку Поморскую,
А на тот-де пошел на царев кабак,
А где пьют-де-ка голи всё кабацкие,
А где сидел где-ка тут доброй молодец.

Ай да заходит Владимир-князь на царев кабак,
Отпирает-де двери да с крюков на пяту.
А голи кабацки испугались,
По углам-то как голи разбежались,
А сидит только один доброй молодец,
А говорил где-ка тут доброй молодец:
«Уж ты здравствуёшь, Владимир стольне-киевский!
А уж всё ле у вас в городе по-старому,
А нету ле у вас в Киеве чего нового?
Еще всё ле у вас в Киеве по-прежнему,
А по-прежнему в Киеве, по-досельнѣму?»
А говорил-де Владимир, слезно плакал сам:
«Уж ты ой еси, удалой доброй молодец!
Да у нас-то во городе во Киеве,
А большо у нас в Киеве смешеньицо,
А велико у нас в Киеве потрясеньицо.
А ко нашему ко городу ко Киеву,
А ко мне всё, ко князю ко Владимиру,
Подошло-де Издолищо поганое,
А поганое Издолищо, проклятоё,
А овладел-де у нас крашон Киев-град
А еще со своей-де силой неверной тут.
А сидит он во грынюшке во столовой тут
А со той же Опраксеей-королевичной,
А за тем же за столиком за кленовым,
А я, князь Владимир, его потчую.
Да на завтра-то мне да смерть назначена.
Да еще у нас в Киеве заповедано:
А кто помянѣт нонче Илью Муромца,
Да такого бы из нас щобы судом судить,
А судом-де судить, живому не быть, —
Очи ясны вымать ёго косицами,
А язык-то тянуть бы ёго теменѣм,
А рубить бы, казнить буйна голова».
А еще тут молодцу за беду пришло,
За велику досаду показалось,
Говорил молодец таковы слова:
«А уж вы ой еси, голи всё кабацкие!
А скиновайте-тко платьѣ, которо хуже всех,
А одевайте мое платьѣ хорошое.
А уж вы ой еси, калики перехожие!
А дайте вы мне кто ле корзиночку,

А я пойду-де ко князю ко Владимиру,
А просить-де Христа ради милостину,
А хоть не ради тут бога, — ради Ильи Муромца».
А еще как тут-де голи догадались,
Извинялись они Ильи Муромцу.
А он пошел-де со князем со Владимиром,
А тут-де-ка князь рад и весел тут.
А наложил корзинку на леву ручушку,
А в праву руку клюку чугунную,
А он пошел-де со князем со Владимиром.
А приходят тут к воротам ко кленовым,
А приходят тут они к широку двору, —
А воротца были тут призапёрты,
А призапёрты ворота, призаложены.
А еще слуги-де были всё неверные,
А те же татары всё нерусские,
Запустили тут князя всё Владимира,
А не пустили калики перехожие,
А заложили воротца всё кленовые,
А задвинули задвижечки всё серебряны,
А закинули запоры всё чугунные.
Говорила калика тут перехожая:
«Уж вы ой, татары всё поганые!
Запустите калику перехожую,
А хоть не д'ради меня, — ради Ильи Муромца».
Говорят тут как слуги всё неверные:
«Уж ты ой еси, калика всё проклятая!
А уйди ты, калика, от ворот сдой.
А у нас тут в городе заповедано:
А кто помянёт у нас Илью Муромца,
А такого бы у нас казнить-весити,
А судить-то ведь нам да своим судом».
А еще тут-де калике за беду пришло,
За велику досаду показалось.
А топнул калика левой ножечкой,
А толкнул-де калика правой ручушкой,
А еще петёлки серебряны поломались,
А позолочёны защёлочка извихались,
Улетели воротца среди двора.
А зашел-де калика на широкий двор,
Проходя идет калика по новым сеням,

Проходя идёт калика во светлу грядню,
 А где сидит где Издолищо поганое.
 А крест-от кладет по-писаному,
 А поклон-от ведет по-ученому,
 А говорил он ведь сам таковы слова:
 «Уж ты ой еси, Владимир стольне-киевский,
 Уж ты здравствуй-ко, Владимир стольне-киевский
 Да со той же с княгиной со Опраксеей!
 А подай мне Христа ради милостину,
 А той же калике перехожое,
 Хоть не д'ради меня, — ради Ильи Муромца».
 А еще тут-де Владимир стольне-киевский,
 Еще брал где-ка блюдо да всё серебряно,
 А насыпал где-ка злата, чистого серебра,
 Насыпал где-ка злата нонче дополна,
 Подавал калике перехожое.
 А берет тут калика единой рукой,
 А высypал тут калика тут в корэиночку.
 А да сидит-де Издолищо проклятое,
 А да сидит, на калику всё поглядывают.
 Говорил Издолищо поганое:
 «Уж ты ой еси, калика перехожая!
 А знашь ле ведь ты как Илью Муромца?»
 А отвечала калика перехожая:
 «А как я не знаю да Ильи Муромца?» —
 «А много ле у вас Илья хлеба-соли ест?» —
 «А хлеба-то он ест по калачику». —
 «А еще много ле у вас Илья воды тут пьет?» —
 «А воды-то он пьет по стаканчику».
 Говорил тут Издолищо поганое:
 «Еще мало у вас Илейка хлеба-соли ест,
 Еще мало он, Илеюшка, воды тут пьет.
 А я хлеба-то ем по кулю за раз,
 А говядины я ем по быку за раз,
 А воды-то я пью по сороковочки».
 Говорила тут калика таковы слова:
 «А у моего было всё у батюшка,
 А была-де корова большобрюхая,
 А объелась она сена, опилась воды,
 Опилась-де воды — брюхо лопнуло».
 Еще тут же Издолищу за беду пришло,
 За велику досаду: показалося,

А хватил-де Издолищо нонь булатный нож,
А шибал он в калику перехожую.
А на то-де калика он догадлив был,
Отскочил-де калика в праву сторону,
А еще тут-де-ка нониче булатный нож
Да зашел в ободверенку кленовую,
А зашел в ободверину вплоть до черёна.
А еще тут же калика перехожая
А поднял-де-ка тут клюку чугунную,
А стукнул Издолища ёго в голову.
Еще тут-де Издолищо поганое,
А высунул он язык он до вилок тут,
А глаза его больши вон повылетели,
А свалился со стула да со кленового,
А упал-де Издолищо на крашон пол.
А схватил-де Илейка за честны кудри,
А тащил он ёго ведь вон из комнаты,
Вытаскал он ёго тут на широкий двор,
А бил ёго тут сколько надобно,
Отрубил у Издолища буйну голову,
А тушу разрубил он на мелки куски,
Разбросал он ёго по всёму городу.
Закричал-де калика громким голосом,
А услышал его конь-лошадь богатырская,
Прибегал к калике перехожое.
А садился тут калика на добра коня,
А втыкал он буйну голову на остро копье,
А ехал калика по всёму городу,
А выехал калика по-за городу
А на то же как полё на широкоё,
А втыкал он главу на железный прут,
А сам говорил таковы слова:
«Уж ты ой еси, глава да всё Издолищова!
А дуй тебя, главу, да ветры буйные,
А секи тебя, главу, да часты дожди нонь,
А грайте над тобой вороны черные».
А тут-де Издолищу славы поют.

АЛЕША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН

Из дáлече-далéче из чиста поля
Тут едут удалы два молодца,
Едут конь-ó-конь, да седлó-о-седло,
Уздú-о-узду да тосмяную,
Да сами меж собой разговаривают:
«Куды нам ведь, братцы, уж как ехать будёт:
Нам ехать, не ехать нам в Суздаль-град?
Да в Суздале-граде питья много,
Да будёт добрым молодцам испропитися —
Пройдет про нас славушка недобрая;
Да ехать, не ехать в Чернигов-град?
В Чернигове-граде девки хороши;
С хорошими девками спознаться будёт —
Пройдет про нас славушка недобрая;
Нам ехать, не ехать во Киев-град,
Да Киеву-городу на оборону,
Да нам, добрым молодцам, на выхвальбу».
Приезжают ко городу ко Киеву,
Ко тому же ко князю ко Владимиру,
Ко той же ко гриденке ко светлой;
Ставают молодцы да со добрых коней,
Да мечут коней своих невязанных,
Никому-то коней да не приказанных,
Никому-то до коней да, право, дела нет;
Да лязят во гриденку во светлую,
Да крест-от кладут да по-писаному,
Поклон-от ведут да по-ученому,
Молитву творят да всё Исусову,

Они бьют челом на все четыре стороны,
 А князю с княгиней на особинку:
 «Ты здравствуй, Владимир стольно-киевский!
 Ты здравствуй, княгиня мать Апраксия!»
 Говорит-то Владимир стольно-киевский:
 «Вы здравствуй, удалы добры молодцы!
 Вы какой же земли, какого города,
 Какого отца да какой матушки?
 Как вас, молодцов, да именём зовут?»
 Говорит тут удалой доброй молодец:
 «Меня зовут Олешой нынь Поповичем,
 Попа бы Левонтья сын Ростовского,
 Да другой-от Еким — Олешин паробок».
 Говорит тут Владимир стольно-киевский:
 «Давно про ты весточка прохаживала, —
 Случилось Олешу в очи видети;
 Да пёрво те место да подле меня,
 Друго́ тебе место супротив меня,
 Третьё тебе место — куды сам ты хошь».
 Говорит-то Олешенька Попович-от:
 «Не сяду я в место подлѣ тебя,
 Не сяду я в место супротив тебя,
 Да сяду я в место, куды сам хочу,
 Да сяду на печку на муравленку,
 Под красно-хорошó под трубно окно».
 Немножко поры-де миновалось,
 Да на пятау гриня отпиралась,
 Да лазат-то чудо поганое,
 Собака Тугарин был Змеевич-от;
 Да богу, собака, не молится,
 Да князю с княгиней он не кланятся,
 Князьям и боярам он челом не бьет;
 Вышина у собаки ведь уж трех сажон,
 Ширина у собаки ведь двух хват,
 Промежу ему глаза да калена стрела,
 Промежу ему ушей да пядь бумажная.
 Садился, собака, он за дубов стол,
 По праву руку князя он Владимира,
 По леву руку княгини он Апраксии;
 Олешка на запечье не утерпел:
 «Ты ой есь, Владимир стольно-киевский!
 Али ты с княгиней не в любе живешь?»

Промежу вами чудо сидит поганое,
Собака Тугарин-от Змеевич-от».
Принесли-то на стол да как белу лебедь,
Вынимал-то собака свой булатен нож,
Поддел-то, собака, он белу лебедь,
Он кинул, собака, ей себе в гортань,
Со щеки-то на щеку переметыват,
Лебѣжьѣ косьѣ да вон выплюиват,
Олеша на запечье не утерпел:
«У моего у света у батюшка,
У попа у Левонтья Ростовского
Был старо собачищо дворовое,
По подстолью собака волочилась,
Лебежею костью задавилася;
Собаке Тугарину не минуть того, —
Лежать ему во дѣлече в чистом поле».
Принесли-то на стол да пирог столовбѣй,
Вымал-то собака свой булатен нож,
Поддел-то пирог да на булатен нож,
Он кинул, собака, себе в гортань,
Олешка на запечье не утерпел:
«У моего у света у батюшка,
У попа у Левонтья Ростовского
Было старо коровищо дворовое,
По двору-то корова волочилась,
Дробиною корова задавилася;
Собаке Тугарину не минуть того, —
Лежать ему во далечем чистом поле».
Говорит-то собака нынѣ Тугарин-от:
«Да что у тя на зѣпечье за смерд сидит,
За смерд-от сидит, да за засельщина?»
Говорит-то Владимир стольно-киевский:
«Не смерд-от сидит, да не засельщина,
Сидит русский могучий да бѣгатырь,
А по имени Олешенька Попович-от».
Вымал-то собака свой булатен нож,
Да кинул собака нож на запечье,
Да кинул в Олешеньку Поповича;
У Олешки Екимушко подхвядчив был, —
Подхватил он ведь ножичѣк за черешок,
У ножа были припой нынѣ серебряны,
По весу-то припой были двенадцать пуд.

Да сами они-де похваляются:
«Здесь у нас дело заезжое,
А хлебы у нас здесь завозные,
На вине-то пропьем, хоть на калаче проедим».
Пошел-то собака из-за столъя вон,
Да сам говорил-де таковы речи:
«Ты будь-ко, Олеша, со мной на полё».
Говорит-то Олеша Попович-от:
«Да я с тобой, с собакой, хоть топере готов».
Говорит-то Екимушко да парубок:
«Ты ой есь, Олешенька, названный брат!
Да сам ли пойдешь али меня пошлешь?»
Говорит-то Олеша нынь Попович-от:
«Да сам я пойду, да не тебя пошлю, —
Да силы у тя дак есть ведь с два меня».
Пошел-то Олеша пеш дорогою,
Настрету ему идет названный брат,
Названный-от брат идет Гурьюшко,
На ногах несет поршни кабан-зверя,
На главы несет шелон земли греческой,
Во руках несет шальгу подорожную,
По весу была шальга девяносто пуд,
Да той же шальгой подпирается;
Говорит-то Олешенька Попович-от:
«Ты здравствуй, ты мой ты названный брат,
Названный ты брат да ведь уж Гурьюшко!
Ты дай мне-ка поршни кабан-зверя,
Ты дай мне шелон земли греческой,
Ты дай мне шальгу подорожную».
Наложил Олеша поршни кабан-зверя,
Наложил Олеша шелон земли греческой,
В руки взял шальгу подорожную;
Пошел-то Олеша пеш дорогою,
Да этой шальгой подпирается.
Он смотрел собаку во чистом поле,
Летаёт собака по-поднебесью,
Да крыльё у коня нонче бумажное.
Он втапоры, Олеша, сын Попович-от,
Он молится спасу-вседержителю,
Чудной матери божей богородици:
«Уж ты ой еси, спас да вседержитель наш,
Чудная есть мать да богородица!

Пошли, господь, с неба крупна дожджа,
Подмочи, господь, крыльё бумажное,
Опусти, господь, Тугарина на сыру землю».
Олешина мольба богу доходна была:
Послал господь с неба крупна дожджа,
Подмочилось у Тугарина крыльё бумажное,
Опустил господь собаку на сыру землю;
Да едёт Тугарин по чисту полю,
Крычит он, зычит да во всю голову:
«Да хошь ли, Олеша, я конем стопчу,
Да хошь ли, Олеша, я копьём сколю,
Да хошь ли, Олеша, я живком сгложу?»
На то-де Олешенька ведь верток был,
Подвернулся под гриву лошадиную;
Да смотрит собака по чисту полю,
Да где-де Олеша нынь стоптáн лежит;
Да втапору Олешенька Попович-от
Выскакивал из-под гривы лошадиной,
Он машет шальгой подорожную
По Тугариновой-де по буйной головы;
Покатилась голова да с плеч, как пуговица,
Свалилось трупё да на сыру землю.
Да втапору Олеша сын Попович-от
Имаёт Тугаринова добра коня,
Левой-то рукой да он коня дёржит,
Правой-то рукой да он трупё секет;
Рассек-то трупё да по мелку часью,
Разметал-то трупё да по чисту полю,
Поддел-то Тугаринову буйну голову,
Поддел-то Олеша на востро копьё,
Повез-то ко князю ко Владимиру;
Привез-то ко гриденке ко светлой,
Да сам говорил-де таковы речи:
«Ты ой есь, Владимир стольно-киевский!
Буде нет у ты нынь пивна котла —
Да вот те Тугаринова буйна голова;
Буде нет у ты дак пивных больших чаш —
Дак вот те Тугариновы ясны́ очи;
Буде нет у ты да больших блюдищов —
Дак вот те Тугариновы больши ушища».

АЛЕША И ЗМЕЙ-ГОРЫНЫЧ

Как у нас ноня солнце стала нá вечер,
А у князя беседа стала нáвесель.
Да княгиня по сенюшкам похаживала,
А княгиня по сенюшкам похаживала,
Широкими рукавами поразмахивала
Да крутыми бедра́ми поворачивала,
Да крутыми бедрами поворачивала,
Она часто в окошечку поглядывала,
Да ждала-поджидала дружка миленького,
Да ждала-поджидала друга милого,
Ну того она друга — Змея лютого,
Ну и лютого Змея всё Горыничева,
Ну и лютого Змея всё Горыничева.
Как и трошки-немножко всё помешкамши,
Не буйные ветры сподымались,
Не буйные там ветры сподымались,
Что с́ня моря сколыхалася,
Не сырые дубочки к земле клонятся,
Не сырые дубочки к земле клонятся,
Там летит-то собака по-над небезью,
Да повыше лесочка всё стоячего,
Вот повыше лесочка всё стоячего,
А пониже вот облака ходячего.
Не одна-то собака — со товарищем своим,
Не одна летит собака — со товарищем,
Ну и с тем со товарищем добр́ым-то конем.
На коне сидит собака, что сенная копна,
На коне сидит собака, что сенная копна,

Голова у собаки со пивной-то котел,
А глаза у собаки с большу чашищу,
А глаза-то у собаки с большу чашищу,
Со тбю-то ведь чашу соловецкую,
Соловецкую чашу, городецкую,
Соловецкую чашу, городецкую.
Прилетает собака ко палатушкам,
Княжелецкие кони перпужалися,
Княжелецкие кони перпужалися
Да порвали поводьицы шелкбвые,
Разогнули колечки золбченые,
Разогнули колечки золоченые,
Поломали столбочки всё дубовые.
Как Алешин конечек всё не трохнется,
Как Алешин конечек всё не трохнется,
Богатырская седельца не ворохнется.
Вот идет-то собака во палатушки,
Вот идет-то собака во палатушки,
Да во те во палаты белы каменные,
Он с князьями-боярами не здравствуется,
Он с князьями-боярами не здравствуется,
А с княгиней Анельфой здоровляется.
Вот берет ее собака за белы-то руки,
Вот берет ее собачища за рученьки
Да целует в уста ее сахбрные,
Во большую-то места всё усаживается,
Во большую-то места всё усаживается,
Наливает собака со ведра-то вина
Да по целому лебедю за скулы кладет,
Да по целому лебедю за скулы кладет.
Взговорил речь Алеша Змею лютому:
«Ну и что же ты, что к нам за невежа пришел,
Ну и что же ты, что к нам за невежа пришел?
Во большую, собачища, ты места полез,
Не уважил ты князя со княгинюшкою,
Не уважил ты князя со княгинюшкою.
Вот пойдем с тобой в поле переведаемся!»
Испужался Змей лютый да под лавку полез.

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

Как говорит-то тут он да матушке,
Молодой Добрынюшка Микитинец:
«Какá же ты, моя рѣдна матушка,
Честнá вдова Офимья Тимофеевна,
Дай-ка-ва мни-ка-ва да прощеньица,
А дай-ка-ва благословеньицѣ
Во Пучáй во реки покупатися».

Как гѣворит ведь, говорѣт-воспроговорит:
«Не дам тебе-ка я да прощеньица,
Не дам тебе, дитя, благословеньицѣ.
Что кто во Пучай-реки купался ведь,
Счастлѣв-то оттуль не выхаживал,
Счастлив ведь оттуль не повыйти-то,
Как будь теряшь головку молодецкую,
Молодецкую, безотецкую». —

«Как дашь прощенья, да тут поеду я,
Не дашь-то ведь прощенья, поеду я».

Как мать-то была тут да не дѣрная,
Подумала умом да своим-то ведь:
Как дала тут ему да прѣщеньѣ,
Дала ему тут благословеньицѣ.

Поехал он во Пучай-реки купатися,
Скѣдавался он да ведь нáголо-то,
Спускался он еще во Пучай-реки.
Как струю-то нырнул да перѣнырнул,
Как другую нырнул да перенырнул,
Как третью ту нунь да начал нырять —
Не темнѣе ли тучи из-за тучѣ,
Не темнѣ облака да попáдали, —
Как летит ведь Змея да Поганый,

Отворила ворота да широкие,
Хотела Добрынюшку да съисть-склевать,
Предать-то ведь Добрыне да скору смерть.
Как выскакал Добрыня на крутой берёг,
Зачерпнул песку да ведь шляпу ведь.
Как тут-то только да Змея налётела,
Хотелось ей склевать да ведь наскоре, —
Махнул ведь шляпой да пошибал,
Ушибил три хобота наилучших,
Пала ведь Змея на сыру землё.
Скочил Добрынюшка на белую грудь:
«Как побью, Змею, я тебя теперь».
Как тут Змея ему взмолилася,
Тут Змея ему воскорилася:
«Не буду я летать по Русиюшке,
Не буду я хватать да народу-то,
Не буду я глотать да скотины ведь».
Добрыня ведь спустил-ка Змею тутó.
Полетела Змея да Поганая,
Как полетела, залетала-то, залётала, —
Гуляла-то князья ныне да племянница
Бавушка да Забавница
С няньками, со служанками,
Схватила 'на как племянницу,
Утащила во горы змеиные,
Во дальние те во Оскорйные.
Как тут у князя ныне не стало-то ведь,
Не стало-то ведь да племянницы.
Задрнул Владимир стольнё-киевский,
Задрнул он да почестный пир,
Собирал князей да ведь бяр-то,
Тех ли именитых купцей пребогатых,
Сильных могучих богатырей,
Как полениц-то было удалых.
Как вси-то на пиру прибрался ведь.
Молодой Добрынюшка Микитинец
Говорит своей родной маменьке:
«Ай же ты, моя родна матушка,
Честна вдова Офимья Тимофеевна!
Как дай-ка еще да прощеньице,
Дай-ка мне еще благословеньице
Идти-то мне теперь на почестный пир».

Как говорит-то мать таковы слова:
«Не дам-то тебе я еще я прощеньицё,
Не дам тебе еще благословеньицё,
Не знайся-ка, дитя, да ни с князяма,
Не знайся-тко, дитя, с боярами,
Не знайся-тко, дитя, со сильнамы с богатырьми, —
Как будь терять головку молодецкую,
Молодецкую, безотецкую».

«Как дашь ты-то мне — пойду тут,
Не дашь ты мне прощенья — пойду ведь я».

Как мать была да не дурная,
Дала ведь ему прощеньица,
Дала ведь ему да благословеньица.

Пошел-то ведь Добрыня на почестный пир,
Давают ему мисто, дают не меньшее,
Давают ему мисто всё большее.

Садят-то его тут да в большой угёл,
Как наливают чару зеленá вина, —
Мерой была чара, была полтора ведра,
Весом была чара полтора пудá;
Принял-то чару да он одной рукой,
А выпил на один-то вздох.

Дают ему-то ведь пива пьяного —
Мера была, весом тут была;
Принимал-то он меру да одной рукой,
Как выпивает он на один-то вздох.

Как и третью-то ему — меду сладкого, —
Такова же мера, не меньше есть;
Как принял-то он да одной рукой,
Как выпил-то ведь он на один-то вздох.

Как тут ведь да как да красное солнышко,
Красное солнышко да в полдён кипит, —
Почестный пир вполднй встает;
Как красно солнышко да при вечере,
Почестен пир-то вись да при веселе.

А вси оны, стали оны пьянехоньки,
А вси оны, стали оны веселешеньки,
А вси оны порасхвастались.

Как тот да-ка ведь князь да Владимир-то,
Говорил-то он да таковы слова:
«Ай же вы, князя да ведь бóяра,
Как сильние могучие богатыри!

Накину я вам службу великую.
 Как надо съездить в горы змеиные,
 Во дальние еще в Оскориные,
 Сдостать моя еще любимая племянница —
 Не ранена была бы, не кровавлена.
 Как тут стали оны, стали да турятися:
 Как больший сорт показыват на среднего,
 Средний сорт показыват на меньшего, —
 Этому-то надобно отправиться.
 Ходило-то с того со сорту-то ведь,
 С того ли сорту да со среднего,
 А скакал боярин Карамышинский,
 Как становился он на резвы́ ногй,
 Поклонялся князю Владимиру:
 «Как я гулял ведь, ездил во чистом поли,
 Как видел ведь Добрыню Микитича,
 Как дрался со Змеею у Пучай-реку,
 Как змеил Змею о сыру́ землю́,
 Сидел-то у ей на груди-то ведь,
 Змея ему еще да молилася,
 Змея-то ведь ему да корилася:
 «Не надо, — я лётать да во городе,
 Не буду я лётать я по сырой земли;
 Во той ли я не во Русиюшке
 Не стану есть народу да лю́дей-то,
 Не буду я хватать да скотины ведь».
 Накинули <б> Добрынюшку да службы ведь —
 Не наб ему ни биться, ни ратиться, —
 Так-то ведь ему, так ему отдаст».
 Как говорит — Добрыне накинули.
 Скочил-то ведь Добрынюшка Микитинец,
 Оперся о столы да о дубовые,
 Как топал ногами в паркетный пол —
 Как теремы-то вси порасшаталися,
 Хрустальны окóлѣнки посыпались,
 А вси князй-бояра замертво́ лежат,
 А князь Владимир ходит раскорякою,
 А молится Добрыне, извиняется:
 «Не бей-ка ты ногами о кирпичный пол,
 Оставь-ка нас, бояр, на сймена!»
 (Вот топал-то! Пьяный.)

Как тут Добрынюшка да Микитинец
Не зайде сидить да усиживать,
Не зайде-то долго медлити,
Бежал-то он домой да ко матушке,
Садился ведь он на дубовый стул,
Повисил свою да буйную голову
Пониже плеч своих богатырских.
Как мать-то у его да выпрашивают:
«Ай же ты, мое чадо да милое,
Об чем же ты да кручинишься,
Об чем же ты да ты печалишься?
Не пьяница-дурак не наплевал в глаза?
Как не дѣвицы ль да над тобой смеялись?
А не молодѣицы да обругали тут?
А чара ведь тебе была не малая,
Ай ничто тебе было, всё тебе, видно, не по разуму.
А кто тебя еще пригородил там?» —
«Никто-то меня не грубил, не кручил,
Пьяница мни не наплевал в глаза,
Дѣвицы надо мной не смеялись,
Молодицы ведь меня не обругали ведь,
А чара ведь мне ведь была не малая,
Чара ведь была как ведь бѣльшая». —
«А что же тут тебе не по разуму?» —
«Да князь Владимир службу накинуд великую:
Надо съездить в горы змеинные,
В горы во тои во Оскоринные,
А достать-то там тая любимая племянница, —
Утащена у Змеи у Поганных».
Как говорит ему родна матушка:
«Говорила я тебе слова да не дурная:
Не знайся-тко, дитя, да ни с князьями,
Не знайся-тко, дитя, ни с боярами
А сильнама могучима богатырьми, —
Как потерял головку молодецкую,
Молодецкую, безотецкую!»
Как недосуг сидеть да усиживать,
Наб коня-то он оседлывать.
Он седлает тут плотно-наплотно,
А плотно-наплотно, крепко-накрепко.
Как складывает потнички да на потнички,

А войлучки на войлучки,
Как он берет седелушко чиркальское,
Двенадцати подпругамы да подтягиват,
Тринадцату кладё да продольную,
Подтягиват подтяжки шелкóвые,
Как не простого шелку, кашиважного.
А шпилечки были да ведь гвоздички
Как золота были да червонного,
А стремена булат были да сибирского,
Сибирского были да заморского, —
Который нѣкогда нельзя видать.
Как тут сел на добра коня,
Как только ему тут приотправиться,
Набежала тут его рсдна маменька,
Говорит ему таковы слова:
«А дам тебе подарок хороших,
А дам-то е платочек:
Буде силушки не по-старому,
Могутá будет да не прежняя;
Три-тко ты да бело лицо,
Бело лицо, еще могутнó плечо —
Буде силушка лучше старого,
Как лучше старого, лучше прежнего,
А лучше этого да Змѣя будёт».
Как только ведь ему приотправиться:
«Постой, мое ведь чадо да милое,
Дам тебе хороший ведь подарочек:
Буде конь скакать не по-старому,
Буде конь скакать не по-прежнему, —
Как бей-то коня по тугим косьям,
По тугим косьям, по крутым ребра́м, —
А буде скакать, скакать как лучше старого,
Лучше старого, лучше прежнего».
Как только ведь ему приотправиться:
«Постой-ка, мое чадо милое,
Дам тебе хороший подарочек:
Как дам тебе я плеточку шелкову.
Как раньше твой-то батюшка поезживал,
Этой плеткой Змѣи да ведь пóбивал,
Змею этой плеточкой да пóшибал».
Как видли молодца да ведь сядучи,
Не видли молодца да ведь так поедучи,

Глядили во тую во сторону —
Только одна пыль да столбом встает,
Как будто ведь куревка прокурила,
Погодушкой будто пропогодило.
Заехал он в горы змеиные.
А на то времечко, на ту порушку
Змеи-то в горах не случилось,
Улётено у Змеи во другіи землі.
Как стал-то он, Добрыня, разыскивать,
Заходил во норы змеиные.
Увидал во норы змеиныи —
Сидит-то она, красна девица.
Как вьѣдыхнул оттуль с земли ведь он,
Садился он еще на добра коня,
Отвез-то он от гор от змеиных,
Как посадил-то он да под сѣрой дуб:
«Если мне пуститься в Русиюшку —
Застанет Змея да Поганыих.
Со Змеем биться-ратиться —
Убьем-то мы ее, красну девушку».
Как воротился Добрынюшка во горы ты,
Наехал он на горы змеиные.
Как на ту порушку, на то на времечко
Полетела Змея да Поганая,
Как говорит Добрыне да воспрогѣворит:
«Заехал ты, Добрыня, не во свои места». —
«Д' ай же ты, Змея да Поганая,
Залетела к нам не в свое местѣ,
Унесла-то ты красну девицу,
Д' ай не видать теперь, не видать красной девицы.
Как клала-то ведь заповедь великую, —
То бы не спустил-то ведь тебя-то ведь,
Предал смерти бы я у Пучай-реки,
Только была ты жива-то исты!»
Как тут со Змеей да сразилися.
Как день-то бьются они не едаючи,
Не едаючи, не пиваючи,
Хлеба-соли им не даваючи,
Отдѣху-то им не даваючи.
Другой день ведь бьются, другую ночь,
Как не едаючи они, не пиваючи,
Хлеба-соли им не даваючи.

Как у Добрынюшки у Мижитинца
Стал ведь конь не по-старому,
Могутá стала не по-прежнему.
Как спомнил маменькин да подарочек,
Да сам-то стал бить не по-старому,
Могута стала да не прежняя,
Как стала ведь Змея да покидывать,
Стала ведь на коне да пошатывать, —
Как спомнил матушкин да подарочек,
Взял платок, стал тереть плечо,
Стал тереть ведь могучий, —
Стало силы ведь лучше старого.
Как спомнил матушкин он да подарочек,
Бил коня еще по тугим косьям,
По тугим косьям, по крутым ребра́м, —
Стал-то конь лучше старого,
Лучше старого, лучше прежнего.
Как стал-то он Змею да покидывать,
Как стал-то он Змею да пофурывать.
Как спомнил матушкин он да подарочек,
Выдернул ведь плеточку шелкóвую,
Как хлестнул ведь ю да пошйбал-то.
Как пала 'на ведь на сыру землЮ.
Как опускался он со добра коня
И тут рассек на мелкй частй,
Распинал-то ю по чисту полЮ.
Как взял-то да ведь плетку шёлкову,
Прихлестал-то ведь малых змееньшев,
Не оставил-то он ни единого,
Решил-то всё он змеиною помещьцо.
Поехал он домой да ко девице,
Брал-то он ведь красную девицу
На добра коня, он повез-то ю,
Повез-то он во стольный во Киев-град,
Не ранену привез да не кровавлену.
Как князь стретает гóстя зá гостя;
У него ведь злата-сёребра,
Дал ему-то еще чиста золота.
«Как это ведь у мня зарабочее,
А это ведь у мня заработано!»

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СЫН

Недалёко от города от Киева
А стоит ле тридцать три богатыря,
А пасли-стерегли они да стольный Киев-град.
Во-первы́х-от у их был да стар казак,
Во-вторых у их Добрынюшка Микитич блад,
Во-третьи́х у их Дунай да сын Иванович,
Во-четвертых-то Самсон да сын Колыбанович,
А во-пятых Олешенька Попович блад,
Во-шесты́х два брата да Долгопольги,
Долгополы два брата полоненные;
Как инá братья вся была схожая.
Атаманом да был стар казак,
Податаманьём Добрынюшка Микитич блад,
А во писарях был Дунай да сын Иванович,
А во пóварах Самсон был да Колыбанович,
А во конюхах Олешенька Попович блад.
Поутру́-то ле, утру ле было ранному,
На зачине тут было да свету белого,
На подъеме тут было да красна солнышка
А старб́й-от казак пробуждается,
Ключевой водой да старой умывается,
Полотёнушком старой обтирается.
Одеваёт ступеньца на босú ногу,
Надеваёт кунью шубу на онно плечо,
Надеваёт ле колпак на онно́ ухо,
А выходит старб́й да вон на улицу.
Как глядел ле, смотрел на все стороны,
В мороку, в тумане нынь худо видится:

То ле летит блад ясён сокёл,
То ле едет там удалой доброй молодец.
Едет, видно, собака, потешается:
Впереди его, собаки, да бёжит серый волк,
Позади его, собаки, да звери всякие,
На правóm-то плече сидит ясён сокёл,
На левóm-то плече дак сидит бел кречёт.
Едет, видно, собака, да потешается:
Подверх он спрелочку постреливат,
Кабы на пол ту стрелку не ураниват,
Он в руки возьмет — пламё мечется,
А вокруг-то повернет — искры сыплются.
Кабы едёт, собака, да потешается:
На правóm-то колене держит гумажечку,
Он гумажечку держит да гербовой гист,
На левóm-то колене держит чернильницу,
Во руках-то держит перо орлиное,
Не того же орла да сизокрылого, —
Да того ле орла сизокамского;
А не тот был орел — на лесу сидит,
А бы тот орел — на корню сидит,
А гнездо-то он вьет да на сер камень,
Он бы пищу достават из синя моря.
Он бы пишет ерлык да скорограмотку:
«Я поеду, молодец, да в стольний Киев-град,
Я поеду, молодец, да там поздороваться.
Я силушку всю во грезь стопчу,
Я бы князя там Владимира под меч склоню,
Я бы матушку-княгиню с собой возьму».
А помётыват ерлык ко за́ставы,
А старбй-от берет, во шатер пошел,
Кабы будит дружину всю заговорную:
«Вы встаньте-ко, дружина заговорная!
А будёт спать — стала пора вставать.
Ты вставай-ко, Добрынюшка Микитич блад,
Ты вставай-ко, Дунай сын Иванович,
А читай этот ерлык да скорограмотку,
Ка' да щё у собаки есть написано,
Ка' да щё у собаки напечатано».
Как читает Дунай, сам рассказыват:
«Я поеду, молодец, да в стольний Киев-град,
Я поеду, молодец, там да поздороваться,

Я бы силушку хочу — да всё во грёзь стопчу,
Я князя́ ле Владимира под меч склоню,
Кабы матушку-княгиню да то с собой возьму».
А на это старбѣй да осержается,
Выбирать он стал, кого в сугон послать:
«А послать нам Олешу Поповичу, —
А Олеша Попович роду невежлива,
А невежлива сам роду да не очестлива,
Кабы роду-то Олеша поповского;
А послать-то ле двух-от братьев Долгопольных,
Долгопольных-то бра́тов, полоненных же, —
А от не нашей земли они, неверные,
А доспеют бы изменушку великую;
А послать ведь Добрынюшку Микитича, —
Кабы тот ле детинка роду вежлива,
Да вежлива детинка роду, очестлива».
А не видели поездки да молодецкое,
А увидели — Добрынюшка на коня скочил,
На коня-то он скочил да в струмена ступил,
А увидели — да во поле куревá стоит,
Курева стоит да дым столбом валит.
Нагонил-натоптал скоро-наскоро:
«А какой же ты ле едѣшь богáтырь же?
Если русский богатырь, то поворот даю,
Если не русский богатырь, да я напѹс держу».
(Сзади хочет ехать.)

А на третье раз да как ругаться стал:
«Ты какá летишь ворона да пустопѣрая,
Да кака же сорока позагубиста?»
А оттуль ле молодец поворот дает.
Кабы дает Добрынюшке потяпышу,
А прибавил бы Добрыне по алабышу,
А едва ле Добрыня на коне сидит,
А оттуле Добрынюшка поворот дает.
А увидел старбѣй казак Илья Муромец —
А бы едет Добрыня да не по-старому,
А сидит он на коне да не по-прежнему.
Осержается старой да сам сряжается:
«Не сварить вам без меня пивна котла,
Привезу вам голову́ вам татарскую».
Как отправился старой казак Илья Муромец,
Нагонил-натоптал скоро-наскоро:

«Ты какой же нонь едѣшь да богатырь же?
 Если русский богатырь, да поворот даю,
 А не русский богатырь, да я напѹс возьму».
 А на третье ле раз ругаться стал:
 «Ты какá летишь ворона да пустопѣрая,
 Да какá летишь сорока да позагубиста?
 Ты ничем зовешь нас, тридцать богатырей».
 А отгуль молодец да поворот дает.
 Кабы съехались два удалых добра молодца,
 Кабы секлись сабѣлками вострыми,
 А сабѣлки те у их прищербалися,
 А тыкались копейками бурзамеческими,
 А копейца у их да извихалися,
 А соскакивали робята да со добрых коней,
 А хватались робята да в охабочку,
 Кабы бились-боролись да трое суток,
 А пробили они до колен землю.
 По бесчестью тут да по великому
 У старого-то правá рука да промáхнулась,
 А левá-то нога да прокáтилась.
 Кабы пал старой на матушку сыру землю,
 А садился Соколик на белы груди,
 Он и хочѣт пороть да груди белые,
 Он и хочѣт смотреть его ретиво сердцѹ.
 А взмолился старой дак да господу-богу:
 «Пресвята ти ли мати богородица!
 А стоел я за веру за христовую,
 Я держался того креста распятого,
 А повыдала поганому Издолищу,
 Ты повыдала ему дак на руганьицо».
 У старого вдвое да силы прибыло,
 Он скакал со матушки сырой земли,
 А взметал-то Сокольника на матушку,
 А на матушку метал его на сыру землю,
 А садился ему он да на черны груди,
 Замахнулся пороть его черны груди,
 Посмотреть он хочѣт его ретиво сердцѹ —
 Застоялась у старого во плече рука.
 «А скажи е то, удалой доброй молодец,
 Откуль идешь да откуль едѣшь же,
 Ты какого отца да какой матери?»
 Говорил е удалой да доброй молодец:

«Не раздражай меня, удалого,
 Ты пори скорее мои да груди черные,
 Посмотри мое ты ретиво сердце».
 Замахнулся старой дак во второй након —
 Застоялась его дак во локтю рука.
 «Ты скажи-ко, удалой да доброй молодец,
 Ты какого отца да какой матери?» —
 «Я сидел когда у тя на белых грудях,
 Я не спрашивал роду у тя, ни племени,
 Я отца не спрашивал, ни матери;
 Ты пори скорее да груди черные,
 Ты смотри мое да ретиво сердце».
 Замахнулся старой да во третей након —
 Застоялась у старого да в заведи рука.
 «Ты скажи-ко, удалой доброй молодец,
 Ты какого отца да какой матери,
 Ты откуль нонь идешь да откуль правишься?» —
 «Я иду, молодец, да от синя моря.
 Кабы матушка моя да Златыгорка,
 А Златыгорка она, да поленица же,
 Поленица она да преудалая».
 А соскакиват старой да со черных грудей,
 А хватил его, молодца, за белы руки,
 Целовал бы его он в уста сахарные:
 «А твоя ле мать <.....>,
 А бы то молодец есть ты <.....>,
 А любимой ты мой нонче сын же ведь.
 Ты поедь-ко, удалой да доброй молодец,
 Привези матушку родимую,
 Окрестим, приведем в веру христовую.
 А не будёт тебе в поле поединщика».
 А разъехались удалы да добры молодцы.
 А приехал как молодец нонче к матушке:
 «А ты ой еси, матушка родимая!
 А бы ездил-ходил во чистом поле,
 Я бы видел собаку серу седатую,
 Он зовет тебе да, право, <.....>,
 А меня-то кличет да <.....>».
 Говорит его ле матушка родимая:
 «Не пустым-то молодец похваляется».
 Он хватил ле тут матушку родимую,
 Он хватил ле за косы женски долгие,

А метал-то он ей о кирпичат пол,
А давал он ей тут да скору смёрточку.
Погонил на тот, право, белой шатер,
А бы ткнул копьем да во белой шатер,
Он бы ткнул старóму во белы груди.
У старого на груди был бы чуден крест,
А попало ему, право, в чуден крест.
Просыпается старой дак скоро-наскоро,
Выбегаёт старой да вон на улицу,
Он хватил Сокольника за буйну́ главу,
Он отóрвал да тут буйну главу.
А бы туловище отвез он во чисто поле,
А бы воронам да на граеньцо,
А зверям бы его да на тасканьицо.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ

Как Владимир-князь да стольне-киевский
Поразгневался на старого казѣка Илью Муромца,
Засадил его во погреб во глубокии,
Во глубокий погреб, во холодныи,
Да на три-то году поры-времени.
А у славного у князя у Владимира
Была дочь да одинакая,
Она видит: это дело есть немалое,
А что посадил Владимир-князь да стольне-киевский
Старого казака Илью Муромца
В тот во погреб во холодныи;
А он мог бы постоять один за веру, за отечество,
Мог бы постоять один за Киев-град,
Мог бы постоять один за церкви за соборные,
Мог бы поберечь он князя да Владимира,
Мог бы поберечь Опраксу-королевичну,
Приказала сделать да ключи поддельные,
Положила-то людей да потаенных,
Приказала-то на погреб на холодныи
Да снести перины да подушечки пуховые,
Одеяла приказала снести теплые,
Она ештушку поставить да хорошую,
И одежду сменять с нова на ново
Тому старому казаку Илье Муромцу.
А Владимир-князь про то не ведаёт.
И воспылал-то тут собака Калин-царь на Киев-град,
И хотит он рѣзорить да стольный Киев-град,

Чернедь-мужичков он всех повырубить,
Божьи церкви все на дым спустить,
Князю-то Владимиру да голова срубить
Да со той Опраксой-королевичной.
Посылает-то собака Калин-царь посланника,
А посланника во стольний Киев-град,
И дает ему он грамоту посыльную,
И посланнику-то он наказывал:
«Как поедешь ты во стольний Киев-град,
Будешь ты, посланник, в стольнем во Киеве
Да у славного у князя у Владимира,
Будешь на него на широком дворе,
И сойдешь как тут ты со добра коня,
Да й спущай коня ты на посыльный двор,
Сам поди-тко во палату белокаменну;
Да пройдешь палатой белокаменной,
Да й войдешь в его столовую во горенку,
На пята ты дверь да поразмахивай,
Не снимай-ко кивера с головушки,
Походи-ко ты ко столику к дубовому,
Становись-ко супротив князя Владимира,
Полагай-ко грамоту на злот стол,
Говори-тко князю ты Владимиру:
«Ты, Владимир-князь да стольне-киевский,
Ты бери-тко грамоту посыльную
Да смотри, что в грамоте написано,
Да гляди, что в грамоте да напечатано:
Очищай-ко ты все улочки стрелецкие,
Все великие дворы да княженецкие
По всему-то городу по Киеву,
А по всем по улицам широким
Да по всем-то переулкам княженецким
Наставь сладких хмельных напитков,
Чтоб стояли бочка о бочку близко-поблизку,
Чтобы было у чего стоять собаке царю Калину
Со своими-то войсками со великима
Во твоём во городе во Киеве».
То Владимир-князь да стольне-киевский
Брал-то книгу он посыльную,
Да и грамоту ту распечатывал
И смотрел, что в грамоте написано,
И смотрел, что в грамоте да напечатано:

И что велено очистить улицы стрелецкие
И большие дворы княженецкие
Да наставить сладких хмельных напитков
А по всем по улицам широкиим
Да по всем-то переулкам княженецким.
Тут Владимир-князь да стольне-киевский
Видит: есть это дело немалое,
А немало дело-то, великое;
А садился-то Владимир-князь да на черленый стул
Да писал-то ведь он грамоту повинную:
«Ай же ты, собака да и Калин-царь!
Дай-ка мне ты поры-времечки на три́ году,
На три го́ду дай и на три месяца,
На три месяца да еще на три дня,
Мне очистить улицы стрелецкие,
Все великие дворы да княженецкие,
Накурить мне сладких хмельных напитков
Да й наставить по всему-то городу по Киеву,
Да й по всем по улицам широкиим,
По всем славным переулкам княженецким».
Отсылает эту грамоту повинную,
Отсылает ко собаке царю Калину.
А-й собака тот да Калин-царь,
Дал ему он поры-времечки на три́ году,
На три го́ду дал и на три месяца,
На три месяца да еще на три дня.
Еще день за день ведь, как и дождь дождит,
А неделя за неделей, как река бежит,
Прошло поры-времечки да на три́ году,
А три го́ду да три месяца,
А три месяца и еще три-то дня.
Тут подъехал ведь собака Калин-царь,
Он подъехал ведь под Киев-град
Со своими со войскамы со великима.
Тут Владимир-князь да стольне-киевский,
Он по горенке да стал похаживать,
С ясных очушок он ронит слезы ведь горючие,
Шелковым платком князь утирается,
Говорит Владимир-князь да таковы слова:
«Нет жива-то старого казѣка Ильи Муромца,
Некому стоять теперь за веру, за отечество,
Некому стоять за церкви ведь за божие,

Некому стоять-то ведь за Киев-град,
Да ведь некому сберечь князя Владимира
Да и той Опраксы-королевичной!»
Говорит ему любима дочь таковы слова:
«Ай ты, батюшка Владимир-князь наш стольне-
киевский,
Ведь есть жив-то старья казак да Илья Муромец,
Ведь он жив на погребе на холодном».
Тут Владимир-князь-от стольне-киевский,
Он скорешенько берет да золоты ключи
Да идет на погреб на холодныи,
Отмыкает он скоренько погреб да холодныи
Да подходит ко решеткам ко железным.
Растворил-то он решетки да железные,
Да там старья казак да Илья Муромец,
Он во погребе сидит-то, сам не старится;
Там перинушки, подушечки пуховые,
Одеяла снесены там теплые,
Ествушка поставлена хорошая,
А одежда на нем да живет сменная.
Он берет его за ручушки за белые,
За его за перстни за злаченные,
Выводил его со погребя холодного,
Приводил его в палату белокаменну,
Становил-то он Илью да супротив себя,
Целовал в уста его сахарные,
Заводил его за столики дубовые,
Да садил Илью-то он подли себя,
И кормил его да ествушкой сахарнею,
Да поил-то питьецем да медвяным,
И говорил-то он Илье да таковы слова:
«Ай же старья казак да Илья Муромец!
Наш-то Киев-град нынь в полону стоит,
Обошел собака Калин-царь наш Киев-град
Со своим со войскамы со великима.
А постой-ко ты за веру, за отечество,
И постой-ко ты за славный Киев-град,
Да постой за матушки божьи церкви,
Да постой-ко ты за князя за Владимира,
Да постой-ко за Опраксу-королевичну!»
Так тут старья казак да Илья Муромец,
Выходил он со палаты белокаменной,

Шел по городу он да по Киеву,
Заходил в свою палату белокаменну,
Да спросил-то как он паробка любимого,
Шел со паробком да со любимым
А на свой на славный на широкий двор,
Заходил он во конюшенку в стоялую,
Посмотрел добра коня он богатырского.
Говорил Илья да таковы слова:
«Ай же ты, мой паробок любимы,
Верной ты слуга мой безыменных,
Хорошо держал моего коня ты богатырского!»
Целовал его он во уста сахарные,
Выводил добра коня с конюшенки стоялыи
А-й на тот на славный на широкий двор.
А-й тут старья казак да Илья Муромец,
Стал добра коня он заседывать;
На коня накладывает потничек,
А на потничек накладывает войлочек,
Потничек он клал да ведь шелковенький,
А на потничек подкладывал подпотничек,
На подпотничек седелко клал черкасское,
А черкасское седельшко недержано,
И подтягивал двенадцать подпругов шелковых,
И шпилёчики он втягивал булатные,
А стремяночки покладывал булатные,
Пряжечки покладывал он красна золота,
Да не для красы-угожества —
Ради крепости всё богатырскою:
Еще подпруги шелковы тянутся, да оны не рвутся,
Да булат-железо гнется, не ломается,
Пряжечки ты красна золота,
Они мокнут, да не ржавеют.
И садился тут Илья да на добра коня,
Брал с собой доспехи крепки богатырские:
Во-первѣх, брал палицу булатную,
Во-вторых, брал копьё боржамецкое,
А еще брал свою саблю вострую,
А еще брал шалыгу подорожную;
И поехал он из города из Киева.
Выехал Илья да во чисто поле,
И подъехал он ко войскам ко татарским
Посмотреть на войска на татарские.

Нагнано-то силы много-множество —
Как от покрику от человеческого,
Как от ржанья лошадиного
Унывает сердце человеческо.
Тут старья казак да Илья Муромец,
Он поехал по раздольицу чисту полю,
Не мог конца-краю силушке наехати.
Он повыскочил на гору на высокую,
Посмотрел на все на три-четыре стороны,
Посмотрел на силушку татарскую —
Конца-краю силы насмотреть не мог.
И повыскочил он на гору на другую,
Посмотрел на все на три-четыре стороны —
Конца-краю силы насмотреть не мог.
Он спустился с той со горы со высокои,
Да он ехал по раздольицу чисту полю
И повыскочил на третью гору на высокую,
Посмотрел-то под восточную ведь сторону,
Насмотрел он под восточной стороной,
Насмотрел он там шатры белы,
И у белых шатров-то кони богатырские.
Он спустился с той горы высокои
И поехал по раздольицу чисту полю.
Приезжал Илья ко шатрам ко белым,
Как сходил Илья да со добра коня
Да у тых шатров у белых,
А там стбят кони богатырские,
У того ли пблотна стоят у белого,
Они зоблюют-то пшenu да белоярову.
Говорит Илья да таковы слова:
«Поотведать мне-ка счастья великого».
Он накинул поводы шелковые
На добра коня да й богатырского
Да спустил коня ко полотну ко белому:
«А-й допустят ли-то кони богатырские
Моего коня да богатырского
Ко тому ли полотну ко белому
Позобать пшenu да белоярову?»
Его добрый конь идет-то грудью к полотну,
А идет зобать пшenu да белоярову;
Старья казак да Илья Муромец,
А идет он да во бел шатер,

Приходит Илья Муромец во бел шатер;
В том белом шатри двенадцать-то богатырей,
И богатыри все святорусские.
Они сели хлеба-соли кушати,
А и сели-то они да пообедати.
Говорит Илья да таковы слова:
«Хлеб да соль, богатыри да святорусские,
А и крестный ты мой батюшка,
А-й Самсон да ты Самойлович!»
Говорит ему да крестный батюшка:
«А-й поди ты, крестничек любимыи,
Старья казак да Илья Муромец,
А садись-ко с нами пообедати».
И он выстал ли да на резвы ноги,
С Ильей Муромцем да поздоровкались,
Поздоровкались они да целовались,
Посадили Илью Муромца да за единый стол
Хлеба-соли да покушати.
Их двенадцать-то богатырей,
Илья Муромец да он тринадцатый.
Оны поели, попили, пообедали,
Выходили с-за стола из-за дубового,
Они господу-богу помолилися;
Говорил им старья казак да Илья Муромец:
«Крестный ты мой батюшка, Самсон Самойлович,
И вы, русские могучие богатыри!
Вы седлайте-тко добрых коней,
А-й садитесь вы да на добрых коней,
Поезжайте-тко да во раздольцо чисто поле,
А-й под тот под славный стольный Киев-град.
Как под нашим-то под городом под Киевом
А стоит собака Калин-царь,
А стоит со войскамы великима,
Разорить хотит он стольный Киев-град,
Чернедь-мужиков он всех повырубить,
Божьи церкви все на дым спустить,
Князю-то Владимиру да со Опраксою-королевичной
Он срубить-то хочет буйны головы.
Вы постойте-тко за веру, за отечество,
Вы постойте-тко за славный стольный Киев-град,
Вы постойте-тко за церкви ты за божии,

Вы поберегите-тко князя Владимира
И со той Опраксой-королевичной!»
Говорит ему Самсон Самойлович:
«Ай же крестничек ты мой любимый,
Старья казак да Илья Муромец!
А-й не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедем мы во славно во чисто поле,
Да не будем мы стоять за веру, за отечество,
Да не будем мы стоять за стольний Киев-град,
Да не будем мы стоять за матушки божьей церкви,
Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Опраксой-королевичной:
У него ведь есте много да князей-бояр,
Кормит их, и поит, да и жалует;
Ничего нам нет от князя от Владимира».
Говорит-то старья казак да Илья Муромец:
«Ай же ты, мой крестный батюшка,
Ай Самсон да ты Самойлович!
Это дело у нас будет нехорошее,
Как собака Калин-царь он разорит да Киев-град,
Да он чернедь-мужиков-то всех повырубит,
Да он божьи церкви все на дым спустит,
Да князю Владимиру с Опраксой-королевичной
А он срубит им да буйные головушки.
Вы седлайте-тко добрых коней
И садитесь-ко вы на добрых коней,
Поезжайте-тко в чисто поле под Киев-град,
И постойте вы за веру, за отечество,
И постойте вы за славный стольний Киев-град,
И постойте вы за церкви ты за божие,
Вы поберегите-тко князя Владимира
И со той с Опраксой-королевичной».
Говорит Самсон Самойлович да таковы слова:
«Ай же крестничек ты мой любимый,
Старья казак да Илья Муромец!
А-й не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедем мы во славно во чисто поле,
Да не будем мы стоять за веру, за отечество,
Да не будем мы стоять за стольний Киев-град,
Да не будем мы стоять за матушки божьи церкви,

Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Опраксой-королевичной:
У него ведь есте много да князей-бояр,
Кормит их, и поит, да и жалует;
Ничего нам нет от князя от Владимира».
Говорит-то старья казак да Илья Муромец:
«Ай же ты, мой крестный батюшка,
Ай Самсон да ты Самойлович!
Это дело у нас будет нехорошее.
Вы седлайте-тко добрых коней,
И садитесь-ко вы на добрых коней,
Поезжайте-тко в чисто поле под Киев-град,
И постойте вы за веру, за отечество,
И постойте вы за славный стольний Киев-град,
И постойте вы за церкви ты за божие,
Вы поберегите-тко князя Владимира
И со той с Опраксой-королевичной».
Говорит ему Самсон Самойлович:
«Ай же крестничек ты мой любимый,
Старья казак да Илья Муромец!
А-й не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедем мы во славно во чисто поле,
Да не будем мы стоять за веру, за отечество,
Да не будем мы стоять за стольний Киев-град,
Да не будем мы стоять за матушки божьи церкви,
Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Опраксой-королевичной:
У него ведь есте много да князей-бояр,
Кормит их, и поит, да и жалует;
Ничего нам нет от князя от Владимира».
А-й тут старья казак да Илья Муромец,
Он как видит, что делó ему не пó любви,
А-й выходит-то Илья да со бела шатра,
Приходил к добру коню да богатырскому,
Брал его за поводы шелковые,
Отводил от пóлотна от белого,
А от той пшены от белояровой,
Да садился Илья на добра коня,
То он ехал по раздольицу чисту полю,
И подъехал он ко войскам ко татарским.
Не ясён сокол да напускает на гусей, на лебедей

Да малых перелетных на серых утушек —
Напускает-то богатырь святорусския
А на тую ли на силу на татарскую.
Он спустил коня да богатырского
Да поехал ли по той по силушке татарскойей.
Стал он силушку конем топтать,
Стал конем топтать, копьем колоть,
Стал он бить ту силушку великую,
А он силу бьет, будто траву косит.
Его добрый конь да богатырский
Испровещился языком человеческим:
«Ай же славнии богатырь святорусский!
Хоть ты наступил на силу на великую,
Не побить тоби той силушки великии:
Нагнанó у собаки царя Калина,
Нагнанó той силы много-множество,
И у него есте сильные богатыри,
Поляницы есте да удалые;
У него, собаки царя Калина,
Сделаны-то трои ведь подкопы да глубокие
Да во славном раздольице чистом поли.
Когда будешь ездить по тому раздольицу чисту
полю,

Будешь бить-то силу ту великую;
Как просядем мы в подкопы во глубокие,
Так из первых подкопов я повыскочу,
Да тебя оттуль-то я повыздыну;
Как просядем мы в подкопы ты во дрúгие,
И оттуль-то я повыскочу,
И тебя оттуль-то я повыздыну;
Еще в третии подкопы во глубокие,
А ведь тут-то я повыскочу
Да оттуль тебя-то не повыздыну,
Ты останешься в подкопах во глубокихх».
Ай ще старья казак да Илья Муромец,
Ему дело то ведь не слюбилося,
И берет он плетку шелкову в белы́ руки,
А он бьет коня да по крутым ребрам,
Говорил он коню таковы слова:
«Ай же ты, собачище изменное,
Я тебя кормлю-пою да и улаживаю,
А ты хочешь меня оставить во чистом поли,

Да во тых подкопах во глубоких!»
И поехал Илья по раздольицу чисту полю
Во тую во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьём колоть.
И он бьет-то силу, как траву косит;
У Ильи-то сила не уменьшится.
И он просел в подкопы во глубокие;
Его добрый конь оттуль повыскочил,
Он повыскочил, Илью оттуль повыздынул.
И он спустил коня да богатырского
По тому раздольицу чисту полю
Во тую во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьём колоть.
И он бьет-то силу, как траву косит;
У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добром коне сидит Илья, не старится.
И он просел с конем да богатырским,
И он попал в подкопы-то во дрúгие;
Его добрый конь оттуль повыскочил
Да Илью оттуль повыздынул.
И он спустил коня да богатырского
По тому раздольицу чисту полю
Во тую во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьём колоть,
И он бьет-то силу, как траву косит;
У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добром коне сидит Илья, не старится.
И он попал в подкопы-то во третий,
Он просел с конем в подкопы-то глубокие;
Его добрый конь да богатырский,
Еще с третьих подкопов он повыскочил,
Да оттуль Ильи он не повыздынул;
Сголзнул Илья да со добра коня,
И остался он в подкопе во глубоком.
Да пришли татара-то поганые,
Да хотели захватить они добра коня;
Его конь-то богатырский
Не сдался им во белы руки,
Убежал-то добрый конь да во чисто поле.
Тут пришли татары ты поганые
А напáдали на старого казáка Илью Муромца,

А-й сковали ему ножки резвые
И связали ему ручки белые.
Говорили-то татары таковы слова:
«Отрубить ему да буйную головушку».
Говорят иные татары таковы слова:
«А-й не надо рубить ему буйной головы,
Мы сведем Илью к собаке царю Калину,
Что он хочет, то над ним да сделает».
Повели Илью да по чисту полю
А ко тым палаткам полотняным;
Приводили ко палатке полотняной,
Привели его к собаке царю Калину,
Становили супротив собаки царя Калина.
Говорили татары таковы слова:
«Ай же ты, собака да наш Калин-царь!
Захватили мы да старого казака Илью Муромца
Да во тых-то во подкопах во глубоких
И привели к тебе, к собаке царю Калину;
Что ты знаешь, то над ним и делаешь».
Тут собака Калин-царь говорил Илье да таковы

слова:

«Ай ты, старыя казак да Илья Муромец,
Молодой щенок да напустил на силу на великую;
Тобе где-то одному побить моя сила великая!
Вы раскуйте-тко Илье да ножки резвые,
Развяжите-тко Илье да ручки белые».
И расковали ему ножки резвые,
Развязали ему ручки белые.
Говорил собака Калин-царь да таковы слова:
«Ай же, старыя казак да Илья Муромец!
Да садись-ко ты со мной а за единый стол,
Ешь-ка ествушку мою сахарную,
Да и пей-ко мои питьица медвяные,
И одежь-ко ты мою одежду драгоценную,
И держи-тко мою золоту казну,
Золоту казну держи по надобью,
Не служи-тко ты князю Владимиру,
Да служи-тко ты собаке царю Калину».
Говорил Илья да таковы слова:
«А-й не сяду я с тобой да за единый стол,
Не буду есть твоих ествешек сахарных,
Не буду пить твоих питьицев медвяных,

Не буду носить твоей одежи драгоценный,
Не буду держать твоей бесцетной золотой кавны,
Не буду служить тебе, собаке царю Калину;
Еще буду служить я за веру, за отечество,
А-й буду стоять за стольний Киев-град,
А буду стоять за церкви за господние,
А буду стоять за князя за Владимира
И со той Опраксой-королевичной».
Тут старой казак да Илья Муромец,
Он выходит со палатки полотняной
Да ушел в раздольице в чисто поле.
Да теснить стали его татары ты поганые,
Хотят обневолить они старого казѣка Илью Муромца.
А у старого казака Ильи Муромца
При соби да не случилось-то доспехов крепких,
Нечем-то ему с татарами да попротивиться.
Старья казак да Илья Муромец, -
Видит он — дело немалое,
Да схватил татарина он за ноги,
Тако стал татаринoм помахивать,
Стал он бить татар татаринoм,
И от него татара стали бегати,
И прошел он скрозь всю силушку татарскую,
Вышел он в раздольице чисто поле,
Да он бросил-то татарина да в сторону,
То идет он по раздольицу чисту полю,
При соби-то нет коня да богатырского,
При соби-то нет доспехов крепких.
Засвистал в свисток Илья он богатырский,
Услыхал его добрый конь да во чистом поле,
Прибежал он к старому казаку Илье Муромцу.
Еще старья казак да Илья Муромец,
Как садился он да на добра коня
И поехал по раздольицу чисту полю,
Выскочил он да на гору на высокую,
Посмотрел-то под восточную он сторону —
А-й под той ли под восточной под сторонушкой,
А-й у тых ли у шатров у белых
Стоят добры кони богатырские.
А тут старый-от казак да Илья Муромец,
Опустился он да со добра коня,
Брал свой тўгой лук разрывчатый в белы ручки,

Натянул тетивочку шелковеньку,
Наложил он стрелочку каленую,
И он спушал ту стрелочку во бел шатер,
Говорил Илья да таковы слова:
«А лети-тко, стрелочка каленая,
А лети-тко, стрелочка, во бел шатер,
Да сыми-тко крышу со бела шатра,
Да пади-тко, стрелка, на белы груди
К моему ко батюшке ко крестному,
И проголни-тко по груди ты по белыи,
Сделай-ко ты сцапину да маленьку,
Маленькую сцапинку да невеликую.
Он и спит там, прохлаждается,
А мне здесь-то одному да мало можется».
И он спустил как эту тетивочку шелковую,
Да спустил он эту стрелочку каленую,
Да просвистнула как эта стрелочка каленая
Да во тот во славныи во бел шатер,
Она сняла крышу со бела шатра,
Пала она, стрелка, на белы груди
Ко тому ли-то Самсону ко Самойловичу,
По белой груди ведь стрелочка проголзнула,
Сделала она да сцапинку-то маленьку.
А-й тут славныя богатырь святорусский,
А-й Самсон-то ведь Самойлович,
Пробудился-то Самсон от крепка сна,
Пораскинул свои очи ясные:
Да как снята крыша со бела шатра,
Пролетела стрелка по белой груди,
Она сцапиночку сделала да на белой груди.
И он скорешенько стал на резвы ноги,
Говорил Самсон да таковы слова:
«Ай же славные мои богатыри вы святорусские,
Вы скорешенько седлайте-тко добрых коней,
Да садитесь-тко вы на добрых коней.
Мне от крестничка да от любимого
Прилетели-то подарочки да нелюбимые —
Долетела стрелочка каленая
Через мой-то славный бел шатер,
Она крышу сняла ведь да со бела шатра,
Да проголзнула-то стрелка по белой груди,
Она сцапинку-то дала по белой груди,

Только малу сцапинку-то дала, невеликую:
Погодился мне, Самсону, крест на вороте,
Крест на вороте шести пудов;
Есть бы не был крест да на моёй груди,
Оторвала бы мне буйну голову».
Тут богатыри все святорусские
Скоро ведь седлали да добрых коней,
И садились молодцы да на добрых коней,
И поехали раздольцем чистым полем
Ко тому ко городу ко Киеву,
Ко тым они силам ко татарским.
А со той горы да со високии
Усмотрел ли старья казак да Илья Муромец:
А то едут ведь богатыри чистым полем,
А то едут ведь да на добрых конях.
И спустился он с горы високии,
И подъехал он к богатырям ко святорусским:
Их двенадцать-то богатырей, Илья тринадцатый;
И приехали они ко силушке татарской,
Припустили коней богатырских,
Стали бить-то силушку татарскую,
Притоптали тут всю силушку великую
И приехали к палатке полотняной;
А сидит собака Калин-царь в палатке полотняной.
Говорят-то как богатыри да святорусские:
«А срубить-то буйную головушку
А тому собаке царю Калину».
Говорил старой казак да Илья Муромец:
«А почто рубить ему да буйная головушка?
Мы свеземте-тко его во стольний Киев-град,
Да й ко славному ко князю ко Владимиру».
Привезли его, собаку царя Калина,
А во тот во славный Киев-град
Да ко славному ко князю ко Владимиру,
Привели его в палату белокаменну
Да ко славному ко князю ко Владимиру.
То Владимир-князь да стольне-киевский,
Он берет собаку за белы руки,
И садил его за столики дубовые,
Кормил его ествушкой сахárнею
Да поил-то питьцем медвяным.
Говорил ему собака Калин-царь да таковы слова:

«Ай же ты, Владимир-князь да стольне-киевский,
Не сруби-тко мне да буйной головы!
Мы напишем промеж собой записи великие:
Буду тебе платить дани век и пó веку,
А тебе-то, князю я Владимиру!»
А тут той старинке и славу́ поют,
А по тых мест старинка и покончилась.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ, ЕРМАК И КАЛИН-ЦАРЬ

Наехал царь Калин под Киев-град,
Подъехал под князя под Владимира,
И посылает он посла своего верного
К солнышку ко Владимиру стольне-киевскому:
«Ты очисти широки улицы стрелецкие
И большие дома княженецкие,
Постоять тут царю Калину
Со своею силушкой любимой».
Тут Владимир-князь усумнился есть
И запечалился,
Сделался невесел, буйну голову повесил.
И приезжает к нему старый казак Илья Муромец,
Отпирает он двери тые на́ пятау,
Входи он в палату белокаменну,
Крест он кладет по-писаному,
Поклон-от ведет по-ученому,
На вси да на четыре стороны поклоняется,
Еще Владимиру-князю стольно-киевскому,
Владимиру-князю со княгиною в особину.
Потом он проговорил, старый казак Илья Муромец:
«Ай же ты, солнышко Владимир-князь!
Полюби-ко мое слово, что я тебе говорю.
Насыпь-ка мисú да чиста серебра,
Другую мису да скачнá жемчуга,
Третью мису да красна золота,
И станем мы просить да на три месяца
Сроку у царя у Калина

Очистить улицы стрелецкие,
Большие дома княженецкие».
Потом отвез старый казак Илья Муромец
Эти подарки царю Калину,
И царь Калин ты подарки принял
И дал сроку на три месяца
Очистить улицы стрелецкие,
Большие дома княженецкие.
Потом старый казак Илья Муромец
Поворотился на гору на латынскую,
Где там стоят воины киевские,
Тридцать воинов без воина,
Стоят на горы на латынские.
Приезжает ко князю ко Владимиру
Его родный племничек,
Младый Ермак Тимофеевич.
Идет он в палату со прихваткою,
Со прихваткою, не с упадкою,
И отпирает он дверь да на пята:
«Здравствуй, солнышко Владимир-князь!
Что же ты сидишь невесел,
Что же ты буйну голову повесил?» —
«Ай же младый Ермак да Тимофеевич!
Чего же мне веселиться?
Когда во Киеве была добра пора,
Тогда во Киеве было защитчиков,
Защитчиков и заступчиков,
А как стало во Киеве недобра пора,
Так нет во Киеве защитчиков,
Защитчиков и заступчиков».
Отвечает младый Ермак Тимофеевич:
«Ай же ты, солнышко Владимир-князь,
Родный мой дядюшка!
Дай же-ко мне благословеньице,
Благословеньице и прощеньице
Выехать ко царю ко Калину
Во тую силу во поганую,
Попробовать своих плеч богатырских».
Отвечает солнышко Владимир-князь:
«Ай же ты, родный мой племничек,
Младый Ермак Тимофеевич!
Ты есть младешенек, ты есть глупешенек,

Прирвешь свою силу богатырскую,
И убьют тебя татара да поганые.
Не дам я тебе ни благословенья, ни прощенья».
Говорит младый Ермак Тимофеевич:
«Ай же ты, дядюшка мой родной,
Солнышко Владимир-князь!
Дай же ты мне свое благословеньице,
Благословеньице и прощеньице
Повыехать на горушку латынскую,
Гди свои воины тридцать без война стоит».
Солнышко Владимир-князь стольне-киевский
Дал свое благословенье и прощенье
Повыехать на горушку латынскую.
Отправился младый Ермак Тимофеевич
На тую-то на гору на латынскую,
И поехал он да во чисто поле.
Пришло две пути-дороженки —
Одна на гору-то латынскую,
А другая к царю Калину во чисто поле.
И младый Ермак да Тимофеевич
Перекрестил свои глаза да на восток идти:
«Не поеду я на гору на латынскую,
А поеду я во силу во поганую,
Попробую я своих плеч богатырских,
Храбрости своя молодецкой».
И подъезжает он к царю Калину,
Ко силы ко поганой.
Не ясён сокол напускается
На гусей-лебедей, на серых малых уток —
На татар да на поганных
Напускается Ермак Тимофеевич.
Едет он — улицá валит,
Свернет — переулочкой,
Бьет, а вдвоем-втроем конем топчет
И силу у царя Калина валом валит.
Потом глядят с эвтой горы со латынския
Свои воины киевские.
И проговорил старой казак Илья Муромец:
«Что больше некому выехать со Киева,
Как повыехал младый Ермак да Тимофеевич.
Прирвет он свою силу богатырскую,
Убьют его татара да поганые».

Посылает он смелого Алешу да Поповича:
«Ай же ты, смелый Алеша да Попович!
Упрашивай ты млада Ермака Тимофеевича
Словами ласковыми,
И накидывай ты на него да храпы белые,
И подтягивай его ко белой груди,
Чтобы укротил свое сердце богатырское,
И проси-ка ты его словами ласковыми:
„Ай же ты, младый Ермак Тимофеевич!
Ты позавтракал, дай же мне и пообедати”».
У Ермака да Тимофеевича
Разгорелось сердце богатырское,
Прирвал его храпы белые,
А еще того сердитее поехал
Валять в силу поганую.
Усмотрел старый казак Илья Муромец,
Что прирвал Ермак храпы белые:
«Прирвет свою силу богатырскую,
Убьют его татара да поганые».
Посылает он Добрынюшку Микитича,
Старый казак Илья Муромец,
Посылает во силу во поганую:
«Поезжай-ко ты во силу во поганую,
Подъезжай-ко ты ко младому Ермаку да Тимофеевичу
И накидывай на него да храпы белые,
И подтягивай его ты ко белой груди,
И упрашивай его словами ласковыми,
Чтобы укротил свое сердце богатырское».
И как накинул он храпы белые
И подтянул его ко своей белой груди,
То младый Ермак да Тимофеевич
Прирвал его да храпы белые,
А еще этого сердитее поехал
Рубить татар да и поганных,
В это же время смотрит старый казак Илья Муромец
И видит, что прирвет Ермак Тимофеевич
Свою силу богатырскую:
«Не могли тыи войны укротить его храбрости».
Потом обседлал старый казак Илья Муромец
Своего доброго коня
И отправился во силу во поганую
К царю Калину,

Подъезжает он к младу Ермаку да Тимофеевичу,
Накинул он свои да и храпы белые,
Старый казак Илья Муромец:
«Ай же ты, младый Ермак да Тимофеевич!
Укроти-ка свое сердце богатырское,
Ты же сегодня ведь позавтракал,
Ты же сегодня да и пообедал,
Так дай-ка ты мне хоть поужинать,
Побить да и татар да поганных».
То младый Ермак да Тимофеевич
Прирвал у стары' казак' Ильи Муромца,
Прирвал его храпы белые,
То едет младый Ермак да Тимофеевич,
Едет со левыя фланки,
Сколько ни бьет, а вдвоем-втроем конем топчет.
А потом поворотился старый казак Илья Муромец
С правая фланки;
Едет он — улицей,
Повёрнет — переулочком,
Валом валит силу неверную,
Сколько ни бьет, а вдвоем-втроем конем топчет.
И прибили они всю силу у царя у Калина,
Всю силушку поганую.
То царь Калин и выкинул их подарки,
Три мисы — одну с серебром,
Другу с жемчугом, а третью с красным золотом,
И сам на охоту шел
На уезд в свою сторону,
Нé попал заехати во Киев-град.
Все поехали во Киев-град,
Все сильные могучие богатыри.
И солнышко Владимир стольне-киевский
Встречает со радостью великою,
Со радостью и веселием,
А в особину млада Ермака да Тимофеевича.

КАМСКОЕ ПОБОИЩЕ

Подымался вор-собака да злодей Калин-царь
Да на наш на хорош да стольне Киев-град
Он по три года, собака, да по три месяца.
Не доехал он до города до Киева
Да не много тут, не мало — да ровно за семь верст,
Да по-ихному, по-татарски, да за семь попрысков,
За семь попрысков было да лошадиных же.
Становилася собака край болотинки,
Край болотинки, собака, да край щорлопинки.
Да садился собака да на ременчатый стул,
Да писал он ерлык да скорописчатый,
Не на ербовой лист, не на гумажечку,
Он печатал тут на тоненько полотёнышко.
Говорил-де собака да таково слово:
«Уж ты ой еси, Борис да королевич сын!
Ты бери-ко ерлык да скорописчатый,
Да садись-ко, Борис, дак на добра коня,
Поезжай-ко, Борис, да стольне Киев-град,
Поезжай-ко, Борис, дак не дорогою,
Не дорогою, Борис, дак не воротами, —
Да скачи ты, Борис, да на добром кони
Через ту где стену да городовую,
Через круглу ту башонку наугольнюю.
Ты приедешь, Борис, да стольне Киев-град;
Ты приедешь ко Владимиру да на посольный двор,
Ко тому ко Владимиру ко красну крыльцу, —
Не вяжи ты коня за золото кольцо,
Золото где кольцо да то Владимирско,

Не вяжи ты коня к кольцу серебряну, —
Да серебряно кольцо тут князей-бояров,
Не вяжи ты коня кольцо за медное, —
Медно кольцо русских богатырей;
Не привязывай коня дак не приказывай,
Да спущай ты коня где на божью волю.
Сам же поди дак на красно крыльцо,
Сам не спрашивай у ворот дак приворотничков,
У дверей-де ты нонь придверничков.
Да зайдешь ко Владимиру во светлу гриню, —
Не крести ты свою рожу татарскую,
Да не бей ты челом да во весь Владимирский дом,
Да выбрасывай ерлык да на дубовый стол,
Понижешенько сам да поклоняйся же,
Воротись ты назад дак и сам вон поди».
Тому слову Борис да не ослышался,
Брал-де ерлык да скорописчатый,
Да садился Борис дак на добра коня,
Да поехал Борис да в стольне Киев-град.
Ехал Борис дак не дорогою,
Не дорогою, Борис, да не воротами,
А скакал он, Борис, дак на добром кони
Через ту где стену городовую,
Через круглу ту башонку наугольною.
Приезжает да в стольне Киев-град,
Приезжает тут Борис дак на посольный двор,
Не вязал он коня за золото кольцо,
Не привязывал коня кольцо серебряно,
Не вязал он коня колечко медное.
А соскакивал Борис дак он с добра коня,
Не привязывал коня, дак не приказывал,
Дак соскакивал Борис дак он с добра коня,
Да пошел где Борис дак на красно крыльцо.
Да заходит Борис да на красно крыльцо,
Да не спрашивал у ворот он приворотничков,
У дверей где Борис да тут придверничков.
А заходит Борис дак во светлу гриню,
Не крестил он свою рожу татарскую,
Да не бил он челом во весь Владимирский дом,
Да выбрасывал ерлык да на дубовый стол,
Понизешенько он да поклоняется,
Оворачивался назад да сам и вон пошел.

Да ходил-де Владимир по светлой грини,
Говорил-де Владимир таково слово:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич свет!
Да ставай-ко ты, Добрыня, да с кроваточки,
С той же кроваточки тесовое,
С той же перины ты с пуховое,
А садись ты, Добрыня, за дубовый стол,
Распечатывай печати да все татарские,
Да читай ерлык ты да скорописчатый,
Що в ерлыки было написано,
Що в ерлыки дак напечатано».

Тому слову Добрыня не ослышался,
Да ставал же Добрынюшка с кроваточки,
С той же перины да он пуховое,
Да садился Добрыня за дубовый стол,
Распечатывал печати все татарские,
Да читал он ерлык да скорописчатый.
Да написано в ерлыки дак напечатано:
«Подымался вор-собака да злодей Калин-царь
Он по три года, собака, по три месяца
Да на тот на хорош да стольне Киев-град.
Не доехал он до города до Киева,
Не доехал он до города ровно за семь верст,
Становилася собака на край болотинки,
Край болотинки, собака, край щорлопинки,
Да на те где на шоломя на ровные.
Да по праву он руку поставил силы сорок тысячей,
Да по леву ту руку сорок тысячей,
Да позади, попереди числа-смету нет.
Просит из города поединщика:
Если нету в городе поединщика,
Божьи ти церкви да я во дым спущу,
Да почестны монастыри я рбзорю,
Силу крещену да всю привырублю,
Да Владимира-князя дак я под меч склоню,
Да княгину Опраксею дак за себя возьму».

Тут-то Владимир закручинился,
Стольне-киевский наш тут-то да запечалился,
Повеся буйну голову со могучих плеч,
Потопя очи ясны да в мать сыру землю,
Под себя руки белы к ретиву сердцу,
Да пошел он к обедни да воскресенское.

Заходил-де Владимир на крепку стену,
Посмотрел он во трубочку подзорную
Да во далечо-далечо во чисто полё.
Да завидел тут Владимир во чистом поли,
Да не темна где туча поднимается,
Стар где казак да Илейка Муромец
Из чиста поля да вынимается.
Да сходил бы Владимир-от да с крепкой стены.
Да не бел-от где кречат перепархивал —
Да стар-от где казак на добром коне перескакивал,
Он приехал ко Владимиру стольне-киевскому:
«Уж ты здравствуй, Владимир стольне-киевский». —
«Здравствуй, Илеюшка ты Муромец!»
Да спроговорит Илейка да Илья Муромец:
«Уж ты що же ты, Владимир, запечалился,
Повеся буйну голову со могущих плеч,
Потопя очи ясны да в мать сыру землю,
Под себя руки белы к ретиву сердцу?»
Да спроговорит Владимир стольне-киевский:
«Уж ты ой еси, Илейка да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын да был Иванович!
Как тут мне нынь да не кручиниться,
Не кручиниться мне, дак не печалиться?
Да приехал ко городу ко Киеву,
Да приехал вор-собака да злодей Калин-царь,
Становилася, собака, край болотинки,
Край болотинки, собака, край щорлопинки.
Да по праву ту руку поставил сорок тысячей,
Да по леву ту руку да сорок тысячей,
Да позади, попереди числа-смету нет».
Говорил где Илеюшка таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир стольне-киевский!
А не мог я тут силу да приобъехать,
Да не мог я всю тут силу пересчитать,
Не могу на силу да лиха думати,
Лиха думати на силу, зла помыслити».
Оворачивал своёго да коня доброго,
Да поехал Илеюшка во чисто полё.
Приезжает Илеюшка ко той силы татарское,
Не доехал он до их, дак низко кланялся.
Приезжает-то он к собаке да тут Калину-царю,
Да просил у его сроку на три года.

Не давал-де, собака, он сроку на три года.
Да просил тут он сроку да на три месяца, —
Не давал он тут сроку на три месяца,
Да давал только сроку на трои суточки.
Да садился Илеюшка на добра коня,
Да поехал Илейка стольне Киев-град.
Приезжает Илейка стольне Киев-град,
Приезжает ко Владимиру ко красну крыльцу.
Он привязывал своёго да коня доброго,
Да пошел бы Илейка на красно крыльцо.
Да заходил Илеюшка на красно крыльцо,
Заходил-де Илейка на новы сени,
Зашел бы Илейка во светлу грыню,
Крест бы клал да по-писаному,
Да поклоны ти вел да по-ученому:
«Здравствуй, Владимир да стольне-киевский!» —
«Приходи-ко, Илеюшка ты Муромец».

Стал бы Илеюшка рассказывать:
«Ездил я, Владимир, во чисто полё,
Доезжал я до той силы татарское,
До того до собаки тут до Калина-царя,
Да просил у его сроку на три года.
Не давал тут мне он сроку на три года.
А просил я тут сроку на три месяца, —
Не давал он мне сроку на три месяца,
Только дал он тут сроку на трои суточки».
Говорил-де Илейка таково слово:

«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич свет!
Поскорешенько, Добрыня, снаряжайся ты,
Снаряжайся, Добрынюшка, сподобляйся ты,
Поезжай-ко, Добрыня, во чисто полё,
Собирай-ко друзей, братьей, товарищов.
Если ты тут, Добрыня, не застанешь да

на чистом поли,

Поезжай-ко, Добрыня, ко Бару-граду,
От Бара где града да ко Царю-граду,
Собирай ты их скоро, да их ли наскоро,
Собирай-созывай, дак им рассказывай,
Щобы съезжались к моёму да тут к белу шатру».
Тому слову Добрыня не ослышался,
Поскорешенько он да снаряжался ведь,
Выходил-де Добрыня на конюшен двор,

Брал он своёго да коня доброго,
Да седлал да уздал да коня доброго,
А застегивал двенадцать да подпруг шелковых;
Да шпёночки были да всё булатные;
Да тринадцату тянул да через степну кость конну,
сбруню да богатырскую,
Да не ради басы, дак ради крепости.
А поехал Добрыня во чисто полё,
Да во то где раздолье во широкое.
Выехал Добрынюшка во чисто полё,
Да на то же раздолье на широкое,
Не нашел он своих друзей-товарищов.
Да поехал Добрынюшка ко Царю-граду,
От Царя где града да ко Бару-граду.
Он зыскал тут всё друзей, братьей, товарищов,
Он не много, не мало — да он тут семьдесят богатырей.
Говорил-де старой да таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир стольне-киевский!
Уж дай мне сорок сороковочок зелена вина,
Да и еше тут сорок сороковок да пива пьяного,
Да и третья-та тут сорок да меду сладкого».
Говорил-де Владимир таково слово:
«Уж ты ой еси, Илеюшка ле Муромец!
Тебе погребы нунь были не замкнуты,
Золота где казна не запечатана».
Отвязывал от пояса золоты ключи,
Отдавал он Илейке да во белы руки.
Да пошел бы Илеюшка из грыни вон,
Отмыкал тут Илейка да золоты замки
От тех погребов да от глубоких же.
Стал он носить да зелено вино, —
Да одну сороковку да на плечо бросал,
А другу сороковочку в-под пазуху,
Да третью сороковку да он пинком пинал.
Выкатал он сорок сороковок да зелена вина,
Выкатал он сорок сороковок да пива пьяного,
Да третья-та ле сорок да меду сладкого
К своему тут Илеюшка к белу шатру.
Все тут робята соезжались,
Соезжались они дак собиралися,
Пали они дак зелено вино,

Пили же они дак пиво пьяное,
Сладк-от-де медом закусывали.
Тут-то робята да все призаспали.
А старому казаку, ему не спится же.
Едет собака да по чисту полю,
Скричал-де собака громким голосом:
«Уж ты ой еси, Илейка да Илья Муромец!
Тебе полно тут спать, ноне пора вставать.
Выезжай-ко, Илеюшка, на чисто полё,
Да давай-ко, Илейка, да супротивника,
Супротивника тут мне да постановника.
Чья будет на поли божья помощь?»
Заходил бы Илеюшка во бел шатер,
Да скричал бы Илейка громким голосом:
«Уж вы ой еси, дружья, братья, товарищи!
Вам полно тут спать, ноне пора вставать,
Надо тут, робята, снаряжаться,
Ехати тепере воеватися».
Тому слову молодчики не ослышались,
Скакали они дак на резвы ноги,
Выходили тут все они на улицу,
Брали своих коней добрых же,
Да седлали-уздали коней добрых же,
Все садились они дак на добрых коней.
Говорил-де Илейка таково слово:
«Уж вы ой еси, дружья, братья, товарищи!
Кому же нам остаться да караульщиком?»
Говорил бы Илеюшка во второй раз:
«Нам оставить надь Добрынюшку Микитича:
Он ездил, Добрынюшка, по чисту полю,
Собирал он всю братию названую,
Его добр-от тут конь да приуска́лся,
Сам на кони да приустал сидеть».
Да спроговорит Илеюшка во третий раз:
«Уж вы ой еси, дружья, братья, товарищи!
Да кому же из нас дак передом ехать?»
Стар-от хоронится на среднего,
Среднь-от надеется на меньшого,
Да от меньшого нонь было ответу нет.
Да спроговорил Илеюшка во второй раз:
«Уж вы ой еси, дружья, братья, товарищи!
А кому же тут из нас дак передом ехать?»

Стар-от надеется на среднего,
Среднь-от надеется на меньшого,
Да от меньшого тут было ответу нет.
Да спроговорит Илеюшка во третий раз:
«Уж вы ой еси, дружья, братья, товарищи!
Да кому же из нас дак передом ехать?»
Стар-от надеется на среднего,
Среднь-от надеется на меньшого,
Да от меньшого тут было ответу нет.
Да спроговорит старой Илейка Муромец:
«Еще, видно, старику дак надо передом ехать.
Уж вы ой еси, дружья, братья, товарищи!
Да приедем тут ко той силы татарское,
Зазвонит ле моя да сабля вострая,
Да забрякают колечушка жемчужные, —
Уж вы бейте-тко силы да сколько можете.
Если этого у меня да не случится ведь,
Поезжайте вы тогда да куда знаете».
Поехали робята во чисто полё,
Приезжают ко той силы татарское.
Да скричал бы Илейка громким голосом:
«Уж ты ой еси, собака да злодей Калин-царь!
Уж ты дай мне тепере поединщика,
Поединщика тепере, супротивника.
Чья будет на поли божья помощь?»
Вся сила у собаки тут с коней попадала.
Да проскакивал Илеюшка-то Муромец,
Всю он ту силу татарскую,
Доезжал до собаки да он до Калина-царя.
Да сидит тут собака на добром кони,
А махнул он Илейку да саблей вострой же,
Да хотел он срубить его буйну голову.
Стар-от казак да он ухватчив был,
Увернулся коню дак он ле под брюхо.
Да расширил-де собака тут собачьи глаза —
Куда покатиласть тут у Илейки голова.
А вывернулся Илеюшка у коня дак он из-под брюха,
Да махнул он своей да саблей вострой же
По той собаки да по черной шее,
А срубил у собаки да буйну голову,
А слетела у собаки да всё равно, как была пугвица.

Зазвонила бы Илейки да сабля вострая,
Да забрякали колечушка жемчужные.
Тут-то начали удалы да все поезживать,
Стали бы они силу рубить же ведь,
Да прибили эту силу да ровно в три часа.
Тогда тут опеть поехали к белу шатру.
Да Поповичи были да долгополые, —
У их волосы ти долги, да умы коротки,
После дела тут они были расхвастались:
«Кабы было заколочоно в матушку сыру землю,
Заколочоно ле в ей было железно кольцо,
Всю бы исцеленну да вверх дном повернули бы;
Кабы на небо была дак ноне лисвица,
Да прибили бы всю силу небесную».
Небесна сила их тут подхйтила,
Окаянна ле их да пожирала ведь,
Не приехали они были к белу шатру.
Все тут робятушка собиралися
К тому же к Илейкину к белу шатру,
Да нигде тут Поповичов не случилось.
Они пили-гуляли трои суточки,
Все же они тут призаспали.
Да старому казаку да ведь не спится же.
Выходил-де старой дак тут на улицу,
Брал-де он трубочку подзорную,
Да смотрел бы старой на чисто полё,
А на ту же силу да на татарскую.
Показалось старому да чудо чудное:
Стоит тут-то на поли силы да много-нámного,
Да которого рубили дак они надвоё,
А сидит и ровно их да было два на кони;
А которого рубили дак они натроё,
Кажот им — да ровно три сидит.
Заходил бы Илеюшка во бел шатер,
Да скричал бы Илейка громким голосом:
«Уж вы ой еси, дружья, братья, товарищи!
Вам полно тут спать, ноне пора вставать».
От крепкого-де сну да пробужалися.
Говорил-де Илеюшка таково слово:
«Уж вы ой еси, дружья, братья, товарищи!
Кто-то бы из вас да тут небылью да ноне

хвастал же.

Выходил я тепериче на улицу,
Я смотрел бы во трубочку подзорную
Да во далечо-далечо да во чисто полё,
Да на ту где силу дак на татарскую:
А рубили вы которого-то надвоё, —
Тут сидит ровно их да тут два на кони;
Да которого рубили да вы ведь натроё, —
Тех их да ровно три сидит.
Надо нам тепере опять снаряжаться,
Еще ехати нам будет во чисто полё,
Да с татарской-де силой да всё поратиться».
Они стали, робята, снаряжаться,
Поскорешенько они да сподобляться.
Выходили они дак из бела шатра,
А садились они дак на добрых коней,
А поехали молодчики во чисто полё.
Да приезжают тут ко той силы татарское,
Они били эту силу, да всё рубили ведь.
Они сколько тут ею дак они бьют ею, —
Убыли ею да тут ведь нету же.
Пресвята-де богородица Илеюшке глас гласит:
«Уж ты ой еси, Илеюшка тут Муромец!
Нам живым, верно, с мертвыми не наратиться».
Да скричал бы Илейка громким голосом:
«Уж вы ой еси, дружья, братья, товарищи!
Нам живым, видно, с мертвыми не наратиться.
Тут поедем, робятушка, обратно назад».
Все тут робятушка обратилися
Ко тому-де Илейкину к белу шатру.
Да скопилися они, да все ли съехались,
Да Поповичи еще нигде не очутились.

ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ И БАТЫГА

Как из д́але́ча было из чиста поля,
Из-под белые березки кудреватый,
Из-под того ли с-под кустичка ракитова,
А-й выходила-то турица златорогая,
И выходила-то турица со турятами,
А-й расходилися туры да во чистом поли,
Во чистом поли туры да со турицею.
А-й лучилося турам да мимо Киев-град идти,
А-й видли над Киевом чудным-чудно,
Видли над Киевом дивн́ым-дивно:
По той по стены по городовы
Ходит девица душа красная,
А на руках носит книгу Леванидову,
А не только читает, да вдвой плаче.
А тому чуду туры удивилися,
В чистое поле возвратилися,
Сошлися, со турцей поздоровкалися:
«А ты здравствуешь, турица наша матушка!» —
«Ай здравствуйте, туры да малы детушки!
А где вы, туры, были, что вы видели?» —
«Ай же ты, турица наша матушка,
А-й были мы, туры, да во чистом поли,
А лучилося нам, турам, да мимо Киев-град идти,
А-й видели над Киевом чудным-чудно,
А-й видели над Киевом дивн́ым-дивно:
А по той стены по городовы
Ходит-то девица душа красная,
А на руках носит книгу Леванидову,
А не столько читает, да вдвой плаче».

Говорит-то ведь турица родна матушка:
«Ай же вы, туры да малы детушки!
А-й не девица плачет, — да стена плаче,
А-й стена та плаче городовая.
А она ведает невзгодушку над Киевом,
А-й она ведает невзгодушку великую».
А из-под той ли страны да с-под восточных
А наезжал ли Батыга сын Сергеевич,
А он с сыном со Батыгой со Батыговичем,
А он с зятем Тараканчиком Корабликовым,
А он со черным дьячком да со выдумщиком.
А-й у Батыги-то силы сорок тысячей,
А у сына у Батыгина силы сорок тысячей,
А у зятя Тараканчика силы сорок тысячей,
А у черного дьячка, дьячка выдумщика,
А той ли той да силы счету нет,
А той ли той да силы да ведь смету нет:
Соколу будет лететь да на меженный долгий день,
А малою-то птички не облететь.
Становилась тая сила во чистом поли.
А по греху ли-то тогда да учинилося,
А-й богатырей во Киеве не лучилося:
Святополк-богатырь на Святых на горах,
А-й молодой Добрыня во чистом поли,
А Алешка Попович в богомольной стороны,
А Самсон да Илья у синя моря.
А лучилась во Киеве голь кабацкая,
А по имени Василий сын Игнатъевич.
А двенадцать годов по кабакам он гулял,
Пропил, промотал всё житье-бытье свое,
А-й пропил Василий коня доброго,
А с той ли-то уздицей тесмяною,
С тем седлом да со черкальским,
А триста он стрелочек в залог отдал.
А со похмелья у Василья головка болит,
С перепою у Василья ретиво сердце щемит,
И нечём у Василья опохмелиться.
А-й берет-то Василий да свой тугой лук,
Этот тугой лук Васильюшко разрывчатый,
Налагает ведь он стрелочку каленую,
А-й выходит-то Василий вон из Киева,
А стрелил-то Василий да по тем шатрам,

А-й по тем шатрам Василий по полóтняным,
А-й убил-то Василий три головушки,
Три головушки, Василий, три хорошеньких:
А убил сына Батыгу Батыговича,
И убил зятя Тараканчика Корабликова,
А убил черного дьячка, дьячка выдумщи́чка.
И это скоро-то Василий поворот держал
А-й во стольный во славный ко Киев-град.
А это тут Батыга сын Серге́евич,
А посылает-то Батыга да скоры́х послов,
Скорых послов Батыга виноватого искать.
А-й приходили-то солдаты каравульнии,
Находили-то Василья в кабаки на печи,
Проводили-то Василья ко Батыге на лицо.
А-й Василий от Батыги извиняется,
Низко Василий поклоняется:
«Ай, прости меня, Батыга, во такой большой вины!
А убил я три головки хорошеньких,
Хорошеньких головки что ни лучшеньких:
Убил сына Батыгу Батыговича,
Убил зятя Тараканчика Корабликова,
Убил черного дьячка, дьячка выдумщи́чка.
А со похмелья у меня теперь головка болит,
А с перепою у меня да ретиво сердце щемит.
А опохмель-ка меня да чарой винною,
А выкупи-ка мне да коня доброго,
С той ли-то уздицей тесмяною,
А с тем седлом да со черкальскимим,
А триста еще стрелочек каленных,
Еще дай-ка мне-ка силы сорок тысячей,
Пособлю взять-плени́ть да теперь Киев-град.
А знаю я воротца незаперты,
А незаперты воротца, незаложенные,
А во славный во стольный во Киев-град».
А на ты лясы́ Батыга приукинулся,
А выкупил ему да коня доброго,
А с той ли-то уздицей тесмяною,
А с тем седлом да со черкальскимим,
А триста-то стрелочек каленных. .
А наливает ему чару зелена вина,
А наливает-то другую пива пьяного,
А наливает-то он третью меду сладкого,

А слил-то эти чары в единое место, —
Стала мерой эта чара полтора ведра,
Стала весом эта чара полтора пуда.
А принимал Василий единою рукой,
Выпивает-то Василий на единый дух,
А крутешенько Василий поворачивался,
Веселешенько Василий поговаривает:
«Я могу теперь, Батыга, да добрым конем владать,
Я могу теперь, Батыга, во чистом поле гулять,
Я могу теперь, Батыга, вострой сабелькой махать».
И дал ему силы сорок тысячей.
А выезжал Василий во чисто поле
А за ты эти за лесушки за темные,
А за ты эти за горы за высокие,
И это начал он по силушке поезживать,
И это начал ведь он силушки порубливати,
И он прибил, прирубил до единой головы.
Скоро тут Василий поворот держал.
А приезжает тут Василий ко Батыге на лицо,
А-й с добра коня Васильюшка спускается,
А низко Василий поклоняется,
Сам же он Батыге извиняется:
«Ай, прости-ка ты, Батыга, во такой большой вины!
Потерял я ведь силы сорок тысячей.
А со похмелья у меня теперь головка болит,
С перепою у меня да ретиво сердце щемит,
Помутились у меня да очи ясные,
А подрожало у меня да ретиво сердце.
А опохмель-ка ты меня да чарой винною,
А дай-ка ты силы сорок тысячей,
Пособлю взять-пленишь да я Киев-град».
А на ты лясы Батыга приукинулся,
Наливает ведь он чару зелена вина,
Наливает он другую пива пьяного,
Наливает ведь он третью меду сладкого,
Слил эти чары в едино место, —
Стала мерой эта чара полтора ведра,
Стала весом эта чара полтора пуда.
А принимал Василий единою рукой,
А выпивал Василий на единый дух,
А-й крутешенько Василий поворачивался,
Веселешенько Василий поговаривает:

«Ай же ты, Батыга сын Сергѣевич!
Я могу теперь, Батыга, да добрым конем владать,
Я могу теперь, Батыга, во чистом поле гулять,
Я могу теперь, Батыга, вострой сабелькой махать».
А дал ему силы сорок тысячей.
А сядилса Василий на добра коня,
А выезжал Василий во чисто поле,
А за ты эты за лесушки за темные,
А за ты эты за горы за высокие,
И это начал он по силушке поезживати,
И это начал ведь он силушки порубливати,
И он прибил, прирубил до единой головы.
А разгорелось у Василья ретиво сердце,
А-й размахалась у Василья ручка правая,
А-й приезжает Василий ко Батыге на лицо,
И это начал он по силушке поезживати,
И это начал ведь он силушки порубливати,
И он прибил, прирубил до единой головы.
А-й тот ли Батыга на уход пошел,
А-й бежит-то Батыга, запинается,
Запинается Батыга, заклинается:
«Не дай боже, не дай бог да не дай детѣям моим,
Не дай детѣям моим да моим внучатам
А во Киеве бывать да ведь Киева видать!»

Ай, чистые поля были ко Опскову,
А широки раздольица ко Киеву,
А высокие-ты горы Сорочинские,
А церковно-то строенье в каменной Москвы,
Колокольный-от звон да в Новгороде.
А-й тертые калачики валдайские,
А-й щापливы щеголиви в Ярославле-городе,
А дешевы поцелуи в Белозерской стороне,
А сладки напитки во Питере,
А мхи-ты болота ко синю морю,
А щельё-каменьё ко сиверикѹ.
А широки подолы Пудажоночки,
А-й дублены сарафаны по Онеге по реки,
Толстобрюхие бабенки Лёшмозёрочки,
А-й пучеглазые бабенки Пошозёрочки,
А Дунай, Дунай, Дунай,
Да боле петь вперед не знай.

ВАСЬКА-ПЬЯНИЦА И КУДРЕВАНКО-ЦАРЬ

Да уж какплыли туры через океан-морё,
Выплывали туры да на Буян-остров,
Они шли по Буяну, славну острову,
Им навстречу турица златорогая,
Златорогая им турица, одношорстная,
Уж как та ихна матушка родимая.
Говорила тут турица златорогая,
Говорила турица таково слово:
«Уж вы здравствуйте, туры вы златорогие,
Златороги туры вы, одношорстные,
Уж вы здравствуйте, деточки родимые!
Уж вы где-ка, туры, были, где вы побыли?»
Говорят тут туры да златорогие:
«Уж ты здравствуй, наша матушка родимая,
Уж ты та же турица златорогая,
Златорога турица одношорстная!
Уж мы были где, маменька, во Шахове,
А служили мы, родимая, во Ляхове,
Крашон Киев-от мы город тот в полночь прошли;
Только видели мы в Киеве чудо чудное,
Чудо чудное видели, диво дивное:
Как из той же нонь было божьей церкви,
Как из тех же дверей было церковных-е,
Из-за той было стены ведь городовое,
Как из тех же ворот было широких-е
Выходила тут душа красна девица,
Выносила святу книгу на буйной главы,
А спускалась она да под круту гору,

Забродила в сине море в пол-колен воды,
Она клала святу книгу на алтын-камень,
А читала святу книгу, слезно плакала,
А сама говорила таково слово:
«А у нас-то во городе-то Киеве —
А про то не знат никто, нонче не ведаёт —
А зло несчастьицо, братцы, состоялось,
Безвременье велико повстречалось:
Подошел под Киев-город Кудреванко-царь,
Он со тем сам со зятёлком, племянником,
Он со тем же со зятёлком любимым-е,
Он со тем со племянником с родимым-е.
А у зятёлка много силы, множество,
У племянничка силы три тысячи,
У самого Кудреванка числа-смёту нет.
От того нонь от пару лошадиного
А поблёкло-помёркло красно солнышко,
От того где-ка духу-ту татарского
Потемнела ведь луна да вся небесная.
Говорит тут турица златорогая:
«Уж вы, глупы туры, вы туры малые!
А не душа выходила красна девица —
Пресвята мати божья богородица,
Выносила она книгу на буйной главы,
А спускалась она ведь под круту гору,
Она клала святу книгу на алтын-камень,
А читала святу книгу, слезно плакала,
А сама говорила таково слово:
„А у нас-то во городе-то Киеве —
А про то не знат никто нонче, не ведаёт —
А зло несчастьицо, братцы, состоялось.
Безвременьицо велико повстречалось —
Подошел под Киев-город Кудреванко-царь”».
А и становился Кудреванко на чистом поли,
Становил он шатры белы полотняны,
И полотно под им земля да подгибается.
Становил он столы новы дубовые,
Он садился на стульё на ременчато,
Он писал ёрлыки да скорописчаты,
Не на ербовом писал листу бумажечки,
Не пером он писал их, не чернилами —

На атласе он писал, на плисе-бархате,
Он писал ёрлыки да красным золотом:
Он и просит у князя супротивника.
Написал ёрлыки он скорописчаты,
Посылал он гонца да в стольне Киев-град,
Он везти ёрлыки да скорописчаты,
Посылал он гонца да скоро-наскоро.
Тут и седлал где, уздал гонец добра коня,
Он садился, гонец, да на добра коня,
Он поехал, гонец, да в стольне Киев-град,
Он повез ёрлыки да скорописчаты.
Тут и приехал гонец да в стольне Киев-град
Ко тому где ко князю к широку двору,
Установил он коня да ко красну крыльцу,
Ко красну крыльцу поставил, к дубову столбу,
Привязал он коня да к золоту кольцу.
А пошел тут гонец да на красно крыльцо,
Проходя идет гонец да по новым сеням,
Проходя идет в грыни княженецкие,
Ёрлыки кладет на стол да и сам вон идет.
Увидал князь ёрлыки да скорописчаты,
Увидал ёрлыки, он приужахнулся.
Он и брал ёрлыки их во белы руки,
Он смотрел ёрлыки, сам призадумался.
Стал читать ёрлыки он, прирасплакался:
«А у нас нонь во городе-то Киеве
А богатырей у нас в доме не случилось,
А разъехались они все во чисто полё».
А у нас-то во городе во Киеве,
А у нас у ласкова-то князя Владимира
А собиралось пированьицо, почёсьён пир,
А про многих про князей, про многих бояров,
А про тех про купцей, людей торговых-е.
Уж как пир-от идет нонь навеселе,
Уж как день-от идет да день ко вечору,
А красно солнышко катится ко западу,
А ко западу красной, ко закату.
Уж как все на пиру да пьяны-веселы,
А Владимир-князь по грынюшке погуливат,
Горючима слезами умывается,
Тонким белянким платочком утирается.
Говорил тут Владимир таково слово:

«Уж вы ой еси, князья, мой бояра,
Уж как те же купцы, люди торговые!
А у нас-то ведь во городе-то Киеве
А зло несчастьицо, братцы, состоялося,
Безвременё велико повстречалоя:
Подошел под Киев-город Кудреванко-царь,
Он со тем же со зятёлком, племянником,
Он со тем же со зятём со любимые,
Он со тем со племянником с родимым-е.
А у зятёлка много силы, множество,
У племянничка силочки три тысячи,
У самого Кудреванка числа-смёту нет».
Отказались князья, его бояра,
Уж как те же купцы, люди торговые:
«Мы не можем со князём думу думати,
Мы не можем со князём мысли мыслити».
А у нас опять во городе во Киеве
А у князя у ласкова Владимира
Собиралось пированьицо, почесьён пир,
А про тех про крестьян, людей рабочих-е.
Уж пир-от идет-то нонь навеселе,
Уж как день-от идет да день ко вечеру,
А красно солнышко катится ко западу,
А ко западу солнышко, ко закату.
Еще все на пиру да пьяны-веселы,
А Владимир-князь по гринюшке погуливат,
Горючима слезами умывается,
Тонким платочком подтирается.
Говорит тут князь Владимир таково слово:
«Уж вы ой еси, крестьянушка прожиточны!
А у нас-то во городе-то Киеве —
А про то никто не знаёт, нонь не ведаёт —
А зло несчастьицо, братцы, состоялося,
А безвременьицо велико повстречалоя:
Подошел под Киев-город Кудреванко-царь,
Он со тем же со зятёлком, племянником.
А у зятёлка много силы, множество,
У племянника силочки три тысячи,
У самого Кудреванка числа-смёту нет.
Пособите вы мне, князю, думу думати».
Из-за того где стола было окольнёго
Выставаёт тут удалой доброй молодец,

Ох, не провелик дѣтинушка, плечми плечистъ.
И сговорит тут дѣтина таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир-князь стольне-киевский!
У нас есть во чистом поле украинка,
У нас есть на украины царев кабак,
У нас там в кабаки Васька, низка пьяница,
Он ведь пьет тут ведь, Васенька, три месяца».
А зрадовался князь Владимир стольне-киевский.
Одевал-обувал он сапожки на босу ногу,
Одевал кунью шубу на едно плечо,
Он бежал во чисто полѣ на украинку.
Прибежал он во чисто полѣ на украинку,
Заходил он ведь в этот нов царев кабак.
А и тут лежит Васька на печке на муравлѣной,
Он рогожонькой, Васенька, закутался,
А в зголовьях-то у Васьки сер горюч камень.
Говорит тут князь Владимир таково слово:
«Уж ты ой еси, Васька, низка пьяница!
Ты пожалуй ко мне, Вася, на почесьѣн пир,
Уж ты хлеба ле, соли ко мне кушати».
И говорил тут Василий таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир-князь стольне-киевский!
Я не могу где встать и головы поднять,
Потому у мя болит да буйна гдлова,
А шипит у мя, ноет ретиво сердце».
Говорит тут Владимир таково слово:
«Уж ты ой еси, чумак нонь целовальничок!
Ты налей-кося чару зелена вина,
Ты подай-ко Ваське, низкой пьянице».
А на то где чумак да не послушался,
Наливал он эту чару в полтора ведра.
А слезывал Васька со печки со муравлѣной,
Выпивал эту чарочку всю досуха,
Заскочил опять на печку на муравлѣну,
Он рогожонькой опять и прикутался.
Говорил тут Владимир таково слово:
«Уж ты ой еси, Васька, низка пьяница!
Ты пожалуй ко мне, Васька, на почесьѣн пир,
Уж ты хлеба ле, соли ко мне кушати,
А гусей, белых лебедей порушати».
Говорит тут Васька, низка пьяница,
Говорил тут Василий таково слово:

«Уж ты ой еси, Владимир-князь стольне-киевский!
Я не могу ведь стать и головы поднять,
А ти потому у мня болит буйна голова,
Еще ноет-шипит да ретиво сердце».
Говорил тут князь Владимир таково слово:
«Уж ты ой еси, Васька, низка пьяница!
Слезывай, Васька, со печки со муравлёной,
Ты поди, Васька, за стойку белодубову,
Поди пей-кося вина сколько те хочется».
А тут и Васенька скакал, аки сокол слетал,
Заходил Васька за стойку белодубову,
Нацедил Васька чарочку тут второю,
Выпивал эту чарочку всю досуха;
Нацедил Васька чарочку тут третьюю,
Выпивал эту чарочку всю досуха;
Нацедил Васька чарочку четвертую,
Он поставил ей на стойку белодубову.
Выходил тут Васька на царев кабак,
По цареву кабаку он стал погуливать:
А ти тут дубовы половицы подгибаются,
Со краю на край царев кабак шатается,
Э да во бочках зелено вино колыбается.
А говорил тут князь Владимир таково слово:
«Уж ты ой еси, Василий, низка пьяница!
А ты пожалуй ко мне да на почесьён пир,
Уж ты хлеба ле, соли ко мне кушати».
И говорит тут Василий таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир-князь стольне-киевский!
Я не мóгу со князём думы думати,
Я не мóгу со князём мысли мыслити,
Потому у мня нету платья цветного,
Потому у мня ведь нет нонче добра коня,
Потому у мня нет сбруи лошадиное,
У мня нет всей сбруи богатырское,
У мня нет нонче сабельки-то вострое,
У мня нету копейца-то булатного,
У мня нету ведь палицы боёвое,
У мня нет нонче лука-то ведь крепкого
Со тема его с тетивками шелковыма,
Со тема же со стрелками каленыма, —
У мня пропито чумаку всё целовальнику,
У мня всё где со всем в тридцати тысячах».

Ах, говорил тут Владимир таково слово:
«Уж ты ой еси, чумак, наш целовальничок!
Ты отдай возьми Ваське всё безденёжно,
Заплачу я тебе деньги со покорностью».

А на то где чумак не послушался,
А выносил Ваське платьицо-то цветное,
Выносил он всю сбрую богатырскую,
Он выносил Ваське сабельку ту вострую,
Выносил он копейцо брусоменчато,
Выносил он ведь палицу боёвую,
Выносил он всю сбрую лошадиную,
Выводил он ведь Ваське и добра коня.

А снаряжался тут Васька в платьё в цветное,
Он надел на себя всю сбрую богатырскую.
Говорил тут князь Владимир таково слово:
«Ты пожалуй ко мне, Вася, на почесьён пир,
Уж ты хлеба ле, соли ко мне кушати».

И говорит тут Василий таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир-князь стольне-киевский!
Мне не хлеба ле, соли хочется кушати, —
Мне-ка надобно ехать во чисто полё,
Мне-ка надо бить силу — рать великую».

Выпивал он эту чарочку четвертую,
Он стал-де сряжаться во чисто полё,
Он седлал-де, уздал да коня доброго,
Он садился, Василий, на добра коня,
Он поехал, Василий, во чисто полё.
Он доехал, Василий, до белых шатров,
Вынимал он из-за налучья свой крепкий лук,
Он натягивал тетивочку шелковую,
Он накладывал стрелочку каленую,
Он стрелял Кудреванка во белом шатри,
Он сострелил Кудреванка во белом шатри.
Он тогда поехал бить силу — рать великую:
Он куда, Васька, едет — валит улицей,
Поворотится куда — переулочком.
Он ведь много прибил да силы, множество.
Он тогда где поехал ко белым шатрам,
Он соскакивал где, Васька, со добра коня,
Он спустил коня пшеницу исть белоярову,
Он ведь пошел где, Васенька, в белой шатер.

Заходил тут ведь Васька во белой шатер,
Говорил тут ведь Васька таково слово:
«Уж вы здравствуйте, зятёлко, племянничок,
Уж вы здравствуйте, пановья-улановья!
Уж вы ой еси, пановья-улановья!
Вы подите тепере в стольне Киев-град,
Уж вы грабьте князей да нонче бояров,
Уж вы тех же купцей, людей торговых-е,
Уж вы грабьте у их да золоту казну,
Не ворошите только князя-то Владимира,
Уж вы той-де княгиной-то Опраксеи».
А тут пошли где-ка пановья-улановья,
А пошли они грабить стольне Киев-град.
А приходят они да стольне Киев-град,
Они грабят купцей да князей-бояров,
Они множество награбили золотой казны
Да пошли опять да во чисто полё.
Они приходят опять да ко белым шатрам,
Они много принесли ведь золотой казны,
Они стали делить да золоту казну.
Они стали делить ей промежду собой,
Не дают они Ваське, низкой пьянице.
Говорят тут ведь зятёлко, племянничок:
«Уж вы ой еси, пановья-улановья!
А во науке-то у вас-то был Васька больше всех,
А тепере у вас Ваське и паю нету».
Говорят тут ведь пановья-улановья:
«А тепере у нас Васенька у нас в руках».
Да тут это Ваське за беду пришло,
За велику за досаду показалось.
Его ясны-ти очи сомутились,
Богатырско его сердце разъярилось,
Он скакал тут ведь, Васька, на резвы ноги,
А хватил он татарина-то за ноги,
Он ведь зачал татаринном помахивать:
Он куда махнет, Васька, — валит улицей,
Поворотится куда — да переулочки.
Он прибил всех татар да нонь до едного,
Он убил этих зятёлка, племянника,
Он и взял с собой ведь эту золоту казну.
Он седлал-уздал тогда, Васька, добра коня,
Он поехал тогда, Васька, в стольне Киев-град.

Он ведь едет, Василий, в стольней Киев-град,
Тут приехал Василий в стольне Киев-град,
Ко тому он ко князю к широку двору.
Тут соскакивал Василий со добра коня,
Он поставил коня да к дубову столбу,
Привязал где коня да к золоту кольцу.
А встречал его Владимир-князь стольне-киевский,
Он ведь нес ему подарочки не маленькие,
Он ведь нес ему много злата-серебра,
Он ведь нес ему всяки вещи разные.
Не примат тут Василий злата-серебра,
Не примат он вещей этих разных-е,
Он просил-де у князя-то такой приказ:
«Уж ты дай мне, Владимир-князь, такой приказ,
Чтобы пить по кабакам вино безденёжно».
Тут ведь дал Владимир-князь такой приказ —
Да еще пить по кабакам безденёжно.

МИХАЙЛО ДАНИЛОВИЧ

Как во славном было во городе во Киеве,
Как у ласкова князя у Владимира
А заводился почесён пир
На всех князей-то его, на ббяр же,
На русских-то могучих богатырей,
Ай, на тех же на купцей, гостей торговья,
Да на тех же на калик да переходя.
А как светёл день идет на есени,
А почесён пир идет навёселе,
А как красно солнышко идет ко западу,
А ко западу идё, ко з́акату,
А почесён пир да под конец идет.
А как вси тут сидят, пьют, едят и хвастают,
А только один сидит, не пьет, не ест, не кушает.
Говорил тут князь Владимир таковы слова:
«А что ж ты у мя, Игнатьюшка,
Не пьешь сидишь, не кушаешь?
А разве тебе место не по разуму,
Или винной чарой тебя обнесли,
Или кто над тобой посмехается?»
Говорил Игнатий сын Данилович:
«Уж ты вой еси, красно солнышко Владимир-князь!
Э как мне-то место всё по разуму,
А петия и едьё мне всё по души,
Э да как винной чарой меня не обнесли,
Да как ведь никто надо мной не посмехается.
Ведь жил я у тя во Киеве да шестьдесят годов,
Как сносил я у тебя во Киеве да шестьдесят боев,

Как срывочных-порывочных числа-смету нет.
Было у меня во Киеве с молодости погрежоно,
А погрежоно у меня да покурежоно,
А под старость мне-ка хочется кабы душа спасти,
А душа спасти, мне-ка в рай сползти,
Ай да постричися в ризу черную
Да налѡжить на себя скиму спасеную,
А постригитися мене к Федосию, Антонию в Пещер-
монастырь».

Говорил тут всё Владимир-князь:
«Ай уж ты гой еси, Игнатий сын Данилович!
А ка кто будѣт у нас во Киеве да оборанивать?
А как пройдет тут про нас слава великая,
Что во Киеве богатыри состарились,
А состарились богатыри, преставились,
А да как постриглись они в ризы черные,
А надели на себя скимы спасеные,
Как к Антонию, Федосию в Пещер-монастырь, —
Как пройдет тут славушка по всей земли,
А по всей земли да по святой Руси,
Как во Киеве богатыри состарились, преставились,
А как тут зволнуется орда — Литва поганая,
Как тут разѡрят, разѡбьют наш Киев-град,
А у нас некому во Киеве да оборанивать». —
«Уж ты вой еси, Владимир-князь да стольнѣ-киевский!
Как останется у меня да чадо милое,
А как тот же Михайлушко Игнатьевич.
Э как от роду ему двенадцать лет,
Он ведь можот владать моим добрым конем,
А как латы мои ему не сходятся,
А как палицу мечет по понѣбесам,
А скоро подъезжат да на добром коне,
Во ту же во праву руку,
А как палица у мня только сорок пуд». —
«Уж ты вой еси, Игнатий сын Данилович!
А не видал-то я твоѣго чада милого,
А приведи ты ко мне на почесѣн пир,
На почесѣн пир мне на посмотреньице;
Я не видал твоего чада милого,
Не слышал, что есть у тя да чадо милое». —
А как пошел Игнатий со честна пиру,
Как приходит к своему широку двору,

Как встречает Михайлушко да среди двора,
А как бьет челом отцу да низко кланится.
«Ай уж ты гой еси, мое да чадо милое,
А мило чадышко мое, любимое!
Ты поди-тко ко князю на посмотреньице да на
почесён пир».

Одевается Михайлушко да снаряжается,
А как говорил-то ему родной батюшко:
«А как придешь ко Владимиру да светлу светлицу,
Ай, отпирай-кося ты двери на́ пяту,
А запирай-кося их всё накрепко,
Ай да ты крест-от клади да по-писаному,
А поклон-от веди да по-ученому,
Да уж ты кланяйся да на вси стороны,
Ай-ка бей челом князю Владимиру
Да о ту же о рученьку о правую.
Сиди-тко на пиру, ешь, пей и кушай же».

Как пошел Михайлушко да на почесён пир,
Как заходит он да на широкий двор,
А с широка двора да на красно крыльцо,
А со красна крыльца в палату княженецкую,
Отпират он двери на́ пяту,
А запирает он ведь накрепко;
Как палата у князя потрясалася.
Да как крест кладет да по-писаному,
Поклон-от ведет да по-ученому,
А как бьет челом князю Владимиру:

«А ты здравствуй, Владимир-князь да стольнё-
киевский!» —

«Уж ты здравствуй, ты Михайло сын Игнатъевич!»
Как садил-то Михайлушка в место отцовское,
А да наливали чару Михайлу зелена вина,
Да не малу, не велику — в полтора ведра.
Принимал-то Михайло единой рукой,
А выпивал-то Михайло чару единым духом,
На запивку, на закуску турий рог да меду сладкого.
А как отошел у князя всё почесён пир,
Как немного тому времени прошло-миновалось,
Да как прошла тут славушка великая
Как по всей земли, по всей украины,
А да прошла слава в прокляту Литву поганую.
Подымается поганое Идóблищо

А на тот же на красён Киев-град,
А запленить князя Владимира,
А как божьи церкви под конюшни взять,
А святы ти монастыри на дым спустить,
А как князя Владимира в полон забрать.
Как тужил тут князь Владимир стольнѣ-киевскій.
А как учул-то тут Михайлушко Игнатъевич,
Да пошел-то он ко князю ко Владимиру.
Как приходит он ко князю ко Владимиру,
Еще бьет челом да низко кланится:
«Уж ты вой еси, князь Владимир стольнѣ-киевскій!
Как подходит под нас сила великая поганая,
А благослови-тко мне съездить во чисто полѣ
Да побить ту силушку великую».
Говорил Владимир-князь Михайлушку:
«Уж ты гой еси, молодой зобзун попархивать!»
А как тут Михайлушку да за беду да показалось,
Рассердилось, разгневилось ретивѣ сердце,
А да как пошел ведь ни с радости, ни весельица.
Отпирал он двери на пята,
А как запирали он крепко-накрепко;
Ободверенки да помитусились,
Из околенок слутки посыпались.
И приходит он на свой широкий двор,
Как седлал-уздал он всё добра коня,
Как накладывал уздечку ту тесмяную,
А на спину настидал он ведь войлучок,
Как на войлучок накладывал седельшко черкальское,
Да застегивал двенадцать всё отужинков,
А застегивал-то он двенадцать пряжочок;
Как пряжочки те были золоченые,
Как стегнышки были да всё булатные,
А отужинки были шелковые.
А это всё не ради красы, ради крепости:
Эй, шелк подтянется, не сорвется,
А красное золото ведь не ржавеет,
А булат-от погнется, сам не сломится.
Как собрался Михайлушко, снарядился же,
Скоро, лёго скакал он на добра коня,
А как поехал по городу по Киеву,
А приворачиват к Федосію в Пещер-монастырь
А к своему родну батюшку,

Да к тому же Игнатью всё Данилову,
Да всё взять-то благословеньицо да вековечное,
Э как на веки свои да нерушимое,
Э как съездить в чисто полё с татарами побитися.
А да как приехал тут Михайлушко ко келейке,
А как колотится он в окошочко да потихошеньку,
А как ведь говорит ведь он да помалёшеньку.
Как услышал тут Игнатий сын Данилович
А как своёго чада милого,
А да как выходит скоро на крылечико.
А как падал Михайлушко да во резвы ноги,
А просил-то его да благословеньица
А как ехать в чисто поле с татарами подратися.
Говорил тут Игнатий сын Данилович,
А даёт-то ему благословеньицо на векí да нерушимое,
А даёт да сам ему наказыват:
«Уж ты гой еси, мое да чадо милое!
Ты приедешь к той силы неверныя,
Ты не ездí в силушку в серединушку,
А ты бей силу ты ей всё ведь с краюшку,
Уж ты бей силу все меньши полки,
Ты не ездí ты в больши полки:
Там накопаны подкопы широкие, глубокие,
Как наставлены там ведь копыя вострые.
Да ты хоть заедешь в больши полки,
Да перекопы перескочишь же,
А да дай-ко ты добру коню вздохнуть;
А перескочит перекопу во второй раз,
А тут подкопы ти широкие, глубокие,
Упадет тут ведь доброй конь,
Он заколется на тих копыях на вострых же».
Как скочил он ведь во первóй након —
Перескочил он подкопу широкою;
А скакал-то его доброй конь да во второй након —
Эй, перескочил он втору-то подкопеть широкою, глубокою;
Эй, наехал он на третью подкопеть широкою, глубокою —
А как зговорил-то ему доброй конь:
«Уж ты дай мне-ка, Михайлушко, добру коню, вздохнуть».
Как стегал коня да по крутым бёдрам,
Как скочил его конь да во третей након,
Не мог-то его доброй конь перескочить же,
Падал на ти же на копыца на вострые,

Заколоса его добрый конь да Воронеюшко,
Да как падал Михайлушко да со добра коня.
Наскакали тут погановя татаровя,
Да вопутали во путани шелковые,
Повели его к поганому Идолищу.
Говорил ему поганое Идолищо:
«Уж ты гой еси, молодой да доброй молодец!
А поди ко мне служить да верой-правдою,
А верой-правдою да не изменою». —
«Уж ты гой еси, поганое Идолищо!
Не хочу у тебя служить ни верою, ни правдою.
Как бы я был всё на воле же,
Послужила бы у мня тебе да сабля вострая».
Говорит тут поганое Идолищо:
«Уж вы, палачи мои немилостливы!
Осеките-ко Михайлу, добру молодцу, да буйну голову».
Разъярилось у Михайла да ретиво сердце,
Как махал-то своима руками ти белыма,
Разорвал-то на себе вси путины шелковые,
А да скóчил он на резвы ноги,
Да хватил-то свою саблю вострую,
Отсек тут поганому Идолищу да буйну голову.
А как начал Михайлушко по силушке похаживать,
Вострой сабелькой своей помахивать:
Как перёд махнет — падет их ведь улицей,
Назад ту отмахнет — то делат переулками.
Эй, как бился-дрался с има шестеры ровно суточки,
Как прибил-то всих татар да до единого.
Устали у Михайла руки белые,
А не носят его больше ноги резвые,
Повалился тут же в трупля ти поганые.
А спал он немножко, немало — шестеры-то суточки.
Схватился его родной батюшка,
Как тот же Игнатий сын Данилович:
«А должно быть, нету живого чада милого,
А убили тут погановя татаровя.
Кабы знал я всё это, ведал тут,
Не спустил бы ехать чада да во чисто полё,
А да съездил я, подрался бы с поганьма татарами».
Как выходит Игнатий на чисто полё,
А ко тим же туловям поганья,
А идет-то он ужасается,

А как горькими слезами обливается,
Высоко-то мечет туловья да по поднебесам.
Как от сна Михайлушко да пробуждается,
С того же устаточку великого да просыпается,
А да стаёт-то скоро на резвы ноги,
Как смотрит-глядит' по силушки великия:
Как увидел-то, ходит старичишо да в платьи черныя.
Он пошел-то к своему родну батюшку:
«А прости-ко меня, батюшко, да во первой вины!
А как не послушал твоёго наказаньица,
Уходил-то твоёго коня Воронеюшка».
Проштал-то отец в таковой вины:
«Ты не делай впредь да таково дело.
А как где же возьмешь ты топерича добра коня?
А да ты поди-тко топерь да на Ефрат-реку:
Эй, там есть один коничок, невелик собой,
А хоть маленький Голубанушко, удаленький».
А как брал-то он свою узду тесмяную,
А да брал-то он с собой седельшко черкальское,
А пошел-то Михайло на Ефрат-реку,
А увидел тут дорожочку широкую,
Становился он всё под сырой дуб.
А как по утру было по ранному,
Как бежит-то впереди доброй конь Голубанушко.
А выскакивал Михайлушко из-под сыра дуба,
А как испугался его доброй конь,
Эй, как падал на колени на стьру землю,
Захватил Михайлушко за гриву лошадиную,
А правбй рукой держит добра коня,
А левой рукой накладыват уздечку всё тесмяную.
Оседлал-то, обуздал добра коня,
Как скакал скоро, лёго на добра коня,
А как горы, доли он да промеж ног берет,
Как скачот да с горы нá гору,
Он поехал ко городу ко Киеву.
Как приехал Михайло ко своёму широку двору.

СУХМАН

У ласкова у князя у Владимира
Было пиrowаньице — почестен пир
На многих князей, на бояр,
На русских могучиих богатырей
И на всю поленицу удалую.
Красное солнышко на вечере,
Почестный пир идет навеселе,
Все на пиру пьяны-веселы,
Все на пиру порасхвастались:
Глупый хвастает молодой женой,
Безумный хвастает золотой казной,
А умный хвастает старой матерью,
Сильный хвастает своей силою,
Силою, ухваткой богатырскою.
За тым за столом за дубовым
Сидит богатырь Сухмантий Одихмантьевич,
Ничем-то он, молодец, не хвастает.
Солнышко Владимир стольно-киевский
По гридне столовой похаживает,
Желтыма кудеркамы потряхивает,
Сам говорит таковы слова:
«Ай же ты, Сухмантий Одихмантьевич!
Что же ты ничем не хвастаешь,
Не ешь, не пьешь и не кушаешь,
Белыя лебеди не рушаешь?
Али чара ти шла не рядобная,
Или место было не по отчине,

Али пьяница надсмеялся ти?»
Воспроговорит Сухман Одихмантьевич:
«Солнышко Владимир стольно-киевский!
Чара-то мне-ка шла рядобная,
А и место было по отчине,
Да и пьяница не надсмеялся мне.
Похвастать — не похвастать добру молодцу?
Привезу тебе лебедь белую,
Белу лебедь живьем в руках,
Не ранену лебедку, не кровавлену».
Тогда Сухмантий Одихмантьевич
Скоро встает на резвы ноги,
Приходит из гридни из столовья
Во тою конюшенку стоялую,
Седлает он своего добра коня,
Взимает палицу воинскую,
Взимает для пути, для дороженьки
Одно свое ножище-кинжалище.
Садился Сухмантий на добра коня,
Уезжал Сухмантий ко синю морю,
Ко тоя ко тихия ко заводи.
Как приехал ко первыя тихия заводи,
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утеньши.
Ехал ко другия ко тихия ко заводи,
У тоя у тихия у заводи
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утеньши.
Ехал ко третия ко тихия ко заводи,
У тоя у тихия у заводи
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утеньши.
Тут-то Сухмантий пораздумался:
«Как поехать мне ко славному городу ко Киеву,
Ко ласкову ко князю ко Владимиру,
Поехать мне — живу не бывать.
А поеду я ко матушке Непры-реке».
Приезжает ко матушке Непры-реке,
Матушка Непра-река текет не по-старому,
Не по-старому текет, не по-прежнему,
А вода с песком помутилася.
Стал Сухмантьюшка выпрашивати:

«Что же ты, матушка Непра-река,
Что же ты текешь не по-старому,
Не по-старому текешь, не по-прежнему,
А вода с песком помутилася?»
Испроговорит матушка Непра-река:
«Как же мне течи было по-старому,
По-старому течи, по-прежнему?
Как за мной, за матушкой Непрой-рекой,
Стоит сила татарская неверная,
Сорок тысячей татаровой поганных,
Мостят они мосты калиновы,
Днем мостят, а ночью я повырою,
Из сил матушка Непра-река повыбилась».
Раздумался Сухмантий Одихмантьевич:
«Не честь-хвала мне молодецкая
Не отведать силы татарския,
Татарския силы, неверныя».
Направил своего добра коня
Через тую матушку Непру-реку, —
Его добрый конь перескочил.
Приезжает Сухмантий ко сыру дубу,
Ко сыру дубу крякновисту,
Выдергивал дуб с кореньямы,
За вершинку брал, а с комля сок бежал,
И поехал Сухмантьюшка с дубиначкой.
Напустил он своего добра коня
На тую ли на силу на татарскую,
И начал он дубиначкой помахивати,
Начал татар поколачивати:
Махнет Сухмантьюшка — улица,
Отмахнет назад — промежуточек,
И вперед просунет — переулочек.
Убил он всех татар поганных.
Бежало три татарина поганных,
Бежали ко матушке Непры-реке,
Садилась под кусточки под ракизовы,
Направили стрелочки каленые.
Приехал Сухмантий Одихмантьевич
Ко той ко матушке Непры-реке,
Пустили три татарина поганных
Тыя стрелочки каленые
В его бока во белые.

Тут Сухмантий Одихмантьевич
Стрелочки каленые выдергивал,
Совал в раны кровавые листочки маковы,
А трех татаровой поганных
Убил своим ножищем-кинжалищем.
Садился Сухмантий на добра коня,
Припустил ко матушке Непры-реке.
Приезжал ко городу ко Киеву,
Ко тому двору княженецкому,
Привязал коня ко столбу ко точеному,
Ко тому кольцу ко золоченому,
Сам бежал во гридню во столовую.
Князь Владимир стольно-киевский
По гридне столовая похаживает,
Желтыма кудеркамы потряхивает,
Сам говорит таковы слова:
«Ай же ты, Сухмантий Одихмантьевич!
Привез ли ты мне лебедь белую,
Белу лебедь живьем в руках,
Не ранену лебедку, не кровавлену?»
Говорит Сухмантий Одихмантьевич:
«Солнышко князь стольно-киевский!
Мне, мол, было не до лебедушки:
А за той за матушкой Непрой-рекой
Стояла сила татарская неверная,
Сорок тысячей татаровой поганных;
Шла же эта сила во Киев-град,
Мостила мосточки калиновы.
Они днем мосты мостят,
А матушка Непра-река ночью повыроет.
Напустил я своего добра коня
На тую на силу на татарскую,
Побил всех татар поганных».
Солнышко Владимир стольно-киевский
Приказал своим слугам верным
Взять Сухмантя за белы руки,
Посадить молодца в глубок погреб,
А послать Добрынюшку Никитинца
За тую за матушку Непру-реку
Проведать заработки Сухмантьевы.
Седлал Добрыня добра коня,
И поехал молодец во чисто поле.

Приезжает ко матушке Непры-реке
И видит Добрынюшка Никитинец —
Побита сила татарская,
И видит дубиночку-вязиночку,
У тоя реки разбитую на лозиночки.
Привозит дубиночку в Киев-град
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Сам говорит таково слово:
«Правдой хвастал Сухман Одихмантьевич:
За той за матушкой Непрой-рекой
Есть сила татарская побитая,
Сорок тысячей татаровой поганных.
И привез я дубиночку Сухмантьеву,
На лозиночки дубиночка облочкана».
Потянула дубина девяносто пуд.
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Ай же, слуги мои верные!
Скоро идите в глубок погреб,
Взимайте Сухмантья Одихмантьевича,
Приводите ко мне на ясны очи,
Буду его, молодца, жаловать-миловать
За его услугу за великую
Городами его с пригородками,
Али селамы со приселками,
Аль бессчетной золотой казной дó любви».
Приходят его слуги верные
Ко тому ко погребу глубокому,
Сами говорят таковы слова:
«Ай же ты, Сухмантий Одихмантьевич!
Выходи со погреба глубокого,
Хочет тебя солнышко жаловать,
Хочет тебя солнышко миловать
За твою услугу великую».
Выходил Сухмантий с погреба глубокого,
Выходил на далече-далече чисто поле,
И говорил молодец таковы слова:
«Не умел меня солнышко миловать,
Не умел меня солнышко жаловать, —
А теперь не видать меня во ясны очи!»
Выдергивал листочки маковые
Со тых с ран со кровавых,

Сам Сухмантий приговаривал:
«Потеки, Сухман-река,
От моя от крови от горячия,
От горячия крови, от напрасныя».

• АЛЕША ПОПОВИЧ УБИВАЕТ ТАТАРИНА

Еще было во городе Кieve,
Що у ласкового князя у Владимира,
Еще было на дворе ведь три богатыря,
Проживали все у князя у Владимира,
Оберегатели были красну Киеву,
Що тому ли князю всё Владимиру,
Опраксеи-то же были королевични,
Как любимой-то ведь князевой племяненки,
Еще душечки-то были Марфы Митревны.
Говорил-то тут казак да Илья Муромец,
Илья Муромец, казак, да сын Иванович:
«Нам ведь полно это жить в красном Кieve,
Мы поедем-ко, братцы, во чисто поле».
Они скоро же тут да собиралися,
Еще скоро они тут да отправлялися,
Еще сажались на добрых же на своих коней,
На своих же коней на богатырских,
Приезжали они да во чисто поле,
Разоставили шатры белополотняны.
Они стали по чисту полю поезживать,
Ничего же во чистом поли не наехали —
Ни гусей-то, ни лебедей,
Ни пернащатых-то мелких они уток.
Пристигала их-то в поле ночка темная,
Ночка темна пристигала, ночь осенняя.
Що по утру-то было, утру ранному,
По восходу-то было солнца красного,
По закату-то было луны светлою, —
У того ли у старого стариньшины,
У того ли всё у Ильи, Ильи Муромца,

Как забил-то его конь да правой ножочкой
Що о ту ли о матушку сыру землю,
Що о те ли всё о камешки о серые.
Пробуждается Илья ведь от крепкого сну,
Он свежой водой ключовой умывается,
Тонким белым полотенцем утирается,
Он ведь смотрит в трубочку подзорную:
Там ведь ездит татарин на добром кони,
Величиной-то ведь татарин, как сильней бугор.
Он ведь ездит, собака, похваляется:
«Я приеду же, приеду ко белым шатрам,
Отрублю я, отсеку я буйны головы,
Раскинаю, размечу я по чисту полю,
Я ведь только боюсь же старого стариньшины,
Я того ли ведь Ильи да боюсь Муромца,
Що гремит-то про него слава великая,
Разошлась же эта славушка по всей земли,
Що ведь силой же Илья да весьма сильней есть,
Во чистом же поли ему смерть была не писана».
Говорит-то тут Илья да Илья Муромец:
«Поезжайте-ко вы, братцы, попроведайте.
Я pošлю разве Алешеньку Поповича, —
Еще сила у его да не против людей,
Не против будет Добрынюшки Микитича».
Тут ведь скоро как Алешенька собирается,
Как садится он ведь всё да на добра коня.
Они съехались с татаринoм, ударились,
Еще друг друга доболька не ранили.
Еще съехались они да во второй же раз,
Победил-то тут Алешенька Попович млад.
Как упал-то тут татарин на сыру землю, —
Не доехал же до города до Киева,
Не доехал же, собака, он до князя до Владимира,
Как до душечки ведь Марфы, Марфы Митревны.
И скоро же они да собиралися,
Как поехали они да в красен Киев-град,
Що ко ласковому князю ко Владимиру.
Как встречает князь Владимир он богатырей,
Собирает он на радости почестен пир.
Повелась ведь тут да славушка великая,
Как его-то честь-хвала да богатырская
О том об Алешеньке Поповиче.

МИХАЙЛО КОЗАРИН

Из того Волынца, крепка города,
Из той Корелы из богатя
Выезжал удалый добрый молодец,
Молодой Михайло Казарятин,
Казары, попа церкви соборныя.
Под ним добрый конь как бы лютый зверь,
На коне-то сбруя под оправую,
Под оправую да однозолотною.
Сам на нем, как сокол, сидит.
Вывозил он с собой триста стрел,
И каждая стрела стоит по три тмы,
Что по три тмы, по три тысячи.
Да не тем те стрелы были дороги,
Потому стрелки были дороги,
Кабы строганы стрелки из кипарис-древа;
Кипарис-древо здесь не водится,
Здесь не водится оно, не плодится,
Оно плодится за Ефрат-рекой.
Да не тем те стрелки были дороги —
Да перо было тагулиное;
Тагула-птица здесь не водится,
Здесь не водится, здесь не плодится,
Она плодится на Ефрат-реке.
Клеены те стрелочки китом-рыбою;
Кит-рыба здесь не водится,
Она плодится во Ефрат-реке.
Да не тем те стрелки были дороги —

Он днем стрелят, по ночам собирает,
Где стрела стоит, тут свеча горит,
Стрела горит да воску ярого.
Бежит Михайло чистым полём,
Во чистом поле стоит част ракивов куст,
На кусте сидит пташка вещая,
Пташка вещая, знать, перелетная,
Перелетна пташка — млад чернóй ворóн.
И берет Михайло свой тугой лук,
Из колчана берет калену стрелу,
Хочет он застрелить пташку вещую.
Провещует пташка русским языком:
«Ой ты гой еси, удалый добрый молодец!
Не стреляй ты меня, пташку вещую,
Пташку вещую, знать, перелетную.
Я скажу тебе вестку радостну:
Как у батюшки да у синя моря,
У синя моря да у сыра дуба
Стоит бел шатер, да бел полотняный,
Во шатре сидят три татарина,
Три татарина, три бусурманина,
Меж имья сидит девка русская,
Девка русская, полоняночка».
Тут Михайло черна ворона послушался,
Едет он ко синю морю,
Ко синю морю да ко сыру дубу,
Ко сыру дубу да ко белу шатру.
Подъезжает он к шатру да помалесеньку.
Да первый татарин проговорит:
«Ты не плачь, не плачь, девка русская,
Девка русская да полоняночка,
Увезу я тебя да во свою землю,
Отдам тебя за мила сынá замуж».
Второй татарин проговорит:
«Ты не плачь, не плачь, девка русская,
Увезу я тебя да во свою землю,
Отдам я тебя за племянника,
И будешь ты мне племяненка».
Третий татарин проговорил:
«Ты не плачь, не плачь, девка русская,
Девка русская да полоняночка,
Увезу я тебя да во свою землю,

Возьму тебя за себя замуж,
Будешь ты мне да милá жена».
Тут Михайлу за беду сталó,
Сдергивáт он с них бел шатер,
И бел шатер да полотняный.
Сохватались три татарина,
Сохватались за Михайла Казарятина.
Он первого татарина взял рáзорвал,
Другого татарина взял рóстоптал,
Третьего татарина взял за ноги,
Бросил его в батюшко в сине море.
И собирал он бел шатер полотняный,
И завязывал в тороки шелковые,
И садился добрый молодец на добра коня,
Вставал он в стремянышко вальяжное,
И садился во седельшко черкасское,
И садил за себя душу красну девицу,
И везет ее от синя моря,
От синя моря, от сыра дуба.
Сколько ехал удалой добрый молодец,
Сколько ехал по чисту полю,
Одержал своего добра коня ступисчата.
Слезал он, добрый молодец, со добра коня,
И снимат он красну девицу,
И ставит свой бел шатер полотняный.
И стал он с девицей опочив держать,
И плачет красна девица, как река течет,
Сама говорит таковы слова:
«Ой ты гой еси, удалой добрый молодец!
Скажи ты мне наперед свою отчину:
Царь ли ты, царевич, король ли ты, королевич,
Али ты роду крестьянского,
Али ты роду мещанского?»
Тут-де молодец не слушает,
И плачет красна девица, как река течет,
И, возрыдаючи, слово молвила:
«Ой ты гой еси, удалой добрый молодец!
Скажи ты наперед свою отчину:
Царь ли ты, царевич, король ли ты, королевич,
Али роду ты крестьянского,
Али ты роду мещанского?»

И тут молодец ее не слушает,
Тут девица плачет, как река течет:
«Ой ты гой еси, удалой добрый молодец!
Ты скажи мне наперед свою отчину».
И проговорит удалой добрый молодец:
«Я не царь-де, не царевич, не король я,
не королевич,

И я роду не крестьянского,
И я роду не мещанского.
Я из того Волынца, крепка города,
Из той Корелы из богатя,
Молодой Михайло Казарятин,
Казары, попа церкви соборныя».
Проговорит красна девица,
Сама плачет, как река течет:
«Ой ты гой еси, удалой добрый молодец!
Я сама оттуль, красна девица,
Из того Волынца, крепка города,
Из той Корелы из богатя,
Казары дочь, попа церкви соборныя».
И тут-то добрый молодец возрадовался,
И скачет он скоро на резвы ноги,
Берет ее за белы руки
И целует ее во уста сахарные:
«Здравствуй ты, моя сестрица родимая,
Молода Настасья, дочь Казаришна!»
Собирал он бел шатер полотняный,
И завязывал во тороки шелковые,
И садился добрый молодец на добра коня,
И вставал в стремяшко гольяшное,
И садился во седельшко черкасское,
Садил он за себя родную сестру,
И везет он ее в свою сторону,
Ко своему родимому батюшку,
Ко своей ко родимой матушке,
К тому Волынцу, крепку городу,
К той Корелы богатя,
И к Казары, попу церкви соборныя.
Едут они на улицу на широку,
Ко тому ко терему высокому;
И увидела их родима матушка
Сквозь тое окошечко косящето,

КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА

Из того былб из города из Крякова,
С того славного села да со Березова,
А со тою ли со улицы Рогатицы,
Из того подворья богатырского
Охвоч ездить молодец был за охвоткою.
Ай стрелял-то он да й гусей-лебедей,
Стрелял малых перелетных серых утушек.
То он ездил по раздольицу чисту полю,
Целый день с утра ездил до вечера,
Да и не наехал он ни гуся, он ни лебедя,
Да й ни малого да перелетного утенушка.
Он по другой день ездил с утра до пабедья,
Он подъехал-то ко синему ко морюшку,
Насмотрел две белыя лебедушки:
Да на той ли как на тихой забереги,
Да на том зеленоем на затресьи
Плавают две лебеди, колыблются.
Становил-то он коня да богатырского,
А свой тугой лук разрывчатый отстегивал
От того от правого от стремечка булатного,
Наложил-то он и стрелочку каленую,
Натянул тетивочку шелковеньку,
Хотит подстрелить двух белых лебедушек.
Воспроговорили белые лебедушки,
Проязычили языком человечецким:
«Ты удаленький дородний добрый молодец,
Ай ты, славныя богатырь святорусский!
Хошь нас подстрелишь, двух белых лебедушек,

Не укрятаешь плеча могучего,
Не утетишишь сердца молодецкаго.
Не дви лебеди мы ест, да нѣ дви белых,
Есть дви девушки, да ест дви красных,
Дви прекрасных Настасьи Митриевичны.
Мы летаем-то от пана от поганого,
Мы летаем пѣры-времени по три году,
Улетели мы за синее за морюшко.
Поезжай-ко ты в раздольице чисто поле,
Да й ко славному ко городу ко Киеву,
Да й ко ласковому князю ко Владимиру.
Ай, Владимир-князь он ест-то, пьет и проклаждается,
Над собой невзгодушки не ведает.
Как поедешь ты раздольицем чистым полем,
Да приедешь ты ко сыру дубу крякнѣвисту,
Насмотри-тко птицу во сыром дубе,
Сидит птица чернѣй ворон во сыром дубе,
Перьяце у ворона черным-черно,
Крыльяце у ворона белым-бело,
Перьяца распушены до матушки сырой земли».
Молодой Петрой Петрович королевский сын
На коне сидит, сам пораздумался:
«Хоть-то подстрелю двух белых лебедушек
Да й побью я дви головки бесповинных,
Не укратаю плеча могучего,
Не утешу сердца молодецкаго».
Он сывает эту стрелочку каленую,
Опустил тетивочку шелковеньку,
А-й свой тѣгой лук разрывчатѣй пристегивал
А-й ко правому ко стремечки булатнѣму,
Да й поехал он раздольицем чистым полем
А-й ко славному ко городу ко Киеву.
Подъезжал он ко сыру дубу крякнѣвисту,
Насмотрел он птицу черна ворона:
Сиди птица черной ворон во сыром дубе,
Перьяце у ворона черным-черно,
Крыльяце у ворона белым-бело,
А-й рѣспушены перьяца до матушки сырой земли;
Эдакобю птицы на свети не видано,
А-й на белом да и не слыхано.
Молодой Петрой Петрович королевский сын,
Он от правого от стремечки булатнѣго

Отстянул свой тўгой лук разрывчатый,
 Наложил он стрелочку каленую,
 Натянул тетивочку шелковеньку,
 Говорил-то молодёц да й таковы слова:
 «Я подстрёлю эту птицу черна ворона,
 Его кровь-то расточу да по сыру дубу,
 Его тушицу спущу я на сыру землю,
 Перьяце я распущу да по чисту полю,
 Да по тою по долинушке широкою».
 Воспрогбворил-то ворон, птица черная,
 Испровещил да языком человечецким:
 «Ты удаленький дороднёй доброй молодец,
 Славныя богатырь святорусския!
 Ты слышал ли поговбрю на святой Руси:
 В келье старца-то убить — дак то не спáсенье,
 Черна ворона подстрелить — то не кóрысть пблучить.
 Хошь подстрелишь мёне, птицу черна ворона,
 Порасточишь мою кровь ты по сыру дубу,
 Спустишь тушицу на матушку сыру землё, —
 Не укрятаешь плеча-то ты могучего,
 Не утетишь сердца молодецкого.
 Поезжай-ко ты во славной стольнёй Киев-град,
 Да й ко славному ко князю ко Владимиру.
 А-й у славного у князя у Владимира
 Есть почестен пир да й пиროваньице;
 То он ест, да пьет, да й проклаждается,
 Над собою князь невзгодушки не ведает:
 То ведь ездит поляничища в чистом поли,
 Она кличет-выкликает поединщика,
 Супротив себя да й супротивника,
 Из чиста поля она наездника:
 «Он не даст ли мне-ка поединщика,
 Супротив меня да й супротивника,
 Из чиста поля да что наездника —
 Разорю я славной стольнёй Киев-град,
 А еше чернедь мужичков-то всех повырублю,
 Все божьи церквы-то я на дым спущу,
 Самому князю Владимиру я голову срублю
 Со Опраксией да королевичной».
 Молодой Петрой Петрович королевский сын
 На добром коне сидит, сам пораздумался:
 «То слышал я поговбрю на святой Руси:

В келье старца-то убить — дак то не спáсенье,
Черна ворона подстрелить — то не кóрысть пóлучить.
Хошь я пóдстрелю-то птицу черна ворона,
Расточу-то его кровь да по сыру дубу,
Его тушицу спущу да й на сыру землю,
Распущу-то его перьѣце да й по чисту полю,
Да по тою по долинушке широкою —
Не укрятаю плеча-то я могучего
И не утешу сердца молодецкого».
Он сымает эту стрелочку каленую,
Отпустил тетивочку шелковую,
А свой тóгой лук разрывчатый пристегивал
А-й ко правому ко стремечки к булатнѣму,
На кони сидит да й пораздумался:
«Прямоезжею дороженькой поехать в стольнѣй Киев-град,
То не честь мне-ка хвала да й от богатырей,
А-й не выслуга от князя от Владимира;
А поехать мне дорожкой во чисто поле
А-й ко тою поляничѣщу удалою.
А-й убьет-то поляница во чистѣм поли,
Не бывать-то мни да на святой Руси,
А-й не видать-то мбодцу мне свету белого».
Он спустил коня да й богатырского,
Он поехал по раздольѣцу чисту полю,
Он подъехал к поляницы ко удалою.
Они съехали, добры молодцы, да й поздоровкались,
Они делали сговѣр да й промежду собой,
Как друг у друга нам силушка отведати:
«Нам разѣхаться с раздольѣца чиста поля
На своих на конях богатырских,
Приударить надо в палицы булатные,
Тут мы силушки у друг другá отведаем».
Поразѣхались они да на добрых конях
По славному раздольѣцу чисту полю,
Они съехали с раздольѣца чиста поля
На своих на добрых кóнях богатырских,
Приударили во палицы булатные,
Они друг другá-то били не жалухою,
Со всѣй силушки да богатырскоѣй
Били палицами булатнима да по белым грудям.
И у их палицы в руках да погибалися,
А-й по маковкам да й отломилися;

А-й под има как доспехи были крепкие,
Они друг друга не сшибли со добрых коней,
Да й не били они друг другá, не ранили,
Никоторого местечка не кровавили.
Становили мбодцы они добрых коней,
И они делали сговор да промежду собой:
Поразъехаться с раздольица чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Приударить надо в копыя муржамецкие,
На силушки у друг друга отведати.
Поразъехались с раздольица чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Приударили во копыя муржамецкие,
Они друг друга-то били не жалухою,
Не жалухою-то били по белым грудям.
У их копыя ты в руках да погибалися,
А-й по маковкам да й отломилися;
А-й под има как доспехи были крепкие,
Они друг другá не сшибли со добрых коней,
Да й не били оны друг другá, не ранили,
Никоторого местечка не кровавили,
Становили добрых коней богатырских,
Говорили молодцы ты промежду собой:
«Опуститься надо со добрых коней
А-й на матушку да й на сыру землю,
Надо биться-то нам боем рукопашкою,
Тут у друг другá мы силушки отведаем».
Выходили молодцы они с добрых коней,
Становилися на матушку сыру землю
Да й пошли-то биться боем рукопашкою.
Молодой Петрой Петрович королевский сын,
Он весьма был обучен бороться об одной ручке;
Подошел он к поляничищу удалою,
Да й схватил он поляницу на косу бодрю,
Да й спустил на матушку сыру землю,
Вынимал-то свой нож булатную,
Заносил свою да ручку правую,
Заносил он ручку выше головы
Да й спустить хотел ю ниже пояса;
Права ручушка в плечах да застоялася,
В ясных очушках да й помутился свет,
То он стал у поляницы повыспрашивать:

«Ты скажи-тко, поляница, мне проведай-ко,
Ты с коей орды да ты с коей земли,
Тобя как-то, поляничку, именем зовут,
Й удалую звеличают по отечеству?»
Говорила поляница й горько плакала:
«Ай ты, старая базыка новодревная!
Тоби просто надо мною насмехаться,
Как стоишь ты на моёй белой груди
И в руках ты дёржишь свой булатный нож,
Ты хотишь пластать мои да груди белые,
Доставать хотишь мое сердце со печеней!
Есь стояла я бы на твоёй белой груди,
Да пластала бы твои я груди белые,
Доставала бы твое да сердце с печеней,
Не спросила б я отца твоего, матери,
А ни твбего ни роду я, ни племени».
Разгорелось сердце у богатыря,
А у мблода Петроя у Петровича,
Он занес свою да ручку правую,
Ручку правую занес он выше гболовы,
Опустить ю хочет ниже пояса;
Права ручушка в плечи да застоялася,
В ясных очушках да помутился свет;
То он стал у поляницы повыспрашивать:
«Ты скажи-тко, поляница, мне проведай-ко,
Ты коей земли да ты коей орды,
Тобя как-то, поляничку, именем зовут,
Тобя как-то звеличают по отечеству?»
Говорила поляница таковы слова:
«Ай ты, славныя богатырь святорусский!
А-й ты когда стал у мня выпрашивать,
Я стану про то тебе высказывать:
Родом есь из города из Крякова,
Из того села да со Березова,
А-й со тою ли со улицы Рогатицы,
Со того подворья богатырского,
Молодой Лука Петрович королевский сын;
Увезён был маленьким робеночком,
Увезли меня татары ты поганые
Да й во ту во славну во темну орду,
То возрбостили до полного до возрасту,
Во плечах стал я иметь-то силушку великую,

Избирал коня соби я богатырского,
Я повыехал на матушку святую Русь
Поискать себе я отца, матушки,
Поотведать своего да роду-племени».
Молодой Петрой Петрович королевский сын,
Он скорёшенько соскочит со белой груди,
То й берет его за ручушки за белые,
За его берет за перстни за злаченные.
То здымал его со матушки сырой земли,
Становил он молодца да й на резвьѣ ноги,
На резвы ноги да й супротив себя,
Целовал его в уста он во сахарные,
Называл-то братцем соби родным.
Они сели на добрых коней, поехали
Ко тому ко городу ко Крякову,
Ко тому селу да ко Березову,
Да ко тою улицы Рогатицы,
К тому славному к подворью богатырскому;
Приезжали-то они да й на широкий двор,
Как сходили молодцы они с добрых коней;
Молодой Петрой Петрович королевский сын,
Он бежал скорб в палатку белокаменну;
Молодой Лука Петрович королевский сын,
А-й стал по двору Лука похаживать.
Молодой Петрой Петрович королевский сын,
Он скоренько шел палатой белокаменной,
Проходил он во столову свою горенку,
Ко своей ко рѣдной пришел матушке:
«Ай ты, свет моя да й рѣдна матушка!
Как-то был я во раздольице чистом поли,
Да й наехал я в чистом поли татарина,
А кормил я его ествушкой сахарею,
А кормил я его питьецем медвяным».
Говорит ему тут рѣдна матушка:
«Ай же свет мое чадѣ любимое,
Молодой Петрой Петрович королевский сын!
Как наехал ты в чистом поли татарина,
То не ествушкой кормил бы ты сахарею,
То не питьецем поил бы ты медвяным,
А-й то бил бы его палицей булатнею,
Да й колол бы ты его да кѣпьем вострым:
Увезли у тѣбя братца они родного,

Увезли-то они малым робеночком,
Увезли его татары ты поганые!»
Говорил Петрой Петрович таковы слова:
«Ай ты, свет моя да родна матушка!
Не татарина наехал я в чистом поли,
А-й наехал братца соби родного,
Мблода Луку да я Петровича.
А-й Лука Петрович по двору похаживат,
За собой добра коня поваживат».
То честна вдова Настасья-то Васильевна
Как скорешенько бежала на широкий двор,
Да й в одной тонкой рубашечке без пояса,
В одних тонких чулочиках без чоботов,
Приходила к свбему да к сыну родному,
К мблodu Луки да й ко Петровичу,
Она брала-то за ручушки за беленьки,
За его-то перстни за злаченые,
Целовала во уста его в сахарние,
Называла-то соби да сыном родным,
Да й вела его в палату белокаменну,
Да вела в столову свою горенку,
Да й садила-то за столики добовые,
Их кормила ествушкой сахарнею,
Да й поила-то их питьецем медвяным.
Они стали жить-быть, век коротати.
Еще тым-то былиночка покончилась.

БРАТЯ ДОРОВОИЧИ

Поехал Михайло Дородович,
Поехал гулять во чисто поле,
И выехал на гору высокую,
Развертывал трубку подзорную,
Глядел-смотрел во чисто поле.
Увидел он там три знаменья —
Первое знамя белым-бело,
Другое знамя красным-красно,
Да и третьё-то знамя черным-черно.
Как поехал Михайло Дородович
Ко тем-то ко трем он ко знамечкам,
Начал его бурушко поскакивать,
Из-под копыт-то он долы выметывать
По целой овчины барановой.
Приехал ко тем ко трем ко знаменьям:
И первое знамя стоит — бел шатер,
А другое знамя — на шатри маковка,
А третьё-то знамя стоит — ворон конь.
И соходил Михайло со добра коня,
И надавал коню пшена белоярова,
А и сам он зашел во белой шатер.
Во белом шатри удалой добрый молодец,
Уж он многима ранами раненный.
И как спросил он удала добра молодца:
«И ты, удалой дородний добрый молодец!
Уж ты где-ка бит, где-ка раненный?»
Как сказал ему удалой добрый молодец:
«Уж был я во лугах во кургановых,

Ино я бился с погаными татарами,
И наконец мне-ка измена состоялась,
И у туга лука тетивка порывалася,
Булатняя палица поломалася,
Копье в череню порасшаталося,
И востра сабля пополам переломалася.
Тут обступили поганые татарове,
Тут меня били да ранили».
Как выходит Михайло из бела шатра,
Садился Михайло на добра коня,
Развертывал трубку подзорную,
Он смотрел во луга во кургановы:
Уже сколько стоит лесу темного,
Да и столько поганых татаровей;
Да и сколько в чистом поли кувиль-травы,
А того более поганых татаровей.
И тут-то молодца страх-то взял:
«Как куда мне-ка ехать, куда коня мне гнать?
Как ехать мне в луга — так убиту быть,
А домой мне-ка ехать — нечем хвастати».
И как поехал он в луга во кургановы,
И уж он луком перебил силы — сметы нет,
Копьем переколот силы — сметы нет,
Да и палицей прибил силы — сметы нет,
Да и саблей перерубил силы — сметы нет,
И наконец того измена состоялась,
И у туга лука тетивка порвалася,
Булатняя палица поломалася,
Копье в череню расшаталося,
Востра сабелька пополам переломилася.
И обступили поганые татарове
Да и хочут добра молодца с коня стащить.
Ино его была головушка удалая,
Да и вся была натура молодецкая.
Как скочил Михайло с добра коня,
А хватал он поганого татарина
За его ли за поганые за ноги,
Начал он татаринном помахивать,
Куда махнет — туды улица,
Назад отмахнѣ — переулочек.
И то оружье по плечу пришло,
Прибил он татар до единого,

И уж он сам сказал таково слово:
«И ты родись-ко, головушка удалая,
А худа голова бы лучше нё была».
Садился Михайло на добра коня,
Поехал Михайло ко белу шатру.
И как приехал Михайло ко белу шатру,
Надавал коню пшена белоярова.
И заходит Михайло во бел шатер,
И спросил Михайло добра молодца:
«Ты удалой дородний доброй молодец!
Ты которого отца, которой матери?
Я твоему бы отцу ведь поклон отвез».
И как сказал ему удалой доброй молодец:
«Как по имени зовут меня Федором,
А по отчеству Федор Дородович,
А больше я с тобой говорить не могу».
И как того часу молодцу смерть пришла.
А как сказал тут Михайло Дородович:
«Да и видно, ты родимый мне брателко,
Да и старшой-от Федор Дородович».
Да и предал он его тело сырой земли,
А своим он родителям поклон отвез.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ

У ласкова князя Владимира,
У солнышка у Сеславьича
Было столованье — почестный пир,
На многих князей-бояров,
И на всю на поленицу богатую,
И на всю на дружину на храбрую.
Он и всех поит и всех чествует,
Он-де всем-де, князь, поклоняется.
И в полупиру бояре напивались
И в полукушаньях наедались.
Князь по гриднице похаживат,
Белыми руками помахиват,
И могучими плечами поворачиват,
И сам говорит таковы слова:
«Ой вы гой еси, мои князья и б́оряры,
Ой ты, вся поленица богатая
И вся моя дружина храбрая!
Кто бы послужил мне, князю, верой-правдою,
Верой-правдою неизменною?
Кто бы съездил в землю дальнюю,
В землю дальнюю Полецецкую
К царю Батуру Батвесову?
Кто бы свез ему дани-пошлины
За те за годы за прошлые,
И за те времена — за двенадцать лет?
Кто бы свез сорок телег чиста с́еребра,
Кто бы свез сорок телег красна золота,
Кто бы свез сорок телег скатна жемчуга,

Кто бы свез сорок сороков ясных сѣколов,
Кто бы свез сорок сороков черных сѣболей,
Кто бы свез сорок сороков черных выжлыков,
Кто бы свел сорок сивых жѣребцов?»
Тут большой за меньшого хоронится,
Ни от большого, ни от меньшого ответу нет.
Из того из места из среднего
И со той скамейки белодубовой
Выступал удалой добрый молодец
На свои на ноженьки на резвые,
На те ли на сапожки зелен сафьян,
На те ли каблучки на серебряны,
На те ли гвоздички золочены,
По имени Василий сын Казимерский.
Отошедши, Василий поклоняется,
Говорит он таковы слова:
«Ой ты гой еси, наш батюшко Владимир-князь!
Послужу я тебе верой-правдою,
По за очи — в очи не изменю;
Я-де съезжу в землю дальнюю,
В дальнюю землю Поленецкую,
Ко тому царю Батуру ко Батвесову;
Я свезу твои дани-пошлины
За те за годы, годы прошлые,
За те времена — за двенадцать лет;
Я свезу твое золото и сѣребро,
Я свезу твой скатной жемчуг,
Свезу сорок сороков ясных сѣколов,
Свезу сорок сороков черных сѣболей,
Свезу сорок сороков черных выжлыков,
Я сведу твоих сорок сивых жеребцов».
Тут Василий закручинился
И повесил свою буйну голову,
И потупил Василий очи ясные
Во батюшко во кирпичат пол;
Надевал он черну шляпу, вон пошел
Из того из терема высокого.
Выходит на улицу на широкую,
Идет по улице по широкой;
Навстречу ему удалой добрый молодец,
По имени Добрыня Никитич млад;
Пухову шляпу снимал, низко кланялся:

«Здравствуешь, удалой добрый молодец,
По имени Василий сын Казимерский!
Что идешь ты с пиру невеселый?
Не дошло тебе от князя место доброе,
Не дошла ли тебе чара зелена вина?
Али кто тебя, Василий, избесчестовал?
Али ты захвастался куда ехати?»
И тут Василий ровно бык прошел.
Забегáт Добрынюшка во второй раз,
Пухову шляпу снимал, низко кланялся:
«Здравствуешь, удалой добрый молодец,
Ты по имени Василий сын Казимерский!
Что идешь ты с пиру невеселый,
И невесел ты идешь, нерадошен?
Не дошло ль те, Василий, место доброе,
Не дошла ль от князя чара зелена вина?
Али ты захвастался, Василий, куда ехати?»
И тут Василий ровно бык прошел.
Забегáт Добрынюшка в третий-де раз,
Пухову шляпу снимат, низко кланется:
«Здравствуешь, удалой добрый молодец,
По имени Василий сын Казимерский!
Что ты идешь с пиру невеселый,
Невесел ты идешь с пиру, нерадошен?
Не дошло ль тебе, Василий, место доброе,
Не дошла ль тебе чара зелена вина?
Али кто тебя, Василий, избесчестовал?
Али ты захвастался куда ехати?
Я не выдам тебя у дела ратного
И у того часу скоросмертного!»
И тут Василий возрадуется,
Сохватал Добрыню он в беремечко,
Прижимат Добрынюшку к сердечешку
И сам говорит таковы слова:
«Гой еси, удалой добрый молодец,
По имени Добрыня Никитич млад!
Ты, Добрыня, будь большой мне брат,
А я, Василий, буду меньший брат.
Я у ласкова князя Владимира
На беседе на почестныя,
На почестныя, на большом пиру,
Я захвастался от князя съездити

Во ту во землю во дальнюю
Ко царю Батуру ко Батвесову,
Свезти ему дани-выходы
За те годы — за двенадцать лет;
Свезти туда золото, серебро,
Свезти туда скатный жемчуг,
Свезти сорок сороков ясных соколов,
Свезти сорок сороков черных соболей,
Свезти сорок сороков черных выжлыков,
Свести сорок сивых жеребцов».

И проговорит Добрыня Никитич млад:
«Не возьмем везти от князя от Владимира,
Не возьмем от него дани-пошлины:
Мы попросим от собаки Батура Батвесова,
Мы попросим от него дани-пошлины».

И тут молодцы побратались,
Воротились назад ко князю Владимиру.
Идут они в палаты белокаменны,
Крест кладут по-писанному
И поклон ведут по-ученому,
Поклоняются на все стороны:
«Здравствуешь, Владимир-князь,
И со душечкою со княгинею!»
Князьям-боярам — на особицу.

И поговорит ласковый Владимир-князь:
«Добро жаловать, удалы добры молодцы,
Ты, Василий сын Казимерский,
Со Добрынюшкой со Никитичем,
За один бы стол хлеб-соль кушати!»

Наливает князь чары зелена вина,
Не малы чары — в полтора ведра,
Подает удалым добрым молодцам.
Принимают молодцы единой рукой,
Выпивают чары единым духом
И садятся на скамеечки дубовые,
Сами говорят таковы слова:
«Гой еси, ласковый Владимир-князь!
Не желаем мы везти от тебя дани-пошлины,
Мы желаем взять от Батура от Батвесова,
Привезти от него дани-пошлины
Ласкову князю Владимиру.
И садись ты, ласковый Владимир-князь,

Садись ты за дубовый стол
И пиши ты ярлыки скорописчаты:
«Дай ты мне, собака, дани-пошлины
За те за годы прошлые
И за те времена — за двенадцать лет;
И дай ты нам злата, серебра,
И дай ты нам скатна жемчуга,
И дай ты нам ясных соколов,
И дай ты нам черных соболей,
И дай ты нам черных выжлыков,
И дай ты нам сивых жеребцов».
Подает ласковый Владимир-князь
Удалым молодцам ярлыки скорописчаты;
И берет Василий Казимерский
И кладет ярлычки во карманчики;
И встают молодцы на резвы ноги,
Сами говорят таковы слова:
«Благослови нас, ласковый Владимир-князь,
Нам съездить в землю Поленецкую».
И выходили молодцы на красно крыльцо,
Засвистели молодцы по-соловьиному,
Заревели молодцы по-звериному.
Как из далеча-далеча, из чиста поля
Два коня бегут, да два могучие
Со всею сбруею богатырскою.
Брали молодцы коней да за шелков повод
И ставали в стременишки голяшнные,
И садились во седельшки черкасские.
Только от князя и видели,
Как удалы молодцы садились, —
Не видали, куда уехали:
Первый скок нашли за три версты,
Другой скок нашли за двенадцать верст,
Третий скок не могли найти.
Подбегают они в землю дальнюю,
В землю дальнюю Поленецкую,
К тому царю Батуру ко Батвесову,
Ко тому ко терему высокому.
Становилися на улицу на шйроку,
Скоро скакивали со добрых коней,
Ни к чему коней не привязывали,
Никому коней не приказывали,

Не спрашивали они у ворот приворотников,
Не спрашивали они у дверей придверников,
Отворяли они двери нá пятау,
Заходили в палату белокаменну;
Богу молодцы не молятся,
Собаке Батуру не кланяются,
Сами говорят таковы слова:
«Здравствуешь, собака царь Батур!
Привезли мы тебе дани-пошлины
От ласкова князя Владимира».
И вынимат Василий Казимерский,
Вынимат ярлыки скорописчаты
Из того карману шелкового
И кладет на дубовый стол.
«Получай-ка, собака, дани-пошлины
От ласкова князя Владимира».
Распечатывал собака Батур Батвесов,
Распечатывал ярлыки скорописчаты,
А сам говорил таковы слова:
«Гой еси, Василий сын Казимерский,
Отсель тебе не уехати!»
Отвечат Василий сын Казимерский:
«Я надеюсь на мати чудную, пресвятую богородицу,
Надеюсь на родимого на брателка,
На того ли братца на названого,
На Добрыню ли на Никитича».
Говорит собака Батур таковы слова:
«Поиграемте-ко, добры молодцы, костью, картами!»
Проговорит Василий сын Казимерский:
«Таковой игры я у те нé знал здесь,
И таковых людей из Киева не брал я».
И стал Батур играть костью, картами
Со младым Добрынею Никитичем.
Первый раз собака не мог обыграть,
Обыграл Добрыня Никитич млад;
И второй раз собака не мог обыграть,
Обыграл его Добрыня Никитич млад;
И в третий раз собака не мог обыграть,
Обыграл его Добрыня Никитич млад.
Тут собаке за беду стало,
Говорит Батур, собака, таковы слова:
«Что отсель тебе, Василий, не уехати!»

Проговорит Василий сын Казимерский:
«Я надеюсь на мати пресвятую богородицу,
Да надеюсь на родимого на брателка,
На того на братца названого,
На того Добрыню Никитича!»
Говорит собака таковы слова:
«Ой ты гой еси, Василий сын Казимерский,
Станем мы стрелять за три версты,
За три версты пятисотные,
За тот сырой дуб, кряковистый,
Попадать в колечко золоченое».
И проговорит Василий сын Казимерский:
«А такой стрельбы я у тебя не знал
И таковых людей не брал из Киева».
Выходил собака на красно крыльцо,
Зычал-кричал зычным голосом:
«Гой еси вы, слуги мои верные!
Несите мне-ка тугой лук
И несите калену стрелу».
Его тугой лук несут девять татаринов,
Калену стрелу несут шесть татаринов.
Берет собака свой тугой лук
И берет калену стрелу;
Натягает собака свой тугой лук
И кладет стрелу на тетивочку,
И стреляет он за три версты,
За три версты пятисотные.
Первый раз стрелил — недобстрелил,
Второй раз стрелил — перестрелил,
Третий раз стрелил — не мог попасть.
И подает свой тугой лук Добрынюшке,
Добрынюшке Никитичу,
И подает калену стрелу.
Стал натягать Добрыня тугой лук,
И заревел тугой лук, как лютые звери,
И переламывал Добрыня тугой лук надвое,
И бросал он тугой лук о сыру землю,
Направлял он калену стрелу наперед жалом,
И бросал он стрелу за три версты,
За три версты пятисотные,
И попадал в сырой дуб, кряковистый,
Во то колечко золочено;

Разлетался сырой дуб на драночки.
И тут собаке за беду стало,
За великую досаду показалось,
Говорит собака таковы слова:
«Ой ты гой еси, Василий сын Казимерский,
Что отсель тебе не уехати!»
Проговорит Василий сын Казимерский:
«Я надеюсь на пречистую богородицу
Да надеюсь на родимого на брателка,
Да на того братца названого,
На того Добрыню Никитича».
Проговорит собака царь Батур:
«Да нельзя ли с вами, молодцы, побороться?»
Проговорит Василий сын Казимерский:
«Я такой борьбы, собака, не знаывал,
Таковых людей не брал из Киева».
И тут собаке за беду стало,
Он кричал-зычал, собака, зычным голосом,
Набежало татар — и силы сметы нет.
И выходил Добрыня на улицу на широкую,
И стал он по улочке похаживать.
Сохватались за Добрыню три татарина:
Он первого татарина взял — рáзорвал,
Другого татарина взял — растоптал,
А третьего татарина взял за ноги,
Стал он по силе похаживать,
Зачал белыми руками помахивать,
Зачал татар поколачивать;
В одну сторону идет — делат улицу,
В бок вернет — переулочек.
Стоял Василий на красном крыльце,
Не попало Василью палицы боевья,
Не попало Василью сабли вострья,
Не попало ему копья мурзамецкого,
Попала ему ось белодубова,
Ось белодубова семи сажень;
Сохватал он ось белодубову,
Зачал он по силе похаживать
И зачал татар поколачивать.
Тут собака испужается,
По подлавичью навалается;
Выбегал собака на красно крыльцо,

Зычал-кричал зычным голосом:
«Гой еси, удалы добры молодцы!
Вы оставьте мне хоть на приплод татар,
Вы оставьте мне татар хоть на племена!»
Тут его голосу молодцы не слушают,
Зычит-кричит собака зычным голосом:
«Я отдам ласкову князю Владимиру,
Отдам ему дани и пошлины
За те за годы за прошлые,
За те времена — за двенадцать лет:
Отдам сорок телег красна золота,
Отдам сорок телег скатна жемчуга,
Отдам сорок телег чиста серебра,
Отдам сорок сороков ясных соколов,
Отдам сорок сороков черных соболей,
Отдам сорок сороков черных выжлыков,
Отдам сорок сивых жеребцов».
Тут его молодцы послушались,
Бросали худой бой о сыру землю;
Идут они ко высокоу нову терему,
Выдает им собака дани-пошлины,
Насыпает тележки златокované,
Отправляет в стольный Киев-град
Ко ласкову князю Владимиру
И ко солнышку ко Сеславьеву.
Тут садились добры молодцы на добрых коней,
Ставали во стременышки гольяшные,
И садились в седельшки черкасские,
И поехали молодцы в свою сторону,
Ко ласкову князю Владимиру.
Едут ко высокоу нову терему,
Становятся на улицу на широку,
Воходят во палату белокаменну,
Крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому;
«Здравствуешь, ласковый Владимир-князь!» —
«Добро жаловать, удалы добры молодцы!»
Он садит их на скамейки на дубовые,
Наливает чары зелена вина,
Не малые чары — в полтора ведра,
Подает удалым добрым молодцам.
Принимают молодцы единой рукой,

Выпивают молодцы единым духом,
На резвы ноги стают, низко кланяются:
«Ой ты гой еси, ласковый Владимир-князь!
Привезли мы тебе дани-пошлины
От собаки Батура Батвесьева!»
Кланяется им ласковый Владимир-князь,
Кланяется до сырой земли:
«Спасибо вам, удалы добры молодцы,
Послужили вы мне верой-правдою,
Верой-правдою неизменною!»

СУРОВЕЦ-СУЗДАЛЕЦ

«Ой ты гой еси, охотничек,
Суровен богат, сам Суздадец!
Ездил ты ровно три года,
Не убил ни гуся, ни лебедя,
Ни малого ни серого утеночка».
Тут молодец незагнойчив был,
Бил коня по крутым бедрам.
У коня бедра разъяряются,
Молодецкое сердечко разгорается,
Поехал сам далече во чисто поле,
Еще того подале ко раздольицу.
Тут стоит сырый дуб,
Сырый дуб колповистый;
На дубу тут сидит черный вран,
Черный вран, птица вещая,
Провещает человеческим голосом.
Хочет он его подстрелити,
Подстрелити, погубити, —
Натягивал тетивочки шелковые,
Накладывал стрелочки кленовые.
Возговорит ему черный вран,
Провещает человеческим голосом:
«Ой ты гой еси, добрый молодец,
Суровен богат, сам Суздадец!
Что ты меня подстрелишь,
Какую себе корысть в дом получишь?
Пук перья по чисту полю,
Кровь пустишь по сыру дубу,
По сыру дубу, во сыру землю.

Я скажу тебе диво-дивовище,
Сам тому диву подивуешься:
Поезжай ты далече во чисто поле,
А еще того подале ко синю морю,
Ко широкому, ко чистому раздольцу.
Тут стоит Кумбал-царь,
Кумбал-царь Самородович,
Со многими татарами, со уланами,
Хочет он тебя погубити,
Погубити и сорубити».
Тут молодец незагнойчив был,
Бил коня по крутым бедрам.
У коня бедра разъяряются,
Молодецкое сердечко разгорается,
Поехал он далече во чисто поле,
Еще того подале ко раздольцу,
Ко раздольцу, ко синю морю,
Ко тому ли ко царю ко Кумбалу.
Стал по силе поезживати,
Стал татар попугивати,
Попугивати, потукивати:
Где он ни проедет — тут улица,
Где он ни станет — тут площадью,
Где он ни обернется — тут проулочек.
Возговорит тут Кумбал-царь:
«Не велика птица в поле показалася,
Много она в поле начудила,
Начудила и накурила,
Много татар в поле положила.
Ой вы еси, татарищи-уланищи!
Ройте вы ровы глубокие,
Ставьте поторчи железные, —
'Вось ли собака обрушится,
Его добрый конь набрушится».
Первый ров его бог перенес,
Другой-то ров его конь перевез,
Третий ров обрушился,
Его добрый конь набрушился.
Берут его за белы руки —
Тысяча берет за руку,
Другая тысяча за другу руку.
Возговорит добрый молодец,

Суровен богат, сам Суздалец:
«Ой гой еси вы, татарищи-уланищи!
Моя-то смерть будет чудная,
Чудная и прокудная.
Кто у вас помене, тот поближе стань,
Кто у вас поболе, тот подале стань, —
Всем бы была она видимая,
Видимая и слышимая».
Тут они его слушались:
Кто у них помене, тот поближе стал,
Кто у них поболе, тот подале стал.
Встает тут молодец на резвы ноги,
Он берет татарина за ноги,
Стал татаринoм помахивати,
Стал он татар попугивати,
Попугивати, потукивати:
Где он ни пройдет — тут улица,
Где ни повернется — проулочек,
Где он ни станет — тут площадью.
Возговорит тут Кумбал-царь:
«Ой ты гой еси, добрый молодец,
Суровен богат, сам Суздалец!
Будь ты мне названный брат,
Вот тебе палаты золотой казны,
И отдам тебе коней заповеданных».
Возговорит добрый молодец,
Суровен богат, сам Суздалец:
«Ой ты гой еси, Кумбал-царь!
Видя смерть, отговариваешься,
Братом нарекаешься,
Сулишь палаты золотой казны,
Отдаешь табуны заповедные...»

ЦАРЬ САУЛ ЛЕВАНИДОВИЧ И ЕГО СЫН

Царь Саул Леванидович
Поехал за море синее,
В дальну орду, в Полувецку землю,
Братъ дани и невыплаты.
А царица его проводила
От первого стану до второго,
От второго стану до третьего,
От третьего стану воротилася,
А сама она царю поклонилася:
«Гой еси ты есми, царь Саул,
Царь Саул Леванидович!
А кому мене, царицу, приказываешь,
А кому мене, царицу, наказываешь?
Я остаюсь, царица, черевоста,
Черевоста осталась на тех порах».
А и только царь слово выговорил,
Царь Саул Леванидович:
«А и гой еси, царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна!
Никому я тебе, царицу, не приказываю,
Не приказываю и не наказываю;
А токо ли тебе господи сына даст,
<В>спои, <в>скорми и за мной его пошли;
А токо ли тебе господи дочеря даст,
<В>спои, <в>скорми, замуж отдай,
А любимого зятя за мной пошли;
Поеду я на двенадцать лет».
Вскоре после его царице бог сына даст,
Поп приходил со молитвою,
Имя дает Костентинушком Сауловичем.

А и царское дитя не по годам растет,
 А и царское дитя не по месяцам, —
 А которой ребенок двадцати годов,
 Он, Костентинушка, семи годков.
 Присадила его матушка грамоте учиться, —
 Скоро ему грамота далась и писать научился.
 Будет он, Костентинушка, десяти годов,
 Стал-то по улицам похаживати,
 Стал с ребятами шутку шутить,
 С усатыми, с бородатыми,
 А которые ребята двадцати годов
 И которые во полутридцати;
 А все ведь дети княженецкие,
 А все-то ведь дети боярские,
 И все-то ведь дети дворянские,
 Еще ли дети купецкие.
 Он шутку шутит не по ребячью,
 А творки творил не по маленьким:
 Которого возьмет за руку —
 Из плеча тому руку выломит;
 И которого заденет за ногу —
 По гузна ногу оторвет прочь;
 И которого хватит поперек хребта —
 Тот кричит-ревет, окарачь ползет,
 Без головы домой придет.
 Князи-бояра дивуются,
 И все купцы богатые:
 «А что это у нас за урод растет,
 Что это у нас за < >?»
 Доносили они жалобу великую
 Как бы той царице Азвяковне,
 Молоды Елены Александровны.
 Втапоры скоро завела его матушка во теремы свои,
 Того ли млада Костентинушка Сауловича,
 Стала его журить-бранить,
 А журить-бранить, на ум учить,
 На ум учить смиренно жить.
 А млад Костентин сын Саулович
 Только у матушки выпросил:
 «Гой еси, матушка,
 Молоды Елена Александровна!»

Есть ли у мене на роду батюшка?»
Говорила царица Авзяковна,
Молоды Елена Александровна:
«Гой еси, мое чадо милая,
А и ты молодой Костентинушка Саулович!
Есть у тебе на роду батюшка,
Царь Саул Леванидович;
Поехал он за море синее,
В дальну орду, в Полувецку землю,
Братъ дани-невыплаты,
А поехал он на двенадцать лет;
Я осталася черевоста,
А черевоста осталась на тех порах.
Только ему, царю, слово выговорила:
«А кому мене, царицу, приказываешь
и наказываешь?»

Только лишь царь слово выговорил:
«Никому я тебе, царицу, не приказываю
и не наказываю;

А токо ли тебе господь сына даст,
Ты-де вспои, <в>скорми,
Сына за мной пошли;
А токо ли тебе господи дочеря даст,
Вспои, <в>скорми, замуж отдай,
А любимого зятя за мной пошли».
Много царевич не спрашивает,
Выходил на крылечко на красное:
«Конюхи, приспешники!
Оседлайте скоро мне добра коня
Под то седелечко черкесское,
А в задней слуге и в передней слуге
По тирону по каменю,
По дорогу по самоцветному,
А не для-ради мене, молодца, басы —
Для-ради богатырские крепости,
Для-ради пути, для дороженьки,
Для-ради темной ночи осенней,
Чтобы видеть при пути-дороженьки
Темна ночь до бела света».
А и только ведь матушка видела —
Ставал во стремя вальящатое,
Садился во седелечко черкесское;

Только он в ворота выехал,
В чистом поле дым столбом;
А и только с собою ружье везет,
А везет он палицу тяжкую,
А и медну литу в триста пуд.
И наехал часовню, зашел богу молиться,
А от той часовни три дороги лежат.
А и первая дорога написана,
А написана дорога вправо:
Кто этой дорогой поедет,
Конь будет сыт, самому смерть;
А другою крайнею дорогою левою:
Кто этой дорогой поедет,
Молодец сам будет сыт, конь голоден;
А середнею дорогою поедет,
Убит будет смертью напрасною.
Втапоры богатырское сердце разъярилася,
Могучи плечи расходилися,
Молоды Костентинушка Саулович,
Поехал он дорогою среднею.
Доезжат до реки Смородины,
А втапоры Кунгур-царь перевозится
Со темя ли татары погаными.
Тут Костентинушка Саулович
Зачал татаров с краю бить
Тою палицою тяжкою.
Он бьется-дерется целой день,
Не пиваючи, не едаючи,
Ни на малой час отдыхаючи.
День к вечеру вечеряется,
Уж красное солнце закатается,
Молодой Костентинушка Саулович,
Отъехал он от татар прочь.
Где бы молодцу опочив держать,
Опочив держать и коня кормить?
А ко утру заря занимается,
А и молодой Костентинушка Саулович,
Он, молодец, ото сна подымается,
Утренней росой умывается,
Белым полотном утирается,
На восток он богу молится.
Скоро-де сядил на добра коня,

Поехал он ко Смородины-реки.
А и тут татары догадались,
Они к Кунгуру-царю пометались:
«Гой еси ты, Кунгур-царь,
Кунгур-царь Самородович!
Как нам будет детину ловить,
Силы мало осталось у нас?»
А и Кунгур-царь Самородович
Научил тех ли татар поганых
Копати ровы глубокие:
«Заплетайте вы туры высокие,
А ставьте поторчины дубовые,
Колотите вы надолбы железные».
А и тут татары поганые,
И копали они ровы глубокие,
Заплетали туры высокие,
Ставили поторчины дубовые,
Колотили надолбы железные.
А поутру рано-ранешенько,
На светлой заре, рано утренней,
На восходе красного солнушка
Выезжал удалой доброй молодец,
Млады Костентинушка Саулович.
А и бегаёт-скачет с одной стороны
И завернется на другу сторону,
Усмотрел их татарские вымыслы,
Тамо татара просто стоят;
И которых вислоухих всех прибил,
И которых висячих всех оборвал.
И приехал к шатру к Кунгуру-царю,
Разбил его в крохи <.>,
А достальных татар домой опустил.
И поехал Костентинушка ко городу Угличу;
Он бегаёт-скачет по чисту полю,
Хоботы метал по темным лесам,
Спрашивает себе сопротивника,
Сильна могуча богатыря,
С кем побиться, подраться и порататься.
А углички мужики были лукавые,
Город Углич крепко заперли,
И <в>збегали на стену белокаменну,
Сами они его обманывают:

«Гой еси, удалой доброй молодец!
Поезжай ты под стену белокаменну,
А и нету у нас царя в Орде, короля в Литве,
Мы тебе поставим царем в Орду, королем в Литву».
У Костентинушка умок молодешонёк,
Молодешонёк умок, зеленешонёк,
И сдавался на их слова прелестные,
Подъезжал под стену белокаменну;
Они крюки, багры заметывали,
Подымали его на стену высокую
Со его добрым конем.
Мало время замешкавши,
И связали ему руки белые
В крепки чембуры шелковые,
И сковали ему ноги резвые
В те ли железа немецкие;
Взяли у него добра коня
И взяли палицу медную,
А и тяжку литу в триста пуд;
Сняли с него платье цветное царское
И надевали на него платье опальное,
Будто тюремное;
Повели его в погребы глубокие,
<В>место темной темницы;
Только его посадили, молодца,
Запирали дверями железными
И засыпали хрящом, пески мелкими.
Тут десятники засовались,
Бегают они по Угличу,
Спрашивают подводы под царя Саула Леванидовича,
И которые под царя пригодились.
И проехал тут он, царь Саул,
Во свое царство в Алыберское.
Царица его, царя, стретила,
А и молоды Елена Александровна;
За первом поклоном царь поздравствовал:
«Здравствуй ты, царица Азвяковна,
А и ты, молода Елена Александровна!
Ты осталася черевоста,
Что после мене тебе бог дал?»
Втапоры царица заплакала,
Скрозь слезы едва слово выговорила;

«Гой еси, царь Саул Леванидович!
Вскоре после тебе бог сына дал,
Поп приходил со молитвою,
Имя давал Костентинушком».
Царь Саул Леванидович
Много ли царицу не спрашивает,
А и только он слово выговорил:
«Конюхи вы мои, приспешники!
Седлайте скоро мне добра коня,
Которой жеребец стоит тридцать лет».
Скоро тут конюхи метались,
Оседлали ему того добра коня;
И берет он, царь, свою сбрую богатырскую,
Берет он сабельку вострую и копье морзамецкое,
Поехал он скоро ко городу Угличу.
А те же мужики-угличи, извозчики,
С ним ехавши, рассказывают,
Какого молодца посадили в погребы глубокие,
И сказывают, каковы коня приметы
И каков был молодец сам.
Втапору царь Саул догадается,
Сам говорил таково слово:
«Глупы вы, мужики, неразумные!
Не спросили удала добра молодца
Его дядины-вотчины,
Что он прежде того
Немало у Кунгура-царя силы порубил,
Можно за то вам его благодарити и пожаловати,
А вы его назвали вором-разбойником,
И оборвали с него платье цветное,
И посадили в погреба глубокие,
<В>место темной темницы».
И мало время поизойдучи,
Подъезжал он, царь, ко городу Угличу,
Просил у мужиков-угличов,
Чтобы выдали такого удала добра молодца,
Которой сидит в погребах глубоких.
А и тут мужики-угличи
С ним, со царем, заздорили,
Не пушают его во Углич-град .
И не сказывают про того удала добра молодца:
«Что-де у нас нет такого и не бывало».

Старики тут вместе соходилися,
Они думали думу единую,
Выводили тут удала добра молодца
Из того ли погребя глубокого
И сымали железа с резвых ног,
Развязали чембуры шелковые,
Приводили ему добра коня,
А и отдали палицу тяжкую,
А медну литу в триста пуд,
И его платица царское цветное.
Наряжался он, молодой Костентинушка Саулович,
В тое свое платье царское цветное;
Подошел Костентинушка Саулович
Ко царю Саулу Леванидовичу,
Стал свою родину рассказывати.
А и царь Саул спохватается,
А берет его за руку за правую
И целует его во уста сахарные:
«Здравствуй, мое чадо милая,
Младой Костентинушка Саулович!»
А и втапоры царь Саул Леванидович
Спрашивает мужиков-угличов:
«Есть ли у вас мастер заплечной с подмастерьями?»
И тут скоро таковых ссыскали
И ко царю привели.
Царь Саул Леванидович
Приказал казнить и вешати,
Которые мужики были главные во Угличе.
И садилися тут на свои добры кони,
Поехали во свое царство в Алыберское.
И будет он, царь Саул Леванидович,
Во своем царстве в Алыберском,
Со своим сыном младом Костентинушком Сауловичем,
И съехалися со царицею, обрадовалися.
Не пива у царя варить, не вина курить,
Пир пошел на радостях,
А и пили да ели, потешалися.
А и день к вечеру вечеряется,
Красное солнце закатается,
И гости от царя разъехалися.
Тем старина и кончилася.

НАЕЗД ЛИТОВЦЕВ

Ай, на панове да на уланове
Там жило-было два Ливика,
Королевских да два племянника.
Оны думали да думу крепкую,
Оны хочут ехать во святую Русь,
Ай, во матушку да каменну Москву,
К молодому князю Роману Митриевичу,
Ай, к ему да на почестный пир.
Ай, приходят-то оны к своёму дядюшке,
Чёмбал-кóролю земли Литовские:
«Ах ты, дядюшка да наш Чембал-король,
Ай, Чембал-король земли Литовские!
Уж ты дай-ко нам теперь прощеньицо,
Ах ты дай-ко нам да благословеньицо, —
Хочем ехать мы да во святую Русь,
Ай, во матушку да каменну Москву,
Ай, ко тому ко князю Роману Митриевичу,
Ай, к ему-то ехать на почестный пир».
Говорит им дядюшка Чембал-король,
Ай, Чембал-король земли Литовские:
«Ай да родные мои племяннички!
Ай, не дам я вам теперь прощеньица,
Ай, не дам я вам да благословеньица
Это ехать вам да на святую Русь.
Еще кто ж ездил да на святую Русь,
Ай, счастлив с Руси да не выезживал».
Не послушали оны своёго дядюшки,
Ай, уздали ведь, седлали да добрых коней,

Обкольчужились скоро, облатились,
Ай, садилися оны да на добрых коней,
Приезжали-то оны да во святую Русь.
Наезжали-то в Руси оны первѡ село,
А перво село да Ярославское,
Ай, перво село да прекрасивое.
Ай, во том сели да было три церкви,
Ай, было три церкви, три соборных.
Оны жили-были да пограбили,
Это-то село да огню придали.
Ай, наезжали в Руси да второ село,
Ай, второ село Катеринградское,
Превеликое село да прекрасивое.
А во том сели да было шесть церквей,
Было шесть церквей да шесть соборных.
Оны жили-были да пограбили,
Это-то село да всё огнем пожгли.
Наезжали во Русѣи да третьё село,
А третьё село да Косоульское,
А это-то село да превеликое,
Превеликое село да прекрасивое.
Ай, во том сели было девять церквей,
Ай, девять церквей было соборных.
Оны жили-были да пограбили,
А это-то село да всё огнем пожгли,
Полонили младу полоненочку,
А молоду Настасью да ведь Митревну
Со тым младенцем двоюмесячным,
Увезли далече во чисто поле,
За быстру реку да за Смородину.
Во чистом поли столбы расставили,
На столбы шатры оны раздернули,
Это тут-то молодцы да опочив держат,
Ай, не много ли, не мало — столько шесть-то дней.
Как из дѣлеча-далѣча из чиста поля
Налетела мала птица, певчий заворончок,
А садился он ко князю во зеленый сад,
А в саду поет он, выговариват:
«Ай ты, молодой князь Роман Митриевич!
Ешь ты, пьешь да проклаждаешься,
Над собой ты ведь незгодушки не ведаешь.
Во твою-то во святую Русь

Ай, приехало-то два поганых два Ливица,
Королевские да два племянника.
Наезжали-то в Руси они первѡ село,
Оны жили-были да пограбили,
Оны то село да ведь огнем пожгли;
Наезжали-то в Руси они второ село,
Оны жили-были да пограбили,
Оны то село да ведь огнем пожгли;
Наезжали-то в Руси они третьѡ село,
Оны жили-были да пограбили,
Это-то село да ведь огнем пожгли,
А полонили младу полоненочку,
Ай, твою-то родиму сестру
Со тым младенцем двоюмесячным,
Увезли-то ведь далече во чисто поле,
За быстру реку да за Смородину».
Ай, закручинился тут князь да запечалился,
Еще той тоской-печалью он великою.
А хватил-то он ножищо да кинжалищо;
Кинул он ножищо во дубовый стол —
Пролетело тут ножищо скрозь дубовый стол,
Скрозь дубовый стол сталѡ в кирпичный мост:
«Не дойдет-то им, щенкам, да надсмехатися!»
Ай, собирает-то он силы равно три полку,
Равно три полку да ведь третыхтысячных.
Поезжает тут ведь князь да Роман Митриевич
Ай, со своей со дружиной со хороброу
Ай, во дѡлечо-далѡчо во чисто полѡ.
Первая дружина да едят-то, пьют нападкою,
Вторая-то шѡломом раскатным,
Третья дружина ели столон-скатертью.
Приезжае князь да ко быстрой реки,
Ко быстрой реки да ко Смородины;
Ай, вырезывал-то он да три жеребья,
А три жеребья вырезывал, три липовых.
Ай, спущал-то он да первы жеребьи
На быстру реку да на Смородину:
А которые-то ели-пили да нападкою,
Тыи жеребьи да каменѡм ко дну, —
Ай, той-то дружины да убитой быть.
Ай, спущает он-то вторы жеребьи
На быстру реку он да на Смородину;

А которые-то ели шоломом раскатным,
Тыи жеребьи да оны вниз быстрин, —
Это тая-то дружина буде во полон взята.
А спущал-то он ведь третьи жеребьи:
А которые-то ели столом-скатертью,
Тыи-то ведь жеребьи встречу быстрин, —
Это тая-то дружина да весьма храбра.
А две эты дружины оставляет тут,
Третью ту дружину за собой берет.
Выезжали они скоро во чисто полё,
Говорит тут младый князь Роман да Митриевич:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая!
А вы слушайте-тко большего вотамана,
А и делайте вы дело повеленное:
А и закричит как черный ворон на сыром дубу,
На сыром дубу да во первой након,
Ай, вы ешьте тогда, вы кушайте;
А закричит черной-то ворон на сыром дубу,
На сыром дубу да во второй након,
Вы уздайте-седлайте да добрых коней;
А закричит-то черный ворон на сыром дубу,
На сыром дубу да во третей након,
А вы едите ко шатрам белополотняным,
Ай, возьмите вы, берите да вы Ливиков,
Королевских возьмите вы племянников».
А сам он обвернулся да серым волком,
Это начал он ведь по полю побегивать,
Это начал он по чистому порыскивать,
Прибегал-то он ведь близко ко белу шатру,
Заходил скорб во стойлы лошадиные,
У добрых коней головочки поботорвал,
По чисту полю головочки порбскидал.
Обвернулся князь-то добрым молодцом,
Заходил-то в кладовые оружейные,
А у оружицов замочки повывертел,
По чисту полю замочки порбскидал.
Обвернулся белым малым горносталём,
У тугих луков тетивочки повышелкал.
Это начал по шатру да он побегивать,
Этот весь шатер да стал продрагивать.
Двоумесячный младенчик проязычился:
«Маменька, маменька, не мой ли то дяденька,

Твой братец по белу шатру побегиват,
Ино бел-то шатер да весь продрагиват?»
Услыхали эти речи да ведь Ливики,
Начали горнѡстала поганивать,
Соболиной ёго шубонькой закидывать,
А приокинули ведь шубой соболиною, —
А повысочил с-под шубы соболиныи,
А скочил-то он тогда да на окошечко,
Со окошечка скочил да за окошечко.
Обвернулся он тогда да черным вороном,
Ай, садился-то он да на сѡрой дуб;
Закричал-то ворон во первой након;
А во первый-то након да на сыром дубу.
Говорят-то поганые ты Ливики:
«Ай, не кричи-тко ты, чернѡй ворон, да на
сыром дубу!

А поберем-то ведь мы нонь туги луки,
А пострелим тебя, врана, да на сыром дубу,
А мы кровь твою ту прѡльем по сырѡ дубу,
А мы перьѡ-то распустим по чисту полю».
Ай, закрычал тут вран да на сыром дубу,
Ай, на сыром дубу да во второй након.
Говорят-то ведь тут Ливики таково слово:
«Ай, не кричи-тко ты, чернѡй ворон, да на
сыром дубу!

Ай, поберем-то мы теперь свои оружица,
Ай, пострѡлим мы тебя, да черна ворона,
А мы кровь твою ту прѡльем по сыру дубу,
А мы перьѡ-то распустим по чисту полю».
А и закрычал тут вран да во третѡй након, —
Наезжае тут дружинушка хоробрая.
Это тут-то Ливики ведь испугалися,
А за тугие ты лукѡ да захватилися.
А у тугих луков тетивочки пошолканы,
По чисту полю тетивочки раскиданы;
А бежали оны скоро в оружейную,
А у оружицов замочки отверчены,
По чисту полю замочки раскиданы;
А бежали тут во стойлу лошадиную,
А тут у их кони без голов стоят.
А спущался он да из сыра дуба,
Обвернулся он да добрым молодцѡм.

А вѣзали оны тут поганых Ливиков,
А у большого-то руки сломали, глаза выкопали,
А у меньшого сломали резвы ноги до гузна,
Ай, посадили тут-то меньшого на большѣго,
А отпустили-то да их во свою сторону.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ НА СОКОЛЕ-КОРАБЛЕ

Ах, как по морю, по морю,
Синю морю по Хвалынскому,
Ходил-гулял Сокол-корабль,
Не много, не мало — двенадцать лет.
Он на морях не стаивал,
Желтых песков не захватывал,
К круту берегу не присовывался,
Хорошо-добро изукрашен был,
Золотыми гвоздями уколочен был.
Еще что было на том на корабле?
Мачты три были дубовые,
Раенки были кленовые,
Паруса были полотняны,
А веревки шелковые,
Все беседки с алым бархатцом.
Еще что было на том на корабле?
Где глазам быть, было вставлено
По дороге по камушку по яхонту,
А для хвоста была повешена
Дорогая лисица бурная.
На нем три церкви соборные,
На них три креста серебряны.
Носом владеет Алеша Попов,
Кормой владеет Полкан-богатырь,
Палубищем — сам Добрынюшка,
А всем кораблем — Илья Муромец.
Подбегает-подлетает
Сокол-корабль под турецкий град.

Завидел-заслышал турецкий хан,
Большой Салтан Салтанович,
Взговорил своим турчанам:
«Бегите-ко, ребята, ко синю морю,
Падайте, ребята, в легки стружечки,
Гребите-погребайте на Сокол-корабль,
Разбейте-размечите тот Сокол-корабль,
Алешу Попова под меч положите,
Полканушку в сине море бросьте,
Добрыню под товаром задушите,
Илью Муромца только свяжите
И живого ко мне приведите».
Заслышал-завидел Илья Муромец,
И взговорит он Добрынюшке:
«Уж ты воя, мой Добрынюшка!
Ты беги-ка ногою скорой,
Принеси тугой лук со стрелой,
Не простою стрелой, а каленою».
Втупоре Добрыня не слушался,
Принес лук тугой с каленой стрелой.
Илья Муромец по кораблю похаживает,
Свой тугой лук принатягивает,
Калену стрелу принакладывает,
Да и сам стреле приговаривает:
«Полети-ка, моя калена стрела,
Высоко, далеко по поднебесью
Белой лебедью;
Не пади ты ни на воду, ни на землю,
Попади ты, калена стрела,
Под турецкий град, во зеленый сад,
На бел шатер, на дубовый стол,
Со дубового стола к самому хану,
На его на груди белые;
Ты пори у него груди белые,
Вынимай у него ретиво сердце,
Ретиво сердце и со печенью!»
Тут и турки в стружках испугались,
Морскими струями заметались
И своим всем богам заклиналися:
«Что закажем на синем море бывать,
Илья Муромца видать,

Ни нам, ни детям, ни внучатам,
Ни праправнучатам».

Здравствуй, хозяин со хозяйюшкою,
И со всеми гостями с приходящими,
Со всеми щеголями со приказчиками.
Хозяин во дому —
Как Адам во раю,
Хозяйюшка во дому —
Что малинка в саду,
Малы дети во дому —
Ровно пчелки во меду.
Здравствовать хозяевам!

САДКО

А как ведь во славноём в Новеграде,
А-й как был Садке да гусельщик-от;
А-й как не было много несчетной золотой казны,
А-й как только он ходил по честным пирам,
Спотешал как он да купцей, бояр,
Веселил как он их на честных пирах.
А-й как тут над Садком топерь да случилось,
Не зовут Садка уж целый день да на почестен пир,
А-й не зовут как другой день на почестен пир,
А-й как третий день не зовут да на почестен пир.
А-й как Садку топерь да соскучилось,
А-й пошел Садке да ко Ильмень он ко озеру,
А-й садился он на синь на горюч камень,
А-й как начал играть он во гусли во яровчаты,
А играл с утра как день топерь до вечера.
А-й по вечеру как по позднему
А-й волна уж в озерé как сходилася,
А как ведь вода с песком топерь смутилася,
А-й устранился Садке топеречку да сидети он,
Одолел как Садка страх топерь великий,
А-й пошел вон Садке да от озера,
А-й пошел Садке как во Новгород.
А опять как прошла топерь тёмна ночь,
А-й опять как на другой день
Не зовут Садка да на почестен пир,
А другой-то да не зовут его на почестен пир,
А-й как третий-то день не зовут на почестен пир.

А-й как опять Садку топерь да соскучилось,
А пошел Садке ко Ильмень да он ко озеру,
А-й садился он опять на синь да на горюч камень
У Ильмень да он у озера,
А-й как начал играть он опять во гусли во яровчаты,
А играл уж как с утра день до вечера.
А-й как по вечеру опять как по позднему,
А-й волна уж как в озере сходилася,
А-й как вода с песком топерь смутилася,
А-й устрашился опять Садке да новгородский,
Одолел Садка уж как страх топерь великий.
А как пошел опять как от Ильмень да от озера,
А как он пошел во свой да он во Новгород.
А-й как тут опять над ним да случилось,
Не зовут Садка опять да на почестен пир,
А-й как тут опять другой день не зовут Садка да на
почестен пир,
А-й как третий день не зовут Садка да на почестен пир.
А-й опять Садку топерь да соскучилось,
А-й пошел Садке ко Ильмень да ко озеру,
А-й как он садился на синь горюч камень да об озеро,
А-й как начал играть во гусли во яровчаты,
А-й как ведь опять играл он с утра до вечера,
А волна уж как в озере сходилася,
А вода ли с песком да смутилася;
А тут осмелился как Садке да новгородский
А сидеть играть как он об озеро.
А-й как тут вышел царь водяной топерь со озера,
А-й как сам говорит царь водяной да таковы слова:
«Благодарим-ка, Садке да новгородский!
А спотешил нас топерь да ты во озере,
А у мя было да как во озере,
А-й как у мя столованье да почестен пир,
А-й как всех развеселил у мя да на честном пиру,
А-й любезных да гостей моих.
А-й как я не знаю топерь, Садка, тебя да чем пожаловать.
А ступай, Садке, топеря да во свой во Новгород,
А-й как завтра позовут тебя да на почестен пир,
А-й как будет у купца столованье — почестен пир,
А-й как много будет купцев на пиру, много новгородских,
А-й как будут все на пиру да напиватися,
Будут все на пиру да наедатися;

А-й как будут все похвальбами топерь да похвалятся,
А-й кто чим будет топерь да хвастати
А-й кто чим будет топерь да похвалятся:
А иной как будет хвастати да несчетной золотой казной,
А как иной будет хвастать добрым конем,
Иной буде хвастать силой-удачей молодецкою,
А иной буде хвастать — молбдый молодецеством,
А как умный-разумный да буде хвастати
Старым батюшком, старой матушкой,
А-й безумный дурак да буде хвастати
А-й своей он как молодой женой.
А ты, Садке, да похвастай-ко:
«А я знаю, что во Ильмень да во озере
А что есте рыба-то перья золотые ведь».
А как будут купцы да богатые
А с тобой да будут споровать,
А что нету рыбы такую ведь,
А что топерь да золотые ведь, —
А ты с нима бей о залог топерь великии,
Залагай свою буйную да голову;
А как с них выряжай топерь
А как лавки во ряду да во гостином
С дорогима да товарамы;
А потом свяжите невод да шёлковый,
Приезжайте вы ловить да во Ильмень во озере;
А закиньте три тонй во Ильмень да во озере,
А я в кажну тоню дам топерь по рыбины,
Уж как перья золотые ведь,
А-й получишь лавки во ряду да во гостином
С дорогима ведь товарамы;
А-й потом будешь ты купец Садке как новгородский,
А купец будешь богатыи».
А-й пошел Садке во свой да как во Новгород,
А-й как ведь да на другой день
А как пбзвали Садка да на почестен пир
А-й к купцу да богатому.
А-й как тут да много сбиралося
А-й к купцу да на почестен пир
А купцей как богатых новгородских.
А-й как все топерь на пиру напивалися,
А-й как все на пиру да наедалися,
А-й похвальбами все похвалялися.

А кто чем уж как топерь да хвастает,
А кто чем на пиру да похваляется:
А íной хвастает как несчетной золотой казной,
А íной хвастает да добрым конем,
А íной хвастает силой-удачей молодецкою;
А-й как умный топерь уж как хвастает
А-й старым батюшкой, старой матушкой,
А-й безумный дурак уж как хвастает,
А-й как хвастает да как своей молодой женой.
А сидит Садке как ничим да он не хвастает,
А сидит Садке как ничим он не похваляется.
А-й как тут сидят купцы богатые новгородские,
А-й как говорят Садку таковы слова:
«А что же, Садке, сидишь, ничим же ты не хвастаешь,
Что ничим, Садке, да ты не похваляешься?»
А-й говорит Садке таковы слова:
«Ай же вы, купцы богатые новгородские!
А-й как чим мне, Садку, топерь хвастати,
А как чем-то Садку похвалятся?»
А нету у меня много несчетной золотой казны,
А нету у меня как прекрасной молодой жены;
А как мне, Садку, только есть одним да мне

похвастати:

Во Ильмень да как во озере
А есте рыба как перья золотые ведь».
А-й как тут купцы богатые новгородские
А-й начали с ним да оны споровать,
Во Ильмень да что во озере
А нету рыбы такую что,
Чтобы были перья золотые ведь.
А-й как говорил Садке новгородский:
«Дак заложу я свою буйную головушку,
Боле заложить да у меня нечего».
А оны говоря: «Мы заложим в ряду да во гостиноём
Шесть купцей, шесть богатых».
А залагали ведь как по лавочке
С дорогима да с товарамы.
А-й тут после этого
А связали невод шолковый,
А-й поехали ловить как в Ильмень да как во озеро,
А-й закидывали тоню во Ильмён да ведь во озере,
А рыбу уж как добыли перья золотые ведь;

А-й закинули другу тоню во Ильмень да ведь во озере,
А-й как добыли другую рыбину перья золотые ведь;
А-й закинули третью тоню во Ильмень да ведь во озере,
А-й как добыли уж как рыбинку перья золотые ведь.
А топерь как купцы да новгородские богатые
А-й как видят — делать да нечего,
А-й как вышло правильнѣ, как говорил Садке да
новгородский,

А-й как отперлись оны да от лавочок,
А в ряду да во гостиноѣм,
А-й с дорогима ведь с товарамы.
А-й как тут получил Садке да новгородский
А-й в ряду во гостиноѣм
А шесть уж как лавочок с дорогима он товарамы,
А-й записался Садке в купцы да в новгородские,
А-й как стал топерь Садке купец богатый.
А как стал торговать Садке да топеречку
В своѣм да он во городе,
А-й как стал ездить Садке торговать да по всем местам,
А-й по прочим городам да он по дальниим,
А-й как стал получать барыши да он великие.
А-й как тут да после этого
А женился как Садке, купец новгородский богатый.
А еще как Садке после этого
А-й как выстроил он палаты белокаменны,
А-й как сделал Садке да в своих он палатушках,
А-й как обделал в теремах всё да по-небесному:
А-й как на небе пекет да красное уж солнышко —
В теремах у его пекет да красно солнышко;
А-й как на небе светит млад да светѣл месяц —
У его в теремах да млад светѣл месяц;
А-й как на небе пекут да звезды частые —
А у его в теремах пекут да звезды частые.
А-й как всем изукрасил Садке свои палаты
белокаменны.

А-й топерь как ведь после этого
А-й сбирал Садке столованьѣ да почестен пир,
А-й как всех своих купцев богатых новгородских,
А-й как всех-то господ он своих новгородских,
А-й как он еще настоятелей своих да новгородских;
А-й как были настоятели новгородские
А-й Лука Зиновьев ведь да Фома да Назарьев ведь;

А еще как сбирал-то он всех мужиков новгородских,
А-й как повел Садке столованье — почестен пир богатый.
А топерь как все у Садка на честном пиру,
А-й как все у Садка да напивались,
А-й как все у Садка топерь да наедались,
А-й похвальбами-то все да похвалялись,
А-й кто чим на пиру уж как хвастает,
А-й кто чем на пиру похваляется:
А иной как хвастает несчетной золотой казной,
А иной хвастает как добрым конем,
А иной хвастает силой могучею богатырскою,
А иной хвастает славным отечеством,
А иной хвастает молодым да молодечеством;
А как умный-разумный как хвастает
Старым батюшкой да старой матушкой,
А-й безумный дурак уж как хвастает
А-й своей да молодой женой.
А-й как ведь Садке по палатушкам он похаживает,
А-й Садке ли-то сам да выговаривает:
«Ай же вы, купцы новгородские вы богатые,
Ай же все господа новгородские,
Ай же все настоятели новгородские,
Мужики как вы да новгородские!
А у меня как все вы на честном пиру,
А все вы у меня как пьяны-веселы,
А как все на пиру напивались,
А-й как все на пиру да наедались,
А-й похвальбами все вы похвалялись.
А-й кто чим у вас топерь хвастает:
А иной хвастает как былицею,
А иной хвастает у вас да небылицею.
А как чем буде мне, Садку, топерь похвастати?
А-й у меня, у Садка новгородского,
А золота [казна] у меня топерь не тощится,
А цветное платьице у меня топерь не дёржится,
А-й дружинушка хоробрая не изменяется;
А столько мне, Садку, будё похвастати
А-й своей мне несчетной золотой казной:
А-й на свою я несчетну золоту казну
А-й повыкуплю я как все товары новгородские,
А как все худы товары я, добрые,
А что не буде боле товаров в продаже во городе».

А-й будил как он да дружинушку хоробрую,
 А-й давал уж как долюби дружинушке
 А-й как много несчетной золотой казны,
 А-й как распуцал он дружинушку по улицам торговым,
 А-й как сам он прямо шел да во гостиный ряд.
 А-й как тут на славу великую новгородскую
 А-й подоспели как товары ведь московские,
 А-й как тут принаполнился как гостиный ряд
 А-й дорогима товарамы ведь московскими.
 А-й как тут Садке топерь да пораздумался:
 «А-й как я повыкуплю еще товары все московские,
 А-й на тую на славу великую новгородскую
 А-й подоспеют ведь как товары заморские, —
 А-й как ведь топерь уж как мне, Садку,
 А-й не выкупить как товаров ведь
 Со всего да со бела свету.
 А-й как лучше пусть не я да богатее,
 А Садке, купец да новгородский,
 А-й как пусть побогатее меня славный Новгород,
 Что не мог не я да повыкупить
 А-й товаров новгородских,
 Чтобы не было продажи да во городе;
 А лучше отдам я денежок тридцать тысячей,
 Залог свой великий».
 А отдавал уж как денежок тридцать тысячей,
 Отпирался от залогу да великого.
 А потом как построил тридцать кáраблей,
 Тридцать кáраблей, тридцать чёрных,
 А-й как ведь свалил он товары новгородские
 А-й на черные на кáрабли,
 А-й поехал торговать купец богатый новгородский
 А-й как на своих на черных на кáраблях.
 А поехал он да по Волхову,
 А-й со Волхова он во Ладожско,
 А со Ладожского выплывал да во Неву-реку,
 А-й как со Невы-реки как выехал на синё морё.
 А-й как ехал он по синю морю,
 А-й как тут воротил он в Золоту орду.
 А-й как там продавал он товары да ведь новгородские,
 А-й получал он барыши топерь великие,
 А-й как насыпал он бочки ведь сороковки ты
 А-й как красного золота;

А-й насыпал он много бочек да чистого серебра,
А еще насыпал он много бочек мелкого он, крупного
скатного жемчугу.

А как потом поехал он с-за Золотой орды,
А-й как выехал топеречку опять да на синё морё;
А-й как на синем море устоялися да черны кáрабли,
А-й как волной-то бьет и паруса-то рвет,
А-й как ломат черны кáрабли —
А всё с места нейдут черны кáрабли.

А-й воспроговорил Садке, купец богатый новгородский,
А-й ко своей он дружинишке хоробрыи:

«Ай же ты, дружина хоробрая!
А-й как сколько ни по морю ездили,
А мы Морскому царю дани не плачивали.
А топерь-то дани требует Морской-то царь в синё морё».

А-й тут говорил Садке, купец богатый новгородский:
«Ай же ты, дружина хоробрая!

А-й возьмите-тко, вы мечи-тко в синё морё
А-й как бочку-сороковку красного золота».
А-й как тут дружина да хоробрая
А-й как брали бочку-сороковку красного золота,
А метали бочку в синё морё.

А-й как всё волной-то бьет, паруса-то рвет,
А-й ломат черны кáрабли да на синём морí —
Всё нейдут с места кáрабли да на синём мори.

А-й опять воспроговорил Садке, купец богатый
новгородский,

А-й своей как дружинишке хоробрыи:
«Ай же ты, дружинишка моя ты хоробрая!
А видно, мало этой дани царю Морскому в синё морё,
А-й возьмите-тко, вы мечи-тко в синё морё
А-й как другую ведь бочку чистого серебра».

А-й как тут дружинишка хоробрая
А кидали как дрúгую бочку в синё морё
А как чистого да серебра.

А-й как всё волной-то бьет, паруса-то рвет, —
А-й ломат черны кáрабли да на синём мори, —
А всё нейдут с места кáрабли да на синём мори.
А-й как тут говорил Садке, купец богатый новгородский,
А-й как своей он дружинишке хоробрыи:
«Ай же ты, дружина хоробрая!

А видно, этой мало как дани в синё морё.
А берите-тко третью бочку да крупного, мелкого
скатного жемчугу,
А кидайте-тко бочку в синё морё».
А как тут дружина хоробрая
А-й как брали бочку крупного, мелкого скатного
жемчугу,

А кидали бочку в синё морё.
А-й как всё на синём море стоят да черны кáрабли,
А волной-то бьет, паруса-то рвет,
А-й как всё ломат черны кáрабли —
А-й всё с места нейдут да черны кáрабли.
А-й как тут говорил Садке, купец богатый новгородский,
А своей как дружинушке он хоробрыи:
«Ай же ты, любезная как дружинушка да хоробрая!
А видно, Морской-то царь требуе как живой головы
у нас в синё морё.

Ай же ты, дружина хоробрая!
А-й возьмите-тко уж как делайте
А-й да жеребья да себе, волжаны,
А-й как всяк свои ймена вы пишите на жéребьи,
А спущайте жеребья на синё морё;
А я сделаю себе-то я жеребей на красное-то на золото.
А-й как спустим жеребья топерь мы на синё морё,
А-й как чей у нас жеребей топерь да ко дну пойдет,
А тому идти как у нас да в синё морё».
А у всей как у дружины хоробрыи
А-й жеребья топерь гоголём плывут,
А-й у Садка-купца, гостя богатого, — да ключом на дно.
А-й говорил Садке таковы слова:
«А-й как эты жеребьи есть неправильни;
А-й вы сделайте жеребьи как на красное да золото,
А я сделаю жеребей да дубовыи.
А-й как вы пишите всяк свои имена да на жеребьи,
А-й спущайте-тко жеребьи на синё морё.
А-й как чей у нас жеребей да ко дну пойдет,
А тому как у нас идти да в синё морё».
А-й как вся тут дружинушка хоробрая
А-й спущали жеребья на синё морё,
А-й у всей как у дружинушки хоробрыи
А-й как все жеребья как топерь да гоголём плывут,
А Садков как жéребей — да топерь ключом на дно.

А-й опять говорил Садке да таковы слова:
«А как эти жеребьи есть неправильни.
Ай же ты, дружина хоробрая!
А-й как делайте вы как жеребьи дубовые,
А-й как сделаю я жеребей липовый.
А как будем писать мы имена все на жеребьи,
А спускать уж как будем жеребья мы на синё морё
А топерь как в остатних,
Как чей топерь жеребей ко дну пойдёт,
А-й тому как идти у нас да в синё морё».
А-й как тут вся дружина хоробрая
А-й как делали жеребьи все дубовые,
А он делал уж как жеребей себе липовый.
А-й как всяк свои имена да писали на жеребьи,
А-й спускали жеребья на синё морё.
А у всей дружинушки ведь хоробрыей
А-й жеребья топерь гоголём плывут да на синём морй,
А-й у Садка, купца богатого новгородского, — ключом
на дно.

А как тут говорил Садке таковы слова:
«А-й как видно, Садку да делать топерь нечего,
А-й самого Садка требует царь Морской да в синё морё.
Ай же ты, дружинушка моя да хоробрая, любезная!
А-й возьмите-тко, вы несите-тко
А-й мою как чернильницу вы вальячную,
А-й неси-тко как перо лебединоё,
А-й несите-тко вы бумаги топерь вы мне гербовые».
А-й как тут дружинушка ведь хоробрая
А несли ему как чернильницу да вальячную,
А-й несли как перо лебединоё,
А-й несли как лист-бумагу как гербовую.
А-й как тут Садке, купец богатый новгородский,
А садился он на ременчат стул
А к тому он к столику ко дубовому,
А-й как начал он именица своего да он отписывать;
А как отписывал он имения по божьим церквам,
А-й как много отписывал он имения нищей братии,
А как ино именицо он отписывал да молодой жены,
А-й достальнѣе имения отписывал дружины он
хоробрыей.

А-й как сам потом заплакал он,
Говорил он как дружинушке хоробрыей:

«Ай же ты, дружина хоробрая да любезная!
А-й полагайте вы доску дубовую на синё морё,
А что мне свалиться, Садку, мне-ка на доску,
А не то как страшно мне принять смерть во синём мори».
А-й как тут он еще взимал с собой свои гусёлка яровчаты,
А-й заплакал горько, прощался он с дружинишкой

хороброю,

А-й прощался он топеречку со всим да со белым светом,
А-й как он топеречку как прощался ведь
А со своим он со Новым со городом.
А потом свалился на доску он на дубовую,
А-й понесло как Садка на доски да по синю морю.
А-й как тут побежали черны ты карабли,
А-й как будто полетели черны вброны.
А-й как тут остался топерь Садке да на синём мори.
А-й как ведь со страху великого
А заснул Садке на той доске на дубовыи.
А как ведь проснулся Садке, купец богатыи новгородский;
А и в окиян-море да на самом дни,
А увидел — скрозь воду пекёт красно солнышко,
А как ведь очудилась возле палата белокаменна,
А заходил как он в палату белокаменну,
А-й сидит топерь как во палатушках
А-й как царь-то Морской топерь на стуле ведь,
А-й говорил царь-то Морской таковы слова:
«А-й как здравствуйте, купец богатыи,
Садке да новгородский!
А-й как сколько ни по морю ездил ты,
А-й как Морскому царю дани не плачивал в синё морё,
А-й топерь уж сам весь пришел ко мне да во подарочках.
Ах, скажут, ты мастёр играть во гусли во яровчаты;
А поиграй-ко мне как в гусли во яровчаты».
А как тут Садке видит — в синем море делать нечего,
Принужен он играть как во гусли во яровчаты.
А-й как начал играть Садке как во гусли во яровчаты,
А как начал плясать царь Морской топерь в синём мори,
А от него сколебалося всё синё морё,
А сходилася волна да на синём мори,
А-й как стал он разбивать много черных караблей
да на синём мори,
А-й как много стало ведь тонуть народу да в синё морё,
А-й как много стало гинуть именица да в синё морё.

А как топерь на синём мори многи люди добрые,
 А-й как многи ведь да люди православные
 От желаньица как молятся Миколаы да Можайскому,
 А-й чтобы повынес Микулай их угодник из синя моря.
 А как тут Садка новгородского как чёснуло в плечо
 да во правое,
 А-й как обернулся назад Садке, купец богатый
 новгородский, —
 А стоит как топерь старичок да назади уж как белыи-
 седатыи,
 А-й как говорил да старичок таковы слова:
 «А-й как полно те играть, Садке, во гусли во яровчаты
 в синём мори».
 А-й говорит Садке как наместо таковы слова:
 «А-й топерь у мя не своя воля да в синём мори,
 Заставлят как играть мёня царь Морской».
 А-й говорил опять старичок наместо таковы слова:
 «А-й как ты, Садке, купец богатый новгородский,
 А-й как ты струночки повырви-ка,
 Как шпенёчики повыломай,
 А-й как ты скажи топерь царю Морскому ведь:
 «А-й у мя струн не случилось,
 Шпенёчиков у мя не пригодилось,
 А-й как боле играть у мя не во что».
 А тебе скаже как царь Морской:
 «А-й не угодно ли тебе, Садке, жениться в синём мори
 А-й на душечке как на красной девушке?»
 А-й как ты скажи ему топерь да в синём мори,
 А-й скажи: «Царь Морской, как воля твоя топерь
 в синём мори,
 А-й как что ты знаешь, то и делай-ка».
 А-й как он скажет тебе да топеречку:
 «А-й зăутра ты приготовляйся-тко,
 А-й Садке, купец богатый новгородский,
 А-й выбирай, как скажет, ты девицу себе по уму,
 по разуму».
 Так ты смотри, перво триста девиц ты стадо прѣпусти,
 А ты другое триста девиц ты стадо прѣпусти,
 А как третье триста девиц ты стадо пропусти,
 А в том стаде на конци на остатнием
 А-й идет как девица-красавица,
 А по фамилии как Чернава-то;

Так ты эту Чернаву-то бери в замужество;
А-й тогда ты, Садке, да счастлив будешь.
А-й как лягешь спать первой ночи ведь,
А смотри не твори блудá никакого-то
С той девицей со Чернавою.
Как проснешься тут ты в синём мори,
Так будешь в Новёграде на крутом кряжу,
А о ту риченку о Чернаву ту.
А ежели сотворишь как блуд ты в синём мори,
Так ты останешься навеки да в синём мори.
А когда ты будешь ведь на святой Руси,
Да во своем да ты да во городе,
А-й тогда построй ты церковь соборную
Да Николы да Можайскому,
А-й как есть я Микола Можайский».
А как тут потерялся топерь старичок да седатый.
А-й как тут Садке, купец богатый новгородский,
в синём мори,
А-й как струночки он повёрывал,
Шпенёчки у гусёлышек повыломал,
А не стал ведь он боле играти во гусли во яровчаты.
А-й остоялся как царь Морской,
Не стал плясать он топерь в синём мори,
А-й как сам говорил уж царь таковы слова:
«А что же не играшь, Садке, купец богатый новгородский,
А-й во гусли ведь да во яровчаты?»
А-й говорил Садке таковы слова:
«А-й топерь струночки как я повёрывал,
Шпенёчки я повыломал,
А у меня боле с собой ничего да не случилось».
А-й как говорил царь Морской:
«Не угодно ли тебе жениться, Садке, в синём мори
А-й как ведь на душечке на красной да на девушке?»
А-й как он наместо ведь говорил ему:
«А-й топерь как волюшка твоя надо мной в синём мори».
А-й как тут говорил уж царь Морской:
«Ай же ты, Садке, купец богатый новгородский!
А-й з́аутра выбирай себе девицу да красавицу
По уму себе да по разуму!»
А-й как дошло дело до утра ведь до ранного,
А-й как стал Садке, купец богатый новгородский,

А-й как пошел выбирать себе девицы-красавицы,
А-й посмотрит — стоит уж как царь Морской.
А-й как триста девиц повели мимо их-то ведь,
А он-то перво триста девиц да стадо прѣпустил,
А друго он триста девиц да стадо прѣпустил,
А-й третье он триста девиц да стадо прѣпустил.
А посмотрит — позади идет девица-красавица,
А-й по фамилии что как зовут Чернавою.
А он ту Чернаву любовал, брал за себя во замужество.
А-й как тут говорил царь Морской таковы слова:
«А-й как ты умел да жениться, Садке, в синѣм мори».
А топерь как пошло у них столованье да почестен пир
в синѣм мори,
А-й как тут прошло у них столованье да почестен пир,
А как тут ложился спать Садке, купец богатый
новгородский,
А в синѣм мори он с девицею с красавицей,
А во спальней он да во теплой;
А-й не творил с ней блудá никакого да заснул в сон
во крепкии.
А-й как он проснулся, Садке, купец богатый новгородский,
Ажно очудился Садке во своем да во городе,
О реку о Чернаву на крутом кряжу.
А-й как тут увидел — бежат по Волхову
А свои да черные да кáрабли,
А как ведь дружинушка как хоробрая
А поминают ведь Садка в синѣм мори,
А-й Садка, купца богатого, да жена его
А поминат Садка со всей дружиною хороброю.
А как тут увидла дружинушка,
Что стоит Садке на крутом кряжу да о Волхово,
А-й как тут дружинушка вся она расчудовалася,
А-й как тому чуду ведь сдивовалася,
Что оставили мы Садка да на синѣм мори,
А Садке впереди нас да во своем во городе.
А-й как встретил ведь Садке дружинушку хоробрую,
Вси черные тут кáрабли,
А как топерь поздоровкались,
Пошли во палаты Садка, купца богатого.
А как он топеречку здоровкался со своею с молодой женой.
А-й топерь как он после этого
А-й повыгрузил он со кáраблей

А как всё свое да он именъицо,
А-й повыкатил как он всю свою да несчетну золоту
казну,
А-й топерь как на свою он несчетну золоту казну
А-й как сделал церковь соборную
Николы да Можайскому,
А-й как дрúгую церковь сделал пресвятыя богородицы.
А-й топерь как ведь да после этого
А-й как начал господу-богу он да молитися,
А-й о своих грехах да он прощатися.
А как боле не стал выезжать да на синё морё,
А-й как стал проживать во своем да он во городе.
А-й топерь как ведь да после этого
А-й тому да всему да славы поют.

МИХАЙЛО ПОТЫК

Ай, у солнышка да у Владимира
Пированьицо было по третий день
Солнышко идет на вечера,
А почестный пир идет навесели,
Вси-то на пиру да напивалися,
Вси же на честном да наедалися,
Вси же на пиру и порасхвастались.
Испроговорит солнышко Владимир стольно-киевский:
«Нечем солнышку Владимиру похвастати.
Не повыправлены дани-выходы
За двенадцать год, за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною».
Сидят же тут три русских могучиих богатыря —
Старый казак да Илья Муромец,
Молодой Добрыня сын Никитинич,
Михайла Потык сын Иванович.
Испроговорит Владимир стольно-киевский:
«Ай же вы, три русских могучиих богатыря!
Старый казак да Илья Муромец,
Вы съездите-тко в Каменну орду,
В Каменную-то орду, в большу землю,
Повыправьте-тко дани-выходы
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Молодой Добрыня сын Никитинич!
Съездите-тко вы да не в большу землю,
Не в большую ту землю, да в Золоту орду,
Там повыправьте-тко дани-выходы

За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Третьи могучии богатырь да Михайло Потык
сын Иванович!

Ты съезди-тко в землю во Подольскую,
Там повыправь-ко ты дани-выходы
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною».
А богатыри они да призадумались
И повесили свои да буйны головы,
Утопили свои очи ясные
Да во тот же во кирпичен мост.
Испроговорит Михайла Потык сын Иванович:

«Что же вы, богатыри, задумались?
А держите-тко, богатыри, ответ же нынь».
Испроговорит казак да Илья Муромец:

«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Отправляй-ко ты меня до во большу землю,
Во большую ту землю, да в Каменну орду,
Там повыправлю да дани-выходы
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною».

Испроговорит Добрыня сын Никитинич:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Отправляй-ко ты меня да не в большу землю,
Не в большую ту землю, да в Золоту орду,
Там повыправлю да дани-выходы
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною».

А Михайло Потык сын Иванович,
Он Владимиру да испроговорит:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Отправляй-ко ты меня в землю во Подольскую,
Я повыправлю да дани-выходы
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною».

Первый русский могучий богатырь,
Старый казак да Илья Муромец,
Ставае он по утрышку ранехонько,
Умывается он да и белехонько,
Снаряжается да хорошохонько,
Он седлае своего добра коня,

Кладывае он же потнички на потнички,
А на потнички кладе войлочки,
А на войлочки черкальское седельшко,
Подтягиват двенадцать тугих подпругов,
Тринадцатый — тот клал для-ради крепости,
Чтобы во чистом поли доброй конь же с-под седла
не выскочил,

Добра молодца в чистом поли не выронил.

Видли добра молодца-то сядучи,
Тут не видли да удалого поедучи.
Не дорожкамы поехал, не воротамы,
Через ту стену поехал городовую,
Через тую было башню наугольную
Да к тому кресту поехал Леванидову.
Тут богатырь опочив держал.
Другий русский могучий богатырь,
Молодой Добрынюшка Никитинич,
Он ставае он по утрышку ранехонько,
Умывается было белехонько,
Снаряжается да хорошохонько,
Седлае своего добра коня,

Кладывае было потнички на потнички,
А на потнички кладе войлочки,
А на войлочки черкальское седельшко,
Подтягиват двенадцать тугих подпругов,
Он тринадцатый — тот клал для-ради крепости,
Чтобы в чистом поли добрый конь же с-под седла
не выскочил,

Добра молодца в чистом поли не выронил.

Видли добра молодца-то седучи,
А не видли да удалого поедучи.
Не дорожкамы поехал, не воротамы,
Через ту стену поехал городовую,
Через тую было башню наугольную
Да к тому кресту поехал Леванидову.
Тут богатырь опочив держал.
А третии же русский могучии богатырь,
Михайла Потык сын Иванович,
Он ставае он по утрышку ранехонько,
Умывается было белехонько,
Снаряжается да хорошохонько,
Седлае своего добра коня,

Кладывае было потнички на потнички,
А на потнички кладе войлочки,
А на войлочки черкальское седельшко,
Подтягиват двенадцать тугих подпругов,
Он тринадцатый — тот клал для-ради крепости,
Чтобы в чистом поли добрый конь же с-под седла
не выскочил,

Добра молодца в чистом поли не выронил.
Видли добра молодца-то седучи,
А не видли да удалого поедучи.
Не дорожкамы поехал, не воротамы,
Через ту стену поехал городовую,
Через тую было башню наугольную
Да к тому кресту поехал Леванидову.
Тут богатырь опочив держал.
Тут крестами да богатыри побратались,
Назвались да братьями крестовыми.
Испроговорит казак да Илья Муромец:
«Кто попрежде нас тут е повыправит,
К дру́гому на стрету, братцы, по́спевать».
Тут простилися да оны, братица.
Старый казак да Илья Муромец,
Он поехал во большу землю,
Во большую ту землю, да в Каменну орду,
Он повыправлять да даней-выходов
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Мужички же вдруг да скашевались,
А не стали отдавать да даней-выходов
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Тут старый казак да Илья Муромец,
По-своему он с мужичками распоряжается;
Мужички же перепались,
От его да растулялися,
Стали отдавать да дани-выходы
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Молодой Добрыня сын Никитинич,
Съехал он же не в большу землю,
Не в большую ту землю, да в Золоту орду,
Стал же выправлять да даней-выходов

За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Мужички же вдруг да скашевались,
А не стали отдавать да даней-выходов
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Молодой Добрынюшка Никитинич,
По-своему он с мужичками распорядился,
Мужички же перепалися,
От его да растулялися,
Стали отдавать да дани-выходы
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Михайло Потык сын Иванович
Съехал в землю во Подольскую,
Стал же выправлять да даней-выходов
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Мужички же вси да скашевались,
А не стали отдавать да даней-выходов
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Распорядился тут Михайла Потык сын Иванович,
Распорядился он по-богатырскому,
Мужички же перепалися,
От его да растулялися,
Стали отдавать да дани-выходы
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Он повыправил да дани-выходы
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Тут Михайло Потык сын Иванович,
Он пошел было ходить-гулять по заводам,
Стрелять же он да белых лебедушек.
Ходил-гулял по заводам,
Стрелял же он да белых лебедушек,
Находил же он да белую лебедушку,
Плавает лебедушка на заводи.
Он натягивал же было тугой лук,
Накладывает он стрелочку каленую,
Хочет стрелить белую лебедушку,

Лебедушка ему да испроговорит:
«Ай, Михайла Потык сын Иванович!
Не стреляй-ко ты же белою лебедушки.
Я есть же нонь не белая лебедушка,
Есть же я да красна девушка,
Марья лебедь белая да королевична,
Королевична да я подолянка.
Не убей-ко ты меня же нонь, подолянки,
Ты возьми меня нонь во замужество,
Ты свези-тко нонь меня во Киев-град,
Проведи-тко меня в верушку крещеную,
Примем мы с тобою по злату венцу,
Станем мы же век с тобой коротати».
Задавался тут Михайла Потык сын Иванович,
Брал же Марью лебедь белую,
Лебедь белую да королевичну,
Королевичну да он подолянку,
Делал же он с Марьей да велик залог.
Получает тут же дани-выходы
Со того же короля да со подольского
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Отправляется он было в Киев-град
Ко тому было ко солнышку Владимиру,
Ай, ко князю стольно-киевску.
Приезжает тут Михайло Потык сын Иванович
А ко стольному ко городу ко Киеву,
Ай, ко ласковому князю ко Владимиру,
Привозит он да дани-выходы
Из той было из земли из Подольский,
От того же короля да от подольского,
Отдавае он Владимиру да князю стольно-киевску.
Князь же тут да зрадовáлся ли,
Получае он с Михайлы Потыка Иванова,
Получае он да дани-выходы
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Благодарил его Владимир стольно-киевский,
Что повыправил ты дани-выходы
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною
Из той ли земли из Подольский.

Марью лебедь белую да королевичну,
 Королевичну да он подолянку,
 Он привел же было в верушку крещеную,
 Сделал с ею заповедь великую:
 «Кто из нас да нуль попереди
 Кто пойдет да во сыру землю,
 Дрúгому идти да на три месяца,
 Идти же во сыру землю».
 Испроговорит Владимир стольно-киевский:
 «Ты, Михайло Потык сын Иванович!
 Что ты делаешь да заповедь великую,
 Заповедь да неподольную, —
 Да надолго тут идти да во сыру землю?»
 Тут Михайло Потык сын Иванович,
 Сам Михайло испроговорит:
 «Видно, надо сделать мне-ка заповедь великую
 С Марьей лебедь белую,
 Что она-то мне-ка прилюбилася».
 А принял-то же с ей да по злату венцу,
 Стал же с ею век коротати.
 В тую пору да во то время
 Наезжае было царь Бухарь заморский,
 Наезжае царь Бухарь с посланником,
 Правит он да дани-выходы
 Что ли с солнышка Владимира,
 Что ли со князя стольно-киевска:
 «Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
 Ты пожалуй-ко нонь дани-выходы
 За двенадцать год, да за тринадцать лет,
 За тринадцать лет да с половиною».
 Солнышко Владимир стольно-киевский,
 Призывает он Михайлу Потыка Иванова:
 «Ты, Михайло Потык сын Иванович!
 Приезжае к нам же царь Бухарь заморский,
 Правит он же с нас да дани-выходы
 За двенадцать год, да за тринадцать лет,
 За тринадцать лет да с половиною»:
 Испроговорит Михайло Потык сын Иванович:
 «Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
 Та садись-ко нынь, Владимир, на ременчат стул,
 Пиши-тко было ерлычки да скорописчаты:
 Отправлены да дани-выходы

За Михайлой Потыком Ивановым
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Я поеду нынечу без даней-выходов».
Он, Михайла Потык сын Иванович,
Поезжает он к царю Бухарю да заморскому,
Повозит ерлычки да скорописчаты
К тому же он к царю ко Бухарю да ко заморскому,
Что отправлены да дани-выходы
За Михайлой Потыком Ивановым
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Приезжает ко Бухарю-царю заморскому,
Подавает ерлычки да скорописчаты
Да царю Бухарю заморскому.
Принимае было царь Бухарь заморский
Тыи ерлыки да скорописчаты,
Скорешенько ерлычки да распечатыват,
Поскорее того да он прочитыват,
Сам же царь Бухарь да тут зраду́ется:
«Ты, Михайло Потык сын Иванович!
Где же у вас выходы остались?» —
«У нас оси да в тележках приломилися,
Да тележки у нас поломалися,
Там починщики да в поли приосталися,
А тележек во чистом поли починивать».
Испроговорит царь Бухарь заморский:
«Ты, Михайло Потык сын Иванович!
Чим же нын у вас да на России забавляются?» —
«У нас же на России забавляются —
Нынъ играют да во шашечки дубовые,
Что ли ставят да дощечки да кленовые».
Доставали тут дощечку да кленовую,
Что же ставили тут шашечки дубовые
На тую тут дощечку на кленовую,
Тут играли было в шашечки дубовые,
Тую было дощечку да кленовую.
А на ту дощечку на кленовую
Ставил тут Михайла Потык сын Иванович,
Ставил же он своего добра коня,
Ставил же свою да буйну голову.
Царь Бухарь было заморский

Ставил на дощечку на кленовую,
Ставил он же дани-выходы
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Тут играли было в шашечки дубовые,
Тую было дощечку да кленовую.
Проиграл Михайла Потык сын Иванович,
Проиграл он своего добра коня,
Проиграл же он свою буйну голову
На той было дощечки на кленовою
Тому Бухарю он царю заморскому.
Тут царь Бухарь было заморский,
Тут же царь да он зраду́ется.
Ставили дощечку да во дрúгой раз,
Ставили тут шашечки дубовые
На тую же на дощечку на кленовую.
Ставил тут Михайла Потык сын Иванович
На ту было на дощечку на кленовую
Свою же Марью лебедь белую,
Лебедь белую да королевичну,
Королевичну подоянку;
В дрúгих ставил он родитель свою матушку
На тую же на дощечку на кленовую.
Царь Бухарь было заморский
Ставил на дощечку на кленовую,
Ставил тут Михайлина добра коня,
Ставил тут его да буйну голову,
Ставил он да дани-выходы
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Тут играли да дощечку да во дрúгой раз.
Сыграли было дощечку в дрúгой раз,
Повыиграл Михайло Потык сын Иванович,
Своего повыиграл добра коня,
Повыиграл свою да буйну голову
И повыиграл да дани-выходы
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Ставили дощечки они в третий раз.
Михайло Потык сын Иванович,
Ставил он да дани-выходы
За двенадцать год, да за тринадцать лет,

За тринадцать лет да с половиною
На ту было дощечку на кленовую,
Ставил своего добра коня,
Ставил он свою да буйну голову.
Царь Бухарь было заморский
Ставил на дощечку на кленовую,
Ставил он полцарства, пол-имянства он заморского.
Стали тут играть дощечку да во третий раз.
Играли тут дощечку да во третий раз,
Тут Михайло Потык сын Иванович
Повыиграл дощечку было в третий раз,
Повыиграл он полцарства, пол-имянства он заморского
Со царя Бухаря со заморского.
Рассердился было царь Бухарь заморский, —
Ставили дощечку во четвертый раз.
Ставил он всё царство всё Бухарское заморское,
А Михайла Потык сын Иванович,
Ставил он полцарства, пол-имянства он заморского,
Ставил он да дани-выходы
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Играли тут дощечку да в четвертый раз,
Повыиграл Михайла Потык сын Иванович
Он дощечку да в четвертый раз
С того царя Бухаря он со заморского,
Повыиграл всё царство он Бухарско да заморское.
Ставили они дощечку в пятый раз.
Царь Бухарь было заморский,
Ставил он свою да буйну голову,
Михайла Потык сын Иванович
Ставил царство тут Бухарско да заморское
На ту было дощечку да на пятую.
Стали тут играть да бны в шашечки,
На пятую-то дверь тут отворяется,
Крестовый ему братец да пихается,
Приезжает тут Добрыня сын Никитинич:
«Молодой ты Потык сын Иванович!
Играешь ты во шашечки во дубовые
Да на той же на дощечке на кленовыи,
Над собой же ты незгодушки не ведаёшь:
Как твоя-то Марья лебедь белая,
Лебедь белая да королевична,

Королевична было подолянка,
Что она же нынчу было померла».
Михайло Потык сын Иванович,
Он скочил же на свои да на резвы ноги,
Ухватит он дощечку да кленовую
С тума шашкамы с дубовыма,
Ударил он во двери с ободвереньем,
Повыставил он двери вон со липиной.
Перепался было царь Бухарь заморский,
Смолился он Михайлы Потыку Иванову:
«Михайла Потык ты Иванович!
Ты оставь меня, царя, да нонь во живности,
Получай же нынь ты царство всё Бухарское заморское».
А Михайло Потык сын Иванович
Сам же тут да братьям испроговорит:
«Ай вы, братьица мои было крестовые!
Получайте-тко нынь с царя со Бухаря со заморского
Вы царство нынь Бухарско всё заморское,
Оставьте-ка царя да посидельщичком,
Недосуг же мне-ка-ва с ним нынь угладиться,
Я поеду нынь ко городу ко Киеву,
Ай, ко ласковому князю ко Владимиру».
Тут уехал да Михайла Потык сын Иванович,
А русские могучие богатыри
Получали тут с царя да дани-выходы,
Получали тут же царство да Бухарско всё заморское,
Оставили царя да посидельщичком.
А Михайла Потык сын Иванович,
Приезжае он ко городу ко Киеву,
Ай, ко ласковому князю ко Владимиру.
Князь же тут его да было спрашивают:
«Михайла Потык сын Иванович,
Как же ты оттуль да нонь повыехал?»
Испроговорит Михайла Потык сын Иванович:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Повыиграны у нас дани-выходы
За двенадцать год, да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною,
С того царя Бухаря да с заморского,
Да повыиграно царство всё Бухарско, всё заморское
И с того царя с Бухаря да с заморского,
Всё царство, всё имянство всё бухарское.

Остались получать же там богатыри,
Мои братъица крестовые —
Старый казак да Илья Муромец
И молодой Добрыня сын Никитинич». —
«Да чим же нонь тебя мне наскори пожертвовать?
Города ли тебе дать да с пригородками,
Аль села тебе же дать да со приселками,
Золотой казны тебе-ка-ва по надобью?» —
«Ничего же мне-ка-ва не надобно,
Городов мне нонь не надо с пригородками,
Что ли сел не надо со приселками,
Золотой казны не надобно по надобью.
Дай-ка на царевьих на кабаках,
Дай-ка мни поволочку великую
Пить же мне вино да нонь безденежно,
Где кружкою да полукружкою,
Где четвертью да где полуведром,
А при времечки где и целб́м ведром».
Солнышко Владимир стольно-киевский
Дал ему поволочку великую
На тых же на царевьих на кабаках
Пить ему вино было безденежно,
Где кружкою да полукружкою,
Где четвертью да где полуведром,
А при времечки где и целб́м ведром.
Испроговорит Владимир стольно-киевский:
«Михайла Потык сын Иванович!
Напрасно же ты сделал нынчу заповедь великую».
Испроговорит Михайло Потык сын Иванович:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
И тоё-то да нынчу сделано, —
Надо нунь идти да во сыру землю,
Во сыру землю идти да на три месяца».
Михайла Потык сын Иванович,
Приказал же он тут делать домовищечко,
Чтобы можно мне-ка стоя стоять,
Стоя стоять да сидя сидеть,
При времечки да чтобы лежа лечь.
Брал же он запас туды великии:
Брал свеч́и туды и ладоны,
Берет хлеба на три месяца,
Воды берет на три месяца.

Ходил же он было ко кузницам,
Велел ковать же клещи да железные,
Брал же прутья он да трои:
Первы прутья оловянные,
Вторые было прутья он железные,
Третьи прутья он берет да туды медные.
Отправляется же он тут во сыру землю,
Отправляется он да на три месяца.
Прожил тут Михайло Потык сын Иванович,
Прожил в матушке сырой земли первы́ сутки,
Начинает жить же он тут сутки другие,
Приплыват к ему змеище да проклятое,
О двенадцати была змея о хоботах,
Пролизала ему гроб было железныи.
А Михайла Потык сын Иванович,
Захватил было змею он да проклятую
Тыма было клещамы да железныма,
Сек же он ю прутьями да оловянными,
Другими сек же прутьями железными,
Третьима он сек ю прутьями да медными.
Змея ему да тут смолилася:
«Ты, Михайла Потык сын Иванович!
Не убей меня, змеи было проклятою,
Дам тебе я заповедь великую
Оживить-то нонь тебе-ка Марью-лебедь,
Лебедь белую да королевичну,
Королевичну было да подолянку,
Достану я тебе-ка-ва живой воды».
Испроговорит Михайла Потык сын Иванович:
«Ой же ты, змея было проклятая,
Ты змея было лукавая!
Дай-ко ты змееньша в велик залог».
Дала тут змея лукавая,
Дала тут змееньша в велик залог.
Рубил же он змееньша на мелки на часточки.
Отправляется змея было проклятая,
Доставает тут она было живу воду.
Складывал же он змееньша во место ли,
Мочил же тóго малого змееньша, —
Засвивался было маленький змееньшок.
Брызгáл же Марью лебедь белую,
Брызгал он ю во три же раз:

Первый раз она продрогнула,
Другой раз она зашевелилася,
Третий раз она да проглаголила:
«Фу-фу-фу, я долго нунь попробспала!»
Испроговорит Михайла Потык сын Иванович.
«Каб не я, так ты отнынь до век бы пробспала».
Скричал же тут Михайла Потык сын Иванович,
Своим голосом да богатырским.
Теремки да пошатилися,
Околенки у них да повалилися,
Вси во гради да приужахнулись,
Вси сами же тут во городе спроговорят:
«И нашему уродищу в сырой земли не побжилось:
Отправлялся он в сыру землю да на три месяца, —
Наступают нынь на нас трои сутки,
Из сырой земли уродищо дадается».
И здымали тут его да из сырой земли,
Из сырой земли на белый свет.
Тут Михайла Потык сын Иванович,
Он пошел гулять да по царевым по кабакам,
Пить вино да он безденежно,
Гди кружкою да полукружкою,
Гди четвертью да где полуведром,
А при времечки он и целым ведром.
Марья лебедь белая,
Королевична было подолянка,
Посылала она ведом королю да политовскому,
Что наехал бы король да политовский,
Увез бы он меня, да Марью лебедь белую,
Лебедь белую он да подолянку,
Ай, подолянку да королевичну,
Во тую землю во Литовскую.
Приезжает тут король да политовский,
Приезжает тут король да по-молчаному,
Он увозит Марью лебедь белую,
Лебедь белую да королевичну,
Королевичну он да подолянку.
Михайла Потык сын Иванович,
Над собой же он того да тут не ведаёт,
Что увез же да король да политовский
Его же Марью лебедь белую,
Лебедь белую да королевичну,

Королевичну он да подолянку.
Прискакала было весточка нерадостна
Михайлы Потыку Иванову:
«Михайла Потык сын Иванович!
Ты пьешь да проклаждаешься,
Над собой незгодушки не ведаешь:
Как твоя-то Марья лебедь белая,
Лебедь белая да королевична,
Королевична было подолянка,
Уехала с королем да политовским
Во матушку да в земляну Литву».
Михайла Потык сын Иванович,
Одевае он же платьца ты женские,
Накручается же он да было женщиной,
И поехал вслед же он погоною
За тым же королем да политовским.
Не узнал бы да король да политовский,
Не узнал бы он да вслед погонушки.
Подъезжает тут Михайла Потык сын Иванович,
Вслед же он было погоною
За тым же королем да политовским.
Увидала Марья лебедь белая,
Лебедь белая да королевична,
Королевична да тут подолянка,
Сама ему да испроговорит:
«Ай же ты, король да политовский!
Еде нонь за нами вслед погонушка,
Едет тут за нами женщина, —
Хоть и женщиной да туда-ка сокручесь,
Не женщина тут едет вслед погонушка,
Едет тут Михайла Потык сын Иванович.
Отправляй меня скорешенько на стрету ли
И давай же мне напитоков еще сонных.
Он же до вина да есте спадсливый.
Поднесу ему я чару зелена вина, —
Где выпье, он же тут и в сон заснет».
Подъезжает тут к нему она на стрету ли,
Тяжелешенько да она плаче ли:
«Ты, Михайла Потык сын Иванович!
Увез меня король да политовский,
Что ль силою увез меня из Киева».
Подносит ему чару зелена вина:

«Выпей еще чару зелена вина».
Где выпил, тут и в сон заснул.
Подскочила тут к коню да к богатырскому,
Принимает на плечо да на волшебное,
Спустила тут его было через плечо,
Сама же тут Михайлы приговариват:
«Где был молодой Михайла Потык сын Иванович,
Стань-ко нынь горячий белый камешок,
Будь-ко ты, Михайло, нынь во камени».
Отправляется с королем да политовским
В ту было да в земляну Литву,
И уехала да в земляну Литву
К тому же королю да политовскому.
Жила с кóролем да политовским,
Жила она много там же времени.
Стосковалось было братьям же крестовым —
Старому казáку Илье Муромцу,
Молоду Добрынюшку Никитичу;
Крутились было они каликами,
Обували они лапти было липовы,
Надевали они платьица нецветные,
Пошли они да тóда-ка каликами,
От солнышка Владимира, от князя стольно-киевска
К тому же королю да к политовскому
Искать же тут Михайла Потыка Иванова,
Своего же было братца да крестового.
В день они идут было по солнышку,
А в ночь они идут было по камешку.
Приходят тут ко белому ко камению.
Выходит тут из другою из ростани,
Выходит тут калика было старая,
И старая калика да седатая,
Хоть седатая калика да й плешатая.
«Здравствуйте, калики перехожие!» —
«Ты здравствуешь, калика было старая,
Старая калика ты, матерая,
Ты матерая калика да седатая,
Ты седатая калика да плешатая». —
«Куда же вы, калики, нунь направились?»
Испроговорят тут русские могучие богатыри:
«Ай же ты, калика было старая!
Хоть нынь у нас накрученось каликами,

Е мы не калики перехожіе,
 Е мы русские могучіе богатыри —
 Старый казак да Илья Муромец,
 Молодой Добрынюшка Никитинич,
 Пошли искать Михайлы Потька Иванова,
 Своего же брата мы крестового,
 Святорусского богатыря».

Испроговоят же русские могучіе богатыри:
 «Ты откудава, калика есть же старая?» —
 «Я дальняя калика есть же старая,
 И дальняя калика я, не здешняя, —
 Пошел искать Михайлы Потька Иванова».

Приходили тут калики перехожіе
 А к тому же королю да политовскому,
 Ставились калики среди города
 Супротив того двора да королевского.
 Тут скрычали да калики перехожіе, —
 Теремки у них да пошатилися,
 Околенки у них да повалилися,
 Все же во граде да приужахнулись:
 «Что же нунь да чудо е случилось,
 Каки же нам калики появились?»

Испроговорит король да политовский:
 «Это е три чуда объявилося».

Говорила Марья лебедь белая,
 Лебедь белая да королевична,
 Королевична да тут подолянка:
 «Тут не чудо к нам же нынче объявилося,
 Два богатыря да к нам же нынъ явилося —
 Старый казак да Илья Муромец,
 Молодой Добрынюшка Никитинич;
 А третья калика незнакомая,
 Незнакомая калика да седатая,
 Седатая калика да плешатая,
 Тая е калика да незнаема.
 Зови-тко ты, король, да во гостѣбищю
 Этых калик да перехожіих.
 Не пойдут они к нам да в гостѣбище —
 Разорят они же нашу земляну Литву,
 Два русские могучіе богатыря».

Выходил же тут король да политовский,
 Скорешенько же выходил на широк двор

С той ли Марьей лебедь белую,
Лебедь белую да он подолянкой,
А подолянкой да королевичной.
Подходила она к братьицам крестовым
Своего же она мужа да названого,
Звала тут себе-ка-ва в гостёбищо,
Тяжелешенько по нем да она плакала.
Спрашивали русские могучие богатыри —
Старый казак да Илья Муромец,
Что ли мóлодой Добрынюшка Никитинич:
«Не видала ли Михайла Потыка да ты Иванова?» —
«Не видала я Михайла Потыка Иванова.
Тяжелешенько по нем да я же плачу есть,
Вспомню я его да в каждый день».
И зовет она себе-ка-ва в гостёбищо
К тому же королю да политовскому.
Тут приходит же король да политовский
И зовет же он богатырей к соби в гости.
Приходят тут калики перехожие
К тому же кóролю да к политовскому,
Гостили у того же короля да политовского.
Дарили им же честные тут дарова,
Дарили им же злато, что ли серебро,
И мелкие им тут же жемчуги,
И каменья дарили драгоценные.
Откланялись тут же калики перехожие,
Отправились калики со гостёбища,
Ничего же тут калики не проведали
Про русского могучего богатыря,
Про Михайлу Потыка Иванова.
Отправились же в путь они дороженку,
В день они идут было по солнышку,
В ночь они идут было по камешку.
Приходят тут ко белому горячему ко каменю;
Испроговорит калика было старая,
Еще старая калика да матерая:
«Вам же нунь, калики перехожие,
Вам же нунь пойти же надо в сторону,
Мне-ка-ва пойти надо же в другую.
Будем на прощенье животов делить».
Испроговорят тут русские могучие богатыри:
«Ай же ты, калика нунчу старая,

Ты старая калика да матерая,
Матерая калика да седатая,
Седатая калика да плешатая!
Ты дели-тко нунчу дарева».
Делила-то калика было старая,
Старая калика да матерая,
И делила тут великие подарочки,
И делит она да на четыре да на часточки.
Испроговорят тут русские могучие богатыри:
«Что же ты, калика было старая,
Старая калика ты матерая,
Что делишь ты нынь подарочки
На четыре ты делишь на часточки?
Трое нас же нунечу находится,
А кому же эта часть нунь остается?»
Говорит же им калика было старая:
«Ай же вы, калики перехожие!
Станем-ко здымать мы этот камешок, —
Кто из нас же здыне этот камешок через плечо,
А тому же часть четвертая достанется».
Думают же русские могучие богатыри
Своим же тут умом да богатырским:
«Неужто не здынем мы да камня?
Часть эта да нам же нынь достанется».
Испроговорит калика им же старая,
Старая калика да матерая:
«Ай вы, русские могучие богатыри!
А здымайте-тко горючий белый камешок».
Принимается Добрыня сын Никитинич
Здымать же нынь горючий белый камешок,
Здымать же этот камень да через плечо.
Выздынул Добрынюшка до пояса —
По колену тут Добрынюшка во землю сел,
Не мог же он здынуть да было камешка
Через тое нунь плечо да богатырское.
Принимался тут же старый казак да Илья Муромец.
Он здымае этот белый горючий камешок,
Он здымае себе камешок на груди ли —
А по стегнам Илья Муромец да в землю сел.
Приходит тут калика эта старая,
Эта старая калика да седатая,
Седатая калика да плешатая,

Налагает еще руки на белый горячий камешок
И вдыхает камешок через плечо,
Спустит этот камешок через плечо,
Спустит камень о сыру землю,
Сама же к камению да приговариват:
«Колись-ко этот камешок да надвое,
Иди-ко ты, Михайло Потык сын Иванович,
Из белого горячего из камешка!»
Кололся этот камешок нунь надвое,
Выходит тут Михайло Потык сын Иванович,
Увидает он же братьицов крестовых:
«Здравствуйте вы, братьица крестовые!» —
«Здравствуй ты, Михайло Потык сын Иванович!
Отчего попал в горячий белый камешок?» —
«От своей же я нунь Марьи лебедь белыи,
Лебедь белыи да я подолянки,
Ай, подолянки да королевичной.
Подносила она зелья мне-ка сонного,
Подносила она зеленым вином, —
А где выпил, тут я в сон заснул,
И сам себе я нонечу не ведаю».
Говорит же тут калика ему старая,
Старая калика да матерая:
«Михайла Потык сын Иванович!
Будешь ты у города у Киева,
А у ласкового князя у Владимира,
Ты сделай-ко две церкви, две соборных, —
Одну церковь нунче делай ты Спасителю,
Другу церковь матушке да пресвятой богородицы,
В той же нунь Микола да святителю.
Упросила матушка да пресвятая богородица
А сходить меня для вас да на сыру землю,
Избавить нунь от смерти от напрасною,
От напрасною от смерти от волшебною».
Простилася калика было старая,
Старая калика да матерая,
Отправилась калика в свою сторону.
Испроговорят тут русские могучие богатыри:
«Ай ты, братец да названьи,
Михайла Потык сын Иванович!
Пойдем-ко с нами в свою сторону,
Ко тому было ко городу ко Киеву,

Ко ласковому князю ко Владимиру». Говорил Михайла Потык сын Иванович:
«Ай же мѡи братьица крестовые!
Мне-ка-ва сходить надо во земляну Литву,
А к тому же королю ко политовскому.
Угнал он да моего добра коня
И увез же Марью лебедь белую,
Лебедь белую да королевичну,
Королевичну он да подолянку».
Испроговорят тут братьица крестовые:
«Ай ты, братец да названыи,
Михайла Потык да Иванович!
Не жена теби она, да есть волшебница,
Сконает твою голову да богатырскую,
Ты получишь от ей смерть напрасную».
Тут Михайла Потык сын Иванович,
Он же братьицов крестовых не слушаёт,
Приказал же брать им этии подарочки
И отправляться им ко городу ко Киеву.
Сам пошел же к королю да политовскому,
Политовскому да земли польскому,
В тую он пошел во земляну Литву.
Приходит он каликой перехожейей,
Ставился же он тут среди города,
Противу тут двора да королевского,
Кричал же он да во всю голову.
Теремы же тут да пошатилися,
Что околени у них вси повалилися,
Вси уродища оны да приужахнулись,
Сами же оны тут испроговорят:
«Недавно чуда зде-ка были объявилися,
А нунь опять да чудо появилось».
Испроговорит тут Марья лебедь белая,
Лебедь белая да королевична,
Королевична да и подолянка:
«Не калика это есть да перехожая,
А Михайла Потык сын Иванович».
Скорешенько наливает чару зелья сонного,
Выбегает тут скоренько да на широк двор,
Стретаёт тут Михайла Потыка
С чарой зелена вина.
Выпил он же чару зелена вина, —

Как он выпил чару зелена вина,
Где выпил, тут же в сон заснул.
Ташила тут во сени во челядины.
Увидала тут Настасья-королевична,
Что тащат си богатыря во сени во челядины,
По нем она да сжаловалася.
Приходила тут во сени во челядины
Эта Марья лебедь белая,
Лебедь белая да королевична,
Прибивала тут богатыря да на стену,
Была ему в руки, в ноги еще гвоздища.
Не хватило тут гвоздя да у ней пятого,
Пятого гвоздя ему, сердечного,
Середнего гвоздя ему, сердечного,
Побегала тут из сеней из челядиных,
Побегала за гвоздем она да пятым.
Молода Настасья-королевична
Вытаскивала гвоздя вон да со стены,
Прибила тут на место да татарина,
Прибила тут татарина да мертвого,
Мертвого татарина да мерзлого.
Уводила тут Настасья-королевична
Того было богатыря из сеней из челядиных.
Прибегает Марья лебедь белая,
Лебедь белая да королевична,
Королевична она подолянка,
Не смотрела тут она да на стену,
Забилла тут татарина место богатыря.
Отправляется к королю да политовскому,
Сама же тут ему да еще хвастает:
«Перевела я нынчу своего да ненавистничка,
Михайла Потыка сына Иванова».
Прожил у Настасьи он потай да трои суточки,
Просит он коня да богатырского
Да у той было Настасьи-королевичной:
«Ах ты, молода Настасья-королевична!
Проси-тко у родителя у батюшки,
Нет ли нунь коня да богатырского
Съездить во чисто поле да поляковать».
Молода Настасья-королевична
Тут приходит к королю да политовскому,
К своему она к родителю да батюшку:

«Ах ты, старый король да политовский,
Ай же ты, родитель мой да батюшко!
Дай-ко мне коня да богатырского
Съездить в чисто поле да поляковать,
Простудить лицо свое да женское».
Испроговорит король же политовский:
«Поди-ко на конюшни на стоялые,
Выбирай-ко ты коня да нынь по разуму».
Приходила на конюшни на стоялые,
Выбирала тут коня да богатырского
А Михайлы Потыка Иванова.
Пригоняет тут коня да богатырского
А Михайлы Потыка Иванова
К своему крыльцу да королевскому.
Одевается богатырь да по-женскому,
Уезжает он, богатырь, было женщиной,
Уезжает тут богатырь во чисто поле,
Из чиста поля наехал он богатырем,
Ставился же он тут среди двора,
У того же короля да политовского,
Он просит же тут войска да великого.
Узнавает Марья лебедь белая,
Лебедь белая да королевична,
Королевична да тут подолянка,
Скорешенько выбегает да на широк двор,
Наливает она чару зеленым вином
И подносит ему зелье было сонное.
Молода Настасья-королевична
По поясу бросилася в окошечко:
«Михайла Потык сын Иванович!
Выпьешь чару нунь же ты да зелена вина,
Где ты выпьешь, тут же в сон заснешь.
Будет ти отсечь она твоя да буйна голова
А твоей же тут да саблей вострою».
Михайла Потык сын Иванович
Не пил же чары зелена вина,
Смахне он да саблей вострою,
Отнес же ейну буйну голову
За ей поступки неумильнии.
Рассерделся тут богатырь святорусский:
«Разорю же я тут землю всю Литовскую,
Отнесу же королю я буйну голову!»

Упросила тут Настасья-королевична:
«Михайла Потык сын Иванович!
Не руби-тко ты родителю да буйной головы
За его было поступи неумильнии,
Не разори-тко ты да земляной Литвы».
Укротил же свое сердце богатырское,
Брал одну Настасью-королевичну
От того же короля да политовского,
Брал мблodu Настасью он во честности,
Увез к городу было ко Киеву
А к ласковому князю ко Владимиру,
А привел же он тут в верушку крещеную,
Принял тут с Настасьей по злату венцу,
Стал же с ней да век коротати.
Стал же строить он две церкви, две соборных:
Перву церковь он соборную
Строил он Спасителю,
Другу церковь он же строил да соборную
Матушки да пресвятою богородицы
И Миколы он было святителю.
Тут Михайлы Потыку сыну Иванову славу поют,
Синему морю на тйшину,
Всим добрым людям на послушанье.

ИВАН ГОДИНОВИЧ

Во том-то во городе во Киеве,
У ласкова князя Владимира
Завелся, завелся почестен пир.
А-й вси на пиру наедалися,
А-й вси на пиру напивалися,
А-й вси на пиру порасхвасталися.
А-й кто ведь хваста отцом, матушкой,
А иной ведь хваста молодой женой.
Испроговорит Владимир-князь стольне-киевский:
«А-й вси ль добры молодцы споженены,
Вси девушки замуж повиданы,
Один-то един добрый молодец
Холост ходил, неженат гулял,
Иванушко Годинович».
А-й испроговорит Иванушко Годинович:
«А-й свет государь ты, мой дяюшка!
У меня есть невеста поприбрана,
Поприбрана невеста во Киеве,
Во Киеве невеста, во Чернигове,
У Митрия-князя богатого.
А-й всим-то Настасьюшка добрым добра:
Телом Настасья как снег бела,
Походочка у ей ведь павлиная,
А-й тихая речь лебединая,
А-й брови ты у ей черна соболя,
Глаза ты у ей ясна сокола,
А-й личико у ей ведь маков цвет».
Испроговорит Владимир-князь стольне-киевский:

«Ай же ты, Иванушко Годинович!
Чего ль тебе всё надобно —
Города ль тебе наб с пригородками,
Аль несчетной тебе надо золотой казны,
Аль силы войска тебе надо великого?»
Испроговорит Иванушко Годинович:
«Владимир-князь стольне-киевский,
Свет государь ты, мой дядюшка!
Ничего ведь мне-ка не надобно, —
Не надо городов с пригородками,
Не надо силы войска великого,
Не надо несчетной золотой казны.
А-й только дай-кось три молодца что ни лучших,
Что ни лучших, перебранных:
Во-первых, старого казака Илью Муромца,
А-й во-других, Исака Петровича,
А-й во-третьих, Алешу Поповича».
А-й видли добрых молодцов сядучи,
Не видли удалых поедучи.
Во чистом поле курева стоит,
Курева стоит, пыль столбом валит.
Не путем-то едут, не дорогою,
Через башню едут треугольную.
Скакали кони через стену городовую,
Приезжали во тот ли во Чернигов-град,
Ко Митрию-князю богатому,
А-й ко той ко палаты белокаменной,
А-й ко тым крыльцам ко точеным.
А-й вязали добрых коней
Ко тым ко кольцам золоченым,
А идут во палату белокаменну,
А-й крест-от кладут по-писаному,
Поклон тот ведут по-ученому.
«А-й здравствуйте, вси купцы, вси бъяра,
Вси сильни могучи богатыри!»
А-й Митрию-князю со княгинею
В особину низко кланялись.
Говорит тут Митрий-князь богатыи:
«Чего пришли, гостюшки небывалые,
Небывалые гости, неезжалые?
Садитесь-кось вы хлеба-соли покушати,
Белых лебедей всё порушати».

Испроговорят добры молодцы:
«Митрий-князь богатыя!
Мы не хлеба-соли пришли кушати,
Не белѣх лебедей мы всё рушати,
Мы пришли-зашли об староем деле, об сватовстве,
А-й сватать Настасьи Митриѣвичной
За того ль за Ивана Годинѣвича».
Говорит тут Митрий-князь богатыя:
«Ай же вы, добры молодцы!
За три годы Настасьюшка просватана
Во тую ль во землю во неверную,
За того ль царища за Кощерища».
Испроговорят добры молодцы:
«Митрий-князь богатыя!
Ты волей не дашь — мы боём возьмем».
Испроговорит Настасья Митриѣвична:
«Свет государь ты, мой батюшко,
Митрий-князь богатыя!
Я не йду ведь во землю во неверную
За того ль за царища за Кощерища,
Я иду за Ивана Годинѣвича».
А-й брали Настасью добры молодцы,
Иванушка Годинѣвич,
А-й брал он ведь за белы руки,
За белы руки, злачены перстни,
А-й водил ведь в церковь во божьюю,
А-й садилсь в карету золоченую,
А-й видли добрых молодцев сядучи,
Не видли удалых поедучи,
Во чистом полѣ одна пыль стоит.
На пути им попало три следочика:
А-й первый следочек левѣ-зверя,
А-й другой следочек лани белыя,
А-й третий следочек черна соболя.
Говорит тут Иванушко Годинѣвич:
«Старый казак Илья Муромец!
Поди-ткось ты за левѣм-зверѣм,
Достань-кось ты ведь левѣ-зверя,
А-й дедушке всё ведь в подарочках.
А-й Исак Петровинец!
Поди-тко за ланью за белыя,
Достань-кось ты ведь лани белыя,

А-й дедушке всё ведь в подарочках.
Алеша Поповинец!
Поди-тко за черным за соболем,
Достань-кось ты черна соболя,
А-й дедушке всё ведь в подарочках».
А-й остался один добрый молодец
Иванушка ведь Годинович,
А-й сам раскинул он бел шатер,
А-й стал с Настасьей забавлятися.
Мало времечко миновалось,
А-й едет царицо Кощерицо,
Кричит покриком богатырским,
Свистнул посвистом соловьиным,
А-й сам на словах выговариват:
«Ай же ты, Иванушко Годинович!
Съешь мое мясо — подавишься».
Видит Иванушко — беда пришла,
Беда пришла неминучая.
Выскакивал из бела шатра
На тую ль на площадь дуброву зелёную,
Глядит-смотрит в сторону полудённую —
А-й едет царицо Кощерицо.
Куды падают копыта лошадиные,
Тут оставятся колодцы ключевой воды.
А Иванушко Годинович,
Выскакивал он на добра коня,
А-й взял сбрую всю богатырскую.
Не две горушки вместо столкнулось,
Два богатыря вместо съехалось.
А-й помахнулись в палицы булатные —
А-й палицы во цйвях пригибалися,
Пригибалися, переломалися,
А-й друг друга до крови не ранили.
Помахнулись во сабли во вострые —
Востры сабли прищербилися,
Прищербилися, пополам переломалися,
А-й друг друга до крови не ранили.
Помахнулись во копыта во вострые —
Востры копыта притупилися,
А-й друг друга до крови не ранили.
Выскакивали ведь с добрых коней
На тую ль на площадь дуброву зелёную,

А-й схаживаются на рукопашный бой.
 Иванушко Годинovich
 А-й взял-то татарина за шиворот,
 А-й пóложил-то своей ведь правóй ногой
 Татарина по левой ноги.
 А-й бросал-то его о сыру землю,
 А-й сел ёму на груди на белые,
 А-й на белые на груди на царские,
 На царские груди татарские,
 А-й сам гóворит таково слово:
 «Ай же ты, Настасья Митриёвична!
 Подай ножичищо-кинжалищо
 Вырвать сердце со печенью татарское,
 Татарское сердце царское,
 Добрым людюшкам на сглажение,
 А-й старым старухам на роптание,
 Черным воронам всё на граянье,
 А-й серб́ым волкам всё на военье».
 Говорит тут царищо Кощерищо:
 «Ай же ты, Настасья Митриёвична!
 Не подай ножичища-кинжалища;
 Как за им ведь будешь жить,
 Будешь слыть бабой простомывныя,
 Будешь старому, малому кланяться.
 А-й за мной ведь будешь жить,
 Будешь слыть царицей вековечноёй,
 Будет старый ведь, малый те кланяться».
 А-й у бабы волос долог, ум короток,
 Выскакиваё Настасья из бела шатра,
 А-й хватает Иванушка Годинóвича за желты кудри,
 А-й сбивает Иванушка Годинóвича о сыру землю.
 А-й привязали Иванушка Годинovichа
 Ко тому ли ёго ко сыру дубу,
 А-й той ли ёго всё кувыль-травой,
 А-й сами свалились во бел шатер.
 Мало времечко миновалось,
 Прилетело три сизых, три малых три голуба,
 А-й друг промеж другом спрогуркнули:
 «За что эта головушка привязана,
 Привязана головушка, прикована?
 Ради девки, ради < >, ради сводницы,
 Ради сводницы, всё душегубницы».

Эта речь-то татарину не влюбилася,
Выскакивает татарин из бела шатра,
Вытягивает у Ивана Годиновича
С колчана у его как ведь тугой лук,
А-й берет у его калену стрелу,
А-й тугой лук он натягиват,
Калену стрелу всё направливат,
А-й хочет стрѣлить сизых малых голубов.
Иванушко Годинович

У сыра дуба приговариват:

«Уж ты, батюшко мой тугой лук,
Уж ты, матушка калена стрела,
Не пади-ко, стрела, ты ни на воду,
Не пади-ко, стрела, ты ни на гору,
Не пади-ко, стрела, ты ни в сырой дуб,
Не стрели сизых малых голубов,
Обвернись, стрела, в груди татарские,
В татарские груди во царские,
А-й вырви-ко сердце со печенью,
Добрым людюшкам на сгляжѣние,
А-й старым старухам на роптание,
Черным воронам всё на граянье,
А-й сербѣм волкам всё на военье».
А-й не пала стрела ведь ни на воду,
А-й не пала стрела ведь ни на гору,
А-й не пала стрела ведь ни в сырой дуб,
Не стрелила сизых малых голубов,
Обвернулась стрела в груди татарские,
А-й в татарские груди во царские,
А-й вырвала сердце со печенью,
Добрым людюшкам на сгляжение,
А-й старым старухам на роптание,
Черным воронам всё на граянье,
А-й сербѣм волкам всё на военье.
А-й тут-то Настасьюшка заплакала:
«Я от бережка откачнулась,
Я ко дрѹгому не прикачнулась».
Испроговорит Иванушко Годинович:
«Отвяжи-ко, Настасья Митриѣвична,
От того ли меня от сыра дуба».
Говорит Настасья таково слово:
«Ай же ты, Иванушко Годинович!

Отвязала бы я тя от сыра дуба,
А-й будешь ты меня ведь всё бити-мучити».
Говорит тут Иванушко Годинович:
«Ай же ты, Настасья Митриёвчна!
Я не буду тебя бити-мучити,
Только дам три науки молодецких,
Молодецких науки, княженецких».
Эта речь-то Настасье не влюбилася,
А-й выскакивает из бела шатра
А-й на тую ль на площадь дуброву зеленую,
А-й берет в руки саблю вострую,
А-й замах держит на Иванушка Годиновича,
А-й хоче у него отсечь прочь буйну голову.
А-й богатырское сердце разгорелось,
Сходился Иванушко у сыра дуба,
Сырой дуб к зені приклоняется,
Сам весь в штильцы прищербается.
Отходил Иванушко Годинович
На свою волю от сыра дуба,
А-й хватае Настасьюшку за желту косу,
Сбивае Настасью о сыру землю,
Отсек у ней губы ведь как с носом прочь:
«Этых мест мне не надобно, —
Этыма местамы несчастливым целовалася».
Копал глаза со косицами:
«Этых мест мне не надобно, —
Этыма местамы несчастливым смотрелася».
Отсек у ей руки по локотам прочь:
«Этых мест мне не надобно, —
Этыма местамы несчастливым обнималася».
Отсек у ей ноги по коленам прочь:
«Этых мест мне не надобно, —
Этыма местамы несчастливым заплеталася».
А-й только Иванушко женат бывал,
А-й женат бывал, он с женой сыпал.
А-й скоро женился, да не с кем спать.

БОЙ ДОБРЫНИ С ДУНАЕМ

Еще ездил Добрынюшка по всей земли,
Еще ездил Добрынюшка по всей страны,
А искал себе Добрынюшка наездника,
А искал себе Добрыня супротивника.
Он не мог же найти себе наездника,
Он не мог же найти себе супротивничка.
Он поехал во далече во чисто полё,
Он завидел, где во полё шатер стоит,
А шатер-де стоял рытого бархата,
На шатри-то-де подпись была подписана,
А подписано было со угрозою:
«А еще кто к шатру приедет, дак живому не быть,
А живому тому не быть, прочь не уехати».
А стояла в шатри бочка с зеленым вином,
А на бочке-то чарочка серебряна,
А серебряна чарочка позолочена,
А не мала, не велика — полтора ведра.
Да стоит в шатри кроваточка тесовая,
На кроваточке перинушка пуховая.
А слезывал-де Добрынюшка со добра коня,
Наливал-де он чару зелена вина;
Он первую ту выпил чару для здоровьица,
Он вторую ту выпил для весельица,
А он третью ту выпил чару для безумьица.
Сомутились у Добрынюшки очи ясные,
Расходились у Добрынюшки могучи плеча,
Он разорвал шатер дак рытого бархату,
Раскинал он-де по полю по чистому,

По тому же по раздольицу широкому,
 Распинал-де он бочку с зеленым вином,
 Растоптал же он чарочку серебряну,
 Оставил кроваточку только тесовую,
 А и сам он на кроваточку спать-де лег.
 Да и спит-то Добрынюшка нонче суточки,
 А и спит-де Добрыня двои суточки,
 Да и спит-де Добрынюшка трои суточки.
 Кабы едет Дунай сын Иванович,
 Он и сам говорит дак таковы слова:
 «Кажись, не было ни буры и ни падеры,
 А всё мое шатрышко развоёвано,
 А распинана бочка с зеленым вином
 И растоптана чарочка серебряна,
 А серебряна чарочка позолочена,
 А оставлена кроваточка только тесовая,
 На кроваточке спит удалой доброй молодец».
 Сомутились у Дунаюшка очи ясные,
 Разгорело у Дуная да ретиво сердцѹ,
 Закипела во Дунае кровь горячая,
 Расходилися его дак могучи плеча,
 Он берет же свою дак сабельку вострую,
 Замахнулся на молодца удалого,
 А и сам же Дунаюшко що-то прираздумался:
 «А мне сонного-то убить наместо мертвого —
 А не честь моя, хвала будет богатырская,
 А не выслуга будет молодецкая».
 Закричал-то Дунаюшка громким голосом.
 Ото сну-де Добрынюшка пробужается,
 Со великого похмельица просыпается,
 А говорит тут Дунаюшко сын Иванович:
 «Уж ты ой еси, удаленький доброй молодец!
 Ты зачем же разорвал шатер дак рыта бархата,
 Распинал ты мою боченьку с зеленым вином,
 Растоптал же ты чарочку мою серебряну,
 А серебряну чарочку позолочену,
 Подаренья была короля ляховинского?»
 Говорит тут Добрынюшка Микитич млад:
 «Уж ты ой еси, Дунаюшко сын ты Иванович!
 А вы зачем же пишете со угрозами,
 Со угрозами пишете со великима?
 Нам боеться угроз дак богатырских —

Нам нечего ездить во полё поляковать».
Еще тут молодцы они прираспорили,
А скочили молодцы они на добрых коней;
Как съезжаются удаленьки добры молодцы,
А они билися ведь палочками буёвыми,
Руковяточки у палочек отвернулись,
Они тем боём друг дружку не ранили.
Как съезжаются ребята по второй-де раз,
Они секлися сабельками острыми,
У их острые сабельки исщербалися,
Они тем боём друг дружку не ранили.
А съезжаются ребята по третьей раз,
А кололися копьями-де острыми,
Долгомерные ратовища по семь сажон,
По насадочкам копыща свернулись,
Они тем боём друг дружку не ранили.
А тянулися тягами железными
Через те же через гривы лошадиные,
А железные тяги да изорвалися,
Они тем боём друг дружку не ранили.
Соскочили ребята со добрых коней,
А схватилися плотным боём, рукопашкою,
А еще борются удаленьки добры молодцы,
А и борются ребята они суточники,
А еще борются ребята двои суточники,
А и борются ребята трои суточники,
По колен они в землю да утопталися,
Никоторый один дру́га не переборет.
Там ездил стары казак по чисту полю,
А и был с им Олешенька Попович-от,
А и был с им Потык Михайло Долгополович.
Говорит тут стары казак Илья Муромец:
«Мать сыра-де земля дак потряхается, —
Где-то борются удалы есть добры молодцы».
Говорит тут стары казак Илья Муромец:
«Нам Олешеньку послать — дак тот силой лёгок,
А Михайла послать — дак неповоротливый,
А во полах-де Михайло заплетется же.
А и ехать будёт мне самому, старому.
Как два русских-де борется, надо разговаривать,
А и русский с неверным — дак надо помощь дать,
А два же нерусских — дак надо прочь ехать».

А поехал стары казак Илья Муромец,
Он завидел-де, на поле на чистоем
Еще борются удалы те добры молодцы.
А подъезжает стары казак Илья Муромец.
Говорит тут Дунаюшко сын Иванович:
«Вбóно едёт стары казак Илья Муромец,
А стары-то казак мне-ка приятель-друг,
А он пособит убить в поле неприятеля».
А говорит-то Добрынюшка Микитич млад:
«А евоно едёт стары казак Илья Муромец,
А стары-то казак мне как крестовой брат,
А мне пособит убить в поле татарина».
А приезжает стары казак Илья Муромец,
Говорит-то стары казак таковы слова:
«Уж вы ой еси, удаленьки добрые молодцы!
Вы об чем же бьитесь, да об чем вы боретесь?»
Говорит-то Дунаюшка сын Иванович:
«Уж ты ой еси, стары казак Илья Муромец!
Как стоял у мня шатер в поле рытого бархату,
А стояла в шатри бочка с зеленым вином,
А на бочке-то чарочка серебряна,
И серебряна чарочка позолочена,
И не мала, не велика — полтора ведра,
Подареньица короля было ляховинского.
Он разорвал шатер мой рытого бархату,
А раскинал-де по полю по чистому,
По тому же по раздольицу широкому,
Распинал он-де бочку с зеленым вином,
Растоптал он же чарочку серебряну,
А серебряную чарочку позолочену».
А говорит-то стары казак Илья Муромец:
«Ты за это, Добрынюшка, неправ будёшь».
Говорит-то Добрынюшка таковы слова:
«Уж ты ой еси, стары казак Илья Муромец!
Как стоял у его шатер в поле рытого бархата,
А на шатри-то-де подпись была подписана,
И подписана подрезь была подрезана,
И подрезано было со угрозою:
«Еще кто к шатру приедет, живому тому не быть,
Живому-де не быть, прочь не уехати».
Нам боеться угроз дак богатырских —
Нам нечего ездить делать во полё поляковать».

А говорит тут стары казак Илья Муромец:
«Ты за это, Дунаюшко, неправ будёшь,
А ты зачем же ведь пишешь со угрозами?
А мы поедем-ко тепериче в красен Киев-град,
А мы поедем ко князю ко Владимиру,
А поедем мы тепере на еликий суд».
Скочили ребята на добрых коней,
И поехали ребята в красен Киев-град,
А ко тому они ко князю ко Владимиру.
Приезжали ребята в красен Киев-град,
Заходили ко князю ко Владимиру.
Говорил тут Дунаюшко сын Иванович:
«Уж ты, солнышко Владимир стольне-киевский!
Как стоял у мя шатер в поле рыга бархату,
Во шатри была боченька с зеленым вином,
А на бочке и была чарочка серебряна,
И серебряная чарочка позолочена,
Подаренья короля было ляховинского.
Он разорвал шатер мой рытого бархату,
Распинал он-де боченьку с зеленым вином,
Растоптал же он чарочку серебряну,
А серебряну чарочку позолочену».
Говорит тут Владимир стольне-киевский:
«И за это, Добрынюшка, ты неправ будёшь».
А говорит тут Добрынюшка таковы слова:
«Уж ты, солнышко Владимир стольне-киевский!
И стоял у его в поле черлён шатер,
А на шатри-то-де подпись была подписана,
И подписано-то было со угрозою:
«А еще кто к шатру приедет, дак живому не быть,
А живому тому не быть, прочь не уехати».
А нам бояться угроз дак богатырские —
Нам нечего ездить во полё поляковать».
А говорит тут Владимир таковы слова:
«И за это, Дунаюшко, ты неправ будёшь.
И зачем же ты пишешь со угрозами?»
А посадили Дуная во темной погреб же,
А за те же за двери за железные,
А за те же замочки задвижные.

ДУНАЙ

Во стольном во городе во Кieve
Да и у ласкова князя у Владимира
Был-то ведь у него почестный пир.
А как все-то на пиру были пособраны,
Все были вси князи, вси бояре,
А все сильны могучие богатыри,
Да все тут поляниченки удалые,
Они все были за столы посаженные,
Всем были кушанья налаженные;
Да как все они сидят да пьют, хлеба кушают,
Потешаются да похваляются:
А как умный-от хвастает отцом, матерью,
А безумный-от хвастает молодой женой,
А худой молодой, неудачливой.
А как говори Владимир-князь столен-киевский:
«А вы все были у меня пожененные,
Вы все были у меня повыданные,
А един-то у нас князь неженат,
А Владимир-князь столен-киевский.
А вы знаете ли ему да ведаете ль ему супротивную?
А была бы-то жена мне хорошая,
Она ростом тым да высокая,
А и садом тым она да садомитая,
А красой-то она да красовитая,
У нея кровь-то бы в лица, как у белого заяца,
А как было бы то мне-ка с ким жить да и быть,
А и долгий-от век-то коротати,
А еще было бы-то вам кому честь воздать,

А 'ще было бы-то кому и поклоняться».

А тут все за столом призамолкнули,
 Все за столом приутихнули,
 Да-й никто никакого словечка не вымолвит,
 А еще большие тулятся за среднего,
 Средние тулятся за меньшего,
 А от меньшего-то и отговору нет.

Да как выходил Дунаюшко Иванович,
 А выходил-то из за́печья,
 А он по́дходил-то ко́ тому столу княженецкому,
 Да он сам говорит да таковы слова:
 «А ведь знаю тоби я да ведь ведаю:
 Как да́лече-далече под сточной стороной
 У того ли короля храбра литского,
 А как есть у него да две дочери,
 А-й две дочери, обе хорошие, *
 Только бо́льшая дочь мало при́ доме живет,
 Она ездит во чисто поле поляковать;
 А как мёньша дочи всегда при́ доме, —
 А 'ще бо́льшая Настасья-королевична,
 А как меньшая эта Опра́ксимья.

Опраксимья эта королевична
 А-й была бы ти жена да хорошая:
 Она ростом тым да высокая,
 Да садом тым она да садомитая,
 Да и красой-то она да красовитая,
 У ней кровь-то бы в лица, как у белого заяца,
 Было бы-то тебе с ким жить да и быть,
 А ведь долгий-от век-то коротати,
 Было бы нам кому честь воздать,
 А былó бы кому и поклоняться». —
 «Ай же ты, Дунаюшко Иванович!
 А умел же ты теперечко повыхвастать,
 А умей-ко ты оттуль ее повывести.
 Много ли туды силы́ возьмешь,
 Много ли возьмешь золотой казны?» —
 «А не надобно мне сила княженецкая,
 И не надобно мне золотой казны,
 Да не биться там мне, не ратиться;
 Столько [дай] мне-ка-ва во товарищи,
 Во товарищи Добрынюшку Микитича,
 А ще мне-ка-ва двух жеребчиков неезжанных,

Чтобы два седла оба недержанные,
 Да ведь узды обе неузданные,
 Две плеточки обе нехлыстаные;
 Да пиши-тко ты ёрлыки о добром деле, о сватовстве
 На той на дочёри на Опраксимьи,
 На Опраксимьи-королевичной».

А седлали-уздали добрых коней,
 Да и поехали ко матушке к каменной Москвы,
 А каменной Москвы, к хороброй Литвы,
 Ко тому ли королю храбро-литскому
 Ай о добром деле, о сватовстве.
 Приезжают-то они в хоробру Литву,
 И они ставили тут коней среди двора
 Непривязанных да неприказанных,
 Да поставил он товарища Добрынюшку Микитича,
 Да он сам говорит таковы слова:
 «Ай же ты, Добрынюшка Микитинич!
 А стой-тко ты на широком двори,
 Гляди-тко на рингу королевскую,
 Какова пора, каковó время,
 Чтобы можно нам отсюль да поухати».

А идет-то Дунаюшко Иванович
 Во тую во рингу королевскую,
 Да он крест-от несет по-писаному,
 Да он поклон ведет по-ученому,
 На все на три, на четыре стороны поклоняется,
 Да он королю несет поклон в особину:
 «Уж ты здравствуешь, батюшко король да
 хоробро́й Литвы!» —

«Уж ты здравствуешь, Дунаюшко Иванович!
 Ты куда едёшь, куда путь держишь?
 А ты нам послужить или себя показать?» —

«А как вам послужить и себя показать,
 А ще другое дело есть больше всех;
 Я об добром деле, об сватовстве
 На твоей дочушке Опраксимьи,
 На Опраксимьи на королевичной,
 Да-й за нашего князя Владимира».

А как гóворит король хороброй Литвы?
 «Ай же ты, Дунаюшко Иванович!
 А ты взялся за безумье за великое.
 Да как ваш тот князь невелик собою,

А 'ще ваши царища уродливые.
Не отдам я своей дочери
Да-й за вашего князя Владимира,
А возьму ли я тебя за желтЫ кудри,
Посажу я тебя в глубок погреб,
А пусть-ко Дунаюшко у нас посидит,
Да пусть-то Дунай в погребу погостит,
То что Дунай да и обумеется».
Да как подходит Дунаюшко Иванович
Кó тому столу да ко дубовому,
Он смахнул свои руки вышé головы,
Да спустил он до стола да до дубового.
А как пйтья на столах проливаются,
А 'ще стол в щапье приломается,
А и мать-земля сколыбается,
Да как сам он говорит таковы слова:
«Есть я здесь не один собою,
Да как есть-то я здесь со товарищем,
Во товарищах Добрынюшка Микитинич».
А как кó той ли поры, ко тому времени
Да ведь скоро со двора тут послы пришли:
«Уж ты, батюшка король хороброй Литвы!
А ты ешь да пьешь, спотешаешься,
А ты нáд собой невзгодушки не знаешься,
А как есть-то детинка не знам собою,
Во левóй руке водит два добра коня,
А во правóй дубина сарацынская;
Как ясной сокол по двору попурхивает,
А ведь так-то он по двору поскакивает,
На все стороны дубиной помахивает,
Так прибил-то всех татар до единого,
Не оставил он татар тебе на семена».
Так как говорит король хороброй Литвы:
«Ай же ты, Дунаюшко Иванович!
Уйми-тко ты своего товарища.
А как видно-то, дочúшка богом суженая».
Идет ли Дунай на крутой крылец,
Сам говорит таковы слова:
«Ай ты, Добрынюшка Микитинич!
Полно тебе теперь уродовать,
А как есть-то нам, видно, божья помочь».
А как говорил король хороброй Литвы:

«Уж вы, служки-панюшки, верные нянюшки!
Вы умойте-убелите Опраксимью,
Напушите-тко вы ей да личко белое,
А умойте-тко вы ю белешенко,
Да сокрутите вы ю хорошешенко,
Да веди-тко во рингу королевскую,
Отпустите-то ее да на святую Русь,
Ай в замужество за князя Владимира».
Да берет-то Дунаюшко Иванович,
А берет-то своей ручкой левую
За ней-то за ручку за правую,
За ней-то за перстни злаченые,
А он крест-от ведет по-писаному,
А и поклон тот кладет по-ученому,
На все на три, на четыре стороны поклоняется,
А он кóролю поклон несёт в особину:
«А прощай ты, батюшка король хороброй Литвы!»
А идет-то он ведь на широкий двор,
А ведет-то он Опраксимью-королевицну.
Как сам-то он садился на добра коня,
Да и ю посадил на добра коня на татарского,
А он коня татарского себе в повод взял,
Да поехали они ко городу ко Киеву,
Сустигала на пути их ночка темная,
Да спустился тут он да со добра коня,
Пораздернул Дунаюшко свой бел шатер,
Зашли-то они в свой бел шатер,
Да ложился Дунаюшко да во шатрик спать,
А он вó ноги поставил саблю вострую,
Да он в голову кладет кинжалище булатное,
Да он пó боци кладет палицу военную.
А как тут-то они спят, сном темну ночку коротают.
Да как той-то они, той ночкой темною
Хоть не видели, да столько слышали,
Как по тоей дорожке цареградскойей
Тут ехал татарин неверный,
Да посвистывал он да по-змеиному,
Да покрикивал он да по-звериному.
Да поутру ставши, они дорожку осматривают,
Куда ехал татарин неверный;
У того коня да у татарского
А как в землю тут ножки до щетки угрязывали,

Камешки с дорожки вывертываны,
За три выстрелы камешки отметываны.
Отпустил-то он Опраксимью-королеву
Ко тому ли ко городу ко Киеву
С тым ли Добрынюшкой Микитичем,
А как сам-то он поехал за татаринoм в погону вслед,
Да загнал он татарина в чистом поли,
Где было к татарину молчком подъезжать,
Где было татарина копьем торыкать,
Так ведь он со татаринoм промолвился:
«Скажи, татарин неверный,
Куда ты едешь, куда путь держишь?»
Да тут крикнет татарин по-звериному,
Да как свистнет татарин по-змеиному,
Да как тут у Дунаюшка конь-то сполохался,
Сполохался да на коленка пал.
Да он бьет-то коня по толстым ребрам,
Да он сам говорит таковы слова:
«А ты, волчья сыть, травяной мешок!
Что же ты теперь потыкаешься,
Али надо мной да надсмехаешься?
Не слышал ли ты посвисту да молодецкого,
А ты покрику да богатырского?»
Подъезжал ли Дунаюшко Иванович,
Подъезжал он к татарину неверному,
Да и ударит он татарина вострым копьем,
Вострым копьем да тупым концом;
Сбил он татарина с добра коня,
Не казнил он татарина, допрашивал:
«Скажи, татарин неверный,
Куда ты едешь, куда путь держишь?»
А я вижу-то по пелькам, что ты женский полк». —
«То вчерашнего дня я дома не была,
Да как было со святой Руси два богатыря,
Увезли-то сестрицу Опраксимью,
Да поехала за ней я в погону вслед.
А мне-ка вбротить сестрицу Опраксимью,
Любо положить головушка Настасьина».
Так не казнил ей Дунаюшко Иванович,
Да тут-то на ней он посватался.
Садил-то ведь ю на добра коня,
А сам-то он сел на своего,

Он татарского коня себе в повод взял,
Да поехал он ко городу ко Киеву,
Да он в дом не входя, й во божью церковь.
А там Владимир-князь венчается
С Опраксимьей со королевичной.
Да тут повенчался Дунаюшко Иванович,
Повенчался он с Настасьей-королевичной.
Оне вместе, две сестрицы, крестились

и молились,

Оне вместе, две сестрицы, замуж пошли.
Заводили они свадебку почестный пир,
Не на мало, не на много — на двенадцать дён.
Тут вси были на пиру пособраны,
Вси князи, вси бёра,
Вси сильные могучие богатыри,
Вси поляницы удалыи.
А как вси они сидят да едят, хлеба кушают,
Все ели да пили, порасхвастались,
Но умный как хвастает отцом, матерью,
А безумный-то хвастает худой женой, неудачливоёй.
Да как тут повыхвастал Дунаюшко Иванович;
«Нет стрельца удала молодца
Супротив Дуная Ивановича».
А как гóворит Настасья-королевична:
«Хоть немножко я во городе во Киеве побыла,
Столько много я во городе во Киеве привидела:
Тот стрелец во чистом поле,
Кто положит на головушку колечко серебряно
И наставит напротив колечка нож булатный,
И отступит назад-то пятьсот шагов,
И будет он стрелять из луку каленого
И пропускать будет эту стрелочку каленую
По острёю ножовому,
И попадать будет в колечко серебряно».
Так тут тихия Дунай Иванович,
Становился он на резвых ножках,
И положил себе на головушку колечко серебряно,
И велел отступиться Настасье-королевичне,
Велел отступиться пятьсот шагов.
И полагала она стрелочку каленую,
Натягивала тетивочки шелковые,
И спущала она стрелочку каленую.

Эта стрелочка каленая прокатилась по острёю
по ножовому

И угодила в колечко в серебряно.
Три раза Настасья-королевична прострелила
И пропустила стрелочку каленую
Во этое колечко серебряно,
И не сшибла колечка со головушки.
Тут тихия Дунаюшко Иванович,
Сходил он со этого со мѣстечка,
На это место становил он Настасью-королевичну,
Положил ей колечко на головушку,
Сам отступил он пятьсот шагов
И брал свой тўгой лук разрывчатый
Во белые свои ручушки.
Тут молилась Настасья-королевична,
Молилась и горько плакала:
«Ай же, тихия Дунаюшко Иванович!
Копай-ко ты меня до пояса в сыру землю
И бей ты меня по нагу телу,
Прости-тко меня в женской глупости,
Не убей-ко меня, Настасьи-королевичной,
Не сделай-ко двух головушек неповинных:
Есть у меня во чреве с тобой дитятко посеяно,
Пó локоть ручки в золоте,
По колен ножки в серебре,
По косицам у него часты звезды,
На всякоей на волосиночке
По скачоной по жемчужинке;
Сзади-то его печет-то светїл месяц,
От очей-то пекет да солнце красное».
Ничего-то Дунаюшко да не последовал,
Разгорелось его сердце молодецкое,
Да натягивал он стрелочку каленую,
Подмазывал он салом тым змеиным,
Да наставил он Настасьи во белы груди,
Да тут Настасьи смерть пришла.
Тут у ней черево распластывает,
Вынимает он младенца со белых грудей:
Пó локоть ручки в золоте,
По колен ножки в серебре,
По косицам у него часты звезды,
На всякоей на волосиночке

По скачоной по жемчужинке;
Сзади-то его печет-то светил месяц,
От очей-то пекет да солнце красное.
Взял Дунаюшко Иванович востро копьё,
Поставил востро копьё во сыру землю тупым
концом,

А вострым концом себе да во белы груди,
Тут Дунаюшко на свои руки пбсьягнул;
«Где протекла Настасья-река,
Тут протечи и Дунай-река!»
Тут Дунаюшку и славу поют.

СОЛОМАН И ВАСИЛИЙ ОКУЛОВИЧ

Во славном-то было Царёградé
У царя ли у Василья у Окулова,
Да заведен был да и почестный пир
Да на многи на князя, на бóяра,
На многих на татаровей, на улановей.
И белой-от день идет ко вечеру,
Хорошо-басо да царь да распотешился,
Да выходит царь, проговариват:
«Да многи, многи вы, князья, вы, бóяра,
Да вы, сильные, могучие богáтыри,
Да все вы, татарове да уланове, —
Да все у меня в Цареграде спожéнены,
Да девйцы, вдовицы замуж выданы,
Да прекрасный Василий в холостых хожу.
Не знаете ли мне супротивницы,
Супротивницы да супротйв меня?
Да телом ли была, как лебедино крыло,
Да походка была бы златорогая,
Да у ей лицо-то будто белой снег,
Да у ней брови черна соболя,
У ней очи дак ясного сокола, —
Не была бы другá такá на сём светй».
Да вси на пиру да призáмолкли, сидят.
Да и старый карóн сидит за середнею,
Да и средний карóн сидит да за младшего,
А и от младшего царю ответу нет.
Да из-за того стола из-за окольнего
Вставал Таракашка да Заморянин,
Да и сам говорит таково царю:

«Да ты, прекрасный Василий да Окулович,
 Да я далече бывал за синім морём,
 Я видал там царицу Соломáниду,
 Что телом-то она на лебедино крыло,
 Да походка-то была златорогая,
 У ей лічи-ты дак будто белый снег,
 У ей очи дак ясна сокола,
 У ней брови дак черна соболя, —
 Не была бы другá такá на сём светі». —
 «Ты глуп, Таракашка Заморянин,
 Ты как от живого мужа жону возьмешь?» —
 «Да я знаю ведь, как от жива мужа жону отнять.
 Ты построй-ка три кáрабля чернёные,
 Да и носы, кормы взводи-ка по-змеиному,
 Да бока-то взводи по-зверинному,
 Да поставь-ка по дрéву кипарисному,
 На дрéвá посади птицы райские,
 Чтобы сами там пели, танцы вели,
 Да танцы вели на Ерóсалима,
 Да утеха бы была да Царя́градá,
 Да утеха-то была б всё царская,
 Отбивала бы разум да в буйной голове.
 Да еще ты, судáрь, сделай повеленное:
 Поставь-ка по древу кипарисному,
 За очи место ты зращивай
 По целой лисице по пещерскойей,
 Да по целому кóбелю сибирскому,
 Да еще ты, сударь, да сделай повеленное:
 Навари-ка ты водки всё дворянские,
 Навари-ка питья всё забудúщего,
 Да и дай мне писарёв-переписчиков,
 Да и дай мне работников — не хороводников
 В поездку ту во Царьград.
 Привезу я царицу Соломáниду». —
 Да скоро-то Таракашка забирается —
 Да в синее море попускается.
 Да и будут да пóблизи Ерусáлима,
 Поезжае Солóман-от во чистó полё,
 Что пришел он к царице попроститися,
 Говорит тут царица таково́ слово:
 «Уж ты, премудрый царь Солóман да Ватасіевич,
 Как мне ночесь мало спалось еще,

Да во снях-то мне много виделось:
Да из твоего из саду из зеленого
Да увезли-то лебедь белую.
Да еще ночесь да и мало спалось,
Да и мало спалось да много во снях виделось:
Покатилась бочка новгородская
Да посередь избы да рассыпалась».
Да умее Солóман сам ведь сон судить:
«Хороша ты, царица Соломáнида,
Сама ты спала, еще сон видела».
Да и простился, поехал во чистó полё.
Да и взял Таракашка чéстны дáровья,
Да пришел он к царице, поклоняется:
«Хороша ты, царица Соломáнида,
Да примай от меня да честны дáровья.
Дай писарёв мне, переписчиков,
Торговать мне нонь в Ерусáлиме».
Да дала писарёв да переписчиков,
Проводил Таракашка на первый корабь,
Подносил всё питья всё забудúщего.
Подводил Таракашка на другой корабь,
Подносил всё водки всё дворянские.
Да тут писаря да упивалися.
Да пришел ко царице, порасплакался:
«Хороша ты, царица Соломáнида,
Да не писарёв мне дала, не переписчиков,
Да дала ты мне голь кабацкую,
Будто вси не пивали зеленá вина,
Да лежат, как скотинка хрестьянская».
Да сама ли царица подымалася,
Да и брала ли силы до пяти ли сот.
Да приводил Таракашка на первóй корабь,
Подносил ей водки все дворянские.
Проводил Таракашка на другой корабь,
Подносил ей питья забудúщего,
Да и тут ведь царица упивалася
Да сама говорила таковó словó:
«Да и где твоя кровать слоновíх костей,
Где твои-то перинушки пуховые?»
Проводил Таракашка на третёй корабь
Во ту ли во лóжню-то во темную,
Да и тут ли царица засьпала-то.

Закрычал Таракашка зычным голосом:
«Уж вы, братцы мои, работнички,
Поднимайте паруса полóтняны,
Да вы скоро побегайте во синé морё».
Подымали нонь паруса полóтняны,
Да и скоро побегали во синé морё,
Да и будут ведь пóблизѣ Царѣградѣ.
Да и царица тут просыпáлася,
Да сама говорит таково слово:
«Ты ведь глуп, Таракашка, гость Заморянин,
Ты сам про себя везешь, так я и нейду
(Видно, сам-то не басóвый был...),
Так если прó друга везешь, так я и пойду». —
«Хороша ты, царица Соломáнида,
Не про себя я везу, а прó друга,
Про царя ли про Васи́лия про Окулова.
Да и наша-то вера лучше вашего,
Да и в середу и в пятницу скорóм кушают».
Да и вера эта ей прилюбилася.
Затянули во гавань корабельную,
Стречает Василий-царь да Окулович,
Да берет ведь царицу за белы́ руки,
Да целует в уста ей сахáрние,
Проводили ведь их-ты да во божью церкóвь
Да и брали они венец по-свóему
Да и стали ведь жить-быть да век корóтати.
Да и приехал ведь царь Солóман из чистá поля, —
Да и не стала царица Соломáнида.
Да и брал ведь силы он сорок тысячей,
Да иных сорок тысяч да всё кольчужных,
Да поехал тут царь да круг синя моря.
Оставляет он силу всё под рощами,
Да и силы ведь всё наказ дают:
«Да и вы, братцы, вы, мои воины!
Да и буду у смерти я у скорыи, —
Слободите меня да смерти скорыи.
Я и первый раз сыграю во турий рог —
Да вы скоро седлайте добрых коней;
А другой раз я сыграю во турий рог —
Да и вы скоро садитесь на добрых коней;
А и третий раз я сыграю во турий рог —
Да вы будьте у рéли у дубовые».

Попрощался царь, приехал да во Царьгород,
Приходит он к царице, поклоняется:
«Хороша ты, царица Соломáнида,
Да подай-ка ты мне милóстыню!»
Говорит тут царица таково слово:
«Да я вижу, не кáлика ты не перехожая,
Я вижу, ты премудрый Солóман царь да Ватасеевич.
Да пожалуй-ка ко мне да во высок терём,
Напою да накормлю да хлебом-солию».
Да заходит Солóман да во высок терём,
Да поит, да кормит, много чествует.
Приехал Василий со чиста поля,
Застучал во кольцо во серебряно,
Говорит тут Солóман таково слово:
«Хороша ты, царица Соломáнида,
Куда-ка мни нонь да подеватися?»
Отмыкала замки ты двудорожные,
Запускала Солóмана премудрого,
Замыкала ты замки двудорожные,
Да садилась сама на новáй ларец,
Да сама говорила такову́ слову́:
«Да прекрасный Василий-царь Окулович!
Да сказали — Солóман он хитёр-мудёр,
А теперь Солóмана глупее нет,
Да сидит он под <.....> под женскою». —
«Хороша ты, царица Соломáнида,
Да покажь-ка Солóмана премудрого».
Сама говорит да таково слово:
«Да ты, премудрый Василий-царь да Окулович!
Да Солóман еще ведь да хитёр-мудёр,
Да подай-ка смерть ты ему скорую».
Да говорит тут Солóман таково слово:
«Да прекраснýй Василий-царь Окулович!
Да не казни-ка меня по-собачьему,
Да казни-ка меня да ты по-царскому,
Да устрой-ка мне в поле дубовую рель,
Да повесь три петли шелковые:
Да первую петлю шелку чёрного,
Да вторую петлю шелку белого,
Да третью ту петлю шелку красного;
В первую положи да буйну голову,
Да в другую положи да руку правую,

Да и в третью положи да руку левую, —

Да и так казнят царей по-царскому».

Устроили в поле дубовую рель.

Сили они в карету, поехали.

Говорит тут Солóман таково слово:

«Да и первы колеса уже конь везет,
Да и задни колеса зачим черт несет?»

Да никто ведь этому не догадается.

Да приехали ко рели да дубовыи,

Да выходит Таракашка, гость Заморянин,

Да выходит Василий-царь Окулович,

Да выходит царица Соломáнида,

Да выходит да Солóман Ватасиевич,

Да сам говорит да таково слово:

«Ты, прекрасный Василий-царь Окулович,

Дай мне сыграть раз во турий рог».

Да и вси тут у рели усмехнулись

Да сказали: «Солóман хитёр-мудёр,

А теперь у Солóмана смерть пришла,

А и хочет у смерти наигратися».

Да и в первый раз сыграл ведь он во турий рог —

Да ведь сила-то вся да сколыбалася,

Да и мать-то земля да пошаталася,

Да и убоялся Василий, всполóхался:

«Да ты, премудрый царь Солóман Ватасеевич,

Да и что это в поле стучит-бренчит?» —

«Да не бойся, Василий, не полóшайся,

Да у меня ведь из саду из зеленого

Полетела ведь птица во темный лес,

Крыльями бьет крыло о темный лес».

Да другой раз сыграл он во турий рог —

Да и сила-то вся ведь всколыбалася,

Да ведь и вся мать-земля, вся пошаталася.

Говорит Василий тут царь Окулович таково слово:

«Премудрый Солóман-царь Ватасеевич,

Да и что в чистом поле конь стучит-бренчит?» —

«Да не бойся, Василий, не полóшайся,

Да у меня ведь кони, кони пошли со стóяла

Да и только бьют копытом о сырú землú».

Да и в третий раз сыграл он во турий рог —

Да и сила-то вся обрыскала,

Будто серые волки обскакали,

Да и снимат Соломана премудрого
Да и со ты ли петли с рѣли со дубовыи,
Да и положили ведь Василья нонь Окулова;
Во ту ли во петлю шелку красного
Да положили ведь царицу Соломаниду;
Да во ту ли во петлю шелку черного
Да положили Таракашку Заморянина.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

В стольном в городе во Киеве
У славного сударь князя у Владимира
Три годы Добрынюшка стольничал,
А три годы Никитич приворотничал,
Он стольничал, чашничал девять лет,
На десятый год погулять захотел
По стольному городу по Киеву.
Взявши Добрынюшка тугой лук,
А и колчан себе калёных стрел,
Идет он по широким по улицам,
По частым мелким переулочкам,
По горницам стреляет воробушков,
По повалушам стреляет он сизых гóлубей.
Зайдет в улицу Игнатъевску,
И во тот переулок Маринин,
Взглянет ко Марине на широкой двор,
На ее высокие тѣрема.
А у молоды Марины Игнатъевны,
У ее на хорошем, высоком тѣрему
Сидят тут два сизые голубя,
Над тем окошком косяцатъм,
Цалуются они, милуются,
Желты носами обнимаются.
Тут Добрыне за беду стало,
Будто над ним насмежаются;
Стреляет в сизых гóлубей;
А спела ведь тетивка у тугá лука,
Звыла да пошла каленá стрела.

По грехам над Добрынею учинилося,
 Левая нога его по<с>кóбльзнула,
 Права рука угрогнула,
 Не попал он в сизых гóлубей,
 Что попал он в окошечко косящатое,
 Проломил он оконницу стекольчатую,
 Отшиб все причалины серебряные,
 Расшиб он зеркало стекольчатое,
 Белодубовы столы пошаталися,
 Что питья медяные восплеснулися.
 А втапоры Марине безвременье было,
 Умывалася Марина, снаряжалася
 И бросилася на свой широкой двор:
 «А кто это невежа на двор заходил?
 А кто это невежа в окошко спреляет?
 Проломил оконницу мою стекольчатую,
 Отшиб все причалины серебряные,
 Расшиб зеркало стекольчатое?»
 И втепоры Марине за беду стало,
 Брала она следы горячие молодецкие,
 Набирала Марина беремя дров,
 А беремя дров белодубовых,
 Клала дровца в печку муравленую
 Со темя следы горячими,
 Разжигает дрова палящатым огнем,
 И сама она дровам приговариват:
 «Сколь жарко дрова разгораются
 Со темя следы молодецкими,
 Разгоралось бы сердце молодецкое
 Как у молода Добрынюшки Никитьевича.
 А и божья крепко, вражья-то лепко».
 Взяла Добрыню пуще вострого ножа
 По его по сердцу богатырскому;
 Он с вечера, Добрыня, хлеба не ест,
 Со полуночи Никитичу не уснется,
 Он белого свету дожидается.
 По его-то щаски великия
 Рано зазвонили ко заутреням.
 Встает Добрыня ранешонько,
 Подпоясал себе сабельку вострую,
 Пошел Добрыня к заутрени,
 Прошел он церкву соборную,

Зайдет ко Марине на широкой двор,
У высокого терема послушает.
А у молоды Марины вечеренка была,
А и собраны были душечки красны девицы,
Сидят и молоденьки молодушки,
Все были дочери отецкие,
Все тут были жены молодецкие.
Вшел он, Добрыня, во высок терем, —
Которые девицы приговаривают,
Она, молода Марина, отказывает и прибранивает.
Втапоры Добрыня ни во что положил,
И к ним бы Добрыня в терем не пошел.
А стала его Марина в окошко бранить,
Ему больно пенять.
Завидел Добрыня он Змея Горынчата,
Тут ему за беду стало,
За великую досаду показалось,
Сбежал на крылечка на красная.
А двери у терема железные,
Заперлася Марина Игнатьевна;
А и молоды Добрыня Никитич млад,
Ухватит бревно он в охват толщины,
А ударил он во двери железные недоладом,
Из пяты он вышиб вон,
И сбежал он на сени косящаты.
Бросилась Марина Игнатьевна
Бранить Добрыню Никитича:
«Деревенщина ты, детина, засельщина!
Вчерась ты, Добрыня, на двор заходил,
Проломил мою оконницу стекольчатую,
Ты расшиб у меня зеркало стекольчатое».
А бросится Змеища Горынчища,
Чуть его, Добрыню, огнем не спалил,
А и чуть молодца хоботом не ушиб,
А и сам тут Змей почал бранити его,
Больно пеняти:
«Не хочу я звати Добрынею,
Не хошу величать Никитичем,
Называю те детиною деревенщиною,
<Деревенщиною> и засельщиною;
Почто ты, Добрыня, в окошко стрелял,
Проломил ты оконницу стекольчатую,

Расшиб зеркало стекольчатое?»
 Ему тута-тко, Добрыне, за беду стало
 И за великую досаду показалось;
 Вынимал саблю вострую,
 Воздымал выше буйны головы своей:
 «А и хочешь ли, тебе, Змея, изрублю я
 В мелкие части пирожные,
 Разбросаю далече по чистом полю?»
 А и тут Змей Горынич, хвост поджав,
 Да и вон побежал;
 Взяла его страсть, так зачал <.....>,
 Околышки метал, по три пуда <.....>.
 Бегучи, он, Змей, заклиняется:
 «Не дай бог бывать ко Марине в дом,
 Есть у нее не один я друг,
 Есть лутче меня и повежливее».
 А молода Марина Игнатьевна,
 Она высунулась по пояс в окно,
 В одной рубашке без пояса,
 А сама она Змея уговаривает:
 «Воротись, мил надежа, воротись, друг!
 Хошь, я Добрыню оберну клячею водовозною?
 Станет-де Добрыня на меня и на тебя воду возить;
 А еще хошь, я Добрыню оберну гнедым туром?»
 Обвернула его, Добрыню, гнедым туром,
 Пустила его далече во чисто поля,
 А где-то ходят девять туров,
 А девять туров, девять братинников,
 Что Добрыня им будет десятой тур,
 Всем атаман — золотые рога.
 Безвестна не стало богатыря
 Молода Добрыни Никитьевича
 Во стольном в городе во Киеве.
 А много-де прошло поры, много времени,
 А и не было Добрыни шесть месяцев, —
 По-нашему-то, сибирскому, слывет полгода.
 У великого князя вечеринка была,
 А сидели на пиру честные вдовы,
 И сидела тут Добрынина матушка,
 Честна вдова Афимья Александровна,
 А другая честна вдова, молода Анна Ивановна,
 Что Добрынина матушка крестовая.

Промежу собою разговоры говорят,
Все были речи прохладные.
Неоткуль взялась тут Марина Игнатьевна,
Водилася с дитятыми княженецкими;
Она больно, Марина, упивалася,
Голова на плечах не держится,
Она больно, Марина, похваляется:
«Гой еси вы, княгини, боярыни!
Во стольном во городе во Кieve
А и нет меня хитрея, мудрея,
А и я-де обвернула девять молодцов,
Сильных могучих богатырей, гнедыми турами;
А и ноне я-де опустила десятого,
Молодца Добрыня Никитьевича,
Он всем атаман — золотые рога».
За то-то слово изымается
Добрынина матушка родимая,
Честна вдова Афимья Александровна,
Наливала она чару зелена вина,
Подносила любимой своей кумушке,
А сама она за чарой заплакала:
«Гой еси ты, любимая кумушка,
Молода Анна Ивановна!
А и выпей чару зелена вина,
Поминай ты любимого крестника,
А и молода Добрыню Никитьевича, —
Извела его Марина Игнатьевна,
А и ноне на пиру похваляется».
Проговорит Анна Ивановна:
«Я-де сама эти речи слышала,
А слышала речи ее похваленые».
А и молода Анна Ивановна
Выпила чару зелена вина,
А Марину она по щеке ударила,
Сшибла она с резвых ног,
А и топчет ее по белым грудям,
Сама она Марину больно бранит:
«А и сука ты, <.....>, еретница, <.....>!
Я-де тебе хитрея и мудреня,
Сижу я на пиру, не хвастаю;
А и хошь ли, я тебя сукой обверну?
А станешь ты, сука, по городу ходить,

А станешь ты, Марина, много за собой псов
водить».

А и женское дело прелестивое,
Прелестивое, перепадчивое.
Обвернулася Маринка косаточкой,
Полетела далече во чистое поле,
А где-то ходят девять туров,
Девять братенников,
Добрыня-то ходит десятой тур;
А села она на Добрыню, на правой рог,
Сама она Добрыню уговаривает:
«Нагулялся ты, Добрыня, во чистом поле,
Тебе чистое поле наскучила
И зыбучие болота напрокучили,
А и хошь ли, Добрыня, жениться?
Возьмешь ли, Никитич, меня за себя?» —
«А право, возьму, ей-богу, возьму!
А и дам те, Марина, поученьища,
Как мужья жен своих учат».
Тому она, Марина, не поверила,
Обвернула его добрым молодцом
По-старому, по-прежнему,
Как бы сильным могучим богатырем,
Сама она обвернулася девицею;
Они в чистом поле женилися,
Круг ракитова куста венчались.
Повел он ко городу ко Киеву,
А идет за ним Марина раскорякою.
Пришли они ко Марине на высок терем,
Говорил Добрынюшка Никитич млад:
«А и гой еси ты, моя молодая жена,
Молода Марина Игнатьевна!
У тебя в высоких, хороших теремах
Нету Спасова образа,
Некому у тя помолитися,
Не за что стенам поклонитися.
А и чай, моя вострая сабля заржавела?»
А и стал Добрыня жену свою учить,
Он молоду Марину Игнатьевну,
Еретницу, <.....>, безбожницу;
Он первое ученье — ей руку отсек,
Сам приговаривает:

«Эта мне рука не надобна:
Трепала она, рука, Змея Горынчища».
А второе ученье — ногу ей отсек:
«А и эта-де нога мне не надобна:
Оплеталася со Змеем Горынчищем».
А третье ученье — губы ей обрезал
И с носом прочь:
«А и эти-де мне губы не надобны:
Целовали они Змея Горынчища».
Четвертое ученье — голову ей отсек
И с языком прочь:
«А и эта голова не надобна мне,
И этот язык не надобен:
Знал он дела еретические».

**ИДОЛИЩЕ СВАТАЕТСЯ ЗА ПЛЕМЯННИЦУ
ВЛАДИМИРА**

Из-за моря-то, моря, братцы, синего,
А из-за́ синего моря из-за Карского,
Из-за Карского моря, Арапского
А приходило три чернёных три-то кáрабля,
А <в> тих-то караблях пришло поганое Идóлище
Как ко ласковому князю ко Владимиру.
Он пришел ведь к ему сватом свататься
На любимые всё его племянницы,
Как на душечки всё Марфы Дмíтревны.
Говорил-то он да таковы речи:
«Уж вы гой еси, мои да три татарина,
Уж вы млáдые мои всё корабельщички!
Вы подите-ко кó городу ко Киеву
А ко ласкову-ту князю ко Владимиру,
А как сватайтесь на его любимой на племяннице,
Чтобы с чести он отдал за меня, с радости,
А без драки ведь да кроволитныя.
А расскажите про меня, про Идолища:
А как руки мои по трех сажон,
А как тулово мое как сильной бутор,
Голова моя да как пивной котел,
Глаза-ти у меня да как пивны чаши.
А как прýдете ко князю ко Владимиру,
А да станете вы да свататься,
А как будёт просить срóку на три годика —
Не давайте-ко сроку на три годика;
А как будёт просить да на три месяца —
Не давайте сроку на три месяца;

Будёт просить да на два месяца —
Не давайте ему сроку на два месяца;
А как станёт просить на три неделечки —
Не давайте ему на три неделечки;
А как станёт просить на три суточки —
А бессрочного времѣни на свете нет».
А приходят три-то корабельщичка ко князю
ко Владимиру да в светлы свѣтлицы,

А не ксят они лица поганого,
Не молятся да чудным образам,
Как бьют они челом князю Владимиру,
А князьям, боярам не бьют челом, не кланяются:
«Уж ты здравствуй-ко, Владимир стольно-киевский!» —
«Уж вы здравствуйте, дородни добры молодцы,
А да три-то млáдых вас да корабельщичков!
А ведь разве пришли вы торговать товарами
да разноличныма?»

Вы торгуйте у мя безданно и беспошлинно».

Говорят тут три татарина:

«Не товарами пошли торговать да разноличныма,
Мы пришли к тебе да сватом свататься
На твою на любимой на племяннице
За того же за поганого Идóлища.

Ты отдай за его да с чести, с радости,
А без драки отдай да кроволитныя;
А ты с чести не отдашь, мы боём возьмем.

Руки, ноги у Идолища по трех сажон,
А как тулово его как сильнóй бугор,
Голова его да как пивной котел». —

«Уж вы гой еси, млáды три да корабельщички!
Уж вы дайте мне-ка сроку на три годика подумати». —

«Не дайм-то мы те сроку на три годика,

Не даим-то мы те сроку на два годика,

Не даим тебе сроку на единый год,

Не даим тебе сроку и на три месяца,

Не даим тебе сроку на три неделечки». —

«Ах, отдайте мне-ка сроку на три суточки!»

Говорят тут три татарина, да три мурина:

«А бессрочного, братцы, времѣни на свете нет».

А давали князю сроку на три суточки.

А да как пошли они на черны кáрабли,

Да приходят они на черны кáрабли.

Говорит поганой Идолищо:

«Уж вы гой еси, мои младЫ да корабельщички!

А я дам ему-то сроку на три месяца».

А во ту пору, во то время

Собирал-то Владимир-князь почесен пир

А на князей своих, на б́яр же.

А как вси на пиру сидят, пьют, едят да проклажаются.

Говорил-то Владимир таковы речи:

«Как ведь вси да князя, б́яра!

А пришло ко мне-ка свататься поганой Идб́лищо

На любимой-то моей племянницы,

Как на душечки на Марфы всё да Дмитревны.

Заступите-ко за ей, за мою племянницу».

А как говорили князи, б́яра:

«Мы не будем губить народу православного

За твою ту р́дную племянницу,

А не будем проливать крови понапрасному».

Как пошел-то Владимир-князь да со честн́а пиру,

А повесил буйну голову с могучих плеч;

Он пошел прямо к Марфы Дмитревны в светлу св́тлицу.

А как ув́дала Марфа Дмитревна,

Как идет е́-то дядюшка не по-старому, да не по-прежнему,

Не по-прежнему, да не по-дос́ельн́ему,

А да как спрашала Марфа Дмитревна:

«Еще что же ты, дядюшка Владимир-князь,

А придешь ты ко мне не по-старому, не по-прежному:

Ты повесил буйну голову с могучих плеч?» —

«Уж ты гой еси, моя родна любимая племянница!

А как подошло туто поганой Идб́лищо,

А как сватайтся на тебе, всё на Марфы Дмитревны,

А как сам он говорил да таковы речи:

Еще с чести не отдам, дак «мы бо́ем возьмем».

Как его-то руки, ноги по трех сажон,

А ведь тулово как сильн́ой бугор,

Голова его да как пивной котел,

Очи ясны у его да как пивны чаши,

А как нос его — как палка дровокольная».

Говорит тут Марфа Дмитревна:

«Уж ты гой еси, дядюшка мой родимья!

Не губи народу понапрасному,

А не проливай крови горячую,

А отдавай меня да с чести, с радости,
Без драки отдай да кроволитныя.
А только дай придано — три черных три кáрабля:
А первóй-от кáрабель грузи ты зелёным вином,
А второй-от кáрабь нагрузи да пивом хмельным же,
А третей-от кáрабь нагрузи да медом сладким же;
Провожатых дай моих братьев крестовых, всё назв́анных же:
А первóго-то брата дай Добрынюшку Мижитыча,
А второго-то брата дай Михайлушка Игнатъева,
А третьёго брата Олешеньку Поповича».
А как дават ей князь три черных кáрабля,
Нагружат напитками разноличнима.
Повелась у князя тут ведь свадьба же.
Посылали звать Добрынюшку с Михайлушком-душой-то
красных девицей,
А пошли они-то звать к Марфы Дмитревны на дёвью
плачь.

Они ходят, зовут да красных девицей,
А зовут они молодых-то вдов,
А зовут-то они жён ведь мужния:
«Уж вы милости просим, души красны девицы,
К Марфы Дмитревны на дёвью плачь,
Вас зазвала-то Марфа Дмитревна на дёвью плачь!»
А как тут скоро собирались красны девицы,
А как белые лебедушки на заводи слетались.
А как не белá, тут на заводи белá лебедь воскикала,
А как слéзно Марфа Дмитревна восплакала,
Тут заплакали да слéзно красны девицы,
А да тут пуще заплакали по ей молоды вдовы,
Еще пуще тут заплачут жёны мужние.
А да как отплакали тут да красны девицы,
А пошла у Владимира свадьба навёселе.
Как пришел-то тут поганое Идóлицо,
А садился он за столы да белодúбовы,
За питья, за ествы сахáрные,
А как ест он, татарин, по-звериному,
А как пьет-то он да по-скотиному.
А как пили, ели, напивались,
А пошли они, повели Марфушку на черны кáрабли,
А как провожают ей народ да православныя,
Провожают ей да слéзно плачутся.

А как приходила Марфушка на свой чернён корабль,
А заходит она в каюту корабельную,
А при ёю тут Добрынюшка Микитич млад.
Потянула поветерь тихá способная,
А пошли тут корабли да во синё морё,
Во синё морё да во свое село,
А как русская земля да потаилася,
Как поганая земля да заменилася.
А как по божьей-то былó по милости,
По Марфушкиной было участи, —
А как пала тут ведь т́ха т́шина,
Не несет-то никуда да чёрных кáраблей.
А как выходила из каюты всё ведь Марфа Дмитревна
на палубу,

А сама она ведь говорит да таковы речи:
«Уж ты гой еси, да брат крестовья!
Постарайся-ко ты изó всех же,
Подорожи моею да буйной гóловой,
А кричи поганому Идóлищу во всю голову,
А чтобы он стянулся всёма корабли да во едно место.
Уж вы пойте-ка татаровеи всех дóпьяна,
А я сама пойду поить поганого Идóлища».
А да как закричал Добрыня громким голосом:
«Уж ты гой еси, поганое Идóлище!
А зовет тебя Марфа-то Дмитревна стегатися
да черныма кáрабли,

Она хочет сделать пир на радости,
Что своя земля да потаилася,
А как ваша земля да сременилася.
Как услышал тут поганое Идóлище,
А весьма он сделал весьма радостен,
Приказал он во едно место связатися.
Повела ли тут Марфа Дмитревна поганого Идóлища
в свою каюту корабельную,

А садила его на стул на ременчат же,
А садила за ти ествы за сахáрные,
Она стала наливать-то чары зеленá вина,
А как стала наливать да чары пива хмёлного,
На закуску, на запивку меду сладкого.
А как начал тут Идóлище пить, есть да без опасности,
А он пьет-то вино дóсуха,
Запиват да пивом хмельниим,

Закусыват да медом сладким,
Вдосталі зашаталася его да буйна гóлова.
А валила его да на кроваточку тесовую,
На мягкú перину на пуховую.
Захватил-то он Марфу в охапочку,
А как зáспал он сном да богатырским,
А со сна на ей накинул руку правую,
А накинул на ей да ногу правую,
А да чуть под им жива лежит, душа в теле
полúднуёт.

Закричала она громким голосом:
«Уж ты гой еси, ты, брат мой крестовыя!
А сойми с меня руку Идóлища,
А скинь с меня ногу поганого».
Прибежал Добрынюшка в каюту корабельную,
А как смётыват с ей правú руку,
А как скидыват он с ей всё левú ногу.
Как соскакивала Марфа с кроваточки,
А выскакивала она на палубу ту корабельную.
Как хватил Добрыня востру саблю же,
А отсек Идóлищу да буйну голову,
Заскакало тут поганое Идóлищо;
А как он присек его ведь намелко,
А сметали его да во синё морё,
Как рубили татаровей да до единого.
Потянула им-то пóветерь да всё способная —
А да как ко городу ко Киеву,
А ко ласкову князю-ту ко Владимиру.
Как приходят они в красён Киев-град,
Услыхал тут всё Владимир-князь да со княгинею,
Как стречали со всего города со Киева,
А как собиралися наро<д> да православные.
Тут пошел у князя пир навёселе, на радости.

ГЛЕБ ВОЛОДЬЕВИЧ.

А как падала погодушка да со синя́ моря,
А со сѣня морюшка с Корсѹньского
А со дожджами-ти, с туманами.
А в ту-ту погоду в синёморскую
Заносила тут неволя три чернёных три-то кáрабля
Что под тот под славѣн городок под Кóрсунь же,
А во ту-то всё во гавань всё в Корсѹньскую.
А во том-то городе во Кóрсуни
Ни царя-то не было, ни царевича,
А ни короля-то не было и ни королевича,
Как ни князя не было и ни княжѣвича;
Тут жила-была Маринка, дочь Колдаѣвна,
Она <.....>, еретица была, безбожница.
Они как ведь в гавани заходили — брала пошлину,
Паруса ронили — брала пошлину,
Якори-то бросали — брала пошлину,
Шлюпки нá воду спускали — брала пошлину,
А как в шлюпочки садились — брала пошлину,
А к мосту приставали — мостовѹ брала,
А как пó мосту шли — да мостовѹ брала,
Как в таможду заходили — не протамóжила.
Набирала она дани-пошлины немножко-немало — сорок
тысячей.

А да взяла она трой рукавочки,
Что да ти трой рукавочки, трой перчаточки;
А как эти перчаточки а не сшиты были, не вязаны,
А вышѣваны-ти были краснѣм золотом,
А высаживаны дорогим-то скатным жемчугом,

А как всажено былó каменьё самоцветное;
 А как первы-ти перчатки во пятьсот рублей,
 А други-ти перчатки в целу тысячу,
 А как третьим перчаткам цены не́ было;
 Везёнй эти перчатки <в> подареньицо
 А тому же ведь князю всё Волóдьёму.
 Отбирала эти чёрны корабли она начисто,
 Разгонила она трех младых корабельщичков
 А как с тих с черных с трех-то кáраблей,
 Она ставила своих да крепких стóрожов.
 А как корабельщички ходят по городу по Кóрсуню,
 Они думают-то думушку заединую,
 Заедину ту думу промеждú собой.
 А да что купили они чернил, бумаг,
 А писали они да ёрлыки ти скорописчаты
 Что тому же князю Глебову Волóдьёму:
 «Уж ты гой, ты князь да Глеб, ты сын Волóдьёвич!
 Уж как падала погодушка со синя́ моря,
 Заметало нас под тот же городок под Кóрсунь же.
 А во том же было городе во Кóрсуни
 Ни царя не было, ни царевича,
 Ни короля-то не было и ни королевича,
 А ни князя не былó и ни княжевича;
 Как княжйла Маринка, дочь Кайдаловна,
 Она <.....>, еретица была, безбожница.
 А мы как ведь в гавань заходили — брала с нас ведь
пошлины,
 А ведь как паруса ронили — брала пошлину,
 Якори ти бросали — брала пошлину,
 Шлюпки нá воду спускали — брала пошлину,
 Уж мы в шлюпочки сажались — брала с нас ведь пошлину,
 А как к плóту приставали — плотовó брала,
 А ведь как по мóсту шли — дак мостовó брала,
 А в таможду заходили — не протамóжила.
 Да взяла она дани-пошлины сорок тысячей,
 А взяла у нас трои перчаточки;
 Везёнй былй тебе, да князю, в подареньицо:
 А как первы-ти перчатки во пятьсот рублей,
 А вторы-ти перчатки в целу тысячу,
 А третьим перчаткам цены не было».
 Они скоро писали, запечатали,
 Отослали князю Глебову Волóдьёву.

А тут скоро пришли ёрлыки к ёму,
 Он их скоро распечатывал, просматривал.
 Как его же сердце было неуступчиво;
 Разъёрилось ёго сердце богатырскоё.
 А он скоро брал свою-то золоту трубу разрывчату,
 Выходил-то скоро на краснó крыльцо косисчато,
 Он крычал-то, зычал зычным голосом,
 Зычным голосом да во всю голову:
 «Уж вы гой еси, дружины мои хоробрые!
 Уж вы скоро вы седлайте-уздайте добрых коней,
 Уж вы скоро, лёго скачите на добрых коней,
 Выезжайте вы скорó да на чистó полё».
 А как услышала ёго дружья-братья-товарищи,
 Они скоро-то добрых коней да собирали же,
 Выседлали-уздали ни добрых коней,
 Да скоро садились на добрых коней,
 А из города поехали не воротами,
 Не воротами-то ехали, не широкима,
 А скакали через стену городóвую,
 Выезжала-се дружина на чистó полё,
 А как съехалось дружины тридцать тысячей.
 Выезжал-то князь Глеб-сударь Волóдьевич
 Со своей дружиночками хоробрима,
 Прибирал он дружью ту, дружины всё хороброя,
 Чтобы были всё да одного росту,
 А да голос к голосу да волос к волосу;
 А из тридцать тысяч только выбрал триста добрых
 мóлодцов, —
 Их-то голос к голосу да волос к волосу:
 «Уж вы поедемте, дружина моя хоробрая,
 А ко тому-ту славну городу ко Кóрсуню,
 А ко той же ти Марины дочери Кайдаловны,
 А ко той Маринки, еретицы, < . . . >, всё безбожницы».
 А как садились они скоро на добрых коней,
 А поехали они путем-дорогою.
 Как доехали они до города до Кóрсуня,
 Становил-то Глеб своёго добра коня:
 «Уж вы гой еси, дружина моя хоробрая!
 Соходите вы скорó ведь со добрых коней,
 Становите вы шатры полóтняны,
 А да спите-тко, лёжите во белых шатрах,
 А дёржите караулы крепкие и строгие;

Уж вы слушайте: неровно́-то зазвенит да моя сабля,
 Заскрипят да мои плечи богатырские —
 Поезжайте-тко ко городу ко Корсуню,
 А скачите вы через стену городо́вую,
 Уж вы бейте-ко по городу старого и малого,
 Ни единого не оставляйте вы на сѣмена.
 Я как поеду топерече ко городу ко Корсуню,
 К той Маринке дочери Кайдаловны».

Подъезжаёт Глеб под стену ту,
 Да под ту же башню наугольную,
 Закричал-то он да зычным голосом:
 «Уж ты гой еси, Маринка дочь Кайдаловна!
 А зачем ты обралá у меня да черны кáрабли,
 Ты зачем же у меня сгонила с кораблѣй моих трех-то
 корабельщиков,

А начто поставила да своих караульщиков?»
 Услыхала Маринка дочь Кайдаловна;
 Скоро ей седлали-уздала всё добра коня,
 Выезжала она на ту же стену городовую:
 «Здравствуй-ко, Глеб ты, князь, да сын Волóдьевич!» —
 «Уж ты здравствуй-ко, Маринка дочь Кайдаловна!
 А зачем ты у меня взяла мои-то три-то кáрабля,
 А сгонила моих трех-то корабельщичков со кáраблей?» —
 «Уж ты гой еси, ты, князь да сын Володьевич!
 Я отдам тебе три чернёных три-то кáрабля,
 А да только отгани-тко три мои загадки хитромудрые, —
 Я отдам тебе-то три чернёных кáрабли». —
 «Только загадывай ты загадки хитромудрые, —
 А как буду я твои загадочки отгадывать». —
 «А как перва та у меня загадка хитромудрая:
 Еще что же в лете бело, да в зимы зéлено?»
 Говорит-то Глеб да таковы речи:
 «Не хитра твоя мудрá загадка хитромудрая,
 А твоей глупé загадки на свете нет:
 А как в лете-то белó — господь хлеб дает,
 А в зимы-то зеленó — да тут ведь ель цветет». —
 «А загану тебе втору загадку хитромудрую:
 А да что без кореньица растет да без лыж катится?» —
 «Без кореньица растут белы́ снега,
 А без лыж-то катятся быстрѣ ручьи». —
 «Загану тебе третью́ загадку хитромудрую:

А как есть у вас да в каменнѣй Москвы,
В каменнѣй Москвы да есть мясна гора;
А на той на мясной горы да кипарис растет,
А на той париси-дереве сокѠл сидит». —
«Уж ты гой еси, Маринка дочь Кайдаловна!
Не хитра твоя загадка хитромудрая,
А твоей загадочки глупѣ на свете нет:
Как мясна та гора — да мой ведь добрый конь,
Кипарисо дерево — мое седѣлышко,
А ка сѠловей сидит-то — я, удѣлый добрый молодец». —
«Я топерече отсыплю от ворот да пески, камешки,
А сама-то я, краснѣ девѣца, за тебя замѣж иду».
Как поехала Маринка с той стѣны да белокаменной,
Приезжала к собе да на широкий двор,
Наливала чару зелена вина да в полтора ведра,
А да насыпала в чару зелья лютого,
Выезжала на ту же стѣну городѠвую,
Подавала Глебушку она чару зелена вина:
«Уж ты на-тко на приезд-от чару зелена вина!»
А как принимается-то Глеб да единѣй рукой,
Еще хочѣт он пить да зелена вина;
А поткнулся ѣго конь на ножочку на правую,
А сплескал-то чару зелена вина
А да зѣ тою да гриву лошадиную, —
Загорелась у добра коня да грива лошадиная.
А как ту да Глеб испугался же,
А бросал-то чару на сыру землю;
Еще как тут мать сыра земля да загорелася.
А как разъярилось ѣго сердце богатырскоѣ,
А стегал оѣ добра коня да по крутым бѣдрам;
Как поскочит ѣго конь во всю ту прыть да лошадиную,
А как скакал с прыти ѣго добрый конь да через стѣну
городѠвую,

А сусстиг-то ей, Маринку, среди двора,
А отсек тут ей, Маринке, буйну голову;
А как тут Маринке и смерть пришла,
Смерть пришла ей да среди двора.

ВАВИЛО И СКОМОРОХИ

У честной вдовы да у Ненилы,
А у ней былó чадó Вавило.
А поехал Вавилушко на ниву,
Он ведь нивушку свою орати,
Ишша белую пшоницу засевати,
Родну матушку хочѣ кормити.
А ко той вдовы да ко Ненилы
Пришли люди к ней веселье,
Веселые люди, не простые,
Не простые люди — скоморохи.
«Уж ты здравствуёшь, честна вдова Ненила!
У тя где чадо да нынь Вавило?» —
«А уехал Вавилушко на ниву,
Он ведь нивушку свою орати,
Ишша белую пшоницу засевати,
Родну матушку хочѣ кормити».
Говорят как те ведь скоморохи:
«Мы пойдём к Вавилушку на ниву,
Он не идет ли с нами скоморошить?»
А пошли к Вавилушку на ниву:
«Уж ты здравствуёшь, чадо Вавило,
Тебе нивушка да те орати,
Ишша белая пшоница засевати,
Родна матушка тебе кормити!» —
«Вам спасибо, люди веселье,
Веселье люди, скоморохи;
Вы куда пошли да по дороге?» —

«Мы пошли ведь тут да скоморошить,
Мы пошли на Инишшбѣ царство
Переигрывать царя Собаку,
Ишша сына его да Перегуду,
Ишша зятя его да Пересвета,
Ишша дочь его да Перекрасу.
Ты пойдем, Вавило, с нами скоморошить».
Говорило-то чадѣ Вавило:
«Я ведь песен петь да не умею,
Я в гудок играть да не горазденъ.
Говорил Кузьма да со Демьяном:
«Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособит».
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил.
У того ведь чада у Вавила
А былѣ в руках-то понюгальцо —
А и стало тут погудальцо;
Ишша были в руках у его да тут ведь вожжи —
Ишша стали шелковые струнки.
Ишша-то чадо да тут Вавило
Видит — люди тут да не простые,
Не простые люди те — святые;
Он походит с има да скоморошить.
Он повел их да ведь домой же,
Ишша тут честна вдова да тут Ненила
Ишша стала тут да их кормити;
Понесла 'на хлебы те ржаные,
А и стали хлебы те пшонѣе;
Понесла 'на куру ту варѣну,
Ишша кура тут да ведь взлетела,
На печной столб села да запела.
Ишша та вдова да тут Ненила
Ишша видит — люди тут да не простые,
Не простые люди те — святые,
И спускат Вавила скоморошить.
А идут скоморохи по 'дороге,
На гумни мужик горох молотит.
«Тебе бог помѣшь, да ведь крестьянин,
Набелѣ горох да молотити!» —

«Вам спасибо, люди весёлые,
 Весёлые люди, скоморохи.
 Вы куды пошли да по дороге?» —
 «Мы пошли на Инишшобё царство
 Переигрывать царя Собаку,
 Ишша сына его да Перегуду,
 Ишша зятя его да Пересвета,
 Ишша дочь его да Перекрасу».
 Говорил да тот да ведь крестьянин:
 «У того царя да у Собаки
 А окбл двора да тын залезной,
 А на каждой тут да на тычинке
 По человечьей-то сидит головке;
 А на трёх ведь на тычинках
 Ишша нету человечьих-то тут головок;
 Тут и вашим-то да быть головкам». —
 «Уж ты ой еси, да ты крестьянин!
 Ты не мог добра нам ведь <и> сдумать, —
 Ишшá лиха ты бы нам не сказывал.
 Заиграй, Вавило, во гудочек,
 А во звончатой во переладец,
 А Кузьма с Демьяном припособят».
 Заиграл Вавило во гудочек,
 А Кузьма с Демьяном приспособил —
 Полетели голубята ти стадами,
 А стадами тут да табунами,
 Они стали у мужика горох клевати.
 Он ведь стал их тут кичигами шибати;
 Зашибал, он думат, голубят-то —
 Зашибал да всех своих ребят-то.
 «Я ведь тяжко тут да согрешил ведь:
 Эти люди шли да не простые,
 Не простые люди те — святые,
 Ишша я ведь им да не молился».
 А идут скоморохи по дороге,
 А навстречу им идё мужик горшками торговати.
 «Тебе бог помощь, да те, крестьянин,
 Ай тебе горшками торговати!» —
 «Вам спасибо, люди весёлые,
 Весёлые люди, скоморохи;
 Вы куды пошли да по дороге?» —
 «Мы пошли на Инишшоё царство

Переигрывать царя Собаку,
 Ишша сына его да Перегуду,
 Ишша зятя его да Пересвету,
 Ишша дочь его да Перекрасу».

Говорил да тот да ведь крестьянин:
 «У того царя да у Собаки
 А окбл двора да тын залезной,
 А на каждой тут да на тычинке
 По человечей-то сидит головке;
 А на трех-то ведь на тычинках
 Нет человечьих да тут головок;
 Тут вашим да быть головкам». —
 «Уж ты ой еси, да ты крестьянин!
 Ты не мог добра да нам ведь сдумать —
 Ишша лиха ты бы нам не сказывал.
 Заиграй, Вавило, во гудочек,
 А во звончатой во переладец,
 А Кузьма с Демьяном припособит».

Заиграл Вавило во гудочек,
 А во звончатой во переладец,
 А Кузьма с Демьяном припособил —
 Полетели куропки с ребами,
 Полетели пеструхи с чухарями,
 Полетели марьюхи с косачами,
 Ишша стали мужику-то по оглоблям-то садиться.
 Он ведь стал тут их да бити
 И во свой ведь воз да класти.
 А поехал мужик да в городочек,
 Становился он да во рядочек,
 Развязал да он да свой возочек, —
 Полетели куропки с ребами,
 Полетели пеструхи с чухарями,
 Полетели марьюхи с косачами.
 Посмотрел во своем-то он возочку —
 Ишша тут у его одны да черепочки.
 «Ой, я тяжко тут да согрешил ведь:
 Это люди шли да не простые,
 Не простые люди-ти — святые,
 Ишша я ведь им, гот, не молился».

А идут скоморохи по дороге,
 Ишша красная да тут девица,
 А она белье да полоскала.

«Уж ты здравствуешь, красна́ деви́ца,
Набелó холсты да полоскати!» —
«Вам спасибо, люди весёлые,
Весёлые люди, скоморохи.
Вы куды пошли да по дороге?» —
«Мы пошли на Инишшоё царство
Переигрывать царя Собаку,
Ешше сына его да Перегуду,
Ешше зятя его да Пересвета,
Ешше дочь его да Перекрасу».
Говорила красная девица:
«Пособи вам бог переиграти
И того царя да вам Собаку,
Ишша сына его да Перегуду,
Ишша зятя его да Пересвета
А и дочь его да Перекрасу». —
«Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособит».
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил —
А у той у красной у девицы,
А были у ей холсты-ти ведь холшовы —
Ишша стали шелковы да атласны.
Говорит как красная девица:
«Тут люди шли да не простые,
Не простые люди те — святые,
Ишша я ведь им да не молилась».
А идут скоморохи по дороге,
А идут на Инишшбё царство.
Заиграл да тут да царь Собака,
Заиграл Собака во гудочек,
А во звончатой во переладец —
Ишша стала вода да прибывати,
Ишша хочё водой их потопити.
«Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособит».
Заиграл Вавило во гудочек,
И во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил —

И пошли быки те тут стадами,
А стадами тут да табунами,
Ишша стали воду да упивати,
Ишша стала вода да убывати.
«Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособит».
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособил —
Загорелось Инишшбёе царство
И сгорело с краю и до краю.
Посадили тут Вавилушка на царство.
Он привез ведь тут да свбю матерь.

ВАНЬКА УДОВКИН СЫН

Народился Ванька Удовкин сын.
Приходил он к царю Волшану Волшанскому,
А бьет-то Ванька Удовкин сын
О той о залоге о великия:
«Ай же ты, царь Волшан Волшанович!
А есть у тебя любимая дочь,
А тая Марья есть Волшановна,
А отдай-повыдай за меня замуж.
А бью я с тобой о велик заклад:
Буду я от тебя обряжаться,
Если я не обряжуся zde,
Тожно секи буйну головушку,
А если я обряжуся zde,
Так отдать тебе любиму дочь за меня замуж».
Ударили они о велик заклад.
Пошел-то Ванька Удовкин сын,
Пошел Ванька обряжаться,
Не дойдет Ваньке сидеть-то тут,
Сидеть Ваньке, усиживать.
Встает Ванька поутру ранешенько,
Умывается Ванюшка белешенько,
Трется в миткалиново полотенышко,
Молится Миколы Можайскому,
Еще пресвятой богородице,
Самому Христу, царю небесному:
«Вы храните меня, милуйте».
Да тут опять Ваньке не дойдет сидеть,
Сидеть Ванюшке, усиживать.
Обвернулся Ванька горносталям,

Сманул Ванька в подворотеньку,
Заходил в палату во царскую,
В палаты обернулся добрым молодцем,
Целовал-миловал он Марью Волшановну,
Целует он, сам прощается:
«Прощай, свет моя любезная,
Смогу ли я обрядиться?»
Обернулся Ванька горносталем,
Опять сманул в подворотеньку,
Пошел-поскакал по чисту полю,
Прошел-проскакал тридевять вязов,
Тридевять вязов, тридевять цветов,
Зашел за тый ли за единый вяз,
И сидит там добрый молодец.
Встает царь Волшан Волшанович,
Поутру встает ранешенько,
Взимает в руки книгу волшанскую.
Начала ему книга волховать и высказывать:
«Вставал-то Ванька Удовкин сын,
Вставал поутру ранешенько,
Умывался Ванюшка белешенько,
Утирался в миткалиново полотенышко,
Молился Миколы Можайскому,
Еще пресвятой богородице,
Самому Христу, царю небесному:
«Вы храните меня, молодца, милуйте».
Обернулся Ванька горносталем,
Сманул Ванюшка в подворотеньку,
Заходил в палату во царскую,
Во палаты обернулся добрым молодцем,
Целовал он, миловал Марью Волшановну,
Целуется он, сам прощается:
«Прощай, свет моя любезная,
Смогу ли я обрядиться?»
Обернулся Ванька горносталем,
Опять сманул он в подворотеньку,
Пошел-поскакал по чисту полю,
Прошел-проскакал тридевять вязов,
Тридевять вязов, тридевять цветов,
Зашел за тый ли за единый вяз,
И сидит там добрый молодец».
Проговорил царь Волшан Волшанович:

«Подите, слуги, возьмите его».
Пошли слуги и взяли его,
Привели к царю Волшану Волшановичу.
Смолился Ванька Удовкин сын,
Поклонился царю Волшану Волшановичу:
«Ай же ты, царь Волшан Волшанович!
Есть ли грешному прощеньице?
Прости-тко в этой вины великой».
Тут-то царь Волшан Волшанович,
Тут он и сам пораздумался,
Простил он Ваньке сыну Удовкину.
Говорит Ванька Удовкин сын:
«Ай же ты, царь Волшан Волшанович!
Ударим опять о велик заклад:
Буду еще от тебя обряжаться». —
«Ступай, Ванька Удовкин сын,
Обряжайся еще другой раз».
Ушел Ванька Удовкин сын.
Вставал поутру он ранешенько,
Умывался Ванюшка белешенько,
Утирался в миткалиново полотеньшко,
Молится Миколы Можайскому,
Еще пресвятой богородице,
Самому Христу, царю небесному:
«Вы храните меня, милуйте».
Да тут опять Ваньке не дойдет сидеть,
Сидеть Ванюшке, усиживать.
Обвернулся Ванька горносталем,
Сманул Ванька в подворотеньку,
Заходил в палату во царскую,
В палаты обвернулся добрым молодцем,
Целовал-миловал он Марью Волшановну,
Целует он, сам прощается:
«Прощай, свет моя любезная,
Смогу ли я обрядиться?»
Обвернулся Ванька горносталем,
Опять он сманул в подворотеньку,
Пошел-поскакал по чисту полю,
Прошел-проскакал тридевять вязов,
Тридевять вязов, тридевять цветов,
Тридевять цветов, тридевять дубов,
Зашел за тый ли за единый дуб,

И сидит там добрый молодец .
Встает царь Волшан Волшанович,
Поутру встает ранешенько,
Взимает в руки книгу волшанскую.
Начала ему книга волховать и высказывать:
«Вставал-то Ванька Удовкин сын,
Вставал поутру ранешенько,
Умывался Ванюшка белешенько,
Утирался в миткалиново полотенышко,
Молился Миколы Можайскому,
Еще пресвятой богородице,
Самому Христу, царю небесному:
«Вы храните меня, молодца, милуйте».
Обвернулся Ванька горносталем,
Сманул Ванюшка в подворотеньку,
Заходил в палату во царскую,
Во палаты обвернулся добрым молодцем,
Целовал он, миловал Марью Волшановну,
Целует он, сам прощается:
«Прощай, свет моя любезная,
Смогу ли я обрядиться?»
Обвернулся Ванька горносталем,
Опять сманул он в подворотеньку,
Пошел-поскакал по чисту полю,
Прошел-проскакал тридевять вязов,
Тридевять вязов, тридевять цветов,
Тридевять цветов, тридевять дубов,
Зашел за тый ли за единый дуб,
И сидит там добрый молодец».
Проговорит царь Волшан Волшанович:
«Подите, слуги, возьмите его!»
Пошли слуги и взяли его,
Привели к царю Волшану Волшановичу.
Смолился Ванька Удовкин сын,
Поклонился царю Волшану Волшановичу:
«Ай же ты, царь Волшан Волшанович!
Есть ли грешному прощеньице?
Прости-тко в этой вины великой».
Тут-то царь Волшан Волшанович,
Тут он и сам пораздумался,
Простил он Ваньке сыну Удовкину.
Говорит Ванька Удовкин сын:

«Ай же ты, царь Волшан Волшанович!
Если не обряжуся в третий раз,
Ничего у меня не спрашивай,
А прямо секи буйну голову».
Отпустил царь Ваньку сына Удовкина,
Дал ему срока-времечка третий раз,
Еще третий раз обрядится.
Опять Ванька сряжается,
Опять Ванюшка обряжается,
Обряжается Ванюшка третий раз.
Обвернулся Ванька горносталям,
Сманул Ванюшка в подворотеньку,
Заходил в палату во царскую,
Во палаты обвернулся добрым молодцем,
Целовал он, миловал Марью Волшановну,
Целуется он, сам прощается:
«Прощай, свет моя любезная,
Смогу ли я обрядиться?»
Обвернулся Ванька горносталям,
Опять он сманул в подворотеньку,
Пошел-поскакал по чисту полю,
Прошел-проскакал тридевять вязов,
Тридевять вязов, тридевять цветов,
И выскочил Ванька на крут бережок,
Пошел-поскакал о сине море,
По этому по крутому по бережку,
Пришел-прискакал к сыру дубу.
Сидят птицы, дети Могуль-птицы,
Сидят они — все перезябнули,
Сидят они — все перемокнули,
Сидят они — все переохлоднули.
Тут-то Ванька Удовкин сын
Видит, что им беда пришла, —
Перемокнут, перезябнут, переохлодуют;
Скидывал с себя цветной кафтан,
Покрывал этих детей птицы Могуль-птицы.
Налетела тут птица Могуль-птица,
Отворила ортину великую,
Хочет сглотнуть-съесть Ваньку Удовкина.
Смолилися же дети ейнины:
«Ай же ты, родна наша матушка!
Не тронь удала добра молодца;

Это пришел к нам батюшка,
Слободил от смерти от напрасныя,
Все бы мы перезябнули,
Все бы мы перемокнули,
Ни одного жива не было».
Тут-то птица Могуль-птица
Говорит-промолвит таковы слова:
«Ай же ты, Ванька Удовкин сын!
Почему же ты зашел-загулял сюда,
А кто тебя занес сюда?»
Тут-то Ванька смолился ей:
«Ай же ты, птица Могуль-птица!
Не можешь ли слободить от смерти напрасныя,
Обрядить от царя Волшана Волшанского?»
Проговорит птица Могуль-птица:
«Могу обрядить от царя Волшана Волшанского».
И вырвала птица из правого из крылышка,
Из крылышка из правого три перышка,
И вырвала она, подавает ему,
Давает огнивец во третьих:
«Поди-ка ты, Ванька Удовкин сын,
Заходи-ка во палату во царскую
И помазуй перышками моими птичьими
Того ли царя Волшана Волшанского,
Помазуй, а сам выговаривай:
«Помазую я, заклинаю все твои книги волшенские
И все твои слова проклятые».
Еще секи ты огнивец птичье
Над верхом над царем Волшаном Волшанским,
Секи, а сам выговаривай:
«Засаекаю я, заклинаю все твои книги волшенские
И все твои слова проклятые,
Чтобы та книга не волховала, не просказывала
Про меня, про добра молодца».
Обрядись-ка ты под кровать ему,
Не найти ему тебя, добра молодца».
Тут-то Ваньке не дойдет сидеть,
Сидеть Ванюшке, усиживать.
Опять он бежал скорым-скоро,
Обвернулся Ванька горносталем,
Заходил во палату во царскую
И помазывал перышками птичьими.

Того ли царя Волшана Волшанского,
Помазует, а сам выговаривает:
«Помазую я, заклинаю все твои книги волшенские
И все твои слова проклятые».
И начал сечь огнивец птичье
Над верхом над царем Волшаном Волшанским,
Сечет, а сам выговаривает:
«Засаекаю я, заклинаю все твои книги волшенские
И все твои слова проклятые,
Чтобы та книга не волховала, не предсказывала
Про меня, про добра молодца».
Сказал и сел под кровать ему.
Встает царь Волшан Волшанович,
Поутру встает ранешенько,
Взимает в руки книгу волшанскую.
И начала книга волховать и высказывать:
«Вставал Ванька ранешенько,
Умывался Ванька белешенько,
Утирался в миткалиново полотенышко,
Обвернулся Ванька горносталем,
Сманул Ванюшка в подворотеньку,
Заходил в палату во царскую,
Во палаты обвернулся добрым молодцем,
Целовал он, миловал Марью Волшановну,
Целуется он, сам прощается:
«Прощай, свет моя любезная,
Смогу ли я обрядиться?»
Обвернулся Ванька горносталем,
Опять он сманул в подворотеньку,
Пошел-поскакал по чисту полю,
Прошел-проскакал тридевять вязов,
Тридевять вязов, тридевять цветов,
И выскочил Ванька на крут бережок,
Пошел-поскакал о сине море
По этому по крутому по бережку,
Пришел-прискакал ко сыру дубу,
Сидят птицы, дети Могуль-птицы,
Сидят они — все переязыбули,
Сидят они — все перемокнули,
Сидят они — все перехолоднули.
Тут-то Ванька Удовкин сын
Видит, что им беда пришла, —

Перемокнут, перезябнут, перехолодуют.
Скидывал с себя цветной кафтан,
Покрывал этих детей птицы Могуль-птицы.
Налетела тут птица Могуль-птица,
Отворила ортину великую,
Хочет сглонуть-съесть Ваньку Удовкина.
Смолилися же дети ейные:
«Ай же ты, родна наша матушка!
Не тронь удала добра молодца:
Это пришел к нам батюшка,
Слободил от смерти от напрасныя,
Все бы мы перезябнули,
Все бы мы перемокнули,
Ни одного жива не было».
Тут вышел Ванька с сыра дуба,
Обвернулся Ванька горносталям,
Вошел во палату во царскую».
Говорит царь Волшан Волшанович:
«Подите, слуги, ищите Ваньку Удовкина,
Есть Ванька в моей палаты во царския».
Искали, искали, не могли найти.
Разгорелось сердце царское,
Он взял эту книгу волшанскую,
Растопил печь докрасна,
Бросил в печь книгу волшанскую,
Сам говорил таковы слова:
«Ну, Ванька Удовкин сын!
Как
Так выдам за тебя любезную дочь».
Выскакал тут Ванька Удовкин сын
Из-под той с-под кроваточки царския.
Говорил царь Волшан Волшанович:
«Обрядился ты от царя Волшана Волшанского,
От той от книги волшенския, —
Пора честным пирком и за свадебку».
И выдал свою любезную дочь
За того за Ваньку сына Удовкина,
Стал тут Ванька жить да быть,
Жить да быть, семью сводить.
Как преставился царь Волшан Волшанович,
Попрошают его, Ваньку, на место царское,
И почал Ванюшка царствовать.

БУНТ ИЛЬИ МУРОМЦА ПРОТИВ ВЛАДИМИРА

А наезжает тут Илюшенька да Муромец
А на тот на стольней на Киев-град,
К солнышку ко князю да Владимиру,
А во ту ли во субботу христосьскую.
Как не поспел ко обеденке христосьских,
Заходил-то ён да во палатушки,
Как привязал коня да ко столбичку,
Насыпáл пшоны белояровой,
Как говорит кухарке да горничны:
«Ай же ты, кухарка да горнична!
А где Владимир-князь стольнё-киевский?» —
«Владимир-князь у нас стольнё-киевский,
Он у обеденки да у христосьских».
Пошел Илюшенька да к обедне ведь.
Так только ведь приходит ко обеденке
ко христосьских,

А обедня на отход да пошла-то ведь,
Пошел-то народ да протонародней,
Потом иде Владимир-князь как тут стольнё-
киевский

Как тут с теми со боярамы,
Он со князьями, со сильными со богáтырьми,
Идет-то он со божьей церквѣ.
Стоит-то старый казак на ступенях ведь,
На ступенях он церковных,
Охватился он-то еле ведь
Как о балясы ведь, стоит-то он.
Подходит князь Владимир стольнё-киевский,
Как говорит тут он таковы слова:
«Ай же ты, удалый добрый молодец!

Какой ты земли да какой орды,
 Какого ты ведь роду да племени?»
 Как становился ведь да протѣв его,
 Стал-то ведь у его да спрашивать:
 «Ты коей земли да коей орды,
 Какого роду ты ведь тут, племени,
 Как тя, молодца, именѣм зовут
 И звеличают тебя по отечеству?
 Царь ли ты естъ да царевский сын,
 Король ведь ты, королевский сын,
 С тиха ль Дону да донской казак,
 А грозный ты да лицо лихоимских?» —
 «А естъ ведь я да нунь да старый казак,
 Старых казак Илья Муромец,
 Кто пожалует — сын Иванович». —
 «Пожалуйте ведь с нами за один-то стол,
 Хлеба-соли ведь да ведь кушати,
 Медовых питьѣв да порушати,
 Да есъвы ты да сахърныи,
 Кушанья у нас е да медвяныи».
 Приходит-то Илья да ведь свет Иванович,
 Заходит-то во гриденку столовую,
 Крѣст-то ведет по-писаному,
 Поклон-то ведь ведет по-ученому,
 На вси четыре он да ведь стóроны.
 «Садитесь вы, князья да ведь бóяра,
 Тыи ли ведь гости, тыи любимые,
 Садитесь, сильнии могучии богáтыри».
 Садятся вси оны да во большой угол,
 Говорит Ильи да Владимир-князь,
 Владимир-князь нунь стольнѣ-киевский:
 «Извини-тко, гость да заезжих,
 Заезжих ты гость, да захожих.
 У нас места были призабавлены.
 Садись-ко ведь ты за дубовый стол,
 За дубовый стол на нижнѣй конец».
 Как это ведь Ильи не слюбилоса,
 Это ведь Ильи не к лицу пришло.
 «Ай же ты ведь, князь стольнѣ-киевский!
 Ты ведь ешь-пьешь с воронятами,
 Я те не буду исть со ворóнами,
 Со ворóнами со поганыма».

Как это ведь князьям-то ведь да боярам-то,
Сильным могучим богатырям,
А это им-то ведь не к лицу пришло,
Особину князю да не в разум ведь, —
Обнес-то их воронятами.
«Берите-тко, два богатыря наилучших,
Ведите-ко невежу на белой двор,
Секите-ко невежи буйну голову».
Как повели-то невежу на белой двор,
Как повели невежу по ступеням,
Илья прихлопнул их да руками-то,
Сбросил ён под ступени ведь.
Как воротился назад да ко князю ведь:
«Да князь Владимир-то стольнѣ-киевский!
Давашь-то ты людей да изменчиков,
Не стоят-то оны за Киев-град,
Убежали оны да во город ведь
Как от того от страху от великого».
А князь-то видит тут, — нам беда пришла:
«Возьмите вы, четыре богатыря,
Ведите вы невежу на белой двор,
Секите вы невежи буйну голову».
Выводили со ступени парадные,
Илья схватил-то их, всех повыкидал
На той-то ведь на белой двор,
Как воротился опять да назад-то ведь:
«Как ты, Владимир-князь стольнѣ-киевский!
Как у тебя слуги есть пограбители,
Нисколько не стоят да за Киев-град,
Как все у тя были да изменщики».
А видит князь-то ведь, — да беда пришла,
Беда пришла еще неминучая,
Подтирае < > онучею. •
Как воротился князь стольнѣ-киевский:
«Много ли да борцов да ведь находится?»
Ведите-тко невежу на белой двор,
Секите-тко невежи буйну голову». •
Как бросились вести его на белый двор,
Только вывели на ступени парадные, —
Напал-то их на двор да покидывать,
Как будто снопы да овсяные.
Как вси оны да пооткинулись,

Как иной голову да прѣколол,
Другой ногу ведь да повывернул.
Как тут Илья-то боле не заходит-то
Ко тому ли князю да Владимиру.
Выходил-то ён да на улицу,
Как натянул-то ён тугой лук,
Стрелил по маковкам золоченым,
По тым ли ведь по золоченым, —
Отлетели маковки злаченые,
Маковки тыи золоченые.
Кричал-то ён да громким да голосом:
«Ай же вы, голи да кабацкие,
Городские вы да посадские!
Берите вы еще да ведь маковки,
Маковки ведь вы золоченые,
Снесите-ко мни да собирайте их».
Как это ведь голей наскакало тут,
Наскакало тут ведь — провороту нет,
Со всего ведь города Киева.
Как обирали маковки злаченые,
Как начали пить ведь, пропивать эты.
Как были кабачки да отворяты,
Были питья вси да наставлены, —
Поит-то всих голей да кабацких,
Как тут ведь в кабачках вина много водится.
Стал-то ён, еще да князь стольнѣ-киевский,
Стал-то ён еще да выдумывать:
«Кого послать-то ведь Илью позвать?»
Послать Олешку Поповича —
Как у того руки загребушие;
Как бы того позвать да Илью-то ведь —
Очень-то был-то он неаккуратныи,
Разорят-то наше государство ведь;
Послать-то ведь Чурилу да Плѣнкова —
Тому шапить да гулять топерь
С няньками ему да со служанкамы
Да с верными ему да погуливать,
Да не позвать Илюшеньки Муромца;
Послать да-ко, послать да Добрынюшка —
Как у его походка московская,
А речь у его да господская,
Как может говорить да с князьямы-то,

Как может говорить со боярамы,
Да может говорить со богатырьми,
Да может говорить со Илюшенькой».
Послали Добрыню Микитинца.
Приходит тут ён да на царев кабак,
А пьяных голей да ведь смету нет,
А тут едва-то достиглся до Илюшеньки.
Как приходит, Ильи поклоняется
До матушки ён до сырой земли:
«Как здравствуй, Илюшенька Муромец
Да со своей дружинушкой хороброей,
Со своими братьями крестовымы,
Со своей дружиной любимой!
Как тут пришел к тоби во большой вины, —
Посла не куют да не вяжут-то.
Я пришел посланником верным.
Просил князь как тут стольнѣ-киевский
Во тыи ли во гости любимые
Со своей дружиной со хороброю,
С своими тут да с товарищми,
Что у тя-то ведь при себе топерь.
Как у нас записи да поделаны:
Большему ведь брату слушать меньшого,
Меньшему-то брату — большего».
На речи те да ответу нет.
«Послушай ты, пойдѣм да вѣ гости,
Пожалуйста, прошу да усердно ведь».
Как говорит Илья, воспроговорит:
«Как знал кого послать, знал кого позвать.
Послал бы он ведь да как йного, —
Хотел я натянуть я ведь тѣгой лук,
Стрелить во гридни й ведь во столовые,
Убить-то князя еще со княгиною».
Как тут пошли что да во гости-то.
Идут тут голи да посадские, —
Вси воротца были да отворены,
Как вси заходы были налажены,
А столиков-то было — да смету нет.
Как тут да шли во гридни столовые,
Полным-полна была да палатушка,
Еще сколько было ведь на улице.
Как садится Илюшенька Муромец

Во это ведь место во большее,
Говорит Илья таковы слова:
«Ай же Владимир-князь да стольнѣ-киевский!
Давай-ка мне еще да пожалуйста
Вина ведь по тых гостей-то ведь,
Тых гостей да посадских».
А у князя-то ведь да жалко ведь.
Бежал Илья во погребы глубокие,
Как выкидал ведь бочку сорбѣк ведѣр,
Другу бочку ён да выкатывал,
Выкатил ён да на улицу.
Как стали пить ведь да бочку ведь,
Выпили всю — да другу ту пьют.
Как много ведь голей принапилося,
Много ведь голей поподохнуло.
Как закрычал Илья громким голосом:
«Все ли, голи, вы принапилися,
Все ли, голи, вы припоилися?»
Как было из голей таковых людей:
«Да нам-то нужно мало — да хватило ведь».
Как князь бежал в погреба глубокие,
Закрычал ведь князь да Владимир стольнѣ-

киевский:

«Запирайте ставни великие,
Замыкайте ставни великие,
Замыкайте дубьямы-колодьямы,
Чтоб оттуль не повышел ведь».
За ты ли как ставни призаперли
Тут ведь дубьямы-колодьямы, —
Оттуль-то выйти нельзя былѣ.
Остался во погребах глубоких
За тума замкамы да крепкима.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ В ССОРЕ С ВЛАДИМИРОМ

А тот ли-то князь да стольнѣ-киевский
А-й сделал как, задернул свой почестный пир
Для князей, для бояр да для богатырей,
А для тых богатырей да русских,
Чтобы всяко званіе да шло туды,
А на тот, на тот да на почестный пир
А к стольнему князю кѹ Владимиру.
Да забыл он позвать да что лучшего,
А что лучшего да лучшего богатыря,
А старого казака Илью Муромца.
Да тут-то ведь к Илюше не к лицу пришло,
А не к лицу пришло, стало похабно есть,
И тут-то Илья да раззадорился,
А тут-то Илья да разретивился.
Как скоро натянул он свой тугой лук,
А клал он тут стрелочку каленую,
А тут-то сам Илюшенька раздумался:
«А что мне, молодцу, будѣ поделати?»
А я нынь, молодец, е разгневанный,
А я нынь, молодец, есть раздрáженный».
Как он-то за тым тут повыдумал,
А стрелил-то он тут по божьѣм церквам,
А по тым стредил по чуднѣм крестам,
А по тым маковкам да золоченым.
Да пали тут тьи маковки,
Да пали тут, отпали на сыру землю,
Да сам он закрычал тут во всю голову:
«Да ай же вы были, голи мои,

А голи мои вы кабацкие,
 А доброхоты-то вы еще царские!
 А собирайтесь-ко вы да сюда-то вси,
 А обирайте маковки вси золоченые,
 А подемте-ко вы да со мной еще
 А тот-то на тот да на царев кабак,
 Как станем нунь пить да зелена вина,
 Да станем-то пить да заодно со мной».

Да как тут-то эти да голи были,
 А голи были оны кабацкие,
 А доброхоты всё были царские,
 Обирали маковки тыи золоченые,
 Самы оны к ему да прибегают все:
 «А батюшка ты, да отец наш был!»

А пили тут оны да зелено вино,
 Как пили тут оны да заоднёшенько.
 Да как видит-то князь, что беда пришла,
 А беда та пришла да неминучая, —
 Да как тут-то он да е скорым-скоро,
 А скорым-скорó, скорó-скорёшенько,
 А сделал он, задернул тут почестный пир
 А для старого казака Ильи Муромца.
 Да тут-то ведь князь да стольнё-киевский,
 Да тут-то ведь он еще думал есть
 Со князьями, со бояры со русийскими,
 А со тыма со могучима богатырмы:
 «А думайте-тко, братцы, вы нунь думушку,
 А думайтё-тко, братцы, думу крепкую,
 А думайте думу, не продумайте, —
 А нам кого будёт послать да Илью позвать,
 А позвать сюды к нам на почестный пир
 А старого казака Илью Муромца?»

А как тут-то они да думу думали:
 «А нам-то есть кого послать Илью позвать?»
 А пошлем-ка мы Добрынюшку Микитича,
 Он ёму да ведь брат крестовый,
 А крестовый-то братец, да названыи,
 Дак он-то, бывает, его послушает».

Как тут-то Добрынюшка Микитинич,
 А приходит-то он братцу да крестовому,
 Да как здравствует он братца да крестового:
 «А здравствуй-ко, братец мой крестовыйи,

А крестовый братец мой, названный!»
Да как старый казак Илья Муромец,
Да как он-то его да также здоровствует:
«Ай здравствуй-ко, брат мой крестовый,
А молодой Добрынюшка Микитинич!
Ты зачем же пришел да загулял сюда?» —
«А пришел-то я, братец, загулял к тебе,
А о деле-то пришел да не о малом.
Да у нас-то с тобой было раньше того,
А раньше того дело поделано,
А пописи были пописаны,
А заповеди да попо́лжонны:
А слушать-то брату да меньшему,
А меньшему слушать брата большего.
Да еще-то как у нас да есте с тобой, —
А слушать-то брату ведь большему,
А-й большему слушать брата меньшего».
Да тут го́ворит Илья таково слово:
«Ах ты, братец да мой да был крестовый!
Да как нунечку-топеречку у нас с тобой
А все-то пописи да были ведь пописаны,
А заповеди были попо́ложены, —
А слушать-то брату ведь меньшему,
А меньшему слушать да большего,
А большему слушать брата меньшего;
Кабы не братец ты крестовый был,
А никого бы я не послушал zde!
Дак послушаю я братца нунь крестового,
А крестового братца я, названого,
А тот ли-то князь стольнѣ-киевский
А знал-то, послать меня кого позвать!
Когда ты меня, Добрынюшка Микитинич,
Меня позвал туды да на почестный пир,
Да я тебя, братец же, послушаю».
Да приходит он к князю к Володимиру,
Да тот старый казак да Илья Муромец
А со тым с Добрынюшком с Микитичем,
А со братом со своим да со крестовым.
А дают ему тут место не меньшее,
А не меньшее место было — большее,
А сядят-то их в больший угол,
А во большой угол да за большой-от стол.

Да как налили тут чару зелена вина,
А несли эту чару́ рядо́м к ему,
А к старому казаку к Ильи к Муромцу.
Да как принял он чару единой рукой,
А выпил он чару во единый здох.
А другу наливали пива пьяного,
А несли эту чару рядо́м к ему,
А принял тут Илюша единой рукой,
Еще выпил он опять тут во единый здох.
Как третью наливали меду сладкого,
Да принял молодец тут единой рукой,
Еще выпил он опять тут во единый здох.
Тут наелися, напились все, накушались,
Да стали тут оны да все пьянешеньки,
А стали тут оны все веселешеньки.
Как говорит Илья тут таково слово:
«Ай же ты, князь стольнѣ-киевский!
А знал-то, послать кого меня позвать,
А послал-то братца ко мне ты крестового,
А того-то мни Добрынюшка Никитича.
Кабы-то мни да ведь не братец был,
А никого-то я бы не послушал зде,
А скоро натянул бы я свой тугой лук,
Да клал бы я стрелочку каленую,
Да стрелил бы ти в грудню во столовую,
А я убил бы тя, князя, со княгиною.
За это я тебе-то нуль прощу
А этую вину да ту великую».

ДАНИЛА ЛОВЧАНИН

У князя было у Владимира,
У киевского солнышка Сеславича
Было пированьице почестное,
Честно и хвально, больно радышно
На многи князья и б́оря,
На сильных могучих богáтырей.
Впóлсыта бояра наедалися,
Впóлпьяна бояра напивалися,
Промеж себя бояра похвалялися:
Сильн-ат хвалится силою,
Богатый хвалится богатством,
Купцы-те хвалятся товарами,
Товарами хвалятся заморскими,
Бояра-то хвалятся поместьями,
Они хвалятся вотчинами.
Один только не хвалится Данила Денисьевич.
Тут возгóворит сам Володимир-князь:
«Ох ты гой еси, Данилушка Денисьевич!
Еще что ты у меня ничем не хвалишься?
Али нечем те похвалитися?
Али нету у тея золотой казны,
Али нету у тея молодой жоны,
Али нету у тея платья светного?»
Ответ держит Данила Денисьевич:
«Уж ты, батюшка наш Володимир-князь!
Есть у меня золота казна,
Еще есть у меня и молода жона,
Еще есть у меня и платье светное;

Нѣшто так я это призадумался». Тут пошел Данила с широка двора. Тут возговорит сам Володимир-князь: «Ох вы гой естя, мои князья-бояра! Уж вы все у меня переженены, Только я один холбст хожу. Вы ищите мне невестушку хорошую, Вы хорошую и пригожую, Чтoб лицом красна и умом сверстна, Чтoб умела русскую грамоту И четью-петью церковному, Чтoбы было кого назвать вам матушкой, Величать бы государыней». Из-за левой было из-за сторонушки Тут возговорит Мишатычка Путятин сын: «Уж ты, батюшка Володимир-князь! Много я ездal по иным землям, Много видал я королевишен, Много видал и из ума пытал: Котора лицом красна — умом не сверстна, Котора умом сверстна — лицом не красна. Не нахаживал я такой красавицы, Не видывал я эдакой пригожицы, — У того ли у Данилы у Денисьича Еще та ли Василиса Никулишна. И лицом она красна, и умом сверстна, И русскую умеет больно грамоту, И четью-петью гoраздо церковному, Еще было бы кого назвать нам матушкой, Величать нам государыней!» Это слово больно князю не показалося, Володимиру словечко не полюбилося. Тут возговорит сам батюшка Володимир-князь: «Еще где это видано, где слыхано — От живого мужа жону отнять!» Приказал Мишатычку казнить-вешати. А Мишатычка Путятин приметлив был, На иную на сторонку перекинулся: «Уж ты, батюшка Володимир-князь! Погоди меня скорó казнить-вешати, Прикажи, государь, слово мóлыти». Приказал ему Володимир слово мóлыти:

«Мы Данилушку пошлем во чисто поле,
Во те ли луга Леванидовы,
Мы ко ключику пошлем ко гремячому,
Велим пымать птичку белогорлицу,
Принести ее к обеду княженецкому,
Что еще убить ему льва лютого,
Принести его к обеду княженецкому».
Это слово князю больно показалось,
Володимиру словечко полюбилось.
Тут возговорит старой казак,
Старой казак Илья Муромец:
«Уж ты, батюшка Володимир-князь!
Изведешь ты ясного сокола,
Не пымать тее белой лебеди!»
Это слово князю не показалось,
Посадил Илью Муромца во погреб.
Садился сам во золот стул,
Он писал ярлыки скорописные,
Посылал их с Мишатычкой в Чернигов-град.
Тут поехал Мишатычка в Чернигов-град
Прямо ко двору ко Данилину и ко терему
Василисину.

На двор-ат въезжает безопасышно,
Во палатушку входит безобсылышно.
Тут возговорит Василиса Никулишна:
«Ты невежа, ты невежа, неотецкий сын!
Для чего ты, невежа, эдак делаешь:
Ты на двор-ат въезжаешь безопасышно,
В палатушкуходишь безобсылышно?»
Ответ держит Мишатычка Путятин сын:
«Ох ты гой еси, Василиса Никулишна!
Не своей я волей к вам в гости зашел,
Прислал меня сам батюшка Володимир-князь
Со теми ярлыками скорописными».
Положил ярлычки, сам вон пошел.
Стала Василиса ярлыки пересматривать,
Заливалася она горючьми слезьми.
Скидавала с сея платье светное,
Надевает на сея платье молодецкое,
Села на добра коня, поехала во чисто поле
Искать мила дружка своего Данилушка.
Нашла она Данилу свет Денисьича,

Возговорит ему таково слово:
«Ты надежинька, надежа, мой сердечный друг,
Да уж мóлодой Данила Денисьевич!
Что останное нам с тобой свиданьице!
Поедем-ка с тобою к широку двору».
Тут возгóворит Данила Денисьевич:
«Ох ты гой еси, Василисушка Никулишна!
Погуляем-ка в остатки по чисту полю,
Побьем с тобой гуськов да лебедушок!»
Погулямши, поехали к широку двору.
Возгóворит Данила свет Денисьевич:
«Внеси-ка мне малóй колчан каленых стрел».
Несет она большой колчан каленых стрел.
Возгóворит Данилушка Денисьевич:
Ты невежа, ты невежа, неотецка дочь!
Чего ради ты, невежа, ослушаешься?
Аль не чаешь над собою большего?»
Василисушка на это не прогневалась,
И возговорит ему таково слово:
«Ты надежинька, мой сердечный друг,
Да уж мóлодой Данилушка Денисьевич!
Лишняя стрелычка тее пригóдится:
Пойдет она не по князе, не по барине,
А по свым брате богáтыре».
Поехал Данила во чисто поле,
Что во те луга Леванидовы,
Что ко ключику ко гремячему,
И к колодезю приехал ко студеному.
Берет Данила трубыньку подзорную,
Глядит ко городу ко Киеву.
Не белы снеги забелелися,
Не черные грязи зачернелися,
Забелелася, зачернелася сила русская
На того ли на Данилу на Денисьича.
Тут заплакал Данила горючьими слезьми,
Возгóворит он таково слово:
«Знать, гораздо я князю стал ненадобен,
Знать, Володимиру не слуга я был!»
Берет Данила саблю боевую,
Прирубил Денисьич силу русскую.
Погодя того времечко манешенько,

Берет Данила трубычку подзорную,
Глядит ко городу ко Киеву.
Не два слона в чистѣм поле слонятся,
Не два сыры дуба шатаются,
Слонятся-шатаются два богатыря
На того ли на Данилу на Денисьича, —
Его родной брат Никита Денисьевич
И названный брат Добрыня Никитович.
Тут заплакал Данила горючѣмъ слезѣмъ:
«Уж и вправду, знать, на меня господь

прогневался,

Володимир-князь на удалого осердился!»
Тут возговорит Данила Денисьевич:
«Еще где это слыхано, где видано —
Брат на брата со боѣм идет?»
Берет Данила сво вострѣ копые,
Тупым концом втыкат во сырѣ землю,
А на вострый конец сам упал.
Спорол сее Данила груди белые,
Покрыл сее Денисьич очи ясные.
Подъезжали к нему два богатыря,
Заплакали об нем горючѣмъ слезѣмъ,
Поплакамши, назад воротилися.
Сказали князю Володимиру: «Не стало Данилы,
Что того ли удалого Денисьича!»
Тут собирает Володимир поезд-ат,
Садился в колѣсычку во зѣлоту,
Поехали ко городу Чернигову.
Приехали ко двору ко Данилину,
Восходят во терем Василисин-ат.
Целовал ее Володимир во сахарные уста,
Возговорит Василиса Никулишна:
«Уж ты, батюшка Володимир-князь!
Не целуй меня в уста во крѣвавы,
Без мого друга Данилы Денисьича».
Тут возговорит Володимир-князь:
«Ох ты гой еси, Василиса Никулишна!
Наряжайся ты в платье светное,
В платье светное, подвенечное».
Наряжалась она в платье светное,
Взяла с собой булатный нож.
Поехали ко городу ко Киеву,

Поверстались супротив лугов Леванидовых,
Тут возговорит Василиса Никулишна:
«Уж ты, батюшка Володимир-князь!
Пусти меня проститься с милым дружкой
Со тем ли Данилой Денисьичем».
Посылал он с ней двух богатырей.
Подходила Василиса ко милу дружку,
Поклонилась она Даниле Денисьичу,
Поклонилась она да восклонила,
Возговорит она двум богатырям:
«Ох вы гой естя, моё вы два богатыря!
Вы подите скажите князю Володимиру,
Чтобы не дал нам валяться по чисту полю,
По чисту полю со милым дружкой,
Со тем ли Данилой Денисьичем».
Берет Василиса свой булатный нож,
Спорола сее Василисушка груди белые,
Покрыла сее Василиса очи ясные.
Заплакали по ней два богатыря,
Пошли они ко князю Володимиру:
«Уж ты, батюшка Володимир-князь!
Не стало нашей матушки Василисы Никулишны.
Перед смертью она нам промолыла:
„Ох вы гой естя, моё вы два богатыря!
Вы подите скажите князю Володимиру,
Чтобы не дал нам валяться по чисту полю,
По чисту полю со милым дружкой,
Со тем ли Данилой Денисьичем”».
Приехал Володимир во Киев-град,
Выпускал Илью Муромца из погреба,
Целовал его в головку, во темечко:
«Правду сказал ты, старбый казак,
Старой казак Илья Муромец!»
Жаловал его шубой соболиною,
А Мишатке пожаловал смолы котел.

ИВАН ГОСТИНЫЙ СЫН

В стольном городе во Киеве,
У славного князя Владимира
Было пиrowанья почестной пир,
Было столованья почестной стол,
На многи князи-бóяра,
И на русские могучие богáтыри,
И <на> гости богатые.
Будет день в половина дня,
Будет пир во полупире,
Владимир-князь распотешился,
По светлой гридне похаживает,
Таковы слова поговаривает:
«Гой еси, князи и бóяра
И все русские могучие богáтыри!
Есть ли в Киеве таков человек,
Кто б похвалился на триста жеребцов,
На триста жеребцов и на три жеребца

похваленые:

Сив жеребец, да кологрив жеребец,
И который полонен Воронко во Большой орде, —
Полонил Илья Муромец сын Иванович
Как у молода Тугарина Змеевича, —
Из Киева бежать до Чернигова
Два девяноста-то мерных верст,
Промеж обедней и заутренею?»
Как бы большой за меньшего хоронится,
От меньшего ему тут, князю, ответу нету.
Из того стола княженецкого,

Из той скамьи богатырския
Выступается Иван Гостиный сын,
И скочил на свое место богатырское,
Да кричит он, Иван, зычным голосом:
«Гой еси ты, сударь, ласковой Владимир-князь!
Нет у тебя в Киеве охотников
А и быть перед князем невольником!
Я похваюсь на триста жеребцов
И на три жеребца похваленые:
А сив жеребец, да кологрив жеребец,
Да третей жеребец полонян Воронко,
Да которой полонян во Большой орде, —
Полонил Илья Муромец сын Иванович
Как у молода Тугарина Змеевича, —
Ехать дорога не ближняя,
И скакать из Киева до Чернигова
Два девяноста-то мерных верст,
Промежу обедни и заутрени,
Ускоки давать конинные,
Что выметывать раздолья широкие.
А бьюсь я, Иван, о велик заклад,
Не о сте рублях, не о тысячу —
О своей буйной голове».
За князя Владимира держат поруки крепкие
Все тут князи и бояра, тут-де гости
корабельщики,
Закладу они за князя кладут на сто тысячей,
А никто-де тут за Ивана поруки не держит.
Пригодился тут владыка Черниговский,
А и он-то за Ивана поруку держит,
Те он поруки крепкие,
Крепкие на сто тысячей.
Подписался молоды Иван Гостиный сын,
Он выпил чару зелена вина в полтора ведра,
Походил он на конюшню белодубову,
Ко своему доброму коню,
К Бурочку-косматочку, троелеточку,
Падал ему в правое копытечка.
Плачет Иван, что река течет:
«Гой еси ты, мой доброй конь,
Бурочко-косматочко, троелеточко!
Про то ты ведь не знаешь, не ведаешь!»

А пробил я, Иван, буйну голову свою
Со тобою, добрым конем,
Бился с князем о велик заклад,
А не о сте рублях, не о тысячу —
Бился с ним о сте тысячей,
Захвастался на триста жеребцов,
А на три жеребца похваленые:
Сив жеребец, да кологрив жеребец,
И третей жеребец полонян Воронко;
Бегати-скакать на добрых на конях,
Из Киева скакать до Чернигова,
Промежу обедни — заутрени,
Ускоки давать кониные,
Что выметывать раздолья широкие». —
Провещится ему доброй конь,
Бурочко-косматочко, троелеточко,
Человеческим русским языком:
«Гой еси, хозяин ласковый мой!
Ни о чем ты, Иван, не печалуйся,
Сива жеребца того не боюсь,
Кологрива жеребца того не блюдусь,
В задор войду — у Воронка уйду,
Только меня води по три зори,
Медвяною сытою пои
И сорочинским пшеном корми.
И пройдут те дни срочные,
И <пройдут> те часы урочные,
Придет от князя грозен посол
По тебя-то, Ивана Гостиного,
Чтобы бегати-скакати на добрых на конях, —
Не седлай ты меня, Иван, добра коня,
Только берись за шелков поводок.
Поведешь по двору княженецкому,
Вздень на себя шубу соболиную,
Да котора шуба в три тысячи,
Пуговки в пять тысячей;
Поведешь по двору княженецкому,
А стану-де я, Бурка, передом ходить,
Копытами за шубу посапывати,
И по черному соболю выхватывати,
На все стороны побрасывати, —
Князи-бóяра подивуются,

И ты будешь жив — шубу наживешь,
А не будешь жив — будто нашивал».
По-сказанному и по-писанному:
От великого князя посол пришел,
А завет-то Ивана на княженецкий двор.
Скоро-де Иван наряжается,
И вздевал на себя шубу соболиную,
Которой шубы цена три тысячи,
А пугови вальщатые в пять тысячей,
И повел он коня за шелков поводок.
Он будет-де, Иван, среди двора княженецкого,
Стал его Буркó передóm ходить,
И копытами он за шубу посапывати,
И по черному соболю выхватывати,
Он на все стороны побрасывати, —
Князи и бóяра дивуются,
Купецкие люди засмотрелися.
Зрявкает Буркó по-туриному,
Он шип пустил по-змеиному,
Триста жеребцов испужались,
С княженецкого двора разбежались,
Сив жеребец две ноги изломил,
Кологрив жеребец тот и голову сломил,
Полонян Воронко в Золоту орду бежит,
Он, хвост подняв, сам всхрапывает.
А князи-то и бояра испужались,
Все тут люди купецкие,
Окарачь они по двору напóлзались,
А Владимир-князь со княгинею печален стал,
По подполью напóлзались,
Кричит сам в окошечко косящатое:
«Гой еси ты, Иван Гостиный сын!
Уведи ты уродья со двора долой.
Просты поруки крепкие,
Записи все изодранные!»
Втапóры владыка Черниговский
У великого князя на почестном пиру
Велел захватить три корабля на быстром Непру,
Велел похватить корабли
С теми товары заморскими, —
«А князи-де и бояра никуда от нас не уйдут».

СТАВЕР ГОДИНОВИЧ

Как во стольном было городе во Кieve
А у ласкового князя у Владимира,
А ведь было пированьице — почестен пир
На многѣх князей, на многѣх бѣяров,
Да на сильных могучих богатырей,
Да на славных полениц да разудалых.
Вполсыта тут все да наедались,
Вполпьяна все тут да напивались,
Напивались, наедались, порасхвастались.
Умный хвастает отцом да матерью,
Неразумный хвастает молодой женой,
А иной ведь хвастает да добрым конем,
Иный хвастает именем-богачеством,
Иный хвастает поездкой богатырской.
А Владимир-князь да стольно-киевский,
Он по горенке столовой похаживал,
Между столички дубовые погуливал,
А он желтыми кудрями да потряхивал,
Пословесно князь Владимир выговаривал:
«А ведь все вы, молодцы, да на честном пиру,
На честном пиру вы пьяны-веселы,
Пьяны-веселы, все порасхвастались.
А один сидит ведь гость черниговский,
А сидит Ставер да он Годинович,
Он сидит не ест, не пьет, не кушает,
•Белой лебеди моей не рушает,
А сидит Ставер, ничем не хвастает».
Говорил в ответ Ставер Годинович:
«Ай же князь Владимир стольный киевский!

Не вели казнить, позволь мне вымолвить.
 А ведь нечем мне, Ставру, й похвастаться:
 Мне похвастать, не похвастать молодой женой,
 Василисой дочерью Микуличной.
 Как во лбу-то у ней да светел месѣц,
 По косичкам у ней да звезды частые,
 Она й личиком есть очень белая,
 Ясны очушки у ней, как ясна сокола,
 Черны бровушки у ней, как черна соболя.
 Она всех князей твоих продаст да й выкупит,
 А тебя, князя Владимира, с ума сведет
 Со твоей Апраксей-королевичной».

Так ведь князю это дело не слюбилося,
 Не слюбилося князю, не в любив пришло.
 Так вскричал тут князь Владимир громким голосом:
 «Ай же слуги мои, вы, слуги верные!
 А берите-тка Ставра да за белы руки,
 За его за рученьки за белые,
 За его за перстни за злаченые,
 А ведите-тко на погреба й глубокие,
 А за теи за решеточки железные.
 Посадите-ко Ставра да его й на воду,
 На овес поставьте его, на воду.

А посмотрим, как Ставрова молода жена,
 Молодая Василиса дочь Микулична,
 А посмотрим, пусть-ка мўженька повыкупит,
 Пусть-ка всех князей продаст да выкупит,
 А меня, князя Владимира, с ума сведет
 Со своей Апраксей-королевичной».

Подходили тут да слуги верные,
 А берут Ставра за рученьки за белые,
 За его за перстни за злаченые,
 Выводили из-за столичков дубовых,
 Поднимали со скамеечек окольних,
 Повели Ставра на погреба глубокие,
 А за тее ль за решеточки железные,
 Посадили Ставра его на воду,
 На овес Ставра да еще й на воду,
 Не на мала поры-времечки — по три году,
 На три годик да й на три месѣца,
 На три месѣца еще на три дня.
 Может, там Ставер приобумется,

А посмотрим-ка Ставрову молоду жену,
Как ведь муженька из погребов повыкупит.
Как пришла тут весточка нерадостна,
А нерадостна да весть да во Чернигов-град
Василисе дочери Микуличной,
Что посаженный Ставер Гоудинович
А во тее ли во погребѣ глубокие,
А за тее ль за решоточки железные
Не на мала — на три года, на три месяца,
На три месяца да еще й на три дня.
Позадумала тут Василиса дочь Микулична,
Как ей мѹженька из погребов повыкупить
Скоро-наскоро догадочкою женскою,
Она здумала еще скорешенько,
Выстригала да волосы да женские,
Она сделалась Васильюшкой Окуличом,
Называла себя грозным послѣм Васильюшкой
От того ль собаки царя Калина,
Подбирала дружинишку хоробрую
Она сорок молодцов да без единого,
А сам Василий был сороковой из них.
Брал с собой Василий саблю вострую,
Свое длинное копье да муржемецкое,
А берет свой тугой лук разрывчатый,
Да й набрал он много стрелочек каленых.
Заседлали коней богатырских
И поехали из города Чернигова,
Из Чернигова ко городу ко Киеву.
Подъезжали под славный стольный Киев-град,
Молодой Василий да й Окулович
Он раздернул шатры да полотняные,
Насыпал он коням пшена да белоярого,
А оставил свою дружинишку хоробрую,
Сам поехал один да в стольный Киев-град.
Приезжал ко князю на широкий двор,
Поскорешеньку соскочит со добра коня,
Сам идет в палаты белокаменны,
На пята он дверь да й поразмахивал,
Никому Васильюшка челом не бил,
Подходил ко князю ко Владимиру,
Доставал он грамотку-посылочку,
А он бросил пакет князю о зѣлѣ стол,

Пословесно князю й выговаривал:
 «Ай же князь Владимир стольно-киевский!
 Я грозен посол собаки царя Калина
 Молодой Васильюшка Окулович,
 А привез к тебе я грамотку посылную.
 Так ведь пишет собака царя Калина,
 Чтобы князь Владимир стольно-киевский
 А очистил бы улицы широкие,
 Да поставил бы бочечки дубовые,
 Бочечки дубовые с зелёным вином,
 Да повесил бы черпала медные,
 Чтобы было чем татарам позабавиться.
 А очистил бы князь Владимир церкви божие,
 А бы сделать стойла лошадиные.
 А очистил бы князь Владимир в трое суток».

Распрогневался князь Владимир стольно-киевский,
 Распрогневался да пораздумался:
 «Если б был старбый казак да Илья Муромец,
 Он очистил бы все эти церкви божие,
 Постоял бы он за церкви божие,
 Постоял бы он за веру православную,
 Защищал бы он меня, князя Владимира,
 Со своей Апраксей-королевичной».

А молоденький Васильюшка Окулович,
 Он по князевой горнице похаживал
 Да племянницу он замуж подговаривал.
 Говорит Васильюшка Окулович:
 «Ай же князь Владимир стольно-киевский!
 А отдай-ка за меня замуж племянницу,
 Молоду Забаву й дочь Путятичну».

На великих радостях Владимир-князь:
 «Я сейчас пойду с племянницей поведаю».

Уходили в палаты белокаменны.
 Говорила Забава дочь Путятична:
 «Ай же дядюшка ты, князь Владимир стольно-киевский!
 Не отдай-ка племянницы за женщину.
 Не богатырь есть тут, а есть женщина:
 Как по улочкам идет, будто уточка плывет,
 По ступенечкам ступает потихонечку.
 А ведь голос у нея как будто с прбдвизгом,
 С поволокою глаза поваживает,

А на тех на рученьках на белых

Даже дужки от колечичек на пальцах знать,
Даже дужки от колечичек не вышли вон».
Говорит Владимир стольно-киевский:
«Я сейчас пойду посланничка попробую».
Говорит Васильюшка Окуличу:
«Молодой Васильюшка Окулович!
Не угодно ль со борцами поборотися
А во время этой нашей свадебки,
Пусть племянница моя еще подумает».
Говорит Васильюшка Окулович:
«Ай же князь Владимир стольно-киевский!
Выйду я на двор да позабавиться».
Выходил на двор Васильюшка Окулович,
Стал Васильюшка по двору похаживать,
Стал Васильюшка богатырей поталкивать,
А поталкивать стал, попинывать,
В одну кучу он да роет пóтрое,
А в другую кучу целым полдесяточком.
Так тут плюнул князь Владимир да и прочь пошел:
«Неразумная Забава дочь Путятична —
Называет женщиной богатыря».
Говорит Забава дочь Путятична:
«Не отдай-ка ты, мой родный дядюшка,
Не отдай-ка девицы за женщину,
Не наделай смеху по святой Руси».
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Я пойду посланничка попробую,
А попробуём стрелять мы из туга лука».
Говорит Васильюшка Окуличу:
«Молодой Васильюшка Окулович,
Ты грозён посол собаки царя Калина!
Не угодно ль будет позабавиться,
Пострелять с тобой нам из туга лука,
Из туга лука да й во чистом полѣ».
Говорит Васильюшка Окулович:
«Ай же князь Владимир стольно-киевский!
А давай пойдём-ка мы попробуем».
Выходил Василий во чисто полѣ,
Отстянул свой тугой лук разрывчатый,
Натянул тетивочку шелковую,
Налагает стрелочку каленую,
Да й спустил тетивочку шелковую

А во тую ль стрелочку каленую;
Как просвистнула тут стрелочка каленая,
А попала стрелка по сыру дубу,
Разлетелся дуб на черни на ножовые.
Так тут плюнул князь Владимир да и прочь пошел:
«Ай же глупая Забава, неразумная —
Называет женщиной богатыря».
Говорит опять Забава дочь Путятична:
«Ай же дядюшка ты мой любимыи,
А ты, ласков князь Владимир стольно-киевский!
А не посланничёк, а есть тут женщина».
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Я пойду посланничка отведаю».
Подходил к Васильюшку Окулычу,
Говорит Васильюшку Окулычу:
«Ай же ты, Васильюшка Окулович,
Ты грозен посол собаки царя Калина!
Не угодно ль опосля пути-дороженьки
А сходить да в нашу парну баенку?»
Говорит Васильюшка Окулович:
«А ведь можно сходить да в парну баенку».
Скоро-наскоро топили да готовили
Посмотреть Васильюшку Окулича
А во той ли парной теплой баенке.
Как стопили теплу парну эту баенку,
Молодой Васильюшка Окулович
Заходил он в теплу парну баенку,
Вымыл он себе одну головушку,
Поскорешеньку выходит с парной баенки.
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Мало мылись вы, Васильюшка Окулович,
В нашем Киеве во теплой парной баенке».
Говорит Васильюшка Окулович:
«Ай же князь Владимир стольно-киевский!
А ведь мылся я да по-дорожному,
Так что хватит мне, Васильюшку Окулычу».
Говорит Забава дочь Путятична:
«Ай же ты, мой дядюшка любимой,
А ты ласков князь Владимир стольно-киевский!
Не отдай-ка девицу за женщину —
Как по улочке идет, как быдто уточка плышет,
По ступенечкам ступает потихонечку.

А ведь голос у ней как будто с прѣдвизгом,
А глаза-то с поволокою поваживает,
Даже дужки от колечечек не вышли вон
А на тех ли ручечках на белых».
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Я пойду посланничка попробую».
Говорит Васильюшку Окуличу:
«Молодой Васильюшка Окулович!
А оставим-ка-сь мы свадебку до завтрия.
Отдохни-тко-сь на перинушке пуховой,
А на той ли кроваточке тесовой».
Спать ложили на кроваточку тесовую,
А на тую ль на перинушку пуховую,
Закрывали ключами во отдельну комнату:
Ежеле мужик, так на перинушке,
А на той ли на перинушке пуховой,
Под плечами у него да будет ямочка;
А ведь не богатырь — женщина,
Так на той ли на перинке на пуховой
А тогда под < > будет ямочка.
Как встает поутрушку ранешенько
Молодой Васильюшка Окулович,
В другу сторону перинку поворачивал,
Что была бы под плечами ямочка.
Как приходит князь Владимир стольно-киевский,
Утром рано он будить пришел посланничка,
Подходил к кроваточке тесовой,
А ко той ли перинушке пуховой,
Говорит Васильюшку Окуличу:
«А вставай-ка ты, Васильюшка Окулович,
Что ты крепко спишь да прохлаждаешься
А в моих ты теремах высоких?»
Как вставал Васильюшка Окулович,
А вставал с перинушки пуховой,
Выходил с кроваточки тесовой,
Да й садился Василий на ременчат стул,
Обувает сидит да ножки резвые.
Так тут плюнул князь да й прочь пошел:
«Ай же глупая Забава, неразумная —
Признавает богатыря за женщину».
Так тут князь Владимир стольно-киевский,
Открывал тут князь Владимир пированьице,

Пированьице да й столованьице,
Созывал он всех князей да б́ояров,
А он сильных могучиих богáтырей,
Да он славных полениц да разудалых.
Начинают играть да й оны свадебку.
Собиралися да все князья да б́ояра,
Собралися сильные могучие богáтыри,
Так съездялись поленицы разудале
А к тому ли князю ко Владимиру,
А ко той ли Забавушке на свадебку.
А ведь пир идет да й пированьице,
А широкое да й столованьице,
А ведь все сидят да пьют да прохлаждаются.
Молодой Васильюшка Окулович,
Он сидит не ест, не пьет, не кушает,
Белой лебеди он князевой не рушает.
Говорил тут князь Владимир стольно-киевский:
«Что-то думает-то младой Васильюшка Окулович,
Что-то думает возлюбленный племянничок?»
А сидит не ест, не пьет, не кушает,
Белой лебеди моей сидит не рушает».
Говорит Васильюшка Окулович:
«Ай же князь Владимир стольно-киевский!
У ты нет ли в засаде загусельщиков,
Загусельщиков в засаде, затюремщиков?»
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«У меня ведь есть да загусельщики».
Выпускает он тут всех загусельщиков.
Все сидят играют на гусельках яровчатых.
Это всё для Васильюшка невесело.
Говорит Васильюшка й Окулович:
«Ай же ласков князь Владимир стольно-киевский!
У ты нет ли в засаде загусельщика,
У ты нет ли в стольном городе во Кieve,
Где-то есть сидит ведь гость черниговский,
Молодой Ставер сидит Гоудинович?»
Так стоит тут князь да пораздумался:
«Если дать Ставра, так не видать Ставра,
А не дать Ставра, так разгневить посла».
«Ай же слуги мои вы, слуги верные!
Открывайте-тко вы погреба глубокие,
Вынимайте-тко решеточки железные,

Выпускайте-тко Ставра Годинова».
Тут идут посланнички по погребам,
А ведут Ставра да за белы руки.
Так берет Ставер да он Годинович,
Взял он в руки гусельшки яровчаты,
Стал он струночки по струночкам поваживать,
Он найгрышки выигрывал хорошие.
Так тут все на пиру приослушались,
Приослушались да призадумались:
«А ведь жили мы, братцы, век и по веку,
А такой ведь игры на свете не видано,
Да и на белом еще не слыхано».
Говорит Васильюшка Окулович:
«Ай же князь Владимир стольно-киевский!
А поеду со Ставром да во чисто поле,
Покажу ему дружинушку хоробрую.
А росли ведь со Ставром мы близко-поблизку,
Вместе грамоте мы со Ставром училися,
Так что мне-ка этот ведь Ставер Годинович,
Хорошо мы с ним да ведь познакомились».
Выходили из-за столичков дубовых,
Из-за тех из-за скамеечек окольных.
Молодой Васильюшка Окулович,
Молодой да гость черниговский,
Гость черниговский Ставер Годинович,
Выходили ко князю на широкий двор.
Они сели на добрых коней, поехали,
Приеждяли в раздольице чисто поле,
Приеждяли ко тем ли ко белым шатрам,
Где оставлена дружинушка хоробрая.
Молодая Василиса дочь Микулична
Поскорешеньку сошла да во белой шатер,
Раздевала платица мужичьи,
Одевала платье на себя тут женское,
Выходила поскорешеньку из бела шатра,
Говорит она Ставру Годиночу:
«А теперича, Ставер Годинович,
Может, ты меня да не узнаешь ли?»
Оне с друг с другом тут спознавались,
Спознавались, в кресты расцеловались.
Говорит ведь тут Ставер Годинович:
«Молода жена ты, Василиса дочь Микулична!

А теперь поедем-ка в Чернигов-град,
Я дарю за то вам дары драгоценные,
Что меня из погребца повывела».

Говорит тут Василиса дочь Микулична:
«Ай же глупый ты, Ставер Гоудинович!
А мы крадучись из Киева уехали,
Так не честь-хвала нам будет от богатырей,
Надо ехать свадебкой доигрывать».

Они сели на добрых коней, поехали
А во тот во славный стольный Киев-град.
Приеждяют ко князю на широкий двор,
Скоро-наскоро идут в палаты белокаменны,
На пята тут дверь да поразма́хнули,
Говорит тут Василиса дочь Микулична:
«Ай же ласков князь Владимир стольно-киевский!
Не грозен я посол собаки царя Калина,
Молода жена я Василиса дочь Микулична
А того ли молода Ставра Гоудинова.
Как посадил Ставра ты в погребца глубокие,
А за тее ли за решеточки железные,
Я тут крепко думушкой подумала,
Как мне мўженька из погребца повыкупить,
А повыкупить его й повыручить.
Так приехала к тебе грозным послом
От того ли собаки царя Калина».

Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Говорила мне Забава дочь Путятична,
Что не выдай-ка за женщину ты дёвицы». —
«Ласков князь Владимир стольно-киевский,
Ай же дядюшка ты мой любимой!
Чуть не выдал девушки за женщину,
А наделал ты смеху по святой Руси». —
«Молодой ведь ты Ставер Гоудинович!
(Говорит тут князь Владимир стольно-киевский)
Василисой дочерью Микуличной
Знал своей похвастать молодой женой.
А торгуй, Ставер, ты век и по́ веку
Ты за эти речи за умелые,
Век и по́ веку торгуй, Ставер, в Чернигове,
А в Чернигове торгуй, во Киеве,
Век и по́ веку торгуй, Ставер, без пошлины».

Так ведь тем-то былиночка окончилась.

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Во той было Индии во богатя
А был молодой боярин Дюк Степанович;
Он ходил по тихим по заводям,
Стрелял серых гусей и лебедей.
Он всех выстрелял ровно триста стрел,
Ровно триста стрел да еще три стрелы.
Он трем-то стам стрелам цену ведает,
Только трем стрелам цены не ведает.
Как из-под камешка из-под яхонта,
Из-под яхонта да самоцветного
Убил он три орла, он три орловища.
А не тех убил, которые летают по святой Руси,
Он тех убил, которые летают по синим морям.
Как едут гости корабельщики,
Поднимают это перушко орлиное.
Продавали это перушко
Подороже-то атласу, рыта бархату.
Покупали мужички-то да индейские,
Приносили это перушко в подарочек
Ко его ли ко Дюкову батюшко.
А он сам стрелял, молодой боярин Дюк Степанович.
Он с таких ли великих со радостей,
Пошел он к государыне родной матушке
Просить прѣщеньица с благословеньицем
Ехать ко граду ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру
Он прямой дорожкой, не окольною.
Как проговорила его государыня родна матушка,
Родна матушка Мальфа Тимофеевна:

«Я не дам тебе прощеньица с благословеньицем
Ехать ко граду ко Киеву,
Ко ласковому ко князю ко Владимиру
Прямой дорожкой, не окольною.
А прямой дорожкой, не окольною,
Есть три за́ставы там да великие:
А первая-то за́става есть горы там толкучие,
В другой раз столкнутся, а в дру́горы истолкнутся,
Тут тебе, Дюку, не проехать,
Тут тебе, молодому, живу́ не быть.
Есть там другая застава — птицы клевучие,
Они тебя, Дюка, и с конем склюют,
Тут тебе, Дюку, не проехать,
Тут тебе, молодому, живу не быть.
Есть третья там застава — лежит змеищю Горынчищю,
О двенадцати змея о хоботах,
И тая тебя и с конем сожрет,
Тут тебе, Дюку, не проехать,
Тут тебе, молодому, живу не быть».
А он, мболодой боярин Дюк Степанович,
Он не слушал своей да государыни родной матушки,
Пречестной вдовы Мальфы Тимофеевны,
Он пошел во конюшенку стоялую,
Взял он уздицу да ведь тесьмяную,
Он взял бурушко да ведь кавурушка.
Как у бурушка по колен ноги в землю зарощены.
Он кормил бурка́ пшеном да белояровым,
Он поил бурка питьицем медвяным,
Он седлал бурка в черкасское седельшко,
Он потнички-то клал на потнички,
На потнички он клал да ведь войлочки,
А на войлочки черкасское седельшко.
Он натягивал двенадцать тугих подпругов,
А двенадцатый клал для-ради крепости,
Чтобы конь с-под седла не выскочил,
Добра молодца с седла не вырутил.
Подпруги ты были шелковые,
Шпеньки у подпругов булатние,
Пряжки у него да красна золота,
А как шелк не рвется, булат не трется,
Красно золото не ржавеет,
Молодец на кони сидит не стареет.

Он садился на добра коня,
Прощался с государыней родной матушкой.
Как пречестна вдова да Мальфа Тимофеевна
На прощанице ему да наказывала:
«Ай ты, молодой боярин Дюк Степанович!
Если бог тебе судит быть во Киеве
У ласкова князя у Владимира,
Ты не хвастай животишками сиротскими,
Сиротскими животишками вдовиными».
Перво поприще бурке скочил целу версту,
И припадал к земли сыро-матерой,
Испроговорит человеческим голосом:
«Ай же ты, хозяин мой любимый!
Опускайся-ко с меня, добра коня,
Ты бери-тко земли да сыро-матерой,
Ты подвязывай под плечико под право,
Да подвязывай под плечико под левое,
Чтоб не страшно было сидеть на мне, да на
добром коне».

Как молодой боярин Дюк Степанович,
Он опускался ведь да со добра коня,
А он брал земли да сыро-матерой,
Он подвязывал под плечико под право,
Да подвязывал под плечико под левое,
И садился он да на добра коня.
Тут стал бурушко-кавурушка поскакивать,
С горы на гору да с холмы на холму,
А реки, озера перескакивать,
Широкий раздолья между ног пушать.
А приехал он ко граду ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру,
Заехал он среди бела двора,
Поставил он своего добра коня
Непривязана да неприказана,
А он сам взошел в столову во переднюю,
Он крест кладет по-писаному,
А поклон ведет да по-ученому,
А на все на четыре на стороны,
А княгине Апраксии в особину.
А спроговорит молодой боярин Дюк Степанович:
«Вы здравствуйте, княгиня Апраксия!
А где солнышко Владимир стольне-киевский?»

«А солнышко Владимир стольне-киевский
Ушел он во божью церковь,
К обедни да ко ранняя».
Молодой боярин Дюк Степанович,
Он вышел на улицу на широкую,
На тую дуброву на зеленую,
Пошел он во божью церковь.
Мостовые были землею призасыпаны,
Их подлило водою дождевою,
Замарал он сапожки зелен сафьян.
Пришел он во божью церковь,
Он крест кладет да по-писаному,
Поклон ведет да по-ученому,
На все на четыре на стороны,
А князю Владимиру в особину.
Испроговорит Владимир стольне-киевский:
«Ай же ты, удалый добрый молодец!
Ты из какой земли, из какой орды,
Да как тебя, молодец, именем зовут,
Нарекают по отечеству?» —
«Я из той Индии из богатых,
Молодой боярин Дюк Степанович.
Отстоял дома раннюю заутреню,
А сюда приехал ведь к обедне-де».
Как проговорят князи-бояра,
А также говорят и мелка чета:
«А не быть это млоду Дюку Степановичу,
А какой-нибудь детинушка залётаник.
Он убил князя либо боярина,
Он на платьице свое да ведь поглядывают».
Как и вышли из церкви из божия
На тую улицу на широкую,
На тую дуброву на зеленую,
Мостовые были земелькой принасыпаны,
Их подлило водою дождевою,
Замарал он сапожки зелен сафьян.
Как проговорит молодой боярин Дюк Степанович:
«Я слышал от родителя от батюшки,
А что Киев очень красив-добрест;
Ажно в Киеве всё не по-нашему.
Церквы у вас деревянные,
А маковки на церквах да осиновые.

А у нас ли во Индии во богатые
 Церкви у нас да все каменные,
 А известочкой они да отбелены,
 На церквах-то маковки самоцветные,
 На домах-то крышечки золоченые,
 Мостовые рудожелтыма приусыпаны,
 Сорочинские суконца приразастаны,
 Не замараешь тут сапожков зелен сафьян».

Вот зашли они в палаты княженецкие,
 Садилась за дубовый стол хлеба кушати,
 Стали крупивчатых калачиков они рушати.
 Как молодой боярин Дюк Степанович,
 Он мякйш-то ест, а корочку под стол мечет.

А проговорит Владимир стольне-киевский:
 «Ай же ты, мблдой боярин Дюк Степанович!
 А ты почто мякйш ешь, а корочку под стол мечешь?»

Как проговорит молодой боярин Дюк Степанович:
 «Я слышал от родителя от батюшки,
 Что Киев очень красив-добрест;
 Ажно в Киеве всё не по-нашему.
 У вас печки-то ведь каменные,
 А помелечки у вас да сосновые.
 А как пахнут-то калачики крупивчаты
 На тую серу на сосновую,
 На сосновую серу на кипучую,
 На кипучую серу, на горячую,
 Не могу я есть калачиков крупивчатых.
 Как у мбей государыни у родной матушки,
 Пречестной вдовы Мальфы Тимофеевны,
 У нас печки все-то мурáвленные,
 А помелечки у нас да шелковые,
 А пекет она калачики крупивчаты, —
 Как калачик-то съешь, так дрúгой хочется,
 А другой-то съешь, по третьем душа горит,
 Как третий съешь, четвертый с ума нейдет».

Тут прогбворил Владимир стольне-киевский:
 «Ай же ты, молодой боярин Дюк Степанович!
 А ты мблдой боярин сам захвастливый!
 Ты ударь-ко с нашим Чурилушкой Пленкбвичем о велик
 заклад:

Чтобы ездить вам во чисто поле по трй году,
 А по трй году да еще по три дни,

Чтобы на всякий день кони были сменные,
Чтобы сменные да переменные,
А шерсти такой да бы не было,
А платье на всякий день было сменное,
Чтобы цвету такого да не было;
А на третий день вам идти да ко божьей церкви,
А который из вас добрее выступит,
А другому из вас да голова рубить».
И не спустили тут Дюка Степановича
Съездить за платьем за цветным
Во тую Индию во богатую.
Он сел, боярин, закручинился,
Закручинился да запечалился,
Он повесил свою да буйну голову,
Утупил-то ясны очи во сыру землю.
Он сажился ведь да на ременчат стул,
Писал скорописчатые ёрлычки
Ко своей ли государыне родной матушке,
К пречестной вдове Мальфе Тимофеевне.
Как по Чуриле-то Пленковичу
Держали порукушку двумя грады:
А первым градом — Киевом,
А другим градом — Черниговом.
А по молодому боярину Дюку Степановичу
Держал поруку крепкую
Тот ли владыко Черниговский,
Его ли крестовый он батюшко.
Клал на бурушка сумки переметные,
Сам он говорит таково слово:
«Ай ты, бурушко-кавурушко!
Когда прискачешь во Индию во богатую
К моей-то государыне родной матушке,
Ты заржай-ко голосом лошадиным».
Услыхала голос лошадиный
Его ли государыня родна матушка,
Выбегала на крылечико переднее,
А сама говорит да таково слово:
«Видно, нет жива моего дитятки,
Молода боярина Дюка Степановича».
Как увидала сумки переметные,
И говорит да таково слово:

«Как мой ли молодой боярин Дюк Степанович

захвастривый,

Захвастривый да, звать, захваченный».

Вынимала скорописчатые ёрлычки,

Кладывала туды платица на каждый день,

На каждый день по три платица,

Сменные и переменные по три годы,

По три годы, еще и по три дни.

Отпущала бурушка-кавурушка,

Сама говорит да таково слово:

«Как прискачешь ты во Киев-град,

Во Киев-град на княженецкий двор,

Ты заржай-ко лошадиным голосом».

А молодой боярин Дюк Степанович,

Услыхал он своего добра коня,

Он взял сумки да ведь переметные,

Тут поехали во чисто поле поляковать.

А Чурилушка Пленкович погнал коней он целым стадом,

А молодой боярин Дюк Степанович,

Пораньше-то он повыстанет,

Бурка в росы он повькатает,

На бурке-то шерсть да переменится.

И тут они проездили по три годы,

По три годы да еще по три дни.

А сегодня идти им ко божьей церкви.

А тому ли Чурилушке Пленковичу,

Во своем ли ему городе да деется,

Становился он на крылосо на правое,

А молодой боярин Дюк Степанович,

Становился он на крылосо на левое.

А Чурилушка Пленкович взял он плеточку шелковую,

Стал он плеточкой по пуговкам поваживать,

Пуговкой о пуговку позванивать.

Как от пуговки было да до пуговки

Плывет змеищо Горынчищо,

О двенадцати змея о хоботах.

Как испроговорят князи-бояра,

И также говорит и вся мелка чета:

«Как у нашего Чурилушки Пленковича

Есть отметочка против молода Дюка Степановича».

А молодой боярин Дюк Степанович,

Он повесил свою да буйну голову,

Утупил ясны очи во сыру землю.
 Он взял-то плеточку шелковую,
 Стал плеточкой по пуговкам поваживать,
 Пуговкой о пуговку позванивать.
 Как от пуговки было да до пуговки
 Налетели тут птицы клевучие,
 Наскакали тут звери рыкучие.
 А тут в церкви все да о зень пали,
 О зень пали да йны обмерли.
 Тут проговорит Владимир стольний киевский:
 «Ай же молодой боярин Дюк Степанович!
 Приуйми-тко ты птиц тых клевучиих,
 Призакличь-то тых зверей рыкучиих,
 Да оставь-ко ты народу хоть на семена».
 Тут проговорит молодой боярин Дюк Степанович:
 «Я сегодня не твое ем да кушаю,
 Не хочу тебя и слушати».
 Как проговорит владыко-то Черниговский,
 Его ли крестовый батюшко:
 «Ай же молодой боярин Дюк Степанович!
 Призакличь-ко ты птиц клевучиих,
 Приуйми-тко ты зверей рыкучиих,
 Ты оставь-ко народу нам на семена».
 А тут молодой боярин Дюк Степанович,
 Послушался крестового он батюшки,
 Призакликал птиц он клевучиих,
 Приунял зверей тых рыкучиих.
 Тут проговорит молодой боярин Дюк Степанович:
 «Ай же солнышко Владимир стольний киевский!
 Нам которому с Чурилой голова рубить?»
 Как возговорил Чурилушка Пленкович:
 «Ай же молодой боярин Дюк Степанович!
 Ты ударь-ко со мною о велик заклад:
 А который из нас перескочит через Пучай-реку,
 А который из нас да не перескочит,
 Тому из нас да голова рубить.
 А Пучай-река да на два поприща».
 Тут проговорил молодой боярин Дюк Степанович:
 «А твоя ли похвальба наперед зашла,
 Ты скачи-ко прежде через Пучай-реку».
 Он скакал, Чурило, через Пучай-реку,
 О полу реки Чурило в воду вверзился.

А как молодой боярин Дюк Степанович
Скоро-наскоро скакал да через Пучай-реку,
Он скорее того поворот держал.
О полу реки он к воды припадывал
И Чурилу за желты кудри захватывал,
Повыташил Чурилушку с конем с воды,
И сам он говорит да таково слово:
«Ай ты, солнышко Владимир стольний киевский!
Нам которому с Чурилой голова рубить?»
Тут проговорил Владимир стольний киевский:
«Ай же молодой боярин Дюк Степанович!
Не руби-тко ты Чурилы буйной головы,
Ты оставь-ка нам Чурилу хоть для памяти».
Тут проговорил молодой боярин Дюк Степанович:
«Ай же ты, Чурилушка Пленкович!
А пусть ты князем Владимиром упрошенный,
А киевскими бабами уплаканый.
Ты не ездит-то с нами, со бурлаками,
Ты не ездит во чисто поле поляковать,
А живи ты во граде во Киеве,
В Киеве во граде между бабами».
Тут Владимир стольний киевский,
Посылал он тут общенщичков
Во тую ли Индию во богатую
К пречестной вдове Мальфы Тимофеевной,
Во-первых, старого казака Илью Муромца,
А в-других, молода Добрынюшку Никитича,
А он в-третьих, Олешушку Поповича.
Тут проговорил молодой боярин Дюк Степанович:
«Ай ты, солнышко Владимир стольний киевский!
Не посылай-ка ты Олешушку Поповича, —
У него глазишечка ты поповские,
А поповские глазишевки завидливы,
Не выехать ему из той Индии из богатя.
Не берите-ка бумаги на три месяца,
Вы берите-ка бумаги на три году,
На три году, да еще на три дни».
Тут солнышко Владимир стольний киевский
Отправлял-то старого казака Илью Муромца,
Отправлял-то молода Добрынюшку Никитича.
Как приехали под Индию под богатую,
Они выстали на гору на высокую,

И увидли ту Индию да богатую,
Сами говорят да таково слово:
«Как молодой боярин Дюк Степанович,
Знать, послал он весточку к своей матушке,
Что зажгана Индия та богатая».
Как приехали в Индию ту богатую,
А тут церкви были все каменные,
Стены известочкой отбелены,
На церквах маковки самоцветные,
На домах крышечки да золоченые,
Мостовые рудожелтыми песочками приусыпаны,
Сорочинские суконца приразостланы.
Вот зашли они в палаты белокаменны,
Вот сидит жена да стара-матера,
Стара-матера да и вся в золоте.
Они бьют челом да поклоняются:
«Вы здравствуйте, да Дюковая матушка!»
Испроговорит жена да стара-матера:
«Я не есть-то Дюковая матушка».
Тут прошли они в палаты во передние,
Тут сидит жена да стара-матера,
Она боле того да и вся в золоте.
Они бьют челом да поклоняются:
«Вы здравствуйте, да Дюковая матушка!»
Испроговорит жена да стара-матера:
«Я не есть-то Дюковая матушка,
Я есть-то Дюковой матушки калашница». —
«А где же есть-то Дюковая матушка?»
Испроговорит тут жена да стара-матера:
«А Дюковая матушка,
Ушла она во божью церковь
К обедне-то ко поздней».
Как идет-то Дюковая матушка,
Двое-трое ведут ее под руки,
А и сама говорит да таково слово:
«Вы здравствуйте, мужички да вы оценщички!
Вы зачем сюда да вель приехали?
Знать, животишечков сиротских описывать?»
Тут прошли они в палаты белокаменны,
Садилися они за столы дубовые,
И стали за столом они да кушати
И крупивчатых калачиков рушати, —

Как калачик-то съешь — дру́гой хочется,
Другой съешь — по третьем душа горит,
А третий-то съешь — четвертый с ума нейдет.
Тут пречестна вдова Мальфа Тимофеевна
Привела их в погреба глубокие,
Ко тем ли сбруям лошадиным,
Да тут они писали по трѣ́ годы,
По трѣ́ годы, да еще по́ три дни.
Еще привела — висят бочки красна золота,
А другие висят чиста серебра,
А третьи висят скатна жемчуга.
Потом вывела на ули́цу да на широкою —
Течет-то струйка золоченая,
И тут они не могли и сметы дать.
Сама говорит таково слово:
«Ай же вы, мужички да вы оценщички!
Поезжайте вы ко граду ко Киеву,
Ко тому ли ко князю ко Владимиру,
Вы скажите-тко князю Владимиру,
Он на бумагу продаст пусть Киев-град,
А на чернила продаст весь Чернигов-град,
А тогда приедет животишечков сиротских описывать».
Как стары казак Илья Муромец
Да молодой Добрыня сын Никитинич,
Они приехали-то ко граду ко Киеву,
К солнышку князю ко Владимиру,
И сами говорят да таково слово:
«Наказывала Дюковая матушка
На бумагу продать весь Киев-град,
На чернила продать Чернигов-град,
Тогда приехать животишечков сиротских описывать».
Тут проговорил Владимир стольний киевский:
«Ай же молодой боярин Дюк Степанович!
За твою ли за великую за похвальбу
Ты торгуй-то в нашем во граде во Киеве,
А во Киеве во граде да без пошлины».
А тут молодой боярин Дюк Степанович,
Он сядил на своего добра коня,
Он поехал-то в Индию во богатую
Ко своей государыне родной матушке,
К пречестной вдове Мальфе Тимофеевне.

А он сделал с нею доброе здоровьице.
А тут век про Дюка старину скажут,
Синему морю на тишину,
Добрым людям на послушанье.

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ И НОВГОРОДЦЫ

В славном Великом Новеграде
А и жил Буслай до девяноста лет,
С Новым-городом жил — не перечился,
Со мужики новгородскими
Поперек словечка не говаривал.
Живучи, Буслай состарился,
Состарился и переставился.
После его веку долгого
Оставалася его житье-бытье
И всё имение дворянское,
Осталася матера вдова,
Матера Амелфа Тимофевна,
И оставалася чадо милая,
Молодой сын Василий Буслаевич.
Будет Васенька семи годов,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна,
Учить его во грамоте,
А грамота ему в наук пошла;
Присадила пером его писать —
Письмо Василью в наук пошло;
Отдавала петью учить церковному —
Петье Василью в наук пошло:
А и нет у нас такова певца
Во славном Новегороде
Супротив Василья Буслаева.
Поводился ведь Васька Буслаевич
Со пьяницы, с безумницы,

С веселыми уда́лыми добрыми мо́лодцы,
Допьяна уж стал напиваться,
А и, ходя в городе, уродует:
Которого возьмет он за руку —
Из плеча тому руку выдернет;
Которого заденет за ногу —
То из гузна ногу выломит;
Которого хватит поперек хребта —
Тот кричит, ревет, окарачь ползет.
Пошла-то жалоба великая,
А и мужики новгородские,
Посадские, богатые,
Приносили жалобу они великую
Матерой вдове Амелфе Тимофевне
На того на Василья Буслаева.
А и мать-то стала его журить-бранить,
Журить-бранить, его на ум учить.
Журьба Ваське не взлюби́лася;
Пошел он, Васька, во высок терем,
Садился Васька на ременчатый стул,
Писал ерлыки скорописчаты,
О<т> мудрости слово поставлено:
«Кто хо́щет пить и есть из готового,
Валися к Ваське на широкий двор,
Тот пей и ешь готовое
И носи платье разноцветное!»
Рассылал те ерлыки со слугой своей
На те вулицы широкие
И на те частые переулочки.
В то же время поставил Васька чан среди двора,
Наливал чан полон зелена вина,
Опускал он чару в полтора ведра.
Во славном было во Новеграде
Грамот<н>ы люди шли,
Прочитали те ерлыки скорописчаты,
Пошли ко Ваське на широкий двор
К тому чану, зелену вину.
Вначале был Костя Новотóрженин;
Пришел он, Костя, на широкий двор,
Василий тут его опробовал:
Стал его бити червленим вязом,
В половине было налито

Тяжела свинцу чебурацкого,
Весом тот вяз был во двенадцать пуд;
А бьет он Костю по буйной голове —
Стоит тут Костя, не шевельнется,
И на буйной голове кудри не тряхнутся.
Говорил Василий сын Буслаевич:
«Гой еси ты, Костя Новоторженин!
А и будь ты мне названный брат,
И паче мне брата родимого».
А и мало время позамешкавши,
Пришли два брата боярченка
Лука и Мосей, дети боярские,
Пришли ко Ваське на широкий двор;
Молоды Василий сын Буслаевич,
Тем молодцам стал радощен и веселешонек.
Пришли тут мужики Залёшена,
И не смел Василий показатися к ним.
Еще тут пришло семь братьов Сбродовичи.
Собиралися, соходилися
Тридцать молодцов без единого,
Он сам, Василий, тридцатый стал;
Какой зайдет — убьют его,
Убьют его, за ворота бросят.
Послышал Васенька Буслаевич —
У мужиков новгородских
Канун варен, пива ячные;
Пошел Василий со дружиною,
Пришел во братшину в Николшину:
«Немалу мы тебе сыпь платим,
За всякого брата по пяти рублей».
А за себе Василий дает пятьдесят рублей.
А и тот-то староста церковный
Принимал их во братшину в Николшину;
А и зачали они тут канун варен пить,
А и те-то пива ячные.
Молоды Василий сын Буслаевич
Бросился на царев кабак
Со своею дружиною хорáброю;
Напилися они тута зелена вина
И пришли во братшину в Николшину.
А и будет день ко вечеру,
От малого до старого

Начали уж ребята боротися,
А в ином кругу в кулаки битися.
От тое борьбы от ребячия,
От того бою от кулачного
Началася драка великая.
Молоды Василий стал драку разнимать,
А иной дурак зашел с носка,
Его по уху оплел;
А и тут Василий закричал громким голосом:
«Гой еси ты, Костя Новоторженин,
И Лука, Моисей, дети боярские!
Уже, Ваську, меня бьют».
Поскакали удалы добры молодцы,
Скоро они улицу очистили,
Прибили уже много до смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
Руки, ноги переломали, —
Кричат, ревут мужики посадские.
Говорит тут Василий Буслаевич:
«Гой еси вы, мужики новгородские!
Бьюсь с вами о велик заклад:
Напускаюсь я на весь Новгород
Битися, драться
Со всею дружиною хороброю;
Тако вы мене с дружиною
Побьете Новым-городом,
Буду вам платить дани-выходы
По смерть свою,
На всякий год по три тысячи;
А буде же я вас побью
И вы мне покоритесь,
То вам платить мне такову же дань!»
И в том-то договору руки они подписали.
Началась у них драка-бой великая.
А и мужики новгородские
И все купцы богатые,
Все они вместе сходилися,
На млада Васютку напускалися,
И дерутся они день до вечера.
Молоды Василий сын Буслаевич
Со своею дружиною хороброю,
Прибили они во Новѣграде,

Прибили уже много до смерти;
А и мужики новгородские догадаться,
Пошли они с дорогими подарки
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне:
«Матера вдова Амелфа Тимофевна!
Прими у нас дороги подарочки,
Уйми свое чадо милое,
Василья Буславича».

Матера вдова Амелфа Тимофевна
Принимала у них дороги подарочки,
Посылала девушку-чернавушку
По того Василья Буслаева.
Прибежала девушка-чернавушка,
Сохватала Ваську во белы руки,
Потащила к матушке родимья,
Притащила Ваську на широкий двор.
А и та старуха неразмышлена
Посадила в погребя глубокие
Молода Василья Буслаева,
Затворяла дверьми железными,
Запирала замки булатными.

А его дружина хоробрая
Со темя мужики новгородскими
Дерутся-бьются день до вечера.
А и та-то девушка-чернавушка
На Вольх-реку ходила по воду;
А змолятся ей тут добры молодцы:
«Гой еси ты, девушка-чернавушка!
Не подай нас у дела у ратного,
У того часу смертного».

И тут девушка-чернавушка,
Бросала она ведро кленовое,
Брала коромысла кипарисова,
Коромыслом тем стала она помахивати
По тем мужикам новгородским,
Прибила уж много до смерти.
И тут девка запышалася,
Побежала ко Василью Буслаеву,
Срывала замки булатные,
Отворяла двери железные:
«А и спишь ли, Василий, или так лежишь?
Твою дружину хоробраю

Мужики новгородские
Всех прибили, переранили,
Булавами буйны головы пробиваны».
Ото сна Василий пробуждается,
Он выскочил на широкий двор.
Не попала палица железная,
Что попала ему ось тележная,
Побежал Василий по Новугороду,
По тем по широким улицам.
Стоит тут старец Пилигримища,
На могучих плечах держит колокол,
А весом тот колокол во триста пуд,
Кричит тот старец Пилигримища:
«А стой ты, Васька, не попорхивай,
Молоды глаздырь, не полетывай!
Из Волхова воды не выпити,
Во Новеграде людей не выбити;
Есть молодцов сопровит тебе,
Стоим мы, молодцы, не хвастаем».
Говорил Василий таково слово:
«А и гої еси, старец Пилигримища!
А и бился я о велик заклад
Со мужики новгородскими,
Опричь почестного монастыря,
Опричь тебе, старца Пилигримища;
Во задор войду — тебе убью».
Ударил он старца во колокол
А и той-то осью тележную —
Качается старец, не шевѣльнется.
Заглянул он, Василий, старца под колоколом,
А и во лбе глаз — уж веку нету.
Пошел Василий по Волх-реке.
А идет Василий по Волх-реке,
По той Волховой по улице;
Завидели добрые молодцы,
А его дружина хоробрая,
Молода Василья Буслаева —
У ясных соколов крылья ѳтросли,
У их-то, молодцов, думушки прибыло.
Молоды Василий Буслаевич
Пришел-то молодцам на выручку;

Со темя мужики новгородскими
Он дерется-бьется день до вечера.
А уж мужики покорилися,
Покорилися и помирилися,
Понесли они записи крепкие
К матерой вдове Амелфе Тимофевне,
Насыпали чашу чистого сѣребра,
А другую чашу красного золота,
Пришли ко двору дворянскому,
Бьют челом, поклоняются:
«Осударыня-матушка,
Принимай ты дороги подарочки,
А уйми свое чадо милая,
Молода Василья со дружиною.
А и рады мы платить
На всякий год по три тысячи,
На всякий год будем тебе носить:
С хлебников по хлебику,
С калачников по калачику,
С молодиц повенешное,
С девиц повалешное,
Со всех людей со ремесленных,
Опричь попов и дьяконов».
Втапоры матера вдова
Амелфа Тимофевна
Посылала девушка-чернавушка
Привести Василья со дружиною.
Пошла та девушка-чернавушка;
Бежавши, та девка запышѣлася,
Нельзя пройти девке по улице,
Что полтеи по улице валяются
Тех мужиков новгородских.
Прибежала девушка-чернавушка,
Сохватала Василья за белы руки,
А стала ему рассказывати:
«Мужики пришли новгородские,
Принесли они дороги подарочки
И принесли записи заручные
Ко твоей сударыне-матушке,
К матерой вдове Амелфе Тимофевне».
Повела девка Василья со дружиною
На тот на широкий двор,

Привела-то их к зеленой вине,
А сели они, молодцы, во единый круг,
Выпили ведь по чарочке зеленой вина,
Со того урасу молодецкого
От мужиков новгородских.
Скричат тут ребята зычным голосом:
«У мота и у пьяницы,
У млада Васютки Буслаевича,
Не упито, не уедено,
Вкрасне хорошо не ухожено,
А цветного платья не уношено,
А увечье навек залезено».
И повел их Василий обедать
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне.
Втапору мужики новгородские
Приносили Василью подарочки,
Вдруг сто тысячей,
И затем у них мировая пошла;
А и мужики новгородские
Покорились и сами поклонились.

СМЕРТЬ ВАСИЛИЯ БУСЛАЕВА

Под славным великим Новым-городом,
По славному озеру по Ильменю
Плавает-поплавает сер селезень,
Как бы ярой гоголь поныривает, —
А плавает-поплавает червлен корабль
Как бы молода Василья Буславъевича,
А и молода Василья, со его дружиною хороброю,
Тридцать удалых молодцов:
Костя Никитин корму держит,
Маленький Потаня на носу стоит,
А Василей-ет по кораблю похаживает,
Таковы слова поговаривает:
«Свет моя дружина хоробрая,
Тридцать удалых добрых молодцов!
Ставьте корабль поперек Ильменя,
Приставайте, молодцы, ко Новугороду».
А и тычками к берегу притыкалися,
Сходни бросали на крутой бережок.
Походил тут Василий <Буслаевич>
Ко своему он двору дворянскому,
И за ним идут дружинушка хоробрая,
Только караулы оставили.
Приходит Василий Буслаевич
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударыне-матушке,
Матерой вдове Амелфе Тимофеевне.
Как вьюн, около ее убивается,
Просит благословение великое:

«А свет ты, моя сударыня-матушка,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна!
Дай мне благословение великое
Идти мне, Василью, в Ерусалим-град
Со своею дружиною хороброю,
Мне-ка господу помолитися,
Святой святыне приложитися,
Во Ердане-реке искупатися».

Что взговорит <матера вдова>,
Матера Амелфа Тимофеевна:
«Гой еси ты, мое чадо милая,
Молоды Василий Буслаевич!
То коли ты пойдешь на добрые дела,
Тебе дам благословение великое;
То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дам благословение великого,
А и не носи Василья сыра земля».

Камень от огня разгорается,
А булат от жару растопляется; —
Материна сердце распушается;
И дает она много свинцу, пороху,
И дает Василью запасы хлебные,
И дает оружие долгомерное:
«Побереги ты, Василий, буйну голову свою!»

Скоро молодцы собираются
И с матерой вдовой прощаются.
Походили они на червлен корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали по озеру Ильмену;
Бегут они уж сутки, другие,
А бегут уже неделю, другую,
Встречу им гости-корабельщики:
«Здравствуй, Василий Буслаевич!
Куда, молодец, поизволил погулять?»

Отвечает Василий Буслаевич:
«Гой еси вы, гости корабельщики!
А мое-то ведь гулянье неохотное:
Смолода бито много, граблено,
Под старость надо душа спасти.
А скажите вы, молодцы, мне прямого путя
Ко святому граду Иерусалиму».

Отвечают ему гости-корабельщики;

«А и гой еси, Василий Буслаевич!
Прямым путем в Ерусалим-град
Бежать семь недель,
А окольной дорогой — полтора года.
На славном море Каспицкием,
На том острове на Куминском
Стоит застава крепкая,
Стоят атаманы казачие,
Не много, не мало их — три тысячи;
Грабят бусы-галеры,
Разбивают червлены кáрабли».
Говорит тут Василий Буслаевич:
«А не верую я, Васюнка, ни в сон, ни в чох,
А и верую в свой червленьный вяз.
А беги-ка-тя, ребята, вы прямым путем!»
И завидел Василий гору высокую,
Приставал скоро ко крутú берегу,
Походил су Василий сын Буслаевич
На ту ли гору Сорочинскую,
А за ним летят дружина хоробрая.
Будет Василий в полúгоре,
Тут лежит пуста голова,
Пуста голова, человечья кость.
Пнул Василий тое голову с дороги прочь.
Провещится пуста голова человеческая:
«Гой еси ты, Василий Буславьевич!
Ты к чему меня, голову, побрасываешь?
Я, молодец, не хуже тебя был, —
Умею я, молодец, валятися
А на той горе Сорочинския.
Где лежит пуста голова,
Пуста голова молодецкая,
И лежать будет голове Васильевой».
Плюнул Василий, прочь пошел:
«Али, голова, в тебе враг говорит,
Или нечистый дух!»
Пошел на гору высокую,
На самой сопке тут камень стоит
В вышину три сажени печатные,
А и через его только топор подать,
В долину три аршина с четвертью,
И в том-то подпись подписана;

«А кто-де станет у камня тешиться,
А и тешиться-забавлятися,
Вдоль скакать по камению,
Сломить будет буйну голову».
Василий тому не верует,
Приходил со дружиною хороброю,
Стали молодцы забавлятися,
Поперек того камению поскакивати,
А вдоль-то его не смеют скакать.
Пошли со горы Сорочинския,
Сходят они на червлен корабль,
Подымали тонки парусы полóтняны,
Побежали по морю Каспицкому,
На ту на заставу корабельную,
Где-то стоят казаки-разбойники,
А стары атаманы казачие.
На пристани их стоят сто человек:
«А и молоды Василий, на пристань стань!»
Сходни бросали на крут бережок,
И скочил-то Буслай на крут бережок,
Червлым вязом попирается.
Тут караульщики, удалы добры молодцы,
Все на карауле испужалися,
Много его не дожидаются,
Побежали с пристани корабельныя
К тем атаманам казачиям.
Атаманы сидят, не дивуются,
Сами говорят таково слово:
«Стоим мы на острове тридцать лет,
Не видали страху великого,
Это-де идет Василий Буславьевич;
Знать-де полетка соколиная,
Видеть-де поступка молодецкая!»
Пошагал-то Василий со дружиною,
Где стоят атаманы казачие;
Пришли они, стали во единый круг,
Тут Василий им поклоняется,
Сам говорит таково слово:
«Вздравствуйте, атаманы казачие!
А скажите вы мне прямого путя
Ко святому граду Иерусалиму».
Говорят атаманы казачие:

«Гой еси, Василий Буслаевич!
Милости тебе просим за единый стол,
<За единый стол> хлеба кушати».
Втапоры Василий не ослушался,
Садился с ними за единый стол.
Наливали ему чару зелена вина в полтора ведра,
Принимает Василий единой рукой
И выпил чару единым духом,
И только атаманы тому дивуются,
А сами не могут и по полуведру пить.
И хлеба с солью откушали;
Сбирается Василий Буслаевич
На свой червлен корабль.
Дают ему атаманы казачие подарки свои:
Первую мису чиста серебра,
И другую — красна золота,
Третью — скатного земчуга.
За то Василий благодарит и кланяется,
Просит у них до Ерусалима провожатого.
Тут атаманы Василью не отказывали,
Дали ему молодца провожатого
И сами с ним прощались.
Собрался Василий на свой червлен корабль
Со своею дружиною хороброю;
Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали по морю Каспицкому.
Будут они во Ердань-реке;
Бросали якори крепкие,
Сходни бросали на крут бережок;
Походил тут Василий Буслаевич
Со своею дружиною хороброю
В Ерусалим-град;
Пришел во церкву соборную,
Служил обедни за здравие матушки
И за себя, Василья Буславьевича,
И обедню с панафидою служил
По родимом своем батюшке
И по всему роду своему;
На другой день служил обедни с молебнами
Про удалых добрых молодцов, —
Что смолоду бито много, граблено;
И ко святой святыне приложился оң.

И в Ердане-реке искупался.
И расплатился Василий с попами и с дьяконами,
И которые старцы при церкви живут,
Дает золотой казны, не считаючи.
И походит Василий ко дружине
Из Ерусалима на свой червлен корабль.
Втапоры его дружина хоробрая
Купалися во Ердане-реке,
Приходила к ним баба залесная,
Говорила таково слово:
«Почто вы купаетесь во Ердань-реке?
А некому купатися, опричь Василья Буславьевича.
Во Ердане-реке крестился сам господь Исус Христос.
Потерять его вам будет, большого,
Атамана Василья Буславьевича».
И они говорят таково слово:
«Наш Василий тому не верует,
<А не верует> ни в сон, ни в чох».
И мало время позоидучи,
Пришел Василий ко дружине своей,
Приказал выводить корабль
Из устья Ердань-реки;
Подняли тонки парусы полотняны,
Побежали по морю Каспицкому,
Приставали у острова Куминского.
Приходили тут атаманы казачие,
И стоят все на пристани корабельныя.
А и выскочил Василий Буслаевич
Из своего червленого корабля,
Поклонились ему атаманы казачие:
«Здравствуй, Василий Буслаевич!
Здорово ли съездил в Ерусалим-град?»
Много Василий не баит с ними,
Подад письмо в руку им,
Что много трудов за их положил,
Служил обедни с молебнами за их, молодцов.
Втапоры атаманы казачие
Звали Василья обедати,
И он не пошел к ним;
Прощался со всеми теми атаманы казачими,
Подымали тонки парусы полотняны,
Побежали по морю Каспицкому к Новугороду.

А и едут неделю споряду,
А и едут уже другую,
И завидел Василий гору высокую Сорочинскую,
Захотелось Василью на горе побывать.
Приставали к той Сорочинской горе,
Сходни бросали на ту гору.
Пошёл Василий со дружиною,
И будет он в полгоры,
И на пути лежит пуста голова, человечья кость;
Пнул Василий тое голову с дороги прочь,
Провежится пуста голова:
«Гой еси ты, Василий Буслаевич!
К чему меня, голову, попинываешь
И к чему побрасываешь?
Я, молодец, не хуже тебя был,
Да умею валяться на той горе Сорочинские.
Где лежит пуста голова,
Лежать будет и Васильевой голове».
Плюнул Василий, прочь пошел.
Взошел на гору высокую,
На ту гору Сорочинскую,
Где стоит высокий камень,
В вышину три сажени печатные,
А через его только топором подать,
В долину три аршина с четвертью;
И в том-то подпись подписана:
«А кто-де у камня станет тешиться,
А и тешиться-забавляться,
Вдоль скакать по камению, —
Сломить будет буйну голову».
Василий тому не верует,
Стал со дружиною тешиться и забавляться,
Поперек камению поскакивати;
Захотелось Василью вдоль скакать,
Разбежался, скочил вдоль по камению
И не доскочил только четверти,
И тут убился под каменем.
Где лежит пуста голова,
Там Василья схоронили.
Побежали дружина с той Сорочинской горы
На свой червлен корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,

Побежали ко Новугороду.
И будут у Новагорода,
Бросали с носу якорь и с кормы другой,
Чтобы крепко стоял и не шатался он.
Пошли к матерой вдове, к Амелфе Тимофеевне,
Пришли и поклонились все, письмо в руки подали.
Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала,
Говорила таковы слова:
«Гой вы еси, удалы добры молодцы!
У меня ныне вам делать нечего,
Подите в подвалы глубокие,
Берите золотой казны, не считаючи».
Повела их девушка-чернавушка
К тем подвалам глубокиям,
Брали они казны по малу числу,
Пришли они к матерой вдове,
Взговорили таковы слова:
«Спасибо, матушка Амелфа Тимофеевна,
Что поила, кормила, обувала и одевала добрых
молодцов!»
Втапоры матерá вдова Амелфа Тимофеевна
Приказала наливать по чаре зелена вина.
Подносит девушка-чернавушка
Тем удалым добрым молодцам,
А и выпили они, сами поклонились,
И пошли добры молодцы,
Кому куды захотелся.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

Мхи были, болота в Поморской стране,
А голые щелья в Беле-озере,
А тая эта зябель в подсеверной стране,
А <.....> сарафаны по Моше-реке,
А толсты становицы в Каргополе,
А темные леса те Смоленские,
Широки ворота Чигаринские.
Из-под дуба, дуба, дуба сѣрого,
Из-под того камешка из-под яхонта
Выходила-выбегала мать Волга-река;
Она устьем бежит во сине море,
Во то сине море во Турецкое.
По той ли по матушке по Волге-реке
Бежало-бежит тридцать три корабля,
Тридцать три корабля было без одного,
Один-от корабль лучше, краше всех.
Как на том корабле было написано —
Нос написан был по-змеиному,
А корма-то по-звериному;
Тут кодолы, канаты были шелковые,
Паруса-то были из семи шелков,
А тля-то корзинья позолоченые.
А во том корабле млад сидит Соловей,
Млад сидит Соловей, сын Будимирович,
Со своей со матушкой со родною,
Со своими дружинами с хоробрими.
Говорит Соловей таково слово:
«Что вы, братцы дружинишки хоробрые,

Хоробрые дружины Соловьевые!
Слушайте-ка большего атамана вы,
Берите-ка шестики мерные,
Да меряйте лудья морские вы,
Чтобы нам, молодцам, туда проехать,
А не попасть на лудья на морские на те».
И тут дружинушки хоробрые,
Брали они шестики мерные,
Да мерили лудья морские тут,
Да тут ехали-проехали молодцы они.
Да как Соловей сын Будимирович
Опять говорит таково слово:
«Что вы, братцы дружинушки хоробрые,
Хоробрые дружины Соловьевые!
Слушайте-ка большего атамана вы,
Берите-ка вы трубочки подзорные,
Глядите-смотрите славный Киев-град,
Ту ли пристань корабельную,
Чтобы нам, молодцам, попастьи туда,
Во ту ль пристань корабельную».
Тут эти дружинушки хоробрые
Брали трубочки подзорные,
Глядели-смотрели славный Киев-град,
Ту ли пристань корабельную.
Тут ехали-проехали молодцы они,
Подъезжали молодцы под Киев-град,
Попали в ту пристань корабельную.
Опять Соловей сын Будимирович
Говорит-молвит таково слово:
«А что вы, братцы дружинушки хоробрые,
Хоробрые дружины Соловьевые!
Слушайте большего атамана вы,
Берите первую сходенку волжаную,
Другую сходенку серебряную,
А третью сходенку красна золота, —
Кидайте вы сходенки на крут бережок.
На волжаной сходенке вам идти,
А всё моим-то дружинушкам хоробрым,
Хоробрым дружинам Соловьевым;
По серебряной сходенке родной матушке моей,
А по золотой сходенке самому мне идти,
Мне, младу Соловью сыну Будимирову».

Да как тут Соловей сын Будимирович,
Берет он подарочки великие —
Да сорок сороков черных соболей,
А мелкого зверя и сметы нет,
Приходит ко князю ко Владимиру
Во тую во гридню во столовую,
Крест кладет он по-писаному,
Поклон он ведет да по-ученому —
На все на четыре на сторонушки,
А стольному князю тут в особице
Со своей княгиней со Апраксией,
С его-то любимой со племянницей
С молодой Любавушкой Забавичной.
«Здравствуйте вобще и в особице
Здравствует князь стольный киевский!» —
«Здравствуй-ко, удалый добрый молодец!
Коей ты орды да коей земли?
Коего ты отца да коей матери?
Царь ли ты приехал к нам, царевич ли,
Аль с тиха Дону ты донской казак?
Аль грозный посол ляховицкий ты?» —
«Да не царь-то я, не царевич к вам,
Не король-то я, не королевич есть,
Не с тиха Дону я, не донской казак,
И не грозный посол ляховицкий я.
А есть-то я из синя моря
Млад Соловей сын Будимирович».
Подавает подарочки великие —
Да сорок сороков черных соболей,
Мелкого зверя тут и сметы нет.
Подавает он флаки заморской камки,
Заморския камошки золоченыя,
Стольной княгине Апраксии.
Принимает-то княгиня и выхваливает:
«Таки нет такой камки здесь в Киеве,
Таки нет, таки нет, не бывать таковой».
Тут Владимир стольный киевский
Говорит-молвит таково слово:
«Ай ты, млад Соловей сын Будимирович!
Да чем тебя будем жаловати
Да за эти подарки за великие?
Города ли тебе надо с пригородками,

Али села тебе надо с приселками,
Али много тебе золотой казны?» —
«Да не надо мне городов с пригородками,
Да не надо мне сел с приселками,
Да не нужна мне бессчетна золота казна.
Только ты мне позвол-ка еще
Поставить-построить три терема,
Три терема златоверхиих,
Чтоб верхи бы с верхами завивалися,
Середь города да середь Киева,
Где маленьки ребята где сайки продают,
Где сайки продают, где барышничают».
Тут взговорит князь стольный киевский:
«Ай ты, млад Соловей сын Будимирович!
Куда знаешь — туда ставь-ка ты».
Скоро тут Соловей поворот держал.
Приходит к дружинушкам хоробрым,
Говорит им, молвит таково слово:
«Что вы, братцы дружинушки хоробрые,
Хоробрые дружины Соловьевые!
Слушайте большего атамана вы,
Скидывайте платьца цветные,
Надевайте платьца лосиные,
Лосиные платьца, звериные».
И тут эти дружинушки хоробрые
Скидывали платьца цветные,
Надевали платьца лосиные,
Лосиные платьца, звериные.
Как тут Соловей сын Будимирович
Говорит-молвит таково слово:
«Ай вы, братцы дружинушки хоробрые,
Хоробрые дружины Соловьевые!
Слушайте-ка большего атамана вы,
Берите топорики булатные,
Секите дубья и колодья вы,
Ставьте-ка вы еще три терема,
Три терема златоверхиих, —
Верхи бы с верхами завивалися,
Середь города да середь Киева,
Где маленьки ребята сайки продают,
Где сайки продают, где барышничают».

Тут дружинушки хоробрые
Брали топорики булатные.
Как тут Соловей сын Будимирович
Опять говорит-молвит таково слово:
«Чтобы к утру, к свету готовы были,
Чтобы мне, младу, туда жить перейти».
Тут эти дружинушки хоробрые
Ставили-строили три терема,
Три терема златоверхних,
Что верхи да с верхами завивались.
У того у князя у Владимира
Была любимая племянница,
Молодая Любавушка Забавична;
Берет в руки трубочку подзорную,
Выходит она на выходы высокие,
Глядела-смотрела на все стороны,
На все на четыре на сторонушки,
Наглядела-насмотрела три терема,
Три терема златоверхних,
Что верхи-то с верхами завивались.
Тут бросила трубочку подзорную,
Приходит ко князю ко Владимиру.
«Ай же ты, любезный мой дядюшка!
Ты позволь-ка мне, красной девушке,
Проходиться-прогуляться вдоль по городу,
Вдоль по городу пройти, вдоль по Киеву».
Тут князь ей возговорит:
«Ступай-ка, любимая племянница,
Прогуляйся вдоль по городу по Киеву».
И тут эта любимая племянница,
Как к первому терему подходит она,
А в том терему шепотом говорят, —
Тут-то была Соловьева родна матушка,
Молится господу-богу она.
Как к другому терему подходит она,
А в другом-то терему и стук и гром, —
Там дружинушки хоробрые,
Хоробрые дружины Соловьевые.
А как к третьему подходит она, —
Тут скачут, все пляшут и песни поют,
Во музыки, в балалаечки наигрывают, —
Тут млад Соловей сын Будимирович

Со своими с дружинами с хоробрыми,
Тут молодец забавляется,
Сидит на стуле золоченом.
Тут молодая Любавушка Забавична
Низким-низко поклонилася:
«Здравствуй, млад сын Будимирович!» —
«Здравствуй, молодая Любавушка Забавична!» —
«Ай ты, млад Соловей сын Будимирович!
Ты возьми-ка меня за себя замуж». —
«Всем ты мне, девушка, в любовь пришла,
Да одним-то мне ты не в любовь пришла —
А сама ты себя, девушка, просватываешь.
А твое бы дело да не здесь быть,
А дома бы быть да коров кормить,
Коров кормить да телят поить».
Тут-то стало девушке стыднешонько.
Скорым-скоро да скорешенько
Ко стольному князю отправлялася.
Как Соловей сын Будимирович
На то ведь уж не сердится,
Берет он свою родну матушку,
Приходит ко князю ко Владимиру,
Приходит-то он большим сватом:
«Ай же ты, князь стольный киевский!
Ты повыдай-ка любимую племянницу,
Отдай да повыдай за меня замуж».
Да тут-то князь стольный киевский
Просватал он ю, красну девушку.
Тут шли они во церковь соборную,
Приняли они тут златы венцы.
Как тут Соловей сын Будимирович
Опять говорит-молвит таково слово:
«Ай вы, братцы дружинушки хоробрые,
Хоробрые дружины Соловьевые!
Слушайте большего атамана вы,
Собирайте-ка вы этих три терема,
Собирайте-ка народ на корабли».
Тут эти дружинушки хоробрые,
Хоробрые дружины Соловьевые,
Собирали-то они этих три терема,
Собирали-то они назад на корабли.
Как тут Соловей сын Будимирович

Скорым-скоро да скорешенько
Собирался назад на корабли.
Съехал тут Соловей сын Будимирович
На свою на родимую сторонушку,
Стал жить-быть да семью водить,
Семью водить да детей плодить.

СОРОК КАЛИК

А из пустыни было Ефимьевы,
Из монастыря из Боголюбова
Начинали калики наряжаться
Ко святому граду Иерусáлиму, —
Сорок калик их со каликою.
Становилися во единый круг,
Они думали думушку единую,
А едину думушку крепкую:
Выбирали большего атамана,
Молоды Касьяна сына Михайлыча.
А и молоды Касьян сын Михайлович,
Кладет он заповедь великую
На всех тех дородных молодцов:
«А идтить нам, братцы, дорога неближняя,
Идти будет ко городу Иерусалиму,
Святой святыне помолитися,
Господню гробу приложитися,
Во Ердань-реке искупатися,
Нетленною ризой утеретися,
Идти селами и деревнями,
Городами теми с пригородками.
А в том-то ведь заповедь положена:
Кто украдет, или кто солжет,
Али кто пустится на женский блуд,
Не скажет большему атаману,
Атаман про то дело проведает, —
Едина оставить во чистом поле
И окопать по плеча во сыру землю».

И в том-то ведь заповедь подписана,
Белые рученьки исприложены:
Атаман — Касьян сын Михайлович,
Податаманья — брат его родной,
Молоды Михайла Михайлович.
Пошли калики во Ерусалим-град,
А идут неделю уже спóряду,
Идут уже время немалое,
Подходят уже они под Киев-град,
Сверх тое реки Чéреги,
На его потешных на óстровах,
У великого князя Владимира.
А и вышли они из раменья,
Встречу им-то Владимир-князь,
Ездит он за охотою,
Стреляет гусей, белых лебедей,
Перелетных малых уток,
Лисиц, зайцов всех поганивает.
Пригодилось ему ехати поблизости,
Завидели его калики тут перехожие,
Становилися во единый круг,
Клюки-посохи в землю потыкали,
А и сумочки исповесили,
Скричат калики зычным голосом.
Дрогнет матушка сыра земля,
С дерев вершины попадали,
Под князем конь окарачился,
А богатыри с коней попадали,
А Спиря стал постыривать,
Сема стал пересемывать.
Едва пробудится Владимир-князь,
Рассмотрил удалых добрых молодцов,
Они-то ему поклонилися,
Великому князю Владимиру,
Прошают у него святую милостыню,
А и чем бы молодцам душа спасти.
Отвечает им ласковый Владимир-князь:
«Гой вы еси, калики перехожие!
Хлебы с нами завозные,
А и денег со мною не годилося,
А и ежду я, князь, за охотою,
За зайцами и за лисицами,

За соболи и за куницами,
И стреляю гусей, белых лебедей,
Перелетных малых уток.
Изволите вы идти во Киев-град
Ко душе княгине Апраксевне;
Честна роду дочь, королевична,
И напоит, накормит вас, добрых молодцов,
Наделит вам в дорогу злата, серебра».
Недолго калики думу думали,
Пошли ко городу ко Киеву.
А и будут в городе Киеве,
Среди двора княженецкого, —
Клюки-посохи в землю потыкали,
А и сумочки исподвесили,
Подсумочья рыта бархата,
Скричат калики зычным голосом.
С теремов верхи повалялися,
А с горниц охлупья попадали,
В погребах питья сколыбалися.
Становилися во единый круг,
Прошают святую милостыню
У молоды княгини Апраксевны.
Молода княгиня испужалася,
А и больно она передрогнула;
Посылает стольников и чашников
Звать калик во светлу гридню.
Пришли тут стольники и чашники,
Бьют челом, поклоняются
Молоду Касьяну Михайлову
Со своими его товарищами —
Хлеба есть во светлу гридню
К молодой княгине Апраксевне.
А и тут Касьян не ослушался,
Походил во гридню во светлую;
Спасову образу молятся,
Молодой княгине поклоняются.
Молода княгиня Апраксевна,
Поджав ручки, будто турчаночки,
Со своим нянюшки и мамушки,
С красными санными деушки.
Молоды Касьян сын Михайлович
Садился в место большее.

От лица его молодецкое,
Как бы от солнучка от красного,
Лучи стоят великие.
Убирались тут все добры молодцы,
А и те калики перехожие,
За те столы убранные.
А и стольники, чашники
Поворачивают, пошевеливают
Своих они приспешников,
Понесли-то ества сахарные,
Понесли питья медвяные.
А и те калики перехожие
Сидят за столами убранными,
Убирают ества сахарные,
А и те ведь пьют питья медяные.
И сидят они время — час, другой,
Во третьем часу подымались;
Подымавши, они богу молятся,
За хлеб, за соль быют челом
Молодой княгине Апраксевне
И всем стольникам и чашникам;
И того они еще ожидаючи
У молодой княгини Апраксевны —
Надела б на дорогу златом, серебром,
Сходить бы во град Иерусалим.
А у молодой княгини Апраксевны
Не то в уме, не то в разуме:
Пошлет Алешеньку Поповича
Атамана их уговаривати
И всех калик перехожих,
Чтоб не идти бы им сего дня и сего числа.
И стал Алеша уговаривати
Молода Касьяна Михайловича,
Зовет к княгине Апраксевне
На долгие вечера посидети,
Забавные речи побайти,
А сидеть бы наедине во спальне с ней.
Молоды Касьян сын Михайлович —
Замутилось его сердце молодецкое, —
Отказал он Алеше Поповичу,
Не идет на долгие вечера
К молодой княгине Апраксевне

Забавные речи баити.
На то княгиня осердилася,
Посылает Алешеньку Поповича
Прорезать бы его суму рыта бархата,
Запихать бы чарочку серебряну,
Которой чарочкой князь на приезде пьет.
Алеша-то догадлив был,
Распорол суму рыта бархата,
Запихал чарочку серебряну
И зашивал ее гладехонько,
Что познать было не можно то.
С тем калики и в путь пошли,
Калики с широка двора,
С молодой княгиней не прощаются,
А идут калики — не оглянутся.
И верст десяток отошли они
От стольного города Киева,
Молода княгиня Апраксевна
Посылает Алешу во погон за ним.
Молоды Алеша Попович млад
Настиг калик во чистом поле;
У Алеши вежество нерожденое,
Он стал с каликами здорити,
Обличает ворами, разбойниками:
«Вы-то, калики, бродите по миру по крещеному,
Кого окрадете, своим зовете;
Покрали княгиню Апраксевну,
Унесли вы чарочку серебряну,
Которой чарочкой князь на приезде пьет!»
А в том калики не даются ему,
Молоду Алеше Поповичу,
Не давались ему на обыск себе.
Поворчал Алешенька Попович млад,
Поехал ко городу Киеву,
И так приехал во стольный Киев-град.
Во то же время и во тот же час
Приехал князь из чиста поля,
И с ним Добрынюшка Никитич млад.
Молода княгиня Апраксевна
Позовет Добрынюшку Никитича,
Посылает за каликами,
За Касьяном Михайловичем.

Втапоры Добрынюшка не ослушался,
Скоро поехал во чисто поле.
У Добрыни вежество рожденое и ученое;
Настиг он калик во чистом поле,
Скочил с коня, сам бьет челом:
«Гой еси, Касьян Михайлович!
Не наведи на гнев князя Владимира,
Прикажи обыскать калики перехожие,
Нет ли промежу вас глупого».
Молоды Касьян сын Михайлович
Становил калик во единый круг,
И велел он друг друга обыскивать
От малого до старого,
От старого и до больша́ лица,
До себя, млада Касьяна Михайловича.
Нигде-то чарочка не явилася,
У млада Касьяна пригодилася.
Брат его, молоды Михайла Михайлович,
Принимался за заповедь великую:
Закопали атамана по плеча,
Закопали во сыру землю,
Едина оставили во чистом поле,
Молода Касьяна Михайловича.
Отдавали чарочку серебряну
Молоду Добрынюшке Микитичу,
И с ним написан виноватый тут,
Молоды Касьян Михайлович.
Добрыня поехал он во Киев-град,
А и те калики в Ерусалим-град.
Молоды Касьян сын Михайлович
С ними, калики, прощается.
И будет Добрынюшка в Киеве
У млады княгини Апраксевны,
Привез он чарочку серебряну,
Виноватого назначено,
Молода Касьяна сына Михайлова.
А с того время-часу захворала она,
Захворала скорбью недоброю,
Слегла княгиня в великое во огнище.
Ходили калики в Ерусалим-град,
Вперед шли три месяца.
А и будут в граде Ерусалиме,

Святой святыне помолилися,
Господню гробу приложилися,
Во Ердане-реке искупалися,
Нетленною ризою утиралися.
А всё-то молодцы отправили —
Служили обедни с молебнами
За свое здравие молодецкое,
По поклону положили за Касьяна Михайловича.
А и тут калики не замешкались,
Пошли ко городу Киеву
И ко ласкову князю Владимиру.
А идут назад уже месяца два,
На то место не угодили они,
Обошли маленькой сторонкою его.
Молода Касьяна Михайловича
Голосок наносит помалехоньку.
А и тут калики остоялися,
А и место стали опознавать,
Подались малехонько и увидели
Молода Касьяна сын Михайлович, —
Он ручкой машет, голосом кричит.
Подошли удалы добры молодцы,
Вначале атаман, родной брат его,
Михайла Михайлович;
Пришли все они, поклонилися,
Стали здравствовать.
Подает он, Касьян, ручку правую,
А они-то к ручке приложилися,
С ним поцеловалися,
И все к нему переходили.
Молоды Касьян сын Михайлович
Выскакивал из сырой земли,
Как ясен сокол из тепла гнезда,
А все они, молодцы, дивуются
На его лицо молодецкое,
Не могут зрить добры молодцы,
А и кудри на нем молодецкие
До самого пояса.
И стоял Касьян немало число,
Стоял в земле шесть месяцев,
А шесть месяцев будет полгода.
Втапоры пошли калики по городу Киеву,

Ко ласкову князю Владимиру,
Дошли они до чудна креста Леванидова,
Становилися во единый круг,
Клюки-посохи в землю потыкали,
И стоят калики потихохоньку.
Молоды Михайла Михайлович
Атаманом еще правил у них.
Посылает легкого молодчика
Доложиться князю Владимиру:
«Прикажет ли идти нам пообедати?»
Владимир-князь пригодился в доме,
Посылал он своих клюшников, ларешников
Побить челом и поклониться им-то, каликам,
Каликам пообедати,
И молоду Касьяну на особицу.
И тут клюшники, ларешники,
Пришли они к каликам, поклонилися,
Бьют челом к князю пообедати.
Пришли калики на широкий двор,
Среди двора княженецкого.
Поздравствовал ему Владимир-князь,
Молоду Касьяну Михайловичу,
Взял его за белы руки,
Повел во светлу гридню.
А втапоры молодой Касьян Михайлович
Спросил князя Владимира
Про молоду княгиню Апраксевну:
«Гой еси, сударь Владимир-князь!
Здравствует ли твоя княгиня Апраксевна?»
Владимир-князь едва речи выговорил:
«Мы-де уже неделю, другу не ходим к ней!»
Молоды Касьян тому не брезгует,
Пошел со князем во спальну к ней,
А и князь идет, свой нос зажал,
Молоду Касьяну-то ничто ему,
Никакого духу он не верует.
Отворяли двери у светлы гридни,
Раскрывали окошечки косящатые.
Втапоры княгиня прощалася,
Что нанесла речь напрасную.
Молоды Касьян сын Михайлович
А и дунул духом святым своим

На младу княгиню Апраксевну,
Не стало у ней того духу пропасти, —
Оградил ее святой рукой,
Прощает ее плоть женскую:
Захотелось ей — и пострада <ла> она,
Лежала в сраму полгода.
Молоды Касьян сын Михайлович
Пошел ко князю Владимиру во светлу гридню,
Помолился Спасову образу,
Со своими каликами переходжими.
И сажалися за убраны столы,
Стали пить, есть, потешатися.
Как будет день в половина дня,
А и те калики напивалися,
Напивалися и наедалися.
Владимир-князь убивается,
А калики-то в путь наряжаются.
Просит их тут Владимир-князь
Пожить-побыть тот денек у себе.
Молода княгиня Апраксевна
Вышла из кожуха как, из пропасти,
Скоро она убиралася,
Убиралася и наряжалася,
Тут же к ним к столу пришла
С няньками, с мамками
И с сенными красными девицами.
Молоду Касьяну поклоняется
Без стыда, без сорому,
А грех свой на уме держит.
Молоды Касьян сын Михайлович
Тою рученькой правою размахивает
По тем ествам сахарным,
Крестом ограждает и благословляет;
Пьют, едят, потешаются.
Втапоры молоды Касьян сын Михайлович
Вынимал из сумы книжку свою,
Посмотрил и число показал:
«Что много мы, братцы, пьем, едим,
прохлажаемся,
Уже третий день в доходе идет,
И пора нам, молодцы, в путь идти».
Вставали калики на резвы ноги,

Спасову образу молятся
И бьют челом князю Владимиру
С молодой княгиней Апраксовой
За хлеб, за соль его,
И прощаются калики с князем Владимиром
И с молодою княгинею Апраксовой.
Собрались они и в путь пошли
До своего монастыря Боголюбова
И до пустыни Ефимьевы.
То старина, то и деянье.

Едичъ наѣхинъ а затобомъ нонѣ (швы (лѣтѣ нѣтъ налѣна
алешу поповита алянѣту туларинъ назауъ (ѣбѣ, втапорѣ, ^ж
алеша годѣ (шодилъ ему голову (рубилъ и пала глава на(б)
Землю канъ тивной поппѣлѣ алеша (шодилъ (а добра
коня аплезалъ цѣбуръ а добра коня и пропалолъ уши у Толвы =
туларина Змбѣлита и привѣзалъ а добру коню и привѣзъ вниѣвъ
на княжѣнцѣи пои джоръ бросилъ (ѣрѣди двора и княжѣнцѣи по все
нушиглъ алешу Владимѣръ князѣ толѣлъ во(ѣлѣтѣ Триуни
(адалъ Заубранби (толѣ тупѣ для алѣши и (толѣтѣ толѣлъ
(полю время попушавши говорилъ Владимѣръ князѣ
Тои е(и алеша поповитѣ младѣ (а(ѣ тѣи мнѣ (ѣтѣ далъ
пожалуи тѣи (живи виивѣлѣ (лучѣи мнѣ князю Владимѣру -
долюби тѣбѣ(пожалую втапорѣ алеша поповитѣ младѣ
князѣ не(слушал(я (талъ (служитѣ вѣрою и правдою: а княжѣ
Топориа алѣши поповитѣ дѣрѣвѣншина тѣи Заѣлшина разлу
чилъ мѣня Здрѣтолѣ милбимъ (молоубимъ Змбѣлѣ
туларѣтѣнбимъ олѣгалѣтѣ алеша поповитѣ младѣ - а тѣи
Тои е(и матушка княгиня апра(ѣнѣна (отѣлѣ жѣна(жалъ

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ, ЕГО ЖЕНА И АЛЕША ПОПОВИЧ

А как в славном во городе да во Киеве
А ведь у князя ли у Владимира
А был ли открыт да почестный пир.
А зазывал Владимир-князь дорогих гостей.
А ведь съезжались сильные могучие богатыри.
А наливал ли ён чару зелена вина,
А ведь и мерой чара полтора ведра,
А ведь и весом чара теперь полтора пудá.
«Ай уж вы, сильные могучие богáтыри,
Ах, кто бы из вас выпил чару зелена вина?
А кто бы взялся стоять время за шесть годов
А ведь за церковки за соборные,
А ведь и за дом пресвятой да богородицы,
А не пропускать ни прохожего, ни проезжего
А без доклада во славный город Киев-град?»
А тут же вси сильные могучие богáтыри,
А вси на пиру позатихнули,
А на пиру ли вси позамокнули.
А ведь больший тулится на среднего,
А середний, тот тулится на меньшего,
А ведь и от меньшего и ответу нет.
А как изволил стать на резвЫ ногй
А ведь Добрынюшка сын Микитинец:
«А уж ты, солнышко Владимир-князь стольнё-
киевский!
А выпью я чару зелена вина,
А ведь возьмусь стоять да за Киев-град,
А я за Киев-град, за веру за крещеную,

А я за церкви за соборные,
 А я за дом пресвятой богородицы.
 А ведь возьму времечки-то я на шесть годов».

А ведь и брал Добрыня единой рукой,
 А выпивал Добрынюшка на единый здох.
 А ведь и ехал Добрынюшка к своей родной матушке,
 А ко честной вдовы Офимьи Тимофеевны,
 А ведь падал ли матушке Добрынюшка в ноженьки:
 «А уж ты, свет моя государыня,
 А государыня моя да родна матушка,
 А дай-ко мне прощеньицо, дай благословленьицо!
 А взялся я это стоять за Киев-град,
 Я за Киев-град и за веру за крещеную,
 А за церкви за соборные,
 А ведь за дом пресвятой да богородицы,
 А ведь и время-то на шесть годов,
 А не пропускать без доклада-то
 А ни прохожего, ни проезжего».

А ведь и говорила Добрыне родна матушка,
 А ведь честна вдова Офимья Тимофеевна:
 «А уже ты, мое родно чаделко,
 А лучше бы, чаделко, было не рожено,
 А ведь на свет, чаделко, не было спущено,
 А было не спущено да по разным по городам,
 Ай чтобы йздить по дальним по сторонам,
 А бить тебе головушки бесповинные,
 А ведь сиротить тебе да молбдых жен,
 А ведь молбдых жен сиротить, малых детушок.

А я бы знала-то бы да ведала,
 А что бы ты, эдако чадо, спорбдилось, —
 А я бы силушкой тебя, могутушкой
 А ведь в Илью бы тебя во Муромца;
 А ведь счастьём тебя б да родила
 А ведь в Ставра сына Гординовича;
 А красотой бы спорбдила
 А в Чурилушку ведь Плénkovichа;
 А богасьвом тебя я спорбдила
 А в мблода бы Дюка Степановича!
 А ведь ты-то, чаделко, народилося
 Да без головы да без повинны!»
 А говорил тут-то да Добрынюшка:
 «А уж ты дашь, матушка, прощеньица — поеду ведь,

А и не дашь прощенья — ехать надобно».
А ведь садился на добра коня,
А в воротах^{то} стоит молода жона,
А молода жона, любимá семья,
А ведь тая ли Овдотья Микулична:
«Ой, не улети, да ясён сокóл,
А не ездят ты, добрый ты мóлодец!
А на кого ты меня оставляешь ведь?» —
«А если не приеду я через шесть годов,
Хоть вдовой живи, хоть замúж поди.
А еще, Овдотьюшка Микулична, —
А иди хоть за князя, за боярина,
А хоть за ту господску холопину,
А еще же ты послушай-ко,
А не ходи за вора за Олешеньку Поповича:
А мы с ним братица покрестовые».
А поднялася-то пыль да кúревка,
А уехал Добрыня стоять во чистó полё,
А во чисто полё на шесть годов,
А он за Киев-град, за веру за крещеную,
А он за церкви за соборные,
А он за дом пресвятой богородицы.
А тут ли день за днем, как дождь дождит,
А тут неделька по недельке, как руча<й> бежит.
А год-то за годóм, как трава росла, —
А прошло времечки шесть годов,
А не видать же Добрыни из чиста поля.
Да приезжает Олешенька да Попович-то:
«А ведь и здравствуй-ко, Добрынюшки матушка,
А здравствуй ведь, Овдотья Микулична!
А видел я Добрыню Микитича,
А видел я сегодня во чистом поли
А ведь Добрынюшку-то убитого.
А ведь ножки лежат Добрыни ко дороженьке,
А ведь буйной головкой во раkitов куст,
А сквозь Добрыню, как сквозь Микитича,
А проросло ли деревцо-то калиново;
А ведь на этом на дёревце на калиновом
А свито у соловьюшка гнездышко, —
А ведь сидит соловейко, высвистывают,
А сидит ли соловейко, выговариват:
«А нет ли прохожего-проезжего

А свезти ли весточку нерадостну
А ко Добрыниной да ко матушке,
А ко Добрыниной молодой жены».
А ты ли, Овдотья ведь Микулична,
А иди-ко ли за меня замуж!»
А отвечала Овдотья Микулична:
«А не ходи-ко ты, Олеша, не подхаживай,
А за себя меня, Олеша, не подговаривай!
А ведь исполнила я мужнюю Добрынину заповедь —
А жила я ведь вдовой я шесть годов;
А еще помню свою заповедь, —
А я еще проживу-то ведь шесть годов,
А не приеде Добрыня — дак тогда будё».
А день-то ведь за дёнь, как дожди дождят,
А неделька по недельке, как ручьи бежат,
А год-то за год, как трава росла, —
А прошло ведь времени еще шесть годов,
А всего времечки да двенадцать лет,
А не видать ли Добрыни из чиста поля.
А тут вор Олеша Попович-то
А подговорил ли князя Владимира
А со Опраксией, своей ли молодой женой,
А ведь со Опраксией Романовной, —
А ведь приехали Овдотьюшку сватати;
А как неволей-силóm берут:
«А не йдё — срубим голову».
А ведь и тут повезли до во божью церкву.
А как сидела Добрынюшки рódна матушка
А под косивчатым под окошечком,
А под хрустальным под стекёлышком,
А ведь сидела она да плакала:
«А через двенадцать лет расставалася
А со своим я чаделком, со Добрынюшкой,
А нынче годик я порассталася
А со невестушкой со любимую».
А добрый конь да поскакиват,
А широко ли да перемахиват,
А прямо идё к палаты белокаменной.
А приходил ли мблodeц в палату белокаменну:
«А уж ты здравствуй, Добрынина матушка!
Видел я Добрыню во чистом поли.
А ведь и завтра Добрынюшке домой прибыть!» —

«А ой ты, какая невежа приехала
А над тою ли старушкой надсмехатися.
А если бы был Добрынюшка во живности,
А был ли Микитинец да при близности, —
А не дошло бы надо мной насмехатися!
А ведь сегодняшним дёнечком
А ведь солнышко Владимир-князь стольнё-киевский
А забирал за Олешу за Поповича,
А увез Добрынюшки молодую жону,
А молодую жону во супружество». —
«А уж ты, свет моя государыня а рѳдная матушка,
А ведь-то худо тебе да показался-то
А я во долгих-то во поездочках.
А примечай-ко своёго ты Добрынюшку,
А примечай-ко по староим приметочкам!» —
«А у моего ли-то у Добрынюшки
А у маленького лянгинько,

(Лягнуто копытом)

А головушка у ёго переложенькой». —
А полагала она ручки белые
А ведь на буйну ли на головушку, —
А ведь целовала в уста ты сахарные,
А скидывала ли Добрынюшки платье дорожное,
А приносила ль платье скоморовчато.
А брал Добрынюшка гусёлышка яровчатый,
А ведь пошел к Олеше на почестный пир.
А у Олешеньки у Поповича
А ведь ворѳтнички тут поставлены,
А ведь дворички перекладены;
А ведь Добрыня дворникам дал по полтиннику,
А ведь воротникам давал по рублёвику,
А ведь маленьких робяток уговаривал:
«А не кричите-ко, помолчите-ко,
А вы меня коли пропу́стите-ко,
А завтра я для вас ведь пир заведу,
А всех я пивом вас напою,
А пивом напою да по калачику даю». —
А ведь прошел к Олеше на почестный пир,

(Недосуг у матери погостить)

А приходил ли в палату белокаменну,
А крѳс ли клал Добрыня по-писаному,
А ведь поклон вел по-ученому,

А ли князю-то Владимиру:

«А нет ли ко местечко скоморошеньке,
А ведь местечко мне немножечко,
А мне взыграть в гусёлышка яровчаты,
А воспотёшать князей-бояр новобрачных?»
А отвечал ли-то да Владимир-князь:

«А уж ты, легкая скоморошина,
А по записи места у нас заняты,
А те — на печке-кирпитов пол».
А на ножку лёгок да на печку скоко́к.
«А мне-то здись потепля́е всех,
А потепля́е мни да повидняе всех».
А ведь начал струнушки ён натягивать,
А по гусёлышкам да похаживать:
А ведь припевочок завел Добрынюшка от Киева,
А ведь доводит Добрыня до Чернигова;
А ведь и вси на пиру позатихну́ли, —
А ведь такой игры ввек не слыхано,
А век не слыхано и не видано.

А говорил ли тут Владимир-князь:

«А уж ты, легкая скоморошенька,
А иди-ко от нашего князя новобрачного,
А выпей-ко чару зеленá вина!»
А брал Добрыня чару левóй рукой,
А ведь вылил Добрыня на испáшочку,
А наливала чару княгиня новобрачная, —
А ведь брал Добрыня чару пра́вой рукой,
А выпил чару Добрыня на единый здох;
А полагал ли свой златой перстёнь,
А ведь златой перстёнь обручалъныйи.
«А ведь княгинюшка новобрачная!
А ведь зглянешь до дна — увидáшь добра,
А ведь не зглянешь до дна — не увидáшь добра».
А ведь зглянула до дна — увидала добра:

«А уж ты, солнышко Владимир-князь стольнё-
киевский!

А ведь не тот муж, который подле меня сидит,

А ведь тот мой муж, кто противó стоит,

А ведь я не волей шла, меня силóм брали».

А говорил ли тут Добрынюшка:

«А не дивую я бабы-женщины, —

А у ней волос долог, ум корóток есть,

А я дивую солнушку,
А я дивую старому Владимиру,
А я старому псу, седатому,
А за которого стоял я двенадцать лет,
А ён отчего берет во супружество?»
А брал Олешу за желты кудры,
А ведь и бросил Олешу через столы ты дубовые,
А ён ли бросил Олешу о кирпичов пол.
А у Олешеньки у Поповича
А ведь рубаха да лопнула,
А ведь на Олеше кожа трёснула,
А ведь и плават раскарякою.
А говорит тут Олеша Попович-то:
«А всякий на святой Руси женится,
А не каждому женитьба удавается!»

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОБРЫНИ ДОМОЙ

Ай да не буйные ветерочки,
Они с гор пове. . . с гор повенули,
Ай, с гор повенули,
Ай да не синяя была моречка
Она сколыха. . . сколыхалася,
Ай, сколыхалася,
Ай, не сырые-то бы дубочки
Они к земле кло. . . к земле клонятся,
Ай, к земле клонятся, —
Ай, приклоняется он, Добрынюшка,
К своей родной ма. . . к родной матушке,
Ай, к родной матушке:
«Ай, государыня моя матушка!
Пусти погуля. . . погулять в поле,
Ай, погулять в поле,
Ай да попить-то бы, погулять в поле,
Еще показа. . . показáковать,
Ай, показáковать,
Ай, своего душечку всё добра коня
Еще понае. . . понаезживать,
Ай, понаезживать». —
«Ай да не вмеешь ты, мое дитяtko,
Не вмеешь коне. . . ты конем владать,
Ай да конем владать,
Ай да конем владать, мое дитяtko,
Еще из ружья, из ружья стрелять,
Ай, из ружья стрелять». —
Ай да ходил-гулял млад Добрынюшка,

Гулял по круты. . . по крутым горам,
Ай, по крутым горам,
Ай, по крутым горам, млад Добрынюшка,
Еще по ины. . . по иным землям,
Ай, по иным землям.
Ай, навстречу́ ему, добру молодцу,
Ехал Илья Му. . . Илья Муровец,
Ай, Илья Муровец:
«Ай да на полно тебе, Добрынюшка,
Полно тебе пи. . . полно пить-кутить,
Ай, полно пить-кутить!
Ай, не пора ли тебе, Добрынюшка,
Пора ко двору, ко двору идтить,
Ай, ко двору идтить:
Ай да родимого же твоего батюшки
Его в живых не. . . давно нету,
Ай, давно нету;
Ай да родимая твоя матушка,
Она чуть живё. . . чуть живехонька,
Ай, чуть живехонька;
Ай, молодая твоя хозяйюшка
Она всё просва. . . да просваталась,
Ай да просваталась,
Ай да за того-то бы за Алешеньку,
За сына Попо. . . за Поповича,
Ай, за Поповича». —
«Ай да не может быть, от живого мужа
Жена чтобы за. . . чтоб замуж пошла,
Ай, чтобы замуж пошла,
Ай, чтобы замуж за Алешеньку,
Пошла за Попо. . . за Поповича,
Ай, за Поповича:
Ай, ведь с Алешей-то во чистом поле
Вот мы соезжа. . . соезжались,
Ай, соезжались,
Ай, золотыми-то вот и крестами
Вот мы с ним меня. . . с ним менялися,
Ай, с ним менялися,
Ай да назваными вот мы братьями
Будто называ. . . назывались,
Ай, назывались».
Ай, под Добрынюшкой душа добрый конь,

Конечек изъе. . . он изъездился,
Ай да изъездился;
Ай, на Добрынюшке светла платица,
Она вся сноси. . . износилася,
Ай, износилася;
Ай да шелкóвенькие карманчики,
Они испроби. . . испробилися,
Ай, испробилися;
Ай, золота казна его несметная,
Она источи. . . источилася,
Ай, источилася.
Ай да слезает же вот Добрынюшка
На свою подво. . . на подворьица,
Ай, на подворьица:
Во подворьицы был железный тын,
Увесь он посло. . . весь послóнился,
Ай, весь послонился.
Ай да слезает же вот Добрынюшка
Со своего добра́, со добра́ коня,
Ай, со добра коня,
Ай да подходит же млад Добрынюшка
Вот он к высокú, к высокú крыльцу,
Ай, к высокоу крыльцу,
Ай да привязывал он добра коня
Его к золотú кольцу,
Ай, к золоту кольцу.
Ай да и входит же, ой, Добрынюшка
Во свои пала. . . во палатушки,
Ай, во палатушки.
Ай да и каменные палатушки
Да все замуравилисьь,
Ай, замуравилисьь,
Ай, на стенáх-то висят Добрынины
Его гусли зво. . . гусли звóнчаты,
Ай, гусли звончаты.
«Ай, уж вы, гусельки мои звонкие,
Вы мои гусé. . . вы гусéлюшки,
Ай, вы гуселюшки!
Ай, дождалися же, мои гусельки.
Вы своего хозя. . . вот хозяина,
Ай да хозяина».
Ай, ну родимая его матушка

Она слёзно пла. . . слёзно плакала,
Ай, слёзно плакала.
Ай, перед нею-то млад Добрынюшка
Стоит, будто жа. . . стоит жалится,
Ай, стоит жалится:
«Ай да родимая моя маменька!
Вот я твой нежда. . . твой неожиданный сын,
Ай, твой неожиданный сын». —
«Ай, у мого-то сына, у Добрынюшки,
Кудри позави. . . позавитые,
Ай, позавитые;
Ай, у мого ли сына, у Микитича,
Усы позакру. . . позакручены,
Ай, позакручены». —
«Ай, со большого горя-кручинушки
Кудри поразви. . . поразвѣлися,
Ай, поразвѣлися;
Ай, мои русые, русы ўсушки,
Они обломи. . . обломилися,
Ай, обломилися». —
«Ай, молодая твоя хозяйюшка,
Она на поса. . . на посад пошла».

АЛЕША ПОПОВИЧ И СЕСТРА ПЕТРОВИЧЕЙ

У Владимира-князя был почестен пир,
Да все на пиру напивались,
Да все на честном наедались,
Да все на пиру прирасхвастались: —
Да иной хвастáт золотой казной,
Как иной хвастáт молодой жоной,
Как иной хвастáт конем езжалым-е,
Как иной хвастáт быком кормленным-е.
И сидят как два Петра Петровича,
Они не пьют, не едят, ничем не хвастают.
Говорят как им как товарищи:
«Уж вы ой еси, два брателка!
Не пьетé, не едитé, ничем не хвáстаете». —
«Уж мы чем же будем хвастати?
Ишша нету у нас золотой казны,
Ишша нету у нас молодой жоны,
Ишша нету у нас быка кормленного,
Ишша нету у нас коня езжалого, —
Только есть у нас éдна сéстрица,
Ишша та же Еленушка Петровна-свет;
Как никто не видал в одной рубашечке,
А в одной рубашечке, без пояса,
А в единых чулочиков, без чоботов».
Подскочил Олешечка Попович сын:
«Уж вы ой еси, два брáтелка!
Вы не хвастайте своей сестрицей,
А и той же Еленушкой Петровною;
Я видал вашу ведь сестрицу
А в единóй рубашечке, без пояса,

Я в единых чулочиков, без чоботов.
Вы поди-тко ведь домой же ведь,
Закатайте ком да снегу белого,
Уж вы киньте в окошечко в кошевчато
Со восточнею да со стороночку».
Ишша тут братцам за беду стало,
Ай, за ту кручинушку великую,
Собирались тут со беседушки,
А идут они к своёму двору,
Закатали ком да снегу белого,
А кидали в окошечко в кошевчато.
Выходила тут ихна сестрица,
Ишша та же Еленушка Петровна ведь,
Она в еднѳй рубашечке, без пояса,
А в единых чулочиков, без чоботов.
Ишша тут ей братца рассердились;
Ишша тут они разгневились:
«Уж ты ой еси, наша сестрица,
Ай ты же, Елена Петровна!»
И хѳтят рубить да ёйну голову.
Ишша тут им сестрица поклонилася,
Ишша тут она покорилася:
«Уж вы ой еси, два брателка,
Два Петра ведь вы да два Петровича!
Не рубите-тко да буйной головы,
Уж вы дайте стрѳку на малый час
А сходить Елены ко божьёй церкви
Ишша богу ей помолитися,
А с подружечками ей распроститися».
Они тут были ведь послушливы,
А послушливы-разговорчаты,
А дают ведь стрѳку на малый час
А сходить Елены ко божьей церкви
А и богу ей помолитися,
А с подружечками распроститися.
А как пошла Елена ко божьей церкви
Она богу тут помолитися,
А с подружечками распроститися.
Она стоит да тут богу молится,
А слезами она да умывается,
А горѳм она подтирается.
Подскочил Олешечка Попович сын,

Научат Еленушку Петровную:
«Ты просись у братьей во чисто полё,
Щобы срубили там твою да буйну голову».
А приходит Елена от божьей церквѣ.
Ишша братья у ей да рассердилися,
Ишша тут они разгневилися,
А хотят рубить буйну голову.
Ишша тут Елена возмолилася,
Ишша тут она покорилася:
«Уж вы ой еси, вы два брателка,
Два Петра да вы два Петровича!
Не секите моей да буйной головы,
Уж вы дайте стрóку на малый час,
Вы ссеките мою да буйну голову
А во дáлече да во чистом полѣ».
Как у ей братья были послушливы,
Как у ей были разговорчаты, —
Повезли Елену во чисто полё,
Они там хотят срубить да буйну голову.
Ишша тут Елена возмолилася,
Ишша тут она покорилася:
«Уж вы ой еси, два брателка,
Два Петра ведь вы да два Петровича!
Вы рубите мою да буйну голову
А на той на плахе на липовой».
И как у ей братцы были послушливы,
А послушливы-разговорчаты, —
Закопали Елену в землю по поясу,
Они поехали за плахой за липовой.
Подскочил Олешечка Попович сын,
Ишша выкопал тут Еленушку.
Да уехали они к божьей церквѣ,
Да венцами они повенчались,
Да перстнями они поменялися.
А приехали как два брателка,
Два Петра ведь их да два Петровича, —
Ишша тут Елены только место знать.
Ишша тут они и заплакали:
«Уж ты ой еси, наша сестрица,
Ишша ты Еленушка Петровна ведь!
Ишша мы тебя дак много слушали,
Ишша ты нас дак не послушала».

ДУНАЙ И НАСТАСЬЯ-КОРОЛЕВИЧНА

Ходил Дунаюшко да из орды в орду,
Из орды в орду да из земли в землю,
Пришел Дунай к королю в орду.
Уж он три годы служил да во конюшниках,
Уж он друго три служил да он во ключниках,
Уж он третьё три служил да на новых сенях.
Уж уж <он> день стоит да на новых сенях,
Ночку спит да в новой спалёнке,
Он на той кроваточке тесовыи,
Он на той периночке пуховыи,
Спит со душенькой с Настасьей-королевичной.
У того ли короля да шаховинского
Заводилось пированьицо — почестен пир.
Не зовут Дуная на почестен пир,
Он походит, Дунай, да на почестен пир.
Унимат его Настасья-королевична:
«Не ходи, Дунай, да на почестен пир,
Не ровнó, Дунаюшка, похвасташь,
Не ровно словечико вымолвишь».
Не слушáл Дунай Настасьи-королевичной,
Он походит, да Дунай, на почестен пир,
Он садился, Дунай, да за средни столы.
Еще все на пиру да напивались,
Еще все ты на чостном да пьяные-веселы,
Еще все на пиру да прирасхвастались:
Иной — тот ведь хвастат золотой казной,
А иной — тот ведь хвастат добрым конем,
А иной — тот ведь хвастат вострым копьем,

А и умной — тот хвастат отцом, матушкой,
Да безумный — тот хвастат молодой жоной,
Неразумный — тот хвастат родимой сестрой.

Тут сидит Дунаюшко, не ест, не пьет,

Он не ест, не пьет да и не кушает,

Он ничем, Дунай, да не похвастает.

Тут спроговорил король да шаховинские:

«Уж ты что же, Дунаюшко, не ешь, не пьешь,

Ты не ешь, не пьешь, не кушаешь?» —

«Еще нечем мне, Дунаюшку, похвастати:

У мя нету, Дуная, золотой казны,

У мя нету, Дунаюшка, добра коня,

У мя нету, Дунаюшка, востра копыя,

У мя нету, Дуная, отца, матушки,

У мя нету, Дуная, молодой жоны,

У мя нету, Дуная, родимой сестры.

Уж я столько, Дунаюшко, похвастаю:

Я ходил-гулял да из орды в орду,

Из орды в орду да из земли в землю,

Я пришел, Дунай, к королю в Литву.

Уж я три годы служил у вас в конюшниках,

Уж я друго три служил у вас во ключниках,

Уж я третьё три служил да на новых сенях.

Уж я день стою да на новых сенях,

Уж я ночку да в новой спаленке,

Я на той кроваточке тесовыи,

Я на той периночке пуховыи

Сплю со душенькой с Настасьюшкой

с королевичной».

Тут не синее море сколыбалося,

Королевское сердце разгорелося.

Тут скричал король во первой након:

«Уж вы ой еси, панови-уланови,

Вы такие злы поганые татарина!

Вы берите Дуная да за белы руки,

Вы ведите Дуная во чисто полё,

Отрубите у Дуная буйну голову».

Тута брали его панови-уланови,

И таки злы поганы татарина,

Поводили Дуная во чисто полё,

Приводили Дуная на широкий двор.

Тут спроговорил Дунай да таково слово:

«Уж вы ой еси, панови-уланови,
Вы такие злы поганы татарина!
Проводите тут Дуная вдоль по улице».
Проводили тут Дуная вдоль по улице,
Тут скричал Дунай во первой након:
«Ты прости, прости, вольный белый свет,
Прости, душенька Настасья-королевична!
Приупито было, приуедено,
В красни, в хороше да приухожено,
На белой груди да приулёжано».
Во первой након Настасьюшка не слышала.
Он скричал, Дунай, да во второй након:
«Ты прости, прости, да вольный белый свет,
Прости, душенька, Настасья-королевична!
Приупито было, приуедено,
В красни, в хороши да приухожено,
На белой груди было улёжано».
Во второй након Настасьюшка услышала,
Бросалася Настасьюшка по плеч в окно:
«Уж вы ой еси, панови-уланови,
Вы таки злы поганы татарина!
Вы ведите Дуная на широкий двор,
Вы возьмите со конюшна двора конюха,
Вы сведите его да во чисто полё,
Отрубите у его да буйну голову».
Приводили Дуная на широкий двор.
Надавала она злата, много серебра,
Отпустила Дуная на свою волю,
Сама уехала да во чисто полё.

ЧУРИЛА И КНЯЗЬ

В стольном городе во Киеве
У ласкова князя у Владимира
Хороший завѣден был почестный пир
На многие на князи да на бояра,
Да на сильни могучие богатыри.
Белый день иде ко вечеру,
Да почестный-от пир идет навеселе,
Хорошо государь распотешился,
Да выходил на крылечко перѣное,
Зрел-смотрел во чисто полѣ.
Да из дѣлеча-далѣча поля чистого
Толпа мужиков да появилась,
Да идут мужики да всё кѣвляна,
Да бьют они князю, жалобу кладут:
«Да солнышко Владимир-князь!
Дай государь свой праведные суд,
Да дай-ко на Чурила сына Плѣнковича.
Да сегодня у нас на Сарбге на рекѣ
Да неведомые люди появились,
Да наехала дружина та Чурилова,
Шѣлковы неводы заметывали,
Да тетивки были семи шелков,
Да плутивца у сеток-то серебряные,
Камешки позолоченные.
А рыбу сарогу повыловили,
Нам, государь-свет, улову нет,
Тебе, государь, свежа куса нет,
Да нам от тебя нету жалованья.

Скажутся, называются
Всё оны дружиною Чуриловою».
Та толпа на двор прошла,
Новая из поля появилась.
Да идут мужики да все кйевляна,
Да бьют онѣ челом, жалобу кладут:
«Да солнышко да наш Владимир-князь!
Дай, государь, свой праведные суд,
Дай-ко на Чурила сына Плѣнковича.
Сегодня у нас на тихих заводах
Да неведомые люди появлялися,
Гуся да лебедя да повѣстреляли,
Серу пернату малу утицу.
Нам, государь-свет, улову нет,
Тебе, государь, свежа куса нет,
Нам от тебя да нету жалованья.
Скажутся, а называются
Всё оны дружиною Чуриловою».
Та толпа на двор прошла,
Новая из поля появилась.
Идут мужики да все кйевляна,
Бьют оны челом, жалобу кладут:
«Солнышко да наш Владимир-князь!
Дай, государь, свой праведные суд,
Дай на Чурила сына Плѣнковича.
Да сегодня у нас во темных во лесах
Неведомые люди появились,
Шѣлковы тѣнета заметывали,
Кунок да лисок повыловили,
Черного сибирского соболя.
Нам, государь-свет, улову нет,
Да тебе, государь-свет, корысти нет,
Нам от тебя да нету жалованья.
Скажутся, а называются
Всё онѣ дружиною Чуриловою».
Та толпа на двор прошла,
Новая из поля появилась.
А йде молодцов до пяти их сот,
Мблодцы на конях одноличные,
Кони под нимá да однокарие были,
Жѣребцы всё латынские,
Узды, пбвода у их а сорочинские,

Седёлышка были на́ золоте,
Са́пожки на ножках зелен сафьян,
Зелена сафьяну-то турецкого,
Славного покрою-то немецкого,
Да крепкого шитья-де ярославского,
Скобы-гвоздьё-де были на́ золоте,
Да кб́жаны на мб́лодцах лосинные,
Да кафтань на мб́лодцах голуб скурлат,
Да источниками подпоясанося,
Колпачки золотые верхи.
Да молодцы на кб́нях быв свечй-де горят,
А кони под нима быв соколб́-де летят.
Доехали-приехали во Киев-град,
Да стали по Киеву уродствовати,
Да лук, чеснок весь повырвали,
Белую капусту повыломали,
Да старых-то старух обезвичили,
Молодых молодиц в соромб́-де довели,
Красных девиц а опозорили.
Да бьют челом князю всем Киевом,
Да князи ты просят со княгинями,
Да боя́ра ты просят со боярынями.
Да все мужики огородники:
«Да дай, государь, свой праведные суд,
Да дай-ко на Чурила сына Плёнковича.
Да сегодня у нас во городе во Киеве
Да неведомые люди появились,
Да наехала дружина та Чурилова,
Да лук, чеснок весь повырвали,
Да белую капусту повыломали,
Да старых-то старух обезвичили,
Молодых молодиц в соромб́-де довели,
Красных девиц а опозорили».
Да говорил туто солнышко Владимир-князь:
«Да глупые вы князи да боя́ра,
Неразумные гости торговые!
Да я не знаю Чуриловой посёлчи,
Да я не знаю, Чурило где двором стоит».
Да говорят ему князи и боя́ра:
«Свет государь ты, Владимир-князь!
Да мы знаем Чурилову посёлчу,
Да мы знаем, Чурило где двором стоит:

Да двор у Чурила ведь не в Киеве стоит,
Да двор у Чурилы не за Киевом стоит —
Двор у Чурила на Поча́й на река́,
У чудна креста-де Мендалидова,
У святых мощей а у Борисовых,
Да около двора да всё булатный тын,
Да ве́реи были всё точеные».
Да поднялся князь на Почай на реку,
Да со князьями ты поехал, со боярами,
Со купцами, со гостями со торговыми,
Да будет князь на Почай на река́,
У чудна креста-де Мендалидова,
У святых мощей да у Борисовых,
Да головой-то ка́ча, сам проговариват:
«Да право мне, не пролгали мне».
Да двор у Чурила на Почай на река́,
Да у чудна креста-де Мендалидова,
У святых мощей да у Борисовых,
Да около двора всё булатный тын,
Да верёи ты были все точеные,
Воротика ты всё были все стекольчатые,
Подворотенки — да дорог рыбий зуб.
Да на том дворе-де на Чуриловом
Да стояло теремов до семи до десяти.
Да во которых теремах Чу́рил сам живет,
Да трои сени у Чурила-де косивчатые,
Трои сени у Чурила-де решетчатые,
Да трои сени у Чурила-де стекольчатые.
Да из тех-де из в́ысоких из теремов
На ту ли на улицу падовую
Да выходил туто старый ма́тёрый человек.
На старом шуба-то соболья была,
Да под д́орогим под з́еленым под ста́метом,
Да пугвицы были вальячные,
Да вальяк-от литый красна золота.
Да кланяется-поклоняется,
Да сам говорит и таково слово:
«Да свет государь ты, Владимир-князь!
Да пожалуй-ко, Владимир, во высок терём,
Во высок терём хлеба кушати».
Да говорил Владимир таково слово:
«Да скажи-ко мне, старый ма́тёрый человек,

Да как тебя да именем зовут,
Хотя знал, у кого бы хлеба кушати? —
«Да я Пленкó да гость Сарожанин,
Да я ведь Чурилов-от есть батюшка».
Да пошел-де Владимир во высок терём,
Да в терем-от идет да всё дивуется —
Да хорошо-де теремы да изукрашены были:
Пол-середа одного серебра,
Печки ты были всё муровлёные,
Да потики ты были всё серебряные,
Да потолок у Чурила из черных соболёй,
Нá стены сукна навиваны,
На сукна ты стекла набиваны,
Да всё в терему-де по-небесному,
Да вся небесная луна-де принаведена была,
Ино всякие утехы несказанные.
Да пир-от идет о полу-пиру,
Да стол-от идет о полу-столе;
Владимир-князь распотешился,
Да вскрыл он окошечка немножечко,
Да поглядел-де во дáлече чистó полё.
Да из дáлеча-далéча из чиста поля
Да толпа молодц^{ов} появилась,
Да еде молодц^{ов} а боле тысящи,
Да среди-то силы ездит купав молодéц,
Да на мóлодце шуба та соболья была,
Под дóрогим под зéленным под стáметом,
Пугвицы были вальячные,
Да вальяк-от литый красна золота,
Да по дóрогу яблоку свирскому.
Да еде молодец, да и сам тешится,
Да с коня-де на коня перескакивает,
Из седла в седло перемахивает,
Через третьего да на четвертого,
Да вверх копье побрасывает,
Из ручки в ручку подхватывает.
Да ехали-приехали на Почай на реку,
Да сила та ушла-де по своим теремám.
Да сказали Чурилы по незнаемых гостей,
Да брал-де Чурило золоты ключи,
Да ходил в амбары мугазенные,
Да брал он сорок сороков черных соболёв,

Да и многие пары лисиц да куниц,
Подарил-де он князю Владимиру.
Да говорит-де Владимир таково слово:
«Да хоша много было на Чурила жáлобщиков,
Да побольше того-де челом битчиков,
Да я теперь на Чурила да суда-де не дам».
Да говорил-де Владимир таково слово:
«Да ты, премладыи Чурилушко сын Плёнкович!
Да хошь ли идти ко мне во стольники,
Да во стольники ко мне, во чашники?»
Да иной от беды дак откупается,
А Чурило на беду и нарывається,
Да пошел ко Владимиру во стольники,
Да во стольники к ему, во чашники.
Приехали они ужо во Киев-град,
Да свет государь, да Владимир-князь,
На хорошá на нового на стольника
Да завел государь-де почестный пир.
Да премлáдыи Чурило-то сын Плёнкович
Да ходит-де ставит дубовы́ столы,
Да желтыми кудрями сам потряхивает,
Да желтые кудри рассыпаются,
А быв скачён жемчуг раскатається.
Прекрасная княгиня та Апраксия
Да рушала мясо лебединое,
Смотрячйсь-де на красоту Чурилову,
Обрезала да руку белу правую,
Сама говорила таково слово:
«Да не дивуйте-ка вы, жены господские,
Да что обрезала я руку белу правую:
Да помешался у мян разум во буйно́й голове,
Да помутились у мян-де очи ясные,
Да смотрячйсь-де на красоту Чурилову,
Да на его-то нá кудри на желтые,
Да на его-де нá перстнй злаченые.
Помешался у мян разум во буйно́й голове,
Да помутились у мян да очи ясные».
Да сама говорила таково слово:
«Свет государь ты, Владимир-князь!
Да премлáдому Чурилу сыну Плёнковичу
Не нá этой а ёму службы быть,
Да быть ему-де во постельниках,

Да стлати ковры да под нас мягкие».

Говорил Владимир таково слово:

«Да суди те бог, княгиня, что в любовь ты мне
пришла.

Да кабы ты, княгиня, не в любовь пришла,
Да я срубил бы те по плеч да буйну голову,
Что при всех ты господах обесчестила».

Да снял-де Чурила с этой бóльшины,
Да поставил на бóльшину на йную —

Да во ласковые зазыватели,
Да ходить-де по городу по Киеву
Да зазывати гостей во почестный пир.

Да премладыи Чурило-то сын Плёнкович
Да улицми идет, да переулками,

Да желтыми кудрями потряхивает,
А желтые ты кудри рассыпаются.

Да смотрячйсь-де на красоту Чурилову,
Да старицы по кельям онатй оны дерут,
А молодые молодицы в голенища <.....>,
Красные девки отселья дерут.

Да смотрячйсь-де на красоту Чурилову,

Да прекрасная княгиня та Апраксия

Да еще говорила таково слово:

«Свет государь ты, Владимир-князь!

Да тебе-де не любить, а пришло мне говорить, —

Да премладому Чурилу сыну Плёнковичу

Да на этой а ему службы быть,

Да быти ёму во постельниках,

Да стлати ковры под нас мягкие».

Да видит Владимир, что беда пришла,

Да говорил-де Чурилу таково слово:

«Да премладыи Чурило, ты сын Плёнкович!

Да больше в дом ты мне не надобно.

Да хоша в Киеве живи, да хоть домой поди».

Да поклон отдал Чурила да и вон пошел.

Да вышел Чурила-то на Киев-град,

Да нанял Чурило там извозчика,

Да уехал Чурило на Почай на реку,

Да и стал жить-быть, а век корótати.

Да мы со той поры Чурила в старинах скажем,

Да отныне сказать, а будем дó веку.

А-й диди диди дудай — боле вперед не знай!

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ

Накануне было праздника христова дни,
Канун-де честнаго благовещенья,
Выпадала порошица-де снег а молодой.
По той-де порохе по белому по снежку
Да не белый горносталя следы прометывал, —
Ходил-де, гулял ужо купав молодец,
Да на имя Чурило сын Плёнкович;
Да ронил ён гвоздочки серебряные,
Скобочки позолоченные.
Да вслед ходя малые ребятушка
Да собирали гвоздочки серебряные,
Да тем-де ребята головы кормят.
Да загулял-де Чурило ко Бермяты ко высокú
теремú.

Да Бермяты во дому да не случилось,
Да одна Катерина прилучилася.
Отворялось окошечко косивчатое,
Не белая лебедушка прокычала, —
Говорила Катерина таково слово:
«Да удалый дородный добрый молодец,
Да премладыи Чурило ты, сын Плёнкович!
Пожалуй ко мне во высок терём».
Пришел-де Чурило во высок терём,
Крест кладет по-писаному,
Да поклон-от ведет по-ученому,
Кланяется да поклоняется
На все четыре на сторонушки,
Катерины Чурило и в особину.

Да брала Катерина та доску хрустальную,
Шахматы брала серебряные,
Да начали играть а с им во шахматы.
Говорила Катерина та Микулична:
«Да премладыи Чурило ты сын Плёнкович!
Да я тя поиграю — тебя бог простит,
А ты меня поиграешь — тебе сто рублей».
Да первой раз играл Чурило, ею мат давал,
Да взял с Катерины денег сто рублей;
Да другой-де раз играл, да ей другои-де мат давал,
Да взял с Катерины денег двести рублей;
Да третей-де раз играл, да ей третей-де мат давал,
Да взял с Катерины денег триста рублей.
Да бросала-де Катерина доску хрустальную,
Да шахматы бросила-де серебряные,
Да брала-де Чурила за руки за белые,
Да сама говорила таково слово:
«Да ты, премладыи Чурилушко сын Плёнкович!
Да я не знаю, — играть с тобою во шахматы,
Да я не знаю, — глядеть на твою красоту,
Да на твои ты на кудри на желтые,
На твои ты на перстни злаченые.
Да помешался у мня разум во буйнѡй голове,
Да помутились у меня-де очи ясные,
Смотрячись-де, Чурило, на твою на красоту».
Да вела его во ложню во теплую,
Да ложились спати во ложни теплые,
Да на мягку пѣрину на пуховую,
Да начали с Чурилом забавлятися.
Да бѣла у Бермяты-де девка-чернѡвка его,
Да ходит она по терему, шурчит да бурчит:
«Хороша ты, Катерина дочь Микулична!
Еще я пойду к Бермяты, накучѹ да намучу».
Да того Катерина не пытаючи,
Да во ложне с Чурилом забавляется.
Да пошла-де девка во божью церковь.
Приходит-де девка во божью церковь,
Крест-от кладет по-писаному,
Да поклон-от ведет по-ученому,
На вси стороны девка поклоняется,
Да хозяину Бермяты-де в особину:
«Ласковый мой хозяйнушко,

Да старый Бермята сын Васильевич!
Да стоишь ты во церкви богу молишься,
Над собой ты невзгоды-то не ведаёшь.
Да у тебя в теремѹ есть ужо гость гостит,
Да незванный-де гость, а не прикázыванный,
Да с твоею-то женою забавляется».
Да говорил-де Бермята таково слово:
«Да правду говоришь, девка, — пожалуйю,
А нет — тебе, дуры, срублю голову».
Говорила-де девка таково слово:
«Да мне, сударь, не веришь, поди сам
а досмотри».

Да пошел-де Бермята из божьей церкви,
Да пришел ко высокому ко терему,
Да застучал во кольцо-де во серебряное, —
Спит Катерина, не пробудится.
Да застучал-де Бермята во второй након, —
Да спит Катерина, не пробудится.
Да застучал-де Бермята во третей након,
Да из-за всей могуты-де богатырские:
Теремы ты все да пошаталися,
Маковки поломалися;
Услышала Катерина та Микулична,
Да выбегала в одной тоненькой рубашечке
без пояса,

В одних тоненьких чулочиках без чеботов,
Отпирала Катерина широкие ворота,
Запускала Бермяту Васильевича.
Говорил-де Бермята таково слово:
«Что, Катерина, не снарядна идешь?
Сегодня у нас ведь честной праздничок,
Честное христово благовещенье».
Да умее Катерина как ответ держать:
«Да ласковый мой хозяйнушко,
Да старыи Бермята сын Васильевич!
Да болит у мя буйная голова,
Опускалась болесница ниже пупа и до пояса,
Да во те ли во нижние черева, —
Не могу хорошо я обрядиться».
Да пришел-де Бермята во высок терем,
Да увидел-де платье все Чурилово,
Да шапка, сапоги, — да все Чурилово.

Говорил-де Бермята таково слово:
«Да хороша ты, Катерина дочь Микулична!
Да я этоё платье на Чуриле всё видал».
Да умеет Катерина как ответ держать:
«Ласковый мой хозяйнушко,
Старый Бермята сын Васильевич!
Да у моего родимого у брателка
Да ко́нями с Чурилом-то помёняносе́,
Да цветным-то платьем побра́таносе́».
Да того-де Бермята не пытаючи,
Да берет-де со стопки саблю вострую,
Да идет-де Бермята в ложню теплую, —
Да увидел Чурила на кровати слоно́вых костей,
На мягкой перины на пуховые.
Да не лучная зорюшка просветила —
Да вострая сабелька прома́хнула,
Да не крущатая жемчужинка скатилась —
Да Чурилова головушка свалилася,
Да белые горох а расстилается —
Да Чурилова кровь и проливается,
Да по той-де по се́реды кирпичные
Да Чуриловы кудри валяются.
Да услышала Катерина та Микулична,
Да брала два ножа она, два вострые,
Становила ножи че́ренем во сыру́ землю,
Да разбегалась на ножики на вострые
Да своею она грудью белою,
Да подрезала жйлиё ходячеё,
Да выпустила кровь и ту горячую, —
Да погинуло две головушки,
Да что хорошие ѓловы, не лучшие.
Да старые Бермята сын Васильевич
Да дождался христова воскресенье,
Да пропустил-де он неделю ту он светлую, —
Старую девку-чернавушку
Да берет ёю за правую за рученку,
Да сводил-де девку во божью́ церковь,
Да принял с девкой золоты́е венцы,
Да стал жить-быть да век коротати.
Да мы с той поры Бермяту в старинах скажем,
Да премла́дого Чурила сына Плёнковича,

ХОТЕН

Во славном во городе во Кieve
У ласкова князя у Владимира
Заводилось столóванье честен пир.
Уж как вси на пиру-то напивались,
Ведь и вси на честнóм наедались,
Да и вси на честнóм прирасхвастались.
А сидела на пиру да молода вдова,
Молода вдова да Блудовá жона,
Да и начала Блудова жона у Часовой свататься:
«Да отдай-кося ты Катеринушу Часовисню
За моёго Хотёнышка сына Блудова»:
А Часовой жоны то не показалося,
Да и говорила ей таковы слова:
«У тя мужа-то звали Блудищом,
А сына-то зовут у тя Уродищом:
Тот ли по зáполям уродует,
Да стрелят сорок-ворон за чужим двором».
И взяла она чару зелена вина,
И ленула ей насупротив в яснѣ очи,
Подмочила ей шубу соболиную.
С того пирá невёсела Блудова жона
Идет домой, да не в корысти, не в радости.
Хотёнышко матушку встрѣчает:
«Что же ты, моя рóдна матушка,
Идешь домой да не в корысти, не в радости?
Али место те дали не по вотчины,
Али чарой тебя да óбнесли,
Али пьяница-дурак не насмеялся ли?»

Отвечала молода вдова Блудова жона:
«Место мне-ка дали по вотчины,
И чарой меня не обнесли,
И пьяница над мной не насмеялся.
А сидела на честном пиру,
Насупротив сидела молода вдова,
Молода вдова да Часова жона;
Еще я за тебя начала свататься
На той ли Катеринуши Часовисны;
Отвечала молода Часова жона:
«У ты мужа-то звали Блудищом,
А сына-то зовут у ты Уродищом:
Тот ли по за полям уродует,
Стрелят сорок-ворон да за чужим двором».
И взяла она чару зелена вина,
Да ленула вином мне в ясны очь,
И подмочила шубу соболиную».
То Хотёнышку не показалось,
Скоро шел да на широкий двор,
Седлал-уздадал да коня доброго,
Скоро он поехал во чисто поле.
Идет Хотён из чиста поля,
Голосом кричит да шляпой машот:
«Здравствуй-ко ты, теща горделивая,
Да здравствуй-ко ты, теща ломливая!
Стречай-кося ты зятя-уродища, —
Да тот ли по за полям уродует,
Стрелят сорок-ворон да за чужим двором».
Как попер молодец дом копьём, тупым концом,
Да тот ли дом он по окнам снял.
Приходила молода вдова Часова жона,
Говорила Катеринуши Часовисны:
«Что это, чадо мое милое,
Кажись, не было в поле ни ветра, ни вехоря,
А наш-от дом ведь по окнам снят».
Отвечала Катеринуша своей матери:
«Ой ты, матушка моя родная!
Из чиста поля шел доброй молодец,
Голосом крычал да и шляпой махал,
А сам-то он да выговаривал:
„Здравствуй-ко ты, теща горделивая,
Да здравствуй-ко ты, теща ломливая!»

Стречай-кося ты зятя-уродища, —
Да тот ли по заполям уродует,
Стрелят сорок-ворон да за чужим двором”.
Да попёр молодёц дом копьём, тупым концом,
И дом-от он ведь по окнам снял,
А сам-от поехал во чисто полё.
Скоро-на́скоро вдова тут догадалася,
Что дороднё-доброй молодец не кто другой,
Как Хотёнышко, Блудов сын,
Еще скоря́ того пошла она к своим сынам.
А у ей сыновья́ было девятеро.
Приносила им жалобу на Хотёныша:
«Ой же вы еси, сыны, добры молодцы!
Подьте да захватите сына Блудова,
Приведите его мне пред ясны́ очь».
А ответ держáт сыны, добры молодцы:
«Ой ты, наша рóдна матушка!
Нам ведь у Хотёна взеть-то нечего».
Молодой вдовы то не показалось:
«Кабы было у меня девять зятевьёв,
Дак оны бы меня послушались».
Да не стали тут добры молодцы
Отзываться от своей рóдной матери,
И поехали в нагон за Хотёнышком.
Спит Хотён во белóм шатри,
Спит он, спит да не пробудится.
Наезжали молодцы да близ шатра,
Добры кони стоптали копытами громко-на́громко.
От того Хотён и пробужается,
Да недолго Хотён тут срягается,
Садился Хотён да на добра коня
И поехал к молодцам насупротив.
Троих молодцев копьём сколол,
Да троих молодцев конем стоптал,
Да еще троих к стремёнй привязал.
Скоро-на́скоро поехал к Часовой жоны,
И крычал он гласом громким:
«Здравствуй-кося ты, молода жона,
Молода жона, да Часова жона!
Выкупай-ко ты своих добрых молодцов:
Ведь троих я копьём сколол,
Да троих я конем стоптал,

Да еще троих к стремени привязал.
Коли выкупишь, дак живых спущу,
А не выкупишь, дак смерті придам».
Тут молода вдова и спасалася:
На тарелку клала золота,
Да на дрúгу скатна женчуга,
А на третью ширинку золоченую,
И называла его зятём родным.
А сам поворачивал коня в чисто полё,
И отсек своему коню голову,
Выливал чéрево лошадиное,
Залезал он сам в кониное черево.
Прилетали тут два ворона,
Ворон старшие да ворон младшие.
А спроговóрит-то ворон младшие:
«Бачко, нам бог обед послал!»
А ответ держал ворон старшие:
«Нет, малой, тут обман ведь есть».
И начал ворон младшой облетывать,
Начал ворон покыркивать,
Да начал и черево поклюивать.
Ухватил тут воронá Хотёнышко за ногу,
Тут и старой ворон заоблетывал,
Старой ворон запокыркивал,
Просит малого выпустить.
Отвечал Хотён таковы слова:
«Ой же ты, ворон старшие!
Принеси-тко мне-ка воды жівыя,
Да принеси-ткося воды мертвыя,
Втогда выпущу вороненыша».
Полетел как ворон старшие
За тридевять земель, за тридевять морей
За водою жівую, да за водою мертвою.
И прилетел ворон с водою жівую,
Прилетел ворон с водою мертвою,
Отдавал Хотёнышу во белы руки,
Втогда спустил он ворона младшего.
Водой живою обрызгал коня мертвого —
И конь его начал здрыгивать,
Водою мертвою стал обрызгивать —
Конь его стал уж на ноги.
И сел молодец на добра коня,

И поехал оживлять своих шурыяков,
Оживил ведь он своих шурыяков
И поехал к палаты белокаменной.
Стал сочинять свадьбу брачную,
Собирались идти ко божьим церквам,
Принимать венцы да пресветлые,
Обручаться перстнями золоченыма.
Так женился Хотён на Катеринуши,
С того времени зачался почестен пир.

СТАРИНА О БОЛЬШОМ БЫКЕ

А-й диди, диди, диди, диди,
Князи, послушайтѣ,
Да бояры, послушайтѣ,
Да вы все, люди земскиѣ,
Мужики вы деревенскиѣ,
Да солдаты служивые,
Да ребятушки маленькиѣ,
Не шумите, послушайте.
Да старушки вы старенькиѣ,
Не дремлите, послушайте,
Молодые молодушки,
Не прядите, послушайте,
Да красныя девушки,
Да не шейте, послушайте.
Да как я вам пословицу скажу,
Да пословицу хорошенькую, —
Про того ли про большого быка,
Про быка Рободановского.
Да как тот ли великиѣ бык, —
Да как степи рукой не добыть,
Промежду роги косая сажѣнь,
На рогах подпись княжеская —
Василья Богдановского,
Да еще Рободановского.
Да как наш-от великиѣ князь,
Афонасій Путятинскій,
Да не ест он гусятинки,
Да ни белыѣ лебедятинки,

Да ни серые утятинки,
Ни индейской курятинки,
Да свинина отъелася,
Бараньи не хочется, —
Захотелось говядинки,
Да урослой телятинки.
Да как сам-то похаживает,
Да как сам-то побрякивает,
Бородой-то потряхивает,
Да как сам выговаривает:
«Да как есть ли у меня на дворе
Да такие люди надобные, —
Да сходили бы на барский двор,
Да на поместье дворянское,
По того ли по большого быка,
По быка Рободановского».
Да как был-то Зеновий-слуга,
Да он часто по Волге ходил,
Да он много-то сёл там громил,
Да и тем голову кормил.
Хватил конопля на плетень
Да скочил за Москву за реку
Ко двору-то боярскому,
Да к поместью-то дворянскому;
Да как свил-то ведь вьязивцо,
Да как он, вор, догадлив был,
Быку липовы лапотцы обул,
Наперед он пятами повернул,
Да как так-то быка увел.
Да завел быка в рощицу,
Привязал быка к деревцу,
Да как сам-то похаживает,
Да как сам поговаривает:
«Да как кто-то быка-то увел,
Да и тот-то безвестно ушел,
Да как кто с быка кожу сдерет,
Да и тот концом пропадет».
Да как был-то Алеша-мясник, —
Да у него кулаки мясны,
Да у него клепикй востры, —
Да как ткнул быка палкой в лоб,
Да как ткнул клепиком-то в бок,

Да как взял с быка кожу слупил,
Да слупил — в трубу завертел,
Завязал его вязивцом,
Да и чуть на плечо воротил.
По несчастью Алешенькину,
По наважденью по дьявольскому,
Да как люди-те пробаяли,
Да собаки-те облаяли,
Да обстали собаки в круг,
Да лише только кожа кинуть с рук.
Да скочил за Москву за реку́,
Да как к Митьке к кожевникову.
Полтора годы в деле была,
Да неудала из дела вышлá, —
Да середочка выгнила,
По краям не осталось ничто.
Да Алеше-то мясникову,
Да как Митьке-то кожевникову
Как кожи по рядам провели,
Да кожи те кнутом набилí,
Да как справили двести рублей,
Да по двести с полтиною,
Да еще не покинули;
Кабы нé люди добрые,
Да не заступы те крепкие,
Да не гости те Стрóганова, —
Да лише только головí отстать;
Та-то беда — не беда,
Да лишь бы боле той не была.
Да к тому ли к большому быку,
Да к быку Рободановскому,
Да были два те харчевничка,
Да молодые те поспешнички;
Да как губки обрезывали,
Да бедёрки обрезывали,
Да как сделали студеньцу
Молодую да с прорезью,
Да на здоровье и с лёгостью, —
Да ни на что не подумати.
Выносили на базар продавать,
Да как гости подхаживали,
Да бояра подхаживали,

Да студенёчку подкушивали,
Да как ей-то подхваливали:
«Да как-то эта стúденьца
Молодая да с прорезью,
На здоровье и с лёгостью,
Ни на что не подумати, —
Да не того ли большого быка,
Да быка Рободановского».
Да как двум-то харчевникам,
Да молодым-то поспешникам
Да как кожи по рядам провели,
Да как кожи те кнутом набили,
Да как справили двести рублей,
Да по двести с полтиною,
Да еще не покинули;
Кабы нé люди добрые,
Не заступы те крепкие,
Да не гости те Стрoгáнова, —
Лише только головí отстать;
Да как то-то беда — не беда,
Да лишь бы больше той не была.
К тому ли к большому быку,
Да быку Рободановскому,
Да была Марья-харчевенка,
Молодая поспешенка;
Да кишочки обрезавала,
Да как их-то начинивала
Толоконцем да крупочкой,
Да лучком да и пёречком;
Выносила на базар продавать,
Да как гости подхаживали,
Да бояра подхаживали,
Да кишочки подкушивали,
Да как их-то подхваливали:
«Да как-то это кíшечки
Молодые да с прорезью,
На здоровье и с лёгостью,
Ни на что не подумати, —
Не того ли большого быка,
Да быка Рободановского».
Да как Марьи-то харчевенки,
Да молодой-то поспешенки

Да как кожу по рядам провели,
Да как кожу-то кнутом наби́дй,
Да как справили двести рублей,
Да по двести с полтиною,
Да еще не покинули;
Кабы нѣ люди добрые,
Не заступы те крепкие,
Да не гости те Строгáнова, —
Лише только головы отстать;
Да как та-то беда — не беда,
Да как <бы> больше той не была.
Да к тому ли к большому быку,
Да к быку Рободановскому,
Да был нѣкаков во́лынщикок,
Да молодой-от гудошничок.
Да он дрúгом пузырь доступил,
Да как сделал во́лыночку
Да на новую перегудочку;
Да как стал он на рынок гулять,
Да как стал он в во́лынку играть,
Да как гости подхаживали,
Да бояра подхаживали,
Да во́лынку послушивали,
Да как ей-то подхваливали:
«Да как-то эта во́лыночка
На новúю перегудочку,
Да ни на что не подумати, —
Не того ли большого быка,
Да быка Рободановского».
Да тому ли-то во́лынщику,
Да молодому-то гудошнику
Да как кожу-то кнутом набили,
Да как справили двести рублей,
Да по двести с полтиною,
Да еще не покинули;
Кабы нѣ люди добрые,
Не заступы те крепкие,
Да не гости те Строгáнова, —
Лише только головы отстать;
Да как та-то беда — не беда,
Да как боле бы той не беды.
Да к тому ли к большому быку,

Да к быку Рободановскому,
Да как каждая косточка
Да как стала-то в пять рублей,
Да как каждое рёбрышко
Да как стало-то в семь рублей,
Опроче станových костей, —
Ровно тысяча сёмьсот рублей,
А станovým костям
И цены не знай.

АГАФОНУШКА

А и на Дону, Дону, в избе на дому,
На крутых берегах, на печи на дровах,
Высока ли высота потолочкая,
Глубока глубота подпольная,
А и широко раздолье — перед печью шесток,
Чистое поле — по подлавечью,
А и синее море — в лохани вода.
А у белого города у жорнова
А была стрельба веретенная,
А и пушки-мушкеты горшечные,
Знамена поставлены помельные,
Востры сабли — кокошники,
А и тяжкие палицы — шемшуры,
А и те шемшуры были тюменских баб.
А и билася-дралася свекры со снохой,
Приступаючи ко городу ко жорному,
О том пироге, о ячном мушнике;
А и билися-дралися день до вечера,
Убили они курицу пропащую.
А и на ту-то на драку, великий бой
Выбежал сильной могуч богатырь,
Молодой Агафонушка Никитин сын.
А и шуба-то на нем была свиных хвостов,
Болезтью опушена, комухой подложена,
Чирьи да вереды — то пуговки,
Сливные коросты — то петельки.
А втапоры старик на полатях лежал,
Силу-то смечал, во штаны < >,
А старая баба, умом молода,
Села < >, сама песни поет.

А слепые бегут — спинаючи глядят,
Безголовые бегут — они песни поют,
Бездырые бегут — < >,
Безносые бегут — понюхивают.
Безрукий втапоры клеть покрал,
А нагому безрукий за пазуху наклал,
Безъязыкого того — на пытку ведут,
А повешены — слушают,
А и резаный тот в лес убежал.
На ту же на драку, великий бой
Выбегали тут три могучие богатыри;
А у первого могучего богатыря
Блинами голова испроломана,
А <у> другого могучего богатыря
Соломой ноги изломаны,
У третьего могучего богатыря
Кишкою брюхо пропороно.
В то же время и в тот же час
На море, братцы, овин горит,
С репою, со печенкою.
А и среди синя моря Хвалынского
Вырастал ли тут крековист дуб,
А на том на сыром дубу крековистом
А и сивая свинья на дубу гнездо свила,
На дубу гнездо свила и детей она свела,
Сивеньких поросяточок, поросяточок полосатеньких.
По дубу они все разбегалися,
А в воду они глядят — притонуты хотят,
В поле глядят — убежати хотят.
А и по чистому полю корабли бегут,
А и серой волк на корме стоит,
А красна лисица потакивает:
«Хоть вправо держи, хоть влево, затем куда хошь».
Они на небо глядят — улетети хотят.
Высоко ли там кобыла в шебуре летит,
А и черт ли видал, что медведь летал,
Бурою корову в когтях носил.
В ступе-де курица обьягнилася,
Под шестком та корова яйцо снесла,
В осеку овца отелилася.
А и то старина, то и деянье.

СТАРИНА О ЛЬДИНЕ И БОЕ ЖЕНЩИН И НЕБЫЛИЦА

И да сидела-то лединушка что княгинейо,
До Петрова дни сидела да растаяла.
А не стало у нас в городе как управителя.
А невестки ти с золовушками в раздор пошли,
И они билися-дралися орудею женскою,
И орудия у их была очень слабая:
А дралися — у их копья были лопаточки,
А туги ти луки — коромысла всё,
А каленые стрелойки — веретёшечка.
И они кашу ту горюху обневолили,
И у их кислы ти шти да по заречью шли.
Еще это, братцы, чудышко как не дивное,
И еще это, братцы, чудышко-то не как дивное,
А я видел вечор чудышко чудней того:
И ведь под елью корова-то белку лаяла,
Она ноги ти расширила, глаза выпуча.
Еще это, братцы, чудышко-то не как дивное,
А я видел ведь чудышко чудней того:
А ведь сын-от на матери дрова везет
И молоду ту женушку на пристяжь запряг;
А он родну ту маменьку настегиват,
Ай, молоду ту женушку приодерживат.
Еще это, братцы, чудышко-то не как дивное,
Уж я видел как чудышко чудне того:
А по синему ту ведь морюшку жернова несет.
А это, братцы, чудышко-то не как дивное,

А я видел ведь чудышко чудне того:
Ведь по синему ту морю, братцы, овин несет.
Еще это, братцы, чудышко-то не как дивное, —
И через синё-то морюшко медведь плывет.

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем издании собраны былинные тексты, которые в своей совокупности могут дать ясное представление об основном сюжетном составе русского эпоса, о различных его видах. В издание не включены некоторые сюжеты, имеющие второстепенное значение, представленные прозаическими пересказами или слабыми записями, а также те песни, которые хотя и близки к былинам по форме, но принадлежат к жанру баллад.

Каждый былинный сюжет представлен в издании, как правило, одним текстом. Варианты печатаются в тех случаях, когда сюжет известен в нескольких версиях, имеющих самостоятельный интерес.

Былины располагаются по признаку сюжетно-тематической близости. В составе сборника может быть выделено несколько сюжетно-тематических групп: архаические былины, не вошедшие в Киевский цикл; былины о героических подвигах богатырей, с двумя центральными темами — борьба с чудовищами и борьба с татарским нашествием; былины сказочного характера; былины с преобладанием социальной проблематики; былины бытового содержания; былины-пародии и небылицы. Такое расположение хотя и имеет свои недостатки, но позволяет читателю легко ориентироваться в сложном многообразии эпических сюжетов и увидеть основные линии развития русского эпоса.

Тексты для настоящего издания взяты из научных сборников, в которых содержатся записи былин, сделанные в различных районах на протяжении примерно двух столетий (от середины XVIII века до наших дней). Наряду с текстами, записанными на Севере (Прионежье, Мезень, Пинега, побережье Белого моря, Печора и др.) и представляющими русскую былинку в ее классической форме, в нашем сборнике печатаются записи былин из Сибири, с Поволжья, с Дона.

Все тексты печатаются полностью, без купюр. В тех случаях, когда тексты взяты из контаминаций, печатается только одна часть контаминированной былины. В некоторые тексты составителем вносятся отдельные слова, отсутствующие в записях: они уточняют смысл фразы либо восстанавливают ритмику стиха (эти дополнения заключены в угловые скобки). Текстологическое редактирование касалось преимущественно фонетической стороны записей. Все случаи применения собирателями фонетической транскрипции последовательно заме-

нены общепринятыми орфографическими написаниями (это касается, в первую очередь, таких фонетических явлений, как произношение безударных гласных, ассимиляция согласных по звонкости и глухости, произношение согласных в конце слов, твердость шипящих и др.). Не сохраняются написания, отражающие фонетические особенности данного диалекта или речи певца, если эти написания даны в записи непоследовательно; написания, характеризующие такие фонетические явления, которые представляют узко-лингвистический интерес и не несут стилистической окраски; наконец, записи освобождены от фонетических отмет, перегружающих тексты и затрудняющих чтение и художественное их восприятие (написания, фиксирующие произношение Ц вместо Ч и Ч вместо Ц; мягкость Ц — цярь, молодцю; ШШ вместо Щ — Идолишко и др.). В то же время сохраняются все те фонетические особенности, расходящиеся с литературной нормой, которые имеют стилистическое значение, связаны с ритмикой стиха, с рифмой и т. д. Степень текстологического редактирования применительно к разным записям неодинакова. Наименьшей правке подвергались записи из сборников Рыбникова, Гильфердинга, Гуляева, Киреевского. Более значительному редактированию подвергнуты тексты из сборников Григорьева, Маркова, Ончукова и других, в которых принцип фонетической транскрипции проводился более или менее последовательно.

Пунктуация всюду заново пересмотрена и исправлена и унифицирована для всех текстов в соответствии с современными правилами.

Расстановка ударений, отличающаяся от обычной литературной нормы или указывающая на произношение редких и малоупотребительных местных слов, принадлежит, как правило, собирателям или редакторам первых публикаций. Случаи расстановки ударений составителем настоящего издания не оговариваются. В тех случаях, когда одно и то же слово с необычным ударением повторяется в пределах одного текста несколько раз, ударение ставится, как правило, в данном тексте лишь первый раз.

Характер примечаний к текстам определяется задачами издания и спецификой эпоса. Уяснение содержания былин, их идейного смысла читателем требует не только пояснений к отдельным словам и выражениям, но и комментария по существу. Поэтому в ряде случаев краткому объяснению подвергаются самые сюжеты. Иногда такое толкование сюжета неизбежно сопровождается замечаниями о его генезисе, историко-бытовых основах, о его литературных связях. В необходимых случаях привлекаются варианты, разъясняющие отдельные подробности сюжета, которые в нашем тексте либо отсутствуют, либо изложены недостаточно ясно. Замечания о вариантах должны также помочь более полно представить разнообразие разработок того или иного сюжета. Объяснение непонятных, устаревших или диалектных слов дается всегда применительно к контексту. Ссылки на источники, из которых брались тексты, даны в примечаниях в условных сокращениях. Полностью эти источники указаны в следующем перечне основных изданий былин:

Сборник Кирши Данилова. Изд. Публичной библиотеки. Под ред. П. Н. Шеффера. СПб., 1901; Древние российские стихотворения, со-

бранные Киршею Даниловым. Подготовка текста, статья и комментарии С. К. Шамбинаго. М., 1938.

Сокращенно: Кирша Данилов

Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. I—V, 1860—1863.

Киреевский

Былины и песни Южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева. Под ред. В. И. Чичерова. Новосибирск, 1952. Более раннее издание: Былины и исторические песни из Южной Сибири. Записи С. И. Гуляева. Ред., вступит. статья и комментарии М. К. Азадовского. Новосибирск, 1939.

Гуляев

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е, т. I—III. М., 1909—1910.

Рыбников

Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 4-е, т. I—II. Изд. Акад. наук СССР, М.—Л., 1949—1951.

Гильфердинг

А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901.

Марков

Материалы, собранные в Архангельской губ. летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. «Труды Музыкально-Этнографической комиссии». Т. I, М., 1905; т. II, М., 1909.

Марков — Маслов

Н. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904.

Ончуков

Былины новой и недавней записи из разных местностей России. Под ред. В. Ф. Миллера. М., 1908.

Миллер

А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, собранные в 1899—1901 гг. Т. I, М., 1904; т. III, СПб., 1910; т. II, Прага, 1939.

Григорьев

Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. Изд. Гос. лит. музея, М., 1948.

Соколов — Чичеров

Былины Севера. Подготовка текстов, вступительная статья и комментарий А. М. Астаховой. Т. I—II. Изд. Акад. наук СССР, М.—Л., 1938, 1951.

Астахова

Былины Пудожского края. Подготовка текстов, статья и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Предисл. и ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941.

Парилова — Соймонов

А. Листопадов. Песни донских казаков. Под общей ред. Г. Сердюченко. Т. 1, ч. I, Музгиз, 1949.

Листопадов

БЫЛИНЫ

Святогор и тяга земная (стр. 47). Рыбников, I, № 86; зап. от Дмитриевой, крестьянки д. Прятки Святозерской вол. Олонецкой губ. в начале 60-х гг. XIX в. В публикации Рыбникова текст не разбит на стихи; очевидно, Дмитриева не пела былинку, а сказывала ее.

Святогор и гроб (стр. 48). Соколов — Чичеров, № 1; зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной и Ю. А. Самариним от Г. А. Якушова в д. Семеново (Пудога) Карельской АССР в 1928 г.

Святогор — один из наиболее сложных для понимания героев русского эпоса. В его образе, как он вырисовывается из ряда сюжетов, есть черты очень архаичные. Святогор представлен обладателем грузной, непомерной силы, которая сама тяготит его. Он связан не с землей, а с горами. Он одинок, и былины о нем не включают в Киевский цикл. Святогор не совершает тех подвигов, какие совершают обычно богатыри. Возможно, что в образе Святогора есть отголоски древних мифологических представлений о стихийных силах природы. Святогор, очевидно, принадлежит, с точки зрения киевского эпоса, прошлому, и это прошлое — уходящее. На смену Святогору, не знающему, куда применить силы, приходят новые герои, отдающие свои богатырские силы «земле», Руси, народу. В свете всего сказанного можно понять, почему содержанием былины о Святогоре является его гибель. Богатыри в былинах гибнут редко, и смерть их обычно воспринимается как трагическая несправедливость, как случайность. Гибель Святогора в обеих былинах трактуется как неизбежная и закономерная, хотя она и окружена известным величием и несет в себе нечто трагическое. Сюжеты о Святогоре отличаются краткостью, в них нет развернутой фабулы, смысл их раскрывается в центральных эпизодах, которым придан характер большого, философского по существу, обобщения. О «сумочке», которую безнадежно пытается поднять Святогор, в вариантах говорится примерно одинаково: в ней заключена «тяга земная», «сложен весь земный груз», «вся тягота». Иногда эту «сумочку» везет Микула Селянинович. Испытанию Святогора предшествует иногда его похвальба: он готов повернуть всю землю. Очевидно, что понятие «тяга земная» не имеет в былинке какого-то буквального значения. Его поэтически-философский смысл многогранен, и, по-видимому, он не остался неизменным на протяжении многовековой жизни сюжета. «Тяга земная» — это и непосредственная сила земли, против которой беспомощен Святогор; это и та скрытая сила, которая должна быть освоена и подчинена человеку в процессе труда; это и Русская земля, которой нужны новые герои. Известная эпическая «зашифрованность» образа «сумочки» с земной

тягой позволила Г. Успенскому и Н. Некрасову развить этот образ, наполнив его равным социальным содержанием («Власть земли», гл. IV; «Кому на Руси жить хорошо», гл. «Савелий, богатырь свято-русский»). С образом гроба во второй былине связаны идеи о судьбе, которая уготовила Святогору гибель. Мотив передачи силы другому с помощью дыхания (слюны, пены) относится к очень древним. В былине он опять-таки получает обобщенно-символический смысл: Святогор, герой прошлой эпохи, передает часть своей силы герою новому — Илье Муромцу. Передается всегда только часть силы, ибо Илья не хочет быть таким же, как Святогор. «Смена героев выражает смену двух исторических эпох — в этом основной глубочайший смысл былины» (В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 83). Кроме двух основных сюжетов, о Святогоре есть еще целый ряд других. Все их надо признать гораздо более поздними; сложились они под влиянием средневековой книжной литературы и народной сказки. В этих сюжетах Святогор нередко смешивается с Самсоном. Большинство этих былин о Святогоре отрывочны и сохранились преимущественно в виде прозаических пересказов («Святогор, Илья Муромец и жена Святогора», «Женитьба Святогора-Самсона», «Святогор-Самсон лишается силы»). *Не скрянется* — не сдвинется с места. *Сельга* — лес.

Волх Всеславьевич (стр. 53). Кирша Данилов, № VI; запись былины относится, вероятно, к середине XVIII в. и сделана, по-видимому, в Западной Сибири. Былина о Волхе принадлежит к числу наиболее архаичных в русском эпосе. Ее главный герой и основы ее сюжета восходят к древним представлениям доклассового общества. Более поздние мотивы, относящиеся к феодальной эпохе, занимают в былине явно подчиненное положение. В мотиве зачатия Волха от змея можно видеть отражение древнейших тотемистических представлений восточных славян о животных — предках людей, о рождении героев от отцов-зверей. Волх отличается от большинства богатырей русского эпоса тем, что сила его заключается в искусстве оборотничества. Он — богатырь-волшебник (отсюда, быть может, и его имя: сравн. волхв, то есть колдун, кудесник), победы над противниками он добывается не в прямом бою, но с помощью своей способности превращаться в любого зверя и проникать всюду незамеченным. В образе Волха, по существу, нет черт подлинно народного героизма, которые присущи русским богатырям. Не случайно и война, которую ведет Волх, необычна для русского эпоса, как по целям, так и по ее характеру: она не направлена на ликвидацию вражеского нашествия, война эта осуществляется как якобы предупредительная, но выливается в конечном счете в опустошительный поход, в результате которого войско Волха, уничтожив мужскую часть населения царства, захватывает царство и остается в нем. Возможно, что былина о Волхе в этой части сохранила отголоски межплеменных хищнических набегов, совершавшихся с целью наживы. Русскому эпосу чуждо воспевание такого рода войн. В условиях феодального общества былина была подвергнута известной переработке. Волх-военачальник, предводитель, организатор набегов превратился в князя. Наряду с чертами кудесника ему были приданы и некоторые идеальные черты воинственного князя: он с самого детства воспитывается в себе качества воина, он заботится о своей дружине, наконец он учится грамоте и письму. Образ его окру-

жен величием, однако внутренне он ближе героям феодальной литературы, нежели богатырям народного эпоса. Поздняя переработка коснулась и сюжета былины и выразилась в том, что действие ее было прикреплено к Киеву, появился мотив угрозы вражеского нашествия на Киев, чужеземный царь — противник Волха получил традиционное для эпоса татарское имя. Однако все эти мотивы производят впечатление не вполне органичных для сюжета, они нарушают известную цельность древней былины, вносят в нее элементы некоторой сюжетной несогласованности. Что касается наименования царства Индейским, то оно не имеет под собой никакой конкретно-исторической основы: Индия, Индейская земля иногда упоминается в былинах как некая эпическая страна. *Чебот* — чобот, башмак. *Стегно* — бедро. *Червчатая пелена* — червленая, багряная. *Раменья* — лес. *Вражба* — ворожба, колдовство. *Косычатое окошко* — окно с косяками; эпитет, подчеркивающий добротность окна и всей постройки; по-видимому, в отличие от окна волокового — маленького задвижного оконца в курных избах. *Дорог рыбий зуб*. Имеется в виду моржовая кость, резьбой из которой украшались предметы.

Вольга и Микула (стр. 59). Гильфердинг, II, № 73; зап. от Т. Г. Рябинина в д. Дуткин Наволок (Кизи) Олонецкой губ. в 1871 г. Для уяснения смысла былины существенно прежде всего установить, что представляют собой ее центральные персонажи. Вольга — князь, обычно его называют племянником Владимира. Исследователи считают, что Вольга и Волх Всеславьевич — одно и то же лицо. Мотив жалования Вольги городами и крестьянами отражает феодальные порядки XIV—XVI вв. Былина рисует Вольгу в тот момент, когда он едет в пожалованную ему вотчину собирать дань. Микула Селянинович — крестьянин, пахарь. Поле, которое изображается в былинке, типично для русского севера: оно покрыто лесом, корнями и камнями; но его огромные пространства указывают на то, что поле это — не реальное, а эпическое. Эпическими чертами наделен и сам пахарь — он необычайно силен, богато одет, его снаряжение отличается красотой и роскошью. Судя по всему, Микула — свободный крестьянин, он независим от князя и потому держит себя с Вольгой как равный. Итак, в былинке встречаются феодал, едущий с дружиной к своим крестьянам, и вольный пахарь-богатырь. В этой встрече двух героев, в их сопоставлении и внутреннем столкновении заключается смысл былины. В ходе повествования выявляется решительное превосходство крестьянина над князем и его дружиной. Показ этого превосходства, с одной стороны, и воспеание свободного крестьянского труда, его красоты и величия, с другой, делают эту былинку выражением сокровенных идеалов крестьянства феодальной Руси. *Орет* — пашет. *Ратай, оратаюшко* — пахарь. *Омешк* — лемех у сохи. *Пáбедве* — полдень. *Гужик* — петля в упряжи поверх оглобли. *Шалыга подорожная* — плеть с тяжелым привеском на конце; посох. *Обжи* — рукоятки у сохи. *Сметы нет* — цены нет. *Дрань* — мука крупного помола.

Исцеление Ильи Муромца (стр. 64). Ончуков, № 53; зап. от И. М. Дуркина в с. Усть-Цыльма (Печора) Архангельской губ. в 1902 г. У Дуркина этот сюжет объединен с сюжетами «Три поездки Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Мы печатаем только первую часть. Цикл былин об Илье Му-

рёмце складывался на протяжении многих веков. К основным былинам, составляющим ядро этого цикла и уходящим своими корнями в эпос доклассового общества, постепенно добавлялись новые, углублявшие и развивавшие поэтическую «биографию» любимого народного богатыря. Входящие в цикл былины не всегда связаны между собою внешним сюжетным единством (между ними есть даже известная несогласованность), но они связаны внутренне — цельностью характеристики героя. С точки зрения сюжетной последовательности цикла, былинку об исцелении Ильи естественно рассматривать как первую в цикле: она как бы открывает поэтическую биографию богатыря. Однако былина эта поздняя, едва ли не одна из последних в цикле по времени создания. Это доказывается наблюдением над формой былины. Чаще всего она не поется, а рассказывается. Можно думать, что сюжет возник как сказочный и уже затем стал превращаться в былинку. Основой сюжета могла быть известная народная сказка о сидне. В былинке ощущается и влияние народной легенды, — Илью Муромца исцеляют с помощью чуда «калики» — странники, «святые» люди. Но эпизод, в котором Илья совершает свой первый подвиг, помогая родителям создать пахотное поле, разработан вполне в духе героического эпоса. Заключительным мотивом отъезда Ильи в Киев эта былина сюжетно связывается с былинами «Три поездки Ильи» и «Илья Муромец и Соловей-разбойник». В печатаемом нами тексте отсутствуют некоторые интересные подробности, дополняющие историю исцеления Ильи и получения им силы. Иногда странники дают Илье выпить чудесного напитка во второй раз, и на их вопрос, какую он ощущает в себе силу, богатырь отвечает:

Я ведь слышу ту силушку в себе великую;
 Кабы было кольцо в матушки в сырой земли,
 Я бы взял-то я сам бы единой рукой,
 Поворотил бы всю матушку сыру землю.

После этого калики, боясь, что они «силы много дали», дают ему выпить в третий раз, и Илья чувствует теперь в себе «силы вполоничку». В некоторых вариантах калики предсказывают, что Илье смерть «на бою не писана». *Печка-муравленка* — покрытая глазурью. *Након* — раз, прием.

Три поездки Ильи Муромца (стр. 67). Гильфердинг, II, № 171; зап. от Ф. Никитина на Выгозере в Олонецкой губ. в 1871 г. У Никитина этот сюжет объединен с сюжетом «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Мы печатаем только первую часть. История первой поездки Ильи нередко встречается в виде отдельной песни — «Илья Муромец и разбойники или станичники». В данной былинке этот героический сюжет соединяется с двумя другими. Второй — об уничтожении девушки-колдуньи, заманивающей к себе добрых молодцев, чтобы погубить их, — типично сказочный. По-видимому, этот сюжет был прикреплен к Илье Муромцу и подвергнут эпической переработке сравнительно поздно. Третий сюжет в вариантах развит по-разному. Нередко Илья Муромец, обнаружив клад, отдает его на построение церкви; после смерти его и хоронят в этой церкви. Образ Ильи, совершающего подвиг благочестия, резко нарушает обычные представления об этом богатыре, который не только

не отличается религиозностью, но иногда и прямо выступает против церкви (см. былинку «Бунт Ильи Муромца против Владимира»). По-видимому, этот третий сюжет возник в среде религиозно настроенной части крестьянства. Лучшие певцы дают этому сюжету иную трактовку, как в нашем тексте. Мотив надписи на камне может быть архаичен. Здесь он подчеркивает в Илье Муромце его готовность смело идти навстречу судьбе и побеждать ее. В цикле былин об Илье Муромце сюжет о трех поездках стоит рядом с сюжетом «Илья и Соловей-разбойник»: три подвига богатырь совершает также по выезде из дому и до приезда в Киев. Такая сюжетная несогласованность характерна для цикла, отдельные части которого создавались в разное время и вне последовательной связи между собой. *Росстань* — распустье, перекресток дорог. *Тошить* — уменьшать, тратить. *Курева* — здесь, по-видимому, дым. *На окол скакал* — в объезд (?). *Поляница* — женщина-богатырша. Это слово применяется также и к богатырям.

Илья Муромец и разбойники (стр. 72). Листопадов, № 5; зап. у донских казаков в ст. Разинской (б. Есауловской) в 1905 г. Текст представляет казачью версию сюжета (северную его версию см. в составе былины «Три поездки Ильи Муромца»). Казачьи былины, известные по записям XIX—XX вв., отличаются, по сравнению с былинами севернорусскими, краткостью в изложении сюжета, большей динамичностью повествования, часто — сюжетной фрагментарностью. В стилистическом отношении они часто ближе к лирическим песням. Некоторые былины у казаков могли исполняться как хоровые песни. *Сагайдак* — саадак, лук с налучником и колчан со стрелами.

Илья Муромец и Соловей-разбойник (стр. 75). Соколов — Чичеров, № 96; зап. от П. И. Рябининой-Андреевой в Сеной Губе (Кизи) Карельской АССР в 1926 г. Одна из самых популярных былин в русском эпосе. Известна также в форме сказок и прозаических пересказов, в том числе — в рукописях XVII—XVIII вв. Героический характер былины, как и наличие в ней социальных мотивов (столкновение мужика Ильи с князем и боярами) вполне ясны. Трудность заключается в том, чтобы понять смысл подвига, совершенного Ильей. В этом плане основной интерес представляет образ Соловья-разбойника. Образ этот противоречив и во многом загадочен. Внешний облик Соловья в вариантах былины не раскрывается; в нем есть черты чудовища и черты вполне человеческие. Очевидно, в истории эпоса этот образ является переходным от врагов чудовищ, принадлежащих иному миру, к историческим врагам Киевского государства. Не вполне ясен характер действий Соловья. Он — не насильник (как Идолище или Тугарин, — см. ниже) и не захватчик (как Калин-царь или Батыга). Очевидно, все дело в том, что он держит заставу — «заложил дорогу прямоезжую». Дорога эта, в далекой эпической традиции имевшая мифологический смысл, в былине получила смысл исторический. Уничтожая Соловья-разбойника, Илья Муромец совершает подвиг государственного значения, прокладывает путь к Киеву как к центру Руси. Отсюда становится понятным, почему богатырь привозит Соловья-разбойника именно в Киев. Смысл заповеди, которую кладет Илья Муромец — не поднимать оружия на

пути в Киев, — разъясняется другими вариантами: путешествие совершается на пасху, и потому богатырь хочет избежать кровопролития; однако, встречаясь с Соловьем, он забывает о своем решении: это значит, что патристические стремления Ильи сильнее религиозных правил, с которыми он не хочет считаться. *Лук разрывчатый* — тугой, упругий. *Заколодела* — завалена колодьем — деревьями, сучьями. *Замуравела* — заросла травой. *Крест Леванидов* — может быть, из ливанского кедра; священный. *Березонька покляпая* — кривая, наклонившаяся в одну сторону. *Крякновист дуб* — кряковистый, кряжистый. *Корзни* — валежник (?). *Сыть* — корм, еда. *Роет* — бросает.

Илья Муромец и Идолище (стр. 84). Парилова—Соймонов, № 18; зап. К. В. Чистовым от И. Т. Фофанова в д. Климово Пудожского р-на Карельской АССР в 1938 г.

Илья Муромец и Издолище (стр. 89). Григорьев, III, № 51 (№ 355); зап. от Е. В. Рассолова в д. Печище (Ме́зень) Архангельской губ. в 1901 г.

Два варианта популярной былины об Илье Муромце. В сюжете много общего с былинной «Алеша Попович и Тугарин» (см. следующий текст). В ряде вариантов, в том числе и в печатаемых нами, Идолище (у Фофанова — Удолище, у Рассолова — Издолище) является татарским царем, осаждающим со своим войском Киев. Однако такое толкование образа Идолища — позднее привнесение. Генетически образ Идолища связан с образами чудовищ из доклассового эпоса. В нем сохранились внешние черты чудовища (невероятные размеры, прожорливость), но в то же время оно — существо человеческое. В варианте, записанном Григорьевым, былина «Илья Муромец и Идолище» соединена с былинной «Илья Муромец и голи кабацкие». *Меженный день* — летний день. *Калика перехожая* — паломник, странник; см. о каликах в примеч. к былинке «Сорок калик». *Вить* — пора еды; прием пищи за один раз. *Хамкать* — вероятно, открывать рот, задыхаться, давиться. *Гуня сарацнская* — нищий паломник (от гуня — рубище). *Грынюшка* — гридня, приемная комната в княжеском дворце. *Косицы* — виски. *На пяту* — настезь. *Ободверенки* — косяки у дверей. *А высунул он язык до вилок*. Вилкой, вилочкой называют выемку в верхней оконечности грудной кости человека (Даль). До вилок, по-видимому, — до самой шеи, до груди.

Алеша Попович и Тугарин (стр. 97). Ончуков, № 85; зап. от П. Г. Маркова в д. Бедовой (Печора) Архангельской губ. в 1902 г. Былина во многом сходна с былинной «Илья Муромец и Идолище». Близка она и к былинке «Добрыня и Змей». В обоае Тугарина в еще большей степени, чем в образах Идолища и Змея, проявился переход от эпического чудовища — похитителя и насильника к историческому врагу-захватчику. В Тугарине есть и черты фантастического зверя, которые даны в сниженном, а то и просто пародийном плане (летающий змей с бумажными крыльями, чудовище огромных размеров, невероятно прожорливое), и черты человеческие, но со сказочными атрибутами (всадник на огненном коне). Образ Тугарина в историческом плане ученые связывают иногда с половецким ханом Тугорканом, убитым в сражении с русскими в 1096 г. Есть версия былины, в которой встреча Алеши с Тугарином происходит до при-

езда богатыря в Киев и никак не связана с Киевом, что указывает на большую архаичность сюжета. Но в основной версии, представленной наибольшим числом вариантов, действие совершается в Киеве. Тугарин предстает как захватчик, он нагло ведет себя, князь и княгиня полностью ему подвластны. Связь Тугарина с Евпраксией, на которую в нашем тексте имеется только намек, в других вариантах раскрывается с полной определенностью. В тексте Сборника Кириши Данилова княгиня упрекает Алешу-победителя:

Деревенщина ты, засельщина,
Разлучил меня с другом милым,
С молодым Змеем Тугаретиным.

Обычно Алеша не получает ни поддержки, ни сочувствия и со стороны князя. Все эти подробности придают былине вполне определенный характер: героический подвиг Алеши явно противопоставлен поведению Владимира, княгини, бояр, которые раболепствуют перед врагом.

Образ Алеши Поповича, который в некоторых других былинах получает иногда противоречивую, а то и прямо отрицательную характеристику, в данной былине героичен от начала до конца. Черты образа богатыря-патриота отразились в летописных сказаниях древней Руси о «храбре» Александре Поповиче, принимавшем участие в битве с татарами на реке Калке и погибшем там (см. об этом в статье Д. С. Лихачева «Летописные известия об Александре Поповиче». «Труды отдела древнерусской литературы», т. VII, изд. Акад. наук СССР, М.—Л., 1949). *Паробок* — парень, юноша; в данном тексте — товарищ. *На пяту* — настезь. *Смерд* — мужик, человек низкого происхождения. *Засельщина* — мужик, деревенщина. *Поршни кабан-зверя* — обувь из свиной шкуры. *Шелон* — шелом, шлем. *Шалыга* — см. стр. 450.

Алеша и Змей Горыныч (стр. 102). Листопадов, № 23; зап. у донских казаков в ст. Нижне-Курмоярской в 1902 и 1904 гг. Данный текст представляет казачью версию сюжета, основная разработка которого дана в предыдущем тексте — «Алеша Попович и Тугарин». В казачьей версии отсутствуют эпизоды приезда Алеши в Киев, его поединка с Тугарином; другие эпизоды изложены более кратко, финал не развернут. Однако и здесь отчетливо выявлена основная идея сюжета (см. об этом в примеч. к предыдущему тексту); подчеркнута отрицательная характеристика княгини, усилены сатирические мотивы, — чудовище не вступает в борьбу с Алешей, а лезет от страха под лавку.

Добрыня и Змей (стр. 104). Соколов—Чичеров, № 10; зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, В. И. Чичеровым от Г. А. Якушова в д. Семеново (Пудога) Карельской АССР в 1928 г. Змееборство — одна из самых популярных тем фольклора разных народов. В русском фольклоре эта тема разрабатывается в былинах, сказках, духовных стихах. Известна она и древней русской литературе («Повесть о Петре и Февронии Муромских»). В разные эпохи и в разной социальной среде тема змееборства и образы Змея и его противника получали различное конкретное выражение. Змей в сказках — чаще

всего персонаж, стоящий на пути героя к счастью; уничтожая Змея, герой освобождает девушку, на которой женится, и при этом получает богатство, полцарства и т. д. В духовных стихах и в некоторых книжных повестях Змей — враг христианства, дьявол, борьба с ним приобретает характер религиозного подвига. В данной былине Змей трактуется по-иному. В его образе есть и очень древние мифологические черты: это огненный змей, похититель и насильник, хозяин стихий; он живет у реки, в горах и т. д. Смысл подвига Добрыни сводится к тому, что он уничтожает власть этого существа, делает его безопасным для людей. В соответствии с общими тенденциями, характерными для русского эпоса, сюжет о борьбе героя с враждебными мифологическими силами был втянут в Киевский цикл. Змей стал трактоваться как враг Киева и князя Владимира; но он не получил качеств иноземного врага-захватчика, подобно Идолищу. Это означает, что былина «Добрыня и Змей» в сюжетном отношении остановилась на более ранней ступени развития эпоса, чем былины об уничтожении Идолища или Тугарина. Вопрос о генезисе образа Добрыни сложен. В науке распространена точка зрения, согласно которой историческим прототипом его был Добрыня, дядя Владимира Святославича (вторая половина X века). В летописи есть известия об этом Добрыне, в которых обнаруживаются параллели к былинам (о зловстве Владимира к Рогнеде, о походе Владимира на болгар, о крещении Новгорода). Однако параллели эти весьма сомнительны, и, по существу, у Добрыни былинного и Добрыни летописного нет ничего общего, кроме имени. Проблема генезиса образа этого богатыря значительно усложняется от того, что в образе Добрыни и в сюжетах о нем немало архаичных черт, а былины о Добрыне рядом мотивов перекликаются с различными произведениями эпоса других народов. В частности, черты сходства есть в былинах о Добрыне и в «Одиссее». Разумеется, речь должна идти не о заимствовании, а о независимом возникновении сходных сюжетов и эпических героев. Скорее всего надо предполагать, что образ Добрыни и сюжеты о нем сложились в результате длительного художественного развития; истоки эпоса о Добрыне — в доклассовом обществе, но свое окончательное оформление он получил уже в период развития русского классического эпоса. *Воскорилася* — смирилась, покаялась. *Поленица* — богатырь или богатырша. *Турятися* — вероятно, туляться, прятаться. *Пригородил* — оскорбил. *Кашиважный шелк* — кашиванный, канаватный, то есть из канавата, цветной узорчатой ткани. *Куревка* — пыль, дым. *Выздохнул* — вытащил.

Илья Муромец и сын (стр. 112). Астахова, I, № 87; зап. от Н. С. Торопова и М. А. Поздеева в д. Климовке Усть-Цылемского района (Печора) Архангельской обл. в 1929 г. При знакомстве с этой былинной неизменно возникают вопросы, без выяснения которых нельзя понять ее содержания: откуда у Ильи Муромца сын? Почему они не знают друг друга? Отчего сын, убедившись по возвращении домой в справедливости всего сказанного Ильей Муромцем, убивает мать и снова едет на Русь, чтобы убить отца? Наконец, откуда в эпосе мог возникнуть этот необычный трагический сюжет? Ответы на все эти вопросы невозможно просто извлечь из текстов многочисленных вариантов былины. Ответы могут быть получены лишь

в итоге исследования историко-бытовых корней сюжета и сравнительного сопоставления его с аналогичными сюжетами в эпосе других народов (в иранском — о Рустеме и Зорабе, в германском — о Гильдебранде и Гадубранде, в кельтском — о Клизаморе и Картоне и др.). Здесь нет возможности дать подробную аргументацию выводов, полученных последними исследователями былины (см. об этом: С. А. Авижанская. Бой отца с сыном в русском эпосе. «Вестник Ленинградского университета», 1947, № 3; В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 250—253), можно лишь кратко изложить их. Сюжет представляет собою сложное художественное отражение конфликта двух эпох — эпохи материнского и отцовского рода. Истории, описываемой в былине, предшествуют события, которые в цельной сюжетной последовательности никогда не излагаются, но которые можно восстановить из вариантов. Илья Муромец встречает в поле богатыршу, побеждает ее и становится ее мужем. Но брак этот временный, Илья вскоре уезжает, а после его отъезда рождается сын; уезжая, Илья оставляет сыну крест. В этих эпизодах можно видеть эпическое отражение брачных отношений материнского рода; в частности, сын знает мать, но может не знать отца. Однако в условиях новой эпохи — отцовского рода и порожденных им моральных норм такой брак осуждается, и сын, рожденный от этого брака, окружается презрением. В некоторых вариантах сына Ильи сверстники дразнят «заугольником». У него рождается намерение — найти отца и отомстить ему за позор.

Такова предистория сюжета, которая служит как бы введением в былину и несколько помогает уяснить ее содержание. Предистория эта типична в основном для доклассового эпоса. В русском эпосе феодальной поры старые сюжеты не остаются неизменными, они коренным образом переосмысливаются. Иной смысл получают старые былинные конфликты, переосмыслиется борьба, являющаяся содержанием эпоса. Сокольник теряет черты сына-мстителя (они остаются лишь в заключительной части былины) и приобретает черты иноземного богатыря-нахвалящика, являющегося на Русь с захватническими целями. Конфликт отца с сыном перерастает в борьбу русского богатыря — защитника родной земли — с чужеземным врагом. Образ Сокольника, в давней эпической традиции окруженный определенной симпатией, в известных нам вариантах изображается отрицательно, и расправа с ним Ильи воспринимается как справедливое возмездие. *Ступеньца* — ступни, лапти, туфли для двора. *Очестливый* — честливый, учтивый, почтительный. *Доспеют* — совершат, сделают. *Кабы дает Добрынюшке потяпышу, а прибавил бы Добрыне по алабышу*. Алабыш — блин; потяпыш — от слова «тяпнуть» — ударить. Сокольник ударил (шлепнул) Добрыню ладонью. *Напус* — напуск, натиск, удар. *Бурзамеческие* — мурзамецкие, т. е. восточные, татарские. *Извихались* — изогнулись. *Након* — раз, прием.

Илья Муромец и Калин-царь (стр. 118). Гильфердинг, II, № 75; зап. от Т. Г. Рябинова в Кижях Олонецкой губ. в 1871 г.

Илья Муромец, Ермак и Калин-царь (стр. 134). Гильфердинг, II, № 105; зап. от А. Сарафанова на Леликове (Кизи) Олонецкой губ. в 1871 г.

Камское побоище (стр. 139). Григорьев, III, № 111 (№ 415); зап. от А. М. Мартынова в д. Малые Нисогоры (Мезень) Архангельской губ., в 1901 г. Все три былины настолько сходны между собой, что их можно рассматривать как разные версии одного сюжета. Сюжет этот — один из самых популярных в русском эпосе, наиболее полно и величественно отразивший борьбу с татарским нашествием. Один из центральных мотивов былины во всех ее версиях — приход татар на Русь. Есть варианты, в которых этот мотив дан более развернуто. Вот, например, как изображается татарское нашествие в тексте из Сборника Кириши Данилова:

Да из Орды, Золотой земли,
Из тоя Могозеи богатя,
Когда подымался злой Калин-царь,
Злой Калин-царь Калинович,
Ко стольному городу ко Киеву,
Со своей силою с поганюю.
Не дошел он до Киева за семь верст,
Становился Калин у быстра Непра.
Сбирался с ним силы на сто верст,
Во все те четыре стороны.
Зачем мать сыра земля не погнется,
Зачем не расступится?
А от пару было от кониною
А и месяц, солнце померкнуло,
Не видеть луча света белого,
А от духу татарского
Не можно крещеным нам живым быть.

Царя, возглавляющего войско, зовут Батыгой, Кудреванко, Мамаем, Скурлой. Существенной особенностью данного сюжета является постоянное указание на отсутствие богатырей в Киеве в момент нашествия. Оно нередко мотивируется тем, что между Владимиром и богатырями произошел разлад; в разладе этом повинен князь, в чем он сам иногда признается:

Раздразнил-то я сильных могучих богатырей,
Как все богатыри у меня поразъехались.

Тема раздора нередко проходит через всю былинку. Очень остро развивается она иногда в эпизоде, когда Владимир просит Илью забыть обиды перед лицом врага: Илья Муромец не слушает князя и откликается лишь на просьбу княгини, помогавшей ему, пока он сидел в темнице:

Ай же ты, честная княгиня, вдовица Апраксия!
Я иду служить за веру христианскую,
И за землю Российскую,
Да и за стольние Киев-град,
За вдов, за сирот, за бедных людей,
И за тебя, молодую княгиню, вдовицу Апраксию.
А для собаки-то князя Владимира
Да не вышел бы я вон из погреба.

В финале былины Калина-царя либо убивают, либо он в ужасе бежит произнося следующее заклятие:

Ай не дай бог больше бывать под Киевом,
Ни мне-то бывать, ни детям моим,
Ни детям моим, ни внучатам,
Ни внучатам моим, ни правнукам.

Различия в версиях касаются прежде всего изображения хода борьбы и роли отдельных богатырей в уничтожении татар. В былине, как правило, подчеркивается, что победа над татарами достигается совместными усилиями многих богатырей. Однако всегда выделяется роль Ильи Муромца как организатора богатырского войска и его главы. В версии «Илья Муромец, Ермак и Калин-царь» Ермак, который изображается здесь юным и горячим, нетерпеливым богатырем, пытается уничтожить врага в одиночку, но ему это не удастся. В некоторых вариантах Ермак погибает в бою. Версия «Камское побоище» выделяется своим финалом. Воскрешение побитой силы, ее фантастическое увеличение, отступление богатырей — все это необычно для русского эпоса. Попытка некоторых исследователей связать эти эпизоды с конкретными историческими фактами — поражением русских в битве с татарами на реке Калке в 1223 г. — не оправдана. И в данном случае надо видеть художественный вымысел. Возможно, что эта версия сложилась в среде той части крестьянства, которая культивировала духовные стихи с их религиозно-аскетическими, покаянными настроениями. В вариантах развязка дается по-разному: богатыри молятся, и враги падают мертвыми; богатыри уходят в горы, окаменевают. Но известны и случаи, когда богатыри вторично уничтожают татар. Хвастовство богатырей изображается иногда не только осудительно, как выступление легкомысленное и опасное, но и приобретает характер героического вызова на бой небесных сил. *Чернедь* — чернь, народ. *На пяту* — настезь. *Паробок* — товарищ, слуга. *Зоблют* — едят с жадностью, хватают. *Повыздуну* — выгашу. *Проголзнула* — скользнула. *Храпы* — железные крюки на воевке. *На охоту* — по собственному желанию. *На цезд* — в отъезд. *Щорлопинка* — круглая яма (объяснение певца). *Шоломя* — холмы. *Исцеленна* — вселенная. *Лисвица* — лестница. *Подхйтила* — похитила.

Василий Игнатьевич и Батыга (стр. 149). Гильфердинг, I, № 60; зап. от И. Фепопова в д. Шале (Пудога) Олонецкой губ. в 1871 г.

Васька-пьяница и Кудреванко-царь (стр. 154). Григорьев, III, № 65 (№ 369); зап. от И. А. Чупова в д. Кильца (Мезень) Архангельской губ. в 1901 г. Два текста, которые здесь печатаются, относятся к различным версиям одного сюжета. Главный персонаж былины — Василий Игнатьевич — не совсем обычен для русского эпоса. Этот богатырь принадлежит к «голи кабацкой», он совершенно не связан с княжеским двором. Вторая версия былины выделяется тем, что борьба с татарами здесь осложняется резким конфликтом внутри русского лагеря. В некоторых вариантах бояре настаивают на выдаче Василия татарам, когда тот убивает приближенного Батыги. Иногда Василий, уничтожив всех татар, является на

княжеский двор и сам избивает бояр, которые оставляют его без награды. Наш текст дает наиболее острое развитие сюжета: Васька временно объединяется с татарами для борьбы против бояр. Характерно, что в большинстве вариантов богатырь предупреждает татар, чтобы те не трогали в Киеве князя и княгиню. Например:

Я тебя введу в Киев-град на три часа,
Бей князей-бояр, а до черни дела нет,
А на княжеский двор и не гляди.

Но есть варианты, в которых сам Василий врывается в княжескую гридню и хочет убить князя; Владимир прячется под стол и умоляет не трогать его, обещая богатырю «города с пригородками», «села с деревнями». Вопрос о времени создания былины остается открытым. Вероятнее всего, основы сюжета относятся к тому же времени, что и другие былины о татарском нашествии. Но сюжет не оставался неизменным и с течением времени наполнялся все более острым социальным содержанием. Былина показывает, в каком направлении развивался русский героический эпос под влиянием усиливавшейся классовой борьбы на Руси. Книга Леванидова. Наименование Леванидов часто употребляется в былинах, обычно в сочетании «Леванидов крест». Этот эпитет иногда толкуют, осмысляя его как «Ливанский». По-видимому, в эпосе эпитет этот означает — священный. *Меженный* — летний. *На ты лясбѣ приукинулся* — поверил шуткам, принял за чистую монету. *Ай чистые поля были ко Опскову* и т. д. Концовка эта не связана с сюжетом. Она имеет балагурный характер и приближается к пародии (см. о пародиях в примеч. к «Агафонушке»). Содержание заключительных стихов связано с кругом представлений северных крестьян. *Шапливы* — нарядны, щеголеваты. *Шельѣ* — каменный берег. *Грыня, гринюшка* — гридня, княжеская приемная. *Прожиточные крестьяне* — достаточные, зажиточные. *Окольный стол* — соседний, стоящий в стороне. *Чумак, целовальничек* — сиделец в кабаке. *Брусоменчато копьѣ* — четырехгранное, прочное. *Пановья-улановья*. Очевидно, от «паны-улары». Эти наименования, обозначающие в былинах либо вражеское войско, сопровождающее царя, либо его приближенных, обычно применяются к татарам, хотя вошли они в эпос поздно.

Михайло Данилович (стр. 163). Миллер, № 43; зап. Б. А. Богословским от Г. Л. Крюкова в Нижней Зимней Золотице Архангельской губ. в начале XX в. В данном тексте герой носит отчество Игнатьевич, но мы называем былинку в соответствии с принятой традицией: отчество Данилович преобладает в большинстве вариантов. Можно предполагать, что былина эта возникла сравнительно поздно, на основе переработки некоторых традиционных мотивов эпоса. Эпизод с подкупами и пленением богатыря известен по былинам «Илья Муромец и Калин-царь»; на выручку сына, попавшего в плен, отправляется отец в былинах «Саул Леванидович»; обычен для былины о татарском нашествии мотив отсутствия богатырей. Однако некоторые существенные моменты сюжета принадлежат только данной былинам: такова тема смены двух поколений богатырей, уход старого богатыря в монастырь, столкновение юного богатыря с князем, поиски

отцом сына на поле битвы. Сохранился в рукописи XVIII в. пересказ былины под названием «Гистория о киевском богатыре Михаиле сыне Даниловиче двенадцати лет». В этой версии сюжет развивается следующим образом: когда юный богатырь возвращается после победы в Киев, один из приближенных князя оговаривает его, и Владимир заточает Михаила. Узнав истину о подвиге, который совершил Михаил, князь хочет наградить его, но оскорбленный богатырь уходит из Киева и укрывается в монастыре. Эта версия, неизвестная в поздних записях, несколько напоминает былинку о Сухмане. *Погрежоно* — от погрезить, напраказить, набедокурить. *Покуржежоно* — от покуржить, покутить, погулять. *К Федосию, Антонию в Пещер-монастырь*. Имеется в виду, несомненно, знаменитый Киево-Печерский монастырь. *Зобзун* — птенец. *Ободверенки помитусились* — скривились дверные стойки. *Слутки* — слуда, заменявшая в древней Руси оконное стекло. *Отужинки* — подпруги.

Сухман (стр. 170). Рыбников, II, № 148; зап. от крестьянина, которого собиратель, не зная его имени, назвал Шальским лодчиком, на р. Шале в Олонецкой губ. в 1860 г. Героические мотивы этой былины, разработанные в традициях русского эпоса, не нуждаются в особом толковании. Главная особенность этой былины — в ее трагической развязке. Смысл заключительной части былины состоит в том, что князь Владимир гневается на Сухмана за то, что тот не выполнил поручения, обвиняет его в обмане и заточает в темницу; в некоторых вариантах Сухмана оговаривают бояре. Облик Владимира в этой былине дан резко отрицательно. Его несправедливость и вероломство вызывают у Сухмана гневный протест, формы которого для эпоса совершенно необычны: богатырь открывает раны и истекает кровью. Таким образом, весь сюжет приобретает характер непримиримого и трагического конфликта с княжеской властью народного героя, отстаивающего свое достоинство и правду. Недавно обнаружена книжная повесть о Сухане (относящаяся скорее всего к XVII в.), созданная путем переработки былины о Сухмане (см.: В. И. Малышев. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. Изд. Акад. наук СССР, М.—Л., 1956). В этой повести конфликт богатыря с князем отсутствует; Сухан умирает от ран, полученных им в бою, и Владимир перед смертью награждает его за верную службу. Известен один вариант былины, близкий по развязке к повести. Возможно, что вариант этот представляет самостоятельную версию былины, существовавшую издавна в эпической традиции. *Поленица* — здесь с собирательным значением: богатырство. *Чара не рядобная* — чара, идущая не по ряду; чара, которой обнесли сидящего за столом. *Комля* — нижний конец ствола дерева. *Облочкана* — расщеплена, разбита.

Алеша Попович убивает татарина (стр. 176). Марков—Маслов, I, № 6; зап. от А. М. Крюковой в с. Зимняя Золотица Архангельской губ. в 1901 г. Сюжет представлен единственной записью. Возможно, что он сложился в результате переработки начальных эпизодов былины «Илья Муромец и сын»: в этой былине Илья посылает иногда Алешу навстречу неизвестному чужеземному богатырю, но Алеша возвращается побежденным. В нашем тексте подчеркнуты героические черты в образе Алеши, что сближает сюжет в идей-

ном плане с былинной «Алеша Попович и Тугарин». *Доболька* — до раны, до крови.

Михайло Козарин (стр. 178). Гуляев, № 16; зап. от Л. Тупицына в Барнауле в 70-х гг. XIX в. Былина о Михайле Козарине (в данном тексте — Казарятине), как и былина «Королевичи из Крякова», отражает бытовые факты времени татарского ига. По основной теме (спасение богатырем сестры, захваченной татарами) былина перекликается с балладными песнями о девушке, которую уводит татары; иногда она погибает в плену, в других случаях бежит домой, ее спасает добрый молодец и т. д. В вариантах былины, сходных с нашим текстом, Козарин носит обычные черты богатыря; он выполняет поручение Владимира, борется с Идолищем, возвращается иногда с сестрой в Киев и т. д. Но в ряде других вариантов сюжет о спасении сестры осложняется историей взаимоотношений Козарина с родителями. В былине говорится о том, что родители питают к Козарину неприязнь (причины ее обычно не разъясняются), изгоняют его из дому, увозят ребенком куда-нибудь далеко, позже не признают его. Козарин воспитывается вне дома, тяжело переживает свое положение. Спасши сестру, Козарин в этих вариантах довозит ее до дому, но сам уезжает, и таким образом конфликт его с родителями остается неразрешенным.

Королевичи из Крякова (стр. 183). Миллер, № 70; зап. Ф. М. Истоминым на Сенногубском погосте Петрозаводского у. Олонецкой губ. Как и былина о Козарине, данная былина связана по содержанию с бытовыми фактами эпохи татарского ига (похищение и увод в плен русских людей, поиски родственников, неожиданные встречи, возвращения и т. п.). Хотя обычные в вариантах географические названия (Литва, Кряков) ведут на запад, но этим названиям нельзя придавать решающего значения: Луку Петровича всегда увозят татары. Бытовая история, типичная для времени татарского ига, преломилась в эпическом сюжете, в котором основные эпизоды связаны со старой былинной традицией. В сюжете былины, как он известен по имеющимся записям, не все должным образом мотивировано. Неясно, например, почему Лука Петрович является на Русь как чужеземный богатырь и угрожает Киеву. Не мотивированы и встречи Петра Петровича с лебедями и вороном. Эти эпизоды больше подходят для сюжета о борьбе с иноземным нашествием. Эпизоду узнавания братьев предшествует — согласно традициям эпоса — богатырский поединок (сравн., например, аналогичную ситуацию в былине «Илья Муромец и сын»). *Укрятать* — укротить, утомить. *Крякновистый дуб* — кряковистый, кряжистый. *Разрывчатый лук* — тугой, упругий. *Чернедь* — чернь, народ. *Били не жалухою* — без жалости. *Базыка* — базыга, старый хрыч (?).

Братья Дородовичи (стр. 191). Гильфердинг, III, № 247; зап. от А. Д. Костина на Кенозере Олонецкой губ. в 1871 г. Былина очень редкая. Сюжетно она перекликается с былинной «Королевичи из Крякова». Характер разработки темы борьбы с татарами сближает эту былину с балладами.

Добрыня Никитич и Василий Казимирович (стр. 194). Гуляев, № 10; зап. от Л. Тупицына в Барнауле в 70-х гг.

XIX в. Реальная действительность, на почве которой могла возникнуть данная былина, — это татарское иго, с таким характерным для него явлением, как посылка русскими князьями дани в Орду. Однако былина изображает не иго, а его ликвидацию. Поскольку дань татарам перестали выплачивать при Иване III, во второй половине XV века, некоторые исследователи склонны относить к этому времени (или даже более позднему) и сложение былины. Мнение это может быть оспорено: во-первых, изображая ликвидацию ига, былина остается целиком в рамках эпического вымысла, она не дает конкретной картины борьбы Руси с Ордой; во-вторых, самый характер эпоса не предполагает обязательного изображения того, что уже совершилось; наоборот, эпос чаще изображает то, что должно свершиться, то, чего ждет народ. Былина о Добрыне Никитиче и Василии Казимировиче могла сложиться в период, когда народ ощутил слабость Орды и возможность уничтожения зависимости. Уничтожение это совершается в чисто эпических формах: состязание, которое происходит между Добрыней и татарами, носит сказочный характер, а в конце оно переходит в былинное побоище. Образ Василия Казимировича не вполне ясен. Он берет на себя поручение — отвезти дань в Орду, унижительное для русского человека. В некоторых вариантах он делает это как верный слуга князя, в других — как богатырь, задумавший освободить Русь от зависимости. *По за очи* — заочно, за глаза. *Гольяшны́е стремена* — вероятно, вальяжные, литые, прочные.

Суровец-Суздалец (стр. 204). Киреевский, III, стр. 107—110; зап. Языковым в с. Головино Симбирской губ. в 20—30-х гг. XIX в. Былина очень редкая. Нет ни одного варианта с завершённым до конца сюжетом. Можно догадываться, что Суровец отвергает предложение царя о мире и убивает его. В одном варианте царь следующим образом пытается воздействовать на Суровца:

Ты гой еси, Суровец-молодец,
Суровец-богатырь и Суроженин!
Погляди-ка ты, что в книге написано:
Что не велено вам князей казнить,
Что князей казнить и царей убивать.

Образ богатыря Суровца неясен. Суровец не связан с Киевом. Характерно, что действует он в одиночестве. В других сюжетах он не упоминается. Некоторые мотивы былины о Суровце (встреча богатыря с вешим вороном, татарский плен, характер уничтожения врагов) встречаются в других былинах (например, «Илья Муромец и Калин-царь», «Козарин», «Саул Леванидович») и в данном сюжете кажутся вторичными. *Незагойчив* — очевидно, не задорен, не жаден, вынослив, терпелив. *Колповистый* — кляповистый, покляпый, то есть изогнутый, кривой. *Поторчи* — заостренные сверху колья. *Вось* — авось. *Набрушится* — напорется. *Прокудная* — вредная, с ущербом для кого-нибудь, с озорством.

Царь Саул Леванидович и его сын (стр. 207). Кирша Данилов, № XXV; запись былины относится, вероятно, к середине XVIII в. и сделана, по-видимому, в Западной Сибири. Былина в этой версии представлена единственной записью. В сюжете ее не

все ясно. Поначалу сюжет развивается естественно: сын, родившийся в отсутствие отца, достигнув определенного возраста, едет на его поиски. Следовало бы ожидать, что дальнейшее развитие сюжета будет связано со встречей отца и сына. Действительно, в другой записи былины, представляющей особую версию сюжета, такая встреча происходит. Сын Саура (так зовут царя в этом тексте) подступает под царство Сорочинское и осаждает его; сорочинцы обращаются за помощью к Сауру, который находится у них в плену; происходит поединок, в котором побеждает Саур; он узнает в противнике своего сына. В версии, представленной нашим текстом, в плен попадает сын, и отец выручает его. После эпизода пленения Костентинушки в повествовании, очевидно, какое-то нарушение: неясно, откуда неожиданно появляется в Угличе Саул, как позднее он узнает о месте пребывания сына. В былине можно увидеть некоторую сюжетную связь с былинами о Суровце-Суздальце и о Михайле Даниловиче, однако нет возможности установить генетическую взаимозависимость этих былин. *Черевоста* — беременна. *Тирон-камень*. Часто упоминается в былинах как драгоценный камень; по-видимому, рассматривался как камень-оберег, обладавший чудесными магическими свойствами. *Баса* — краса, украшение. *Вальящатое* — чеканное, резное; особо прочное и красивое. *Туры* — род укрепления, корзина, набиваемая землей. *Поторчины* — колья, столбики. *Висячие, вислухкие* — разини, простофили. *Хоботы метал по темным лесам* — кружил по темным лесам. *Чембур* — повод, за который привязывают коня. *Хряц* — крупный песок.

Наезд литовцев (стр. 215). Гильфердинг, I, № 61; зап. от И. Фепопова в Шале (Пудога) Олонецкой губ. в 1871 г. В отличие от большинства былин военно-героического содержания, посвященных борьбе с татарами, данная былина отражает борьбу Руси с литовскими князьями и, возможно, с Ливонским орденом. Имена персонажей, по-видимому, вымышлены, и былина не связана с каким-то конкретным событием. Устойчивое упоминание в ней Литовской земли, литовского короля, Москвы позволяет предполагать, что сюжет ее в окончательном виде сложился сравнительно поздно (быть может, в XVI веке). В некоторых текстах вместо князя Романа называется царь Иван Васильевич. Ряд существенных подробностей сюжета выделяется своей архаичностью: таковы похищение женщины как конечная цель разбойничьего похода Ливиков; наделение главного героя волшебными качествами (Роман напоминает Волха Всеславьевича, он обладает даром оборотничества). *Ай, на панове, на уланове*. *Пановья-улановья* — обычное в былинах наименование вражеской силы. В данном случае певец, может быть, воспринимает эти слова как название чужой земли. *Обкольчужились, облатились* — снарядились по-военному, надели кольчуги и латы. *Кирпичный мост* — пол. *Первая дружина да едят-то, пьют нападкою, Вторая-то шоломом раскатным, Третья дружина ели столом-скатертью*. Первые едят вприпадку, без помощи посуды, грубо; вторые едят из шлемов; третьи — за столами, как полагается. *Вниз быстрин* — вниз по течению. *Встречу быстрин* — вверх против течения. *Након* — раз, прием.

Илья Муромец на Соколе-корабле (стр. 221). Миллер, № 17; зап. Кривошапкиным в Еписейском окр. в середине XIX в.

Былина, по-видимому, позднего происхождения (не ранее XVII в.) и принадлежит казачьему творчеству. Илья Муромец здесь не столько богатырь, сколько «добрый молодец» — персонаж из героических казачьих песен, он напоминает несколько песенного Ермака и Степана Разина. В одном варианте борьба идет не с турками, а с орлом, который нападает на корабль. Данный текст записан как песня, исполнявшаяся в качестве обрядовой на рождество. Собиратель сообщает, что поющие носили с собой большую звезду, на которой были изображены корабль с богатырями, турецкий город, турки в каретах и т. д. Заключение не связано с сюжетом былины и перешло в текст из зимней обрядовой песни, в которой величают обитателей дома, где происходит обряд. *Желтых песков не захватывал*. В другом варианте — «*Кю морским желтым песочкам не присачивался*», то есть не приставал к берегу. *Раенки — реи. Уж ты воя — уж ты вой еси (гой еси)*.

Садко (стр. 224). Гильфердинг, I, № 70; зап. от А. Сорокина в д. Новинка (Сумозеро) Олонецкой губ. в 1871 г. В варианте Сорокина искусно объединены в одно цельное повествование сюжеты о Садке, которые чаще существуют самостоятельно: «Садко и новгородцы» и «Садко у Морского царя». В былине о Садке с особой яркостью проявляется характерная особенность русского эпоса — нерасчлненный сплав реально-исторического и фантастического содержания. Былина эта новгородская, многие подробности и обстоятельства жизни древнего Новгорода составляют не только фон, на котором разворачиваются события, но и существенные элементы эпического повествования: таковы эпизоды, рисующие богатства этого торгового города, рыбный промысел, морскую торговлю и т. д. Спор Садка с новгородскими купцами, его поездка с товарами за море, жертвоприношение, которое приносят мореходы морскому царю, — всё это мотивы, органически выросшие на почве новгородского быта. В былине налицо элементы поэтизации Новгорода, но она рисует и социальные противоречия, проявлявшиеся, в частности, в сословных столкновениях. В целом симпатии былины на стороне бедного гуслира Садка, который благодаря своему искусству чудесным образом получает богатство и ведет борьбу с новгородскими купцами. Есть варианты, в которых Садко выкупает все товары новгородские и смеется над развенчанным богатством Новгорода. Характер Садка, по существу, жизненно достоверен, в нем есть и широта, и смелость, и хитрость, и талант музыканта; он привязан к Новгороду, но с новгородскими купцами он находится в разладе. Былина — не историко-бытовая и не психологическая повесть. Жизненные конфликты и проблемы действительности разрабатываются в ней в формах эпических. Понять до конца содержание былины о Садке можно лишь при учете обусловленности ее эпическими традициями. От глубокой древности идет мотив связи героя с существами, принадлежащими к иному миру. Водяной царь, помогающий Садку в его борьбе с новгородцами, в своих истоках — мифологический хозяин стихий, приносящий герою какое-либо благо. В былине он приобрел черты сказочного персонажа. К давним мифологическим и эпическим традициям восходит и история путешествия Садка в иной (подводный) мир. Подобного рода путешествия совершают герои древнегреческого, карело-финского и других эпосов, стадияльно более древних, чем эпос русский (Одиссей, Вяйнямйнен). В русской былине древние идеалы

и представления, связанные с этими сюжетами, преодолеваются и переосмысливаются. Герой отправлялся в иной мир обычно по собственному желанию, чтобы принести оттуда какое-нибудь благо; вместе с тем он добывал там себе жену. Садко вынужденно попадает в подводное царство; его помыслы направлены к тому, чтобы вырваться оттуда; женитьба на обитательнице иного мира для него — великое несчастье, и он выбирает себе невесту лишь для того, чтобы иметь возможность вернуться домой. По-видимому, девушки, среди которых он должен найти невесту, — это воплощения различных рек; та, которую выбрал Садко, воплощает Волхов. Характерно, что в этот комплекс очень старых, языческих по своей природе, представлений вносятся христианские мотивы: спасителем Садка оказывается Никола Можайский; Никола — святой, покровитель мореплавателей. *Гоня* — одна закидка, одна тяга невода. *Настоятели* — по-видимому, главы монастырей. *Не тощится* — не пустеет, не истощается. *Долюби* — вдоволь. *Жеребья волжаны* — из таволги (род дерева).

Михайло Потык (стр. 240). Гильфердинг, I, № 6; зап. от П. Л. Калинина в д. Рим на Пудожской горе Олонецкой губ. в 1871 г. Для понимания былины важно уяснить, что представляет собой жена Потыка и каков характер их отношений. Из данного текста видно, что Марья — дочь чужеземного (подольского) царя; она может оборачиваться лебедью, ее пристанище — тихие заводи. Очевидно, Марья принадлежит к колдовскому миру, враждебному людям; согласно традициям киевского эпоса, эти черты соединяются в ней с чертами коварной и вероломной иноземной царицы. В былинах пробуждение любви никогда не описывается; можно догадываться, что чувство, которое охватывает Потыка, колдовского происхождения, оно вызвано чарами Марьи. Марья очаровывает богатыря и выходит за него замуж, имея цель погубить его, увлечь за собой в царство смерти. Этому служит заповедь, которую дают супруги, — идти в могилу за умершим. Судя по вариантам, Марья не умирает, а лишь прикидывается умершей, чтобы увести за собой Потыка и отдать его на растерзание змею. Из всего сказанного видно, что основы данной былины чрезвычайно архаичны, они связаны с бытовыми институтами и представлениями доклассового общества. Во многих вариантах былина и кончается эпизодом выхода Потыка из могилы. Иногда Потык по возвращении на землю, убедившись в колдовской сущности жены, убивает ее. Эпизоды поездки Потыка за данью, братания с богатырями (в других вариантах — столкновения с иноземным войском) не кажутся обязательными для развития основной сюжетной линии и отражают постепенный процесс включения былины в Киевский героический цикл. *Мост* — пол в избе. *Крест Леванидов* — см. на стр. 453. *Опочив держал* — спал, отдыхал. *Скашевалися* — собрались. *Перепалися* — испугались (от перепануться — испугаться). *Растулялися* — попрятались. *Задавался* — сдавался на уговоры, соглашался. *Нунь* — нынче, теперь. *Заповедь неподольная* — неравноправная, с неравными условиями. *Что же ставили тут шашечки дубовые*. В былинах неоднократно говорится об игре в шахматы и в шашки, однако видно, что реальных представлений об игре певцы не имеют и изображается она совершенно условно. *На пяту* — настезь. *По надобью* — по надобности, по потребности. *Домовищечко* — гроб. *Ведом* — весть. *Спад-*

сливый — падкий. *Калики* — паломники, странники (см. о каликах в примеч. к былине «Сорок калик»). *Крутились каликами* — одевались каликами. *Росстань* — распутье, перекресток дорог. *Животы* — богатство, достояние; в данном случае — подарки. *Стегно* — бедро. *Здымать, выздынуть* — поднять. *В той же нунь Миколы да святителю*. Эти слова позволяют видеть в калике переодетого Николая-угонника; персонаж этот популярен в народных легендах. *Сконает голову* — уничтожит до конца, сживет со свету. *Сени челядины*. *Челядь* — слуги. *Неумильнии поступки* — недоброжелательные, неприятные.

Иван Годинович (стр. 264). Гильфердинг, II, № 188; зап. от А. В. Батова в Тайгенице (Выгозеро) Олонецкой губ. в 1871 г. Былина об Иване Годиновиче относится к группе былин о святотстве. Некоторыми своими чертами она близка к былине о Михайле Потыке, но она, по-видимому, более поздняя. В вариантах невеста Ивана Годиновича является дочерью чужеземного царя, иногда ей приданы атрибуты существа из иного мира:

На головке у Авдотьи белы лебеди,
На подножках у Авдотьи черны вороны.

Очевидно, сюжет постепенно развивался в сторону усиления в нем реально-бытового начала. Невеста из существа сказочно-эпического превратилась в купеческую дочь; бытовое объяснение получило и вероломное поведение девушки: в нашем тексте она совершает предательство из корыстных целей, надеясь стать царицей, а не «простомывной бабой». Однако в былине, в частности в нашем тексте, сохранилось много подробностей сказочно-эпического характера (заговоренные стрелы, говорящие голуби и др.). Мотив послышки за чудесными зверями в данном варианте не получил завершения. В некоторых вариантах товарищи Ивана Годиновича, посланные в погоню за зверями, возвращаются в тот момент, когда богатырю грозит гибель, и спасают его. *Цивья* — цевье, ручка. *К зени* — к земле. *Копал* — вынимал, выбивал. *Косцы* — виски.

Бой Добрыни с Дунаем (стр. 271). Григорьев, III, № 6; зап. от В. Я. Тярсова в д. Дорогая гора (Мезень) Архангельской губ. в 1901 г. Некоторые исследователи считают эту былинку поздней, возникшей в результате творчества северных крестьян. Вполне возможно, однако, что основные мотивы ее столь же древни, как и сюжет о женитьбе Дуная (см. след. текст). С этим последним былина о бое двух богатырей хотя и не вполне согласуется сюжетно, но связывается некоторым единством «биографии» Дуная. Согласно содержанию былины, Дунай долгое время служит литовскому королю, он является на Русь после этой службы, щедро награжденный королем. В его облике, в роскоши, которая его окружает, есть нечто чуждое русским богатырям и вызывающее. Именно поэтому Добрыня выступает против него. Поэтому же, надо думать, Владимир принимает сторону Добрыни и заточает Дуная. В некоторых вариантах былины о женитьбе Дуная есть также мотив сиденья Дуная в темнице; отсюда его освобождают, чтобы послать к литовскому королю

сватом от князя Владимира. Возможно, что существовала версия, в которой бой Добрыни с Дунаем кончался примирением и братанием, — мотив, который объясняет, почему, отправляясь по поручению Владимира в Литву, Дунай берет с собой именно Добрыню. *Бурá* — буря. *Падера* — вихрь, вьюга. *Палочки буёвые* — боевые палцы. *Ратовище* — древко копыя. *Насадочки* — наконечники; место насадки копыя на древко. *А тянулись тлями железными* — старались перетянуть друг друга, держась за скобы или ручки (род борьбы).

Дунай (стр. 276). Гильфердинг, II, № 102; зап. от Т. Ивлева в Кижях Олонецкой губ. в 1871 г. Отдельные моменты сюжета разъясняются через сопоставление с другими былинами, в которых действует Дунай («Бой Добрыни с Дунаем», «Дунай и Настасья-королевична»). Дунай, прежде чем попасть в круг киевских богатырей, находился на службе у литовского короля и был связан с его дочерью. В свете этих обстоятельств, которые отражаются в различных вариантах былины о Дунае, посылка Владимиром в качестве свата именно Дуная и женитьба богатыря на Настасье не являются случайностями, эти эпизоды внутренне мотивированы. Многие исследователи сопоставляют историю сватовства былинного Владимира с имевшим место в действительности фактом сватовства Владимира Святославича к полоцкой княжне Рогнеде. Скорее всего, однако, былина отразила не данный факт, а обычную для средневековой практику, когда великие киевские князья вступали в брак с иноземными князьями. Главное в былине — женитьба не Владимира, а самого Дуная. В истории этой женитьбы есть мотивы архаичные: невеста Дуная — богатырша, ее мужем может стать лишь тот, кто одолеет ее в поединке. Образ Настасьи трагичен, и трагедия ее заключается в том, что в ней борются богатырша и простая женщина. Но трагичен и образ Дуная. Он — богатырь, совершающий героический подвиг, но в нем есть черты, несовместимые с нравственным обликом богатыря. Из чувства оскорбленной гордости и бахвальства он принимает вызов жены и губит ее и сына, который должен был родиться богатырем. Заключительный мотив возникновения рек из крови погибших связан в своих истоках с мифологическими представлениями. В былине он несет художественную функцию, придавая гибели героев эпическую величественность. *Садом садомитая* — то же, что станом становитая, статная. *Пельки* — груди. *По боци* — сбоку. *До щетки*. *Щетка* — часть ноги над копытным сгибом (Даль).

Соломан и Василий Окулович (стр. 285). Соколов — Чичеров, № 208; зап. С. П. Бородиным, В. А. Дынник, Ю. М. Соколовым от И. В. Сивцева в д. Поромское (Кенозеро) Карельской АССР в 1927 г. Былинный Соломан — это библейский царь Соломон, сказания о котором были широко распространены в средневековой литературе, как западноевропейской, так и русской. Одно из таких сказаний — о Соломоне и его неверной жене — послужило источником для создания былины. Скорее всего, эпической переработке была подвергнута уже какая-либо устная версия сказания. Все эпизоды получили в былине разработку, характерную для русского эпоса, в эпическом духе выдержана и характеристика основных персонажей. Так, например, Василий Окулович напоминает вначале былинного

Владимира, который ищет себе жену и по наущению одного из приближенных решает похитить чужую жену (былина о Даниле Ловчанине). В книжной версии иноземный царь увозит жену Соломона, мстя ему за то, что он в свое время соблазнил его жену. В образе былинного Соломана лишь намечены черты мудрого царя, характерные для книжных сказаний. Соломан разгадывает вещей сон жены. В данном варианте это место не совсем ясно. Судя по другим вариантам, Соломан угадывает угрозу и предупреждает жену, чтобы она опасалась мужчин. В конце былины Соломан, предвидя развязку, путем иносказания предупреждает своих спутников:

Да и первы колеса уже конь везет,
Да и задни колеса зачем черт несет?

Эти слова должны означать следующее: Соломана («первы колеса») везут силой, он вынужден ехать, но остальные («задни колеса») едут на верную гибель, увлекаемые вероломными замыслами. Соломаниде приданы черты былинной героини — коварной и жестокой (сравни в былинах о Потыке, об Иване Годиновиче). *Улановья* — татарские саванники, мурзы. *Супротивница* — жена. *Карон* — от слова «корониться», хорониться. *Танцы* — тонцы, музыкальные мотивы. *Питье забудушее* — усыпляющее. *Ложня* — спальня. *Рель* — виселица.

Добрыня и Маринка (стр. 292). Кирша Данилов, № VIII; запись былины относится, по-видимому, к середине XVIII в. и сделана, вероятно, в Западной Сибири. В исследовательской литературе можно встретить утверждения, что историческим прототипом Маринки была Марина Мнишек, жена Лжедмитрия, и что, следовательно, былина эта поздняя (XVII в.). Однако для таких утверждений нет фактических оснований. Совпадение имен могло быть и вполне случайным. Образ Маринки типичен для русского эпоса. В нем слиты черты колдуньи, «чародейницы» и безнравственной женщины, распутницы. Из анализа вариантов ясно, что Маринка вначале стремится увлечь Добрыню, соблазнить его, подчинить своим чарам. Увидев, что Добрыня относится к ней резко враждебно, она решает приворотить его при помощи заговора, который она наговаривает, сжигая следы богатыря. Основной смысл былины, следовательно, состоит в столкновении Добрыни, как носителя народной культуры, высокой морали, с Маринкой, воплощающей враждебные народу силы и чуждую мораль. Сила Добрыни — в его нравственной стойкости, в отвращении к колдовству и распутству Маринки. Но уничтожить ее он может, лишь пройдя тяжкие для себя испытания. *Стольничал, чашничал* — занимал при княжеском дворе должности стольника и чашника. *Повалуши* — спальни. *Причалины* — петли. *Безвременье* — недосуг. *Щаска* — счастье, удача. *Приговаривают* — приглашают. *Недоладом* — в ярости, сильно (?). *Прелестивое* — от слова «прелесть», обман, коварство. *Перепадчивое* — переменчивое. *Напрокучили* — надоели.

Идолище сватается за племянницу Владимира (стр. 299). Марков, № 79; зап. от Г. Л. Крюкова в д. Зимняя Золотица Архангельской губ. в 1899 г. Былина сказочного характера. Возможно, что возникла она на позднем этапе истории русского эпоса. В сказках русского и других народов популярен сюжет о том, как

чудовище требует себе в жены царскую дочь, как появляется герой, спасающий девушку и уничтожающий насильника. По-видимому, истоки сюжета мифологические. В былине, в соответствии с традициями русского эпоса, чудовищу придан облик Идолища, окруженного тагарами, девушка оказывается племянницей князя Владимира, действие прикреплено к Киеву. Сюжету придана определенная социальная окраска — князья и бояре отказываются заступиться за девушку. В той части сюжета, которая посвящена истории спасения Марфы Дмитриевны, повествование отличается и от волшебных сказок и от традиционных былин: здесь нет героя-спасителя, богатыри лишь помогают девушке, и она сама, своей хитростью и ловкостью, побеждает похитителя. Возможно, что в этой разработке сюжета отразилось влияние сказок о ловких женщинах. *А бессрочного времени на свете нет.* Былинная формула, означающая согласие предоставить известный срок. *Мурин* — арап, чернокожий. *Девья плачь* — девшишник, обряд прощания с девической жизнью. *Повесть* способная — попутный ветер. *Стегаться* — стягиваться, собираться в одно место. *Сременилась* — вспременилась, заменилась. *Полуднет* — держится, существует.

Глеб Володьевич (стр. 305). Марков, № 80; зап. от Г. Л. Крюкова в д. Зимняя Золотица Архангельской губ. в 1899 г. Редкая былина, известная лишь в нескольких записях. В ней есть мотивы и образы сказочного характера: злая волшебница, не пропускающая путников через свое царство и заманивающая к себе героя; отгадывание загадок как условие освобождения; скрытое подношение отравы и др. Но эти сказочные мотивы в былине разработаны в плане эпическом, они включаются в героический сюжет и соединяются с мотивами историко-эпическими. В былине отразились воспоминания о Корсуне (Херсонесе), греческой колонии на Крымском берегу Черного моря, с которой Киевская Русь была связана торговлей. Исторична картина взимания пошлины, воспроизводящая типичную для феодальных порядков систему многочисленных поборов, которым подвергались купцы. Некоторые исследователи склонны видеть в былине отражение похода князей Глеба Святославича и Владимира Мономаха на Корсунь в 1077 г., предпринятого, возможно, для защиты русской торговли. Однако такое объяснение не может быть подтверждено фактически и не обосновано методологически. Сюжет былины надо признать вымышленным от начала до конца. *Мостову брала* — взимала пошлину за проход по мосту. *Плот* — в данном случае пристань. *Не протаможила* — не пропустила через таможенню, не разрешила торговать.

Вавило и скоморохи (стр. 310). Григорьев, I, № 85 (№ 121); зап. от М. Д. Кривополеновой в д. Шотогорка (Пинега) Архангельской губ. в 1901 г. Былина сохранилась только в записи от Кривополеновой. Своеобразие ее состоит прежде всего в том, что главными героями былины выступают скоморохи, то есть древнерусские артисты, соединявшие в своем искусстве пение, игру на музыкальных инструментах, лицедейство, музыкально-поэтическое творчество. В былине искусство скоморохов возвеличивается и героизируется. Скоморохи, которые изображаются здесь, совершают, играя на своих гудках (гудок — музыкальный инструмент в древней Руси —

смычковый, с тремя струнами), чудеса, награждают одних, наказывают других; свое искусство они используют как оружие в борьбе против «Инишшего царства». Царство это, с которым не связано никаких конкретных исторических представлений, воплощает социальное зло и неравенство. Уничтожая его и его правителей и сажая на царство крестьянина Вавилу, скоморохи совершают тем самым великий народный подвиг. Самые образы их окружены в былине ореолом святости. Они носят имена святых Козьмы и Демьяна (Козьма и Демьян считались в древней Руси покровителями ремесленников). Таким образом, они и скоморохи и святые одновременно. Чудесные превращения с предметами, которые происходят по их воле, напоминают соответствующие эпизоды из русских народных легенд, героями которых нередко выступают также христианские святые. Встает вопрос — почему в былине получили довольно сильный отзвук мотивы легенд? Искусство скоморохов, в своей основе глубоко народное и связанное с языческими традициями, несшее в той или иной степени народные антифеодальные идеи, подвергалось систематическому преследованию со стороны официальной церкви и княжеской и царской власти. Борьба со скоморохами завершилась массовым их изгнанием во второй половине XVII в.

Былина «Вавило и скоморохи» представляет собой своеобразный ответ на церковные обличения скоморохов и их «бесовского» искусства. То, что скоморохи изображаются в былине святыми, как раз отражает народную точку зрения, полемически противопоставленную официальным взглядам (см. подробнее об этом в статье А. А. Морозова «М. Д. Кривополенова и наследие скоморохов», в книге: М. Д. Кривополенова. Былины, скоморошины, сказки. Архангельск, 1950, стр. 131—134). О скоморохах иногда упоминается и в некоторых других былинах. Скоморохи являются героями былины-баллады «Гость Терентий» (см., например, Сборник Кириши Данилова, № 2), где они выступают как «веселые люди», помогающие Терентию разоблачить и наказать его легкомысленную жену. *Орать* — пахать. *Инишшее царство*. Объясняют обычно как «иное», чужое; возможно, однако, видеть в слове «инишшее» и наименование вражеского царства, со значением «нищее». *Негоразён* — неспособен, не умеет, *Переладец* — род дудки. *Припособить* — подыграть, приладиться. *Понюгальце* — кнут. *Кичига* — верхняя короткая палка цепа. *Куропки с ребами* — куропатки с рябчиками. *Пеструхи, чухари, марьюхи, косачи* — различные названия тетеревов. *Гот* — по-видимому, «говорит».

Ванька Удовкин сын (стр. 316). Рыбников, II, № 126; зап. от Н. Прохорова, крестьянина д. Бураковой (Пудога) Олонецкой губ. в 1860 г.

Былина известна в единственной записи. Она относится к числу тех немногочисленных былин, которые были созданы путем прямого переложения традиционных сказочных сюжетов: это «Подсолнечное царство», «Нерассказанный сон», «Ждан-царевич», «Еруслан Лазаревич» и др. Сложение этих былин принадлежит, по-видимому, целиком северным сказителям и относится сравнительно к позднему времени (вероятно, не раньше XVIII в.).

Источником данной былины послужила сказка о Елене Прекрасной, известная в большом количестве записей. Сюжетно ближе всего

к былинне вариант из сборника Н. Ончукова «Северные сказки» (текст № 2) — «Царь-чернокнижник». В этой сказке царь предлагает дочь и полцарства тому, кто сумеет спрятаться от него; прячущихся он обнаруживает при помощи волшебной книги и казнит их. Герой, соответствующий былинному Ваньке, дважды не может укрыться от царя, в третий раз с помощью Маговой-птицы оборачивается кремешком и ложится в царское огнище. Царь не находит его. В некоторых вариантах сказки герой должен прятаться от самой царевны-невесты, которая находит его с помощью волшебного зеркала; укрывшись за зеркалом, герой остается ненайденным и получает руку царевны. Былина «Ванька Удовкин сын» во многих отношениях служит примером искусного переложения сказки в былинную. *Обрядятся* — прятаться. *Не дойдет* — недосуг. *Сманул* — пробрался. *Смолился* — взмолился. *Ортина* — пасть.

Бунт Ильи Муромца против Владимира (стр. 324). Соколов — Чичеров, № 8; зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. А. Самариним от Г. А. Якушова в д. Семеново (Пудоба) Карельской АССР в 1928 г.

Илья Муромец в ссоре с Владимиром (стр. 330). Гильфердинг, I, № 47; зап. от Н. Прохорова на Марнаволоке (Пудоба) Олонейской губ. в 1871 г. Одна из наиболее острых в социальном отношении былин. К сожалению, ни одна из имеющихся записей не дает в отделиности полного представления о характере и развитии конфликта между Ильей Муромцем и князем. Более или менее определенная картина выясняется лишь при сравнении вариантов. Причины ссоры богатыря с князем представлены в вариантах по-разному. Иногда Владимир зовет Илью на пир, но сажает его на непочетное место; в этом случае Илья старается досадить князю и его именитым гостям: он ломает скамью, притискивает бояр и купцов в угол и т. д. Владимир одаривает присутствующих — городами, золотом и т. д.; Илье он «жалует» шубу. Возмущенный богатырь

Берет он шубу за один рукав
И бьет о кирпичат пол,
А сам к шубе приговаривает:
«Велел бог бивать шубу о кирпичат пол,
Велит ли бивать князя Владимира?»

После этого Илья уходит с пира. Далее действие разворачивается так же, как в тексте Н. Прохорова. Очевидно, что причина конфликта богатыря с князем сводится к одному: Владимир проявляет по отношению к Илье Муромцу явное неуважение, оскорбляет его достоинство, ставит его в унижительное положение по сравнению с боярами и купцами. Ссора Ильи с Владимиром в свете этого приобретает классовый характер. Дальнейшее поведение Ильи углубляет конфликт: богатырь собирает «голей кабацких», разоряет церкви, буйствует в Киеве, угрожает князю расправой. Всё это Горький, живо интересовавшийся сюжетом, определял как бунт Ильи против Владимира. Примирение происходит в такой форме, что Владимир должен просить у Ильи прощения, оказывать ему особое внимание, сажать его на са-

мое почетное место и т. д. Однако есть и другое завершение, при котором Илью Муромца по приказу Владимира заточают в темницу. Этим эпизодом данный сюжет связывается с былинной «Илья Муромец и Калин-царь», в которой часто есть эпизод, когда богатырь сидит в темнице князя и князь освобождает его при появлении татар (см. примечания к былине «Илья Муромец и Калин-царь»). Сюжет о бунте Ильи против Владимира рассматривают иногда как последний по времени возникновения в цикле былин об Илье Муромце. *Баласы* — перила, ограда. *Призабавлены* — заняты, распределены (?). *Обнес* — обозвал. *Пооткинулись* — разметались. *Щапить* — щеголять, рядиться. *Большой угол* — угол под образами, почетное место. *Несли чару рядом* — по ряду, т. е. подносили Илье соответственно его месту среди гостей.

Данила Ловчанин (стр. 334). Киревский, III, стр. 32—38; зап. Е. Фаворским в с. Павлово Нижегородской губ. в 50-х гг. XIX в. Былина принадлежит к числу сравнительно редких; происхождение ее довольно позднее. Некоторые исследователи склонны искать в былине отражение жестоких нравов двора Ивана Грозного. Вряд ли это так. Но в былине с особой силой осуждается княжеский произвол, жестокость и бесчестность Владимира и его окружения. Чтобы погубить Данилу и овладеть его женой, Владимир и Мышата посылают богатыря за страшными зверями и одновременно направляют против него военную силу. Перед нами — редчайший в русском эпосе случай, когда богатырь вынужден биться не с иноземным, а с русским войском. Данила не понимает смысла происходящего, так как, по-видимому, слепо верит в князя. Его самоубийство вызвано трагическим осознанием невозможности борьбы с братьями-богатырями. В других вариантах Данилу убивает из засады Мышата. В некоторых вариантах Данилу зовут Ловчанином, что, может быть, указывает на должность его при дворе: он — ловчий, то есть охотник, обязанный поставлять князю дичь. *Сверстна* — подходяща, соответственна. *А Мышоточка... приметлив был* — переметлив, умел обернуться на другую сторону. *Безопасишно* — смело. *Безобсыльшино* — без предупреждения. *Останное, в остатки* — последнее, в последний раз. *Поверстались* — поравнялись.

Иван Гостинный сын (стр. 340). Кирша Данилов, № VII; запись былины относится, по-видимому, к середине XVIII в. и сделана, вероятно, в Западной Сибири. Былина может быть отнесена к числу сказочных: главную роль в развязке событий играет чудесный конь; Иван Гостинный сын напоминает героя народной сказки — он опрометчиво принимает вызов князя, раскаивается в своем необдуманном решении, но выигрывает состязание с помощью волшебного помощника. Самое состязание, задуманное как героическое, оканчивается по-шутейному, не начавшись: могучих коней Владимира распугивает «Бурочко-косматочко». В сюжете былины можно обнаружить, однако, и серьезный социальный смысл. Состязание представляет собой эпическую форму столкновения, спора князя с народным героем. Характерно, что в разгоревшемся споре сторону Владимира держат князь, бояре, купцы, а Иван остается в одиночестве, за него поручается только владыка Черниговский (в некоторых вариантах — богатыри). Иван не просто побеждает Владимира, но и выставляет

его на всеобщее посмешище. Князь проявляет не только трусость, но и жадность и нечестность. Его слова «Просты поруки крепкие, записи все изодранные» означают, что он намерен упразднить заклад и не выплатить Ивану полагающихся денег. Но тут на защиту Ивана встает его поручитель владыка Черниговский, он велит захватить корабли (вероятно, в счет купеческой доли в закладе), а с князем и бояр надеется получить заклад позже. *Есть ли в Киеве таков человек и т. д.* Это место разъясняется через сравнение с вариантом Гильфердинга, № 133, где Владимир сначала предлагает биться об заклад — «скакать от Киева до Чернигова», а затем уже хвастает своими жеребцами и спрашивает у Иванушки, на чем тот собирается скакать. *Кологрив жеребец* — с косматой гривой. *Владыка Черниговский*. Этот персонаж встречается и в других былинах («Алеша Поприч и Тугарин», «Дюк»), где он также берет сторону богатырей против князя. Владыка — по-видимому, лицо духовное.

Ставер Гоудинович (стр. 344). Астахова, II, № 136; зап. М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпкиной от П. И. Рябинина-Андреева в д. Гарпицы Заонежского р-на Карельской АССР в 1931 г. Исследователи справедливо связывают сюжет этой быliny со сказками о ловкой жене, хитростью выручающей своего мужа из беды. Но в быline образ жены героизируется, ей приданы черты богатырши, подчеркнуты ее самоотверженность и преданность мужу. В некоторых вариантах жена Ставра является в Киев сразу под видом жениха, сватающегося к племяннице князя. Форма испытаний, которым подвергается женщина, в вариантах довольно устойчива; иногда добавляется еще игра в шахматы. В быline преобладают шуточные эпизоды, но в ней содержится и серьезный смысл. Противником, которого обманывает и одурачивает Василиса Микулична, оказывается князь Владимир; очевидно, замысел быliny и состоит в том, чтобы высмеять чванливых князей и бояр, которые оказываются побежденными в прямом состязании с женщиной и поставлены в глупое и смешное положение. *Гость черниговский*. Ставер в данном варианте выступает как гость, то есть купец; в других вариантах он называется боярином, иногда — он заезжий богатырь. *Косички* — косицы, виски. *На пяту* — настежь. *Черни* — череня, черенки.

Дюк Степанович (стр. 354). Гильфердинг, II, № 159; зап. от И. А. Касьянова в Чолмужах (Кижы) Олонецкой губ. в 1871 г. Былина соединяет в себе черты сказочные и бытовые. В различных вариантах преобладают те или другие. Содержание быliny сводится к столкновению Дюка (и его матушки) с князем Владимиром и Чурилой; при этом подчеркивается, что Дюк — чужой в Киеве, он приезжает издалека (из Индии, Корелы, из Галича). Киев изображается в быline глазами Дюка; простота и убожество Киева противопоставлены роскоши и богатству земли, где живет Дюк. С точки зрения киевлян Дюк — хвостун; чтобы посрамить его, Владимир предлагает ему состязаться в силе, ловкости и щегольстве с Чурилой. Характерно, что честь Киева в этой быline отстаивают не богатыри вроде Ильи либо Добрыни, а Чурила — богатый боярин, щап, любящий женщин. Можно думать, что Киев, изображаемый в быline, — боярско-княжеский, а не тот народный Киев, центр государства, ко-

торый защищают богатыри от внешнего врага. Отношение к этому Киеву в былине — отрицательное, поэтому состязание заканчивается поражением и позором Чурилы. Неудачу терпит и Владимир, попытавшийся описать богатство Дюка. Образ Дюка не отличается законченной ясностью. Иногда подчеркивается его сиротство, иногда же — его боярское происхождение. Неизвестно, для чего приезжает он в Киев. В нашем тексте Дюк изображается с последовательным сочувствием. Но есть варианты, где содержатся по его адресу насмешки и осуждение: Дюк непомерно богат и кичится своим богатством; он щеголь и расточитель; он отнюдь не герой и даже проявляет трусость при встрече с богатырями. Варианты показывают, что в изображении Дюка были две тенденции, одна — известного возвеличения, другая — иронического снижения. *Вырутить* — сбросить. *Рудожелтыма* — красно-желтыми (имеется в виду песок). *Владыка Черниговский*. См. о нем в примеч. к былине «Иван Гостиный сын».

Василий Буслаев и новгородцы (стр. 366). Кирша Данилов, № IX. Смерть Василия Буслаева (стр. 374). Кирша Данилов, № XVIII; запись обеих былин относится, по-видимому, к середине XVIII в. и сделана, вероятно, в Западной Сибири. Наибольшую сложность в данных былинах представляет истолкование образа Васьки Буслаева, его социально-исторического смысла. Образ этот есть порождение Новгорода. Традиционно эпического в нем немного — только богатырская внешность. Внутреннее содержание образа совершенно оригинально для русского эпоса. Оба сюжета создают в совокупности цельный и определенный характер Васьки Буслаева: богатырь-озорник, набирающий себе дружину не для героических подвигов, а для борьбы внутри Новгорода, бросающий вызов всему Новгороду, не признающий ничьей власти и ничьих авторитетов; вольнодумец, нарушающий общепринятые правила поведения, выступающий против религиозных обычаев и против самой судьбы; кутила, драчун, верный товарищ своей дружине, — таков этот герой. Никольшина братчина, на которую является Васька с товарищами, — это пир, устраиваемый в складчину в Николин день. Братчины были, видимо, обычным явлением новгородского быта, нередко они становились местом острых социальных столкновений. Имеющиеся тексты былины не дают четкого представления о том, каковы причины и внутренний смысл столкновения Буслаева с новгородцами. Однако некоторые наблюдения в этом плане могут быть сделаны. Дружина набирается Васькой из ремесленников, из людей убогих, на что указывают обычные в вариантах имена; братчина, на которую собираются люди состоятельные, отвергает Буслаева и его дружину. Предположение В. Я. Проппа о том, что столкновение, описанное в былине, имеет социальный характер, не лишено оснований. Некий обобщающий смысл имеет и встреча Васьки со старцем Пилигримом. Облик этого старца фантастичен: у него на голове колокол огромных размеров. Может быть, этот колокол, как и сам старец, воплощает силу и консерватизм боярско-купеческого Новгорода, и в таком случае весь эпизод надо понимать как выступление Васьки Буслаева против самых устоев новгородской жизни. Во второй былине особенно важными являются эпизоды пребывания Васьки в Иерусалиме и гибели богатыря. В Иерусалим Васька едет каяться, «душа спасать», но покая-

ние противно всему его существу. Поэтому в Иерусалиме он совершает кощунство. Смысл его, не вполне ясный из данного текста, раскрывается через варианты. Дело в том, что Василий купается в Ердань-реке нагим, что категорически воспрещалось, так как нагим там купался якобы сам Христос. Пиная мертвую голову, прыгая через камень, на котором есть запретительная надпись, Василий Буслаев бросает вызов темным силам судьбы, смерти. Представления, которые лежат в основе этого мотива, очень архаичны. Гибель Буслаева еще раз показывает его как богатыря, открыто и бесстрашно отвергающего предрассудки и суеверия. *Канун* — пиво, сваренное к празднику. *Сыпь* — доля в складчине. *Глуздырь* — птенец (?). *Опричь* — кроме. *А и во лбе глаз — уж веку нет* — т. е. у старца от удара глаза выскочили из орбит. *Повенешное* — сбор за свадьбу (от слова «венце»). *Повалишное* — сбор за мытье белья на плоту (от слова «валек»). *Полтеи*. *Полть* — половина туши, вдоль разрубленной. *Записи заручные* — подписанные, скрепленные подписями. *Урас молодецкий* — рана, увечье (?). *Залезено* — получено. *Бусы* — большие долбленные лодки.

Соловей Будимирович (стр. 382). Миллер, № 85; зап. А. С. Лесковым от Н. Уткина в Купецком приходе (Пудога) Олонецкой губ. Былина имеет ярко выраженный бытовой характер. Лишь один эпизод в ней разработан в духе сказки — постройка в одну ночь трех теремов. В сказках жениху иногда ставится условие — он должен к утру выстроить чудесный дворец. В данном тексте и этому сказочному эпизоду приданы черты бытовой достоверности. Былина о Соловье Будимировиче резко отличается от других былин о сватовстве («Дунай», «Михайло Потык», «Иван Гоудинович») отсутствием героического или фантастического начала. Невеста Соловья — обыкновенная русская девушка, персонаж вполне бытовой. Образ самого Соловья Будимировича окружен бытовыми подробностями. Обычно он изображается как купец, являющийся на собственных кораблях в Киев с заморскими товарами. Камка, которую он привозит в подарок княгине, — это дорогая узорчатая ткань восточного происхождения, обычный предмет ввоза в Киевской Руси. В изображении корабля подчеркнуты детали, характерные для древнерусского судостроения; известно, что кораблям придавался внешний облик зверей и птиц. Образ Соловья Будимировича связан также с символикой свадебных песен, в которых жених называется иногда соловьем, он будит невесту своим пением (может быть, отсюда — имя Будимирович); образы роскоши и богатства, сказочных теремов также обычны для свадебных песен. Очевидно, основной смысл былины заключается в эпической поэтизации брака, который совершается между обыкновенными людьми. *Мхи были*, *болота в Поморской стране* и т. д. Записка не связана непосредственно с сюжетом. Места, упоминаемые здесь, принадлежат преимущественно Северу. *Щелья* — утесистые берега, мысы. *Зябель* — холод, стужа. *Кодолы* — канаты, толстые веревки, цепи. *Коржинья* — штевни, стояки, служившие основой кормы или носа судна. *Лудья* — мели. *Волжаная* — таволжаная, из таволги (род дерева).

Сорок калик (стр. 389). Кирша Данилов, № XXIII; запись былины относится, по-видимому, к середине XVIII в. и сделана, ве-

роятно, в Западной Сибири. Былина о сорока каликах соединяет традиции героического эпоса и духовного стиха. Характеристики ряда персонажей даны вполне в духе былин: князь Владимир гостеприимен, простодушен, безволен и не очень умен; княгиня Апраксевна развратна и вероломна; Добрыня проявляет вежство и обходительность. Алеша — хитрость и некоторое коварство. Однако богатыри в этой былине играют второстепенную роль, главные герои ее — калики перехожие, которые в других былинах иногда действуют как эпизодические персонажи. Каликами в древней Руси назывались странники, совершавшие паломничества к религиозным местам, кормившиеся молитвами и подаванием. Калики странствовали нередко сплоченными, хорошо организованными группами, которые подчинялись строгим правилам и во главе которых стоял атаман. В данной былине описывается путешествие, которое совершают калики пешком в Иерусалим; о такого рода паломничествах известно по памятникам древней русской литературы. В отличие от героических былин, где князю или княгине противостоят богатыри, в данной былине с княгиней сталкиваются калики, и в ходе этого конфликта утверждается высокая моральная стойкость калик, прежде всего их атамана. Касьян наделен теми идеальными качествами, которые присущи — согласно представлениям средневековья — святому. Благодаря этим качествам он преодолевает все испытания, выходит невредимым из заточения и совершает чудо, исцеляя больную княгиню. Религиозно-аскетическая окраска былины заставляет думать, что былина и сложилась среди калик либо в близкой к ним среде патриархального крестьянства. *Раменье — лес. Пригодилось, годилось — случилось. Спирия стал постыривать, Сема стал пересемивать.* В текстах Сборника Кириши Данилова эти стихи-прибаутки встречаются несколько раз и применяются для характеристики испуга, растерянности. *Огноище — язвы (?). Отправили — исполнили. Княгиня прощалась — просила прощенья, каялась. Пропасть — смерть, мертвечина. Кожух — кора, струпя (?).*

Добрыня Никитич, его жена и Алеша Попович (стр. 400). Соколов — Чичеров, № 82; зап. от Ф. А. Коношкова в пос. Устье Шалы Пудожского р-на Карельской АССР в 1928 г. Одна из самых популярных русских былин, отличающаяся богатством бытовых мотивов и психологической разработкой основных эпизодов. Варианты дают ряд интересных дополнительных подробностей. Так, иногда действие переносится на один момент в поле, где находится Добрыня. Конь Добрыни сообщает ему о предстоящей свадьбе жены, и богатырь спешит домой. В финале Добрыня винит иногда Алешу не в попытке жениться на его жене, а в том, что он причинил горе матери, сообщив ей о мнимой смерти сына:

А в той вины, братец, тебя бог простит,
 Что ты посидел подлй моёй да любимой семьи,
 Подлй молодой Настасии Микуличны.
 А в дрúгой вины, братец, тебя нё прошу:
 Когда приезжал из чиста поля во перво шесть лет,
 Привозил ты весточку нерадостну,
 Что нет жива Добрынюшки Микитича, —
 Убит лежит да на чистом полй;

А тогда-то государыня да моя родна матушка
А жалешенько она да по мне плакала,
Слезила-то она свои да очи ясные,
А скорбила-то свое да лицо белое.
Так во этой вины, братец, тебя не прошу.

(Гильфердинг, № 149)

В целом ряде моментов сюжет былины вовсе не так прост, как может показаться на первый взгляд. Обязательный срок, в течение которого жена должна ждать своего мужа; запрещение выходить замуж за определенное лицо; вынужденное нарушение женой этого запрета; возвращение мужа в день свадьбы, — всё это мотивы, объяснение которым следует искать, может быть, в семейно-брачных отношениях родового общества. Характерно, что сюжет о муже, попадающем на свадьбу своей жены, известен сказкам и эпосу разных народов (например, «Одиссея», турецкая сказка «Ашик-Кериб», обработанная М. Ю. Лермонтовым, русские сказки). *Тулится* — прячется. *Народилось.. без головы да без повинны* — родился непокорным. *Куревка* — пыль, дым. *Косивчато окошечко* — косячатое, с косяками. *Скоморошенька, скоморошина* — скоморох (см. о скоморохах в примеч. к былине «Вавило и скоморохи»). *Переложенькой* — продавленная, с вмятиной. *Скоморовчато платье* — платье скомороха. *Княгиня новобрачная* — невеста.

Возвращение Добрыни домой (стр. 407). Листопадов. № 17; зап. у донских казаков в ст. Урюпинской в 1903 г. Текст представляет казачью (хронологически, по-видимому, довольно позднюю) версию сюжета о Добрыне Никитиче, его жене и Алеше Поповиче. В этой версии преобладают мотивы, отражающие некоторые стороны старого казачьего воинского быта. Сам Добрыня лишен здесь, по существу, черт богатыря, но он близок к образам казачьих песен о воине-скитальце, о служивом, возвращающемся домой после долгой отлучки, и т. д. В соответствии с общим характером обработки сюжета в казачьей среде, в былине нет приурочения событий к Киеву, не упоминаются князь и княгиня, нет заключительного эпизода на свадебном пиру. Все повествование посвящено Добрыне, его скитаниям, переживаниям, возвращению и встрече с матерью. *Замуравились* — покрылись муравой, травой. *Посад* — предместье, слободка.

Алеша Попович и сестра Петровицей (стр. 411). Григорьев, I, № 82 (№ 118); зап. от М. Д. Кривополеновой в д. Шогорке (Пинега) Архангельской губ. в 1901 г. По характеру сюжета и по особенностям его разработки былаина эта близка к балладам. В некоторых вариантах эта близость проявляется еще сильнее: песня имеет трагическое завершение (девушка гибнет), герой не носит имени Алеша и действие не связывается с Киевом. Можно полагать, что былинная версия первоначальна и что лишь позднее она подверглась переработке в духе баллад о трагических семейных конфликтах. Былина об Алеше Поповиче и сестре Петровицей, как она известна нам по имеющимся записям, вероятно, довольно позднего происхождения. Содержание ее направлено против суровых порядков феодального быта. Братья Петровичи предстают здесь как жестокие и неумолимые хранители патриархальных нравов; отношение к ним явно осудитель-

ное, и в некоторых вариантах это подчеркнуто еще больше. Образ Алеши и его поведение несколько противоречивы. Не вполне ясно, почему он хвастает на пиру своей связью с Еленой, навлекая тем самым на девушку гнев братьев. Но в дальнейшем ходе событий он ведет себя как герой, спасая Елену от расправы. В некоторых вариантах Алеша является как богатырь к месту казни и на глазах у всех увозит девушку. *Чоботы* — башмаки. *Окошечко кошечато* — косящее, с косяками. *Разговорчаты* — по-видимому, сговорчивые.

Дунай и Настасья-королевична (стр. 414). Григорьев, I, № 17; зап. от А. Л. Коппалиной в д. Колежме (Поморье) Архангельской губ. в 1899 г. По содержанию это типичная баллада. В большинстве известных текстов герой не носит имени Дуная, он просто «добрый молодец»; его женят против воли, и он уходит от «худой жены» на «чужую сторону»; избавленный королевичной от казни, он возвращается домой. Возможно, что этот балладный сюжет уже позже был применен к Дунаю и подвергся стилистической обработке в духе былинного эпоса. Такая переработка не является случайной. В былинах «Дунай» и «Бой Добрыни с Дунаем» содержатся прямые указания и намеки на то, что Дунай служил литовскому королю и был связан с его дочерью. Таким образом, содержание былины-баллады «Дунай и Настасья-королевична» развивает мотивы эпической «биографии» богатыря и связывается с основными сюжетами о Дунае. *Панови-уланови* — так в былинах обычно зовут охрану, свиту чужеземного царя.

Чурила и князь (стр. 417). Смерть Чурилы (стр. 424). Гильфердинг, III, №№ 223, 224; зап. от И. П. Сивцева на Кенозере Олонецкой губ. в 1871 г.

Образ Чурилы, который встречается также еще в былине о Дюке Степановиче (см. в нашем издании) и — как эпизодическое лицо — в некоторых других сюжетах, отличается всегда цельностью и единством характеристики. Его обычно называют щапом, то есть франтом, щеголем, выставляющим напоказ свою красоту, хвастающим своими изысканными нарядами. Он — богач, обладатель роскошного и сказочно-красивого поместья, которое находится вдали от Киева. В первой былине он также — богатырь, блестящий предводитель дружины, охотник. Чурила не совершает героических подвигов, и отношение к нему обычно проникнуто иронией. Его наряд, впечатление, которое он производит на женщин, его легкомысленное поведение описываются явно насмешливо. Однако в первой былине он противопоставлен князю, которого поражает своим богатством и независимостью, и потому эта былина содержит некоторую идеализацию образа Чурилы, изображая с насмешкой князя и княгиню. Вторая былина в сюжетном плане очень близка к балладам. *Тетивки* — в данном случае веревки у неводов. *Плутивца* — петли у невода. *Корысть* — барыш, выгода. *Одноличные* — на одно лицо. *Кожаны* — кафтаны. *Скурлат* — сукно. *Обезвичили* — обезвечили, искалечили. *Верей* — столбы, на которые навешены ворота. *Подворотенки* — дорог *рыбий зуб* — украшенные резьбой из моржовой кости. *Стáмет* — стамед, шерстяная ткань. *Вальяк* — литая, чеканная работа. *Вальячные пуговицы* — литые, особо прочные и красивые. *Пол-середа* — пол в части избы, комнаты.

усланный особо. *Печки муравлёные* — муравленые, покрытые гла-зурью. *Потики* — поды печей. *Купав молодец* — красивый, гордый. *Большина* — должность. *Онатй*. Певец, исполнивший былинку для Гильфердинга, не мог объяснить этого слова, сказав только: «одежка, должно быть». Смысл слова разъясняется через сравнение с вариантом Киреевского, IV, стр. 87: здесь — «манатый на сее дерут», т. е. мантии, монашеские одежды. *Поиграю* — обыграю. *Ложня* — спальня. *Не снарядна* — не одета, не прибрана.

Хотен (стр. 428). Киреевский, IV, стр. 72—77; зап. Вереща-гиным на Онеге Архангельской губ. в 40—50-х гг. XIX в. Былина относится к семейно-бытовым. Характер конфликта, происходящего между двумя семьями, может быть понят лишь при уяснении их социальной принадлежности. Анализ вариантов показывает, что Часова жена принадлежит к знатному и богатому боярскому роду (Часова, возможно, означает — «почестная», «почтенная»). Характеристика Блудовой жены менее определена. Иногда она также выступает как боярыня, и в этом случае все столкновение трактуется в насмешливом плане, как пустая ссора двух знатных семей, которые кичатся своей родовитостью (см., например, текст в Сборнике Кирши Данилова). Но чаще встречается и, очевидно, более органична для данного сюжета характеристика Блудовой жены как незнатной и небогатой. Столкно-вление, следовательно, происходит из-за того, что Часова жена кровно оскорблена предложением, исходящим от простой женщины. Выступле-ние Хотена здесь — это мщение богатыря богачам, оскорбившим его и его мать. В некоторых вариантах Хотен выступает не только против сыновей Часовой жены, но и против самого князя. Заключительный эпизод былины — женитьба Хотена на Часовичне — как бы знаме-нует моральную победу богатыря и полное унижение его противников. В некоторых вариантах Хотен вообще отказывается от Часовичны. *По заполям* — по загуменьям. *Не в корысти* — без выгоды. *Отзы-ваться* — возвращать. *Спасалася* — спохватывалась.

Стáрина о большом быке (стр. 433). Гильфердинг, III, № 303; зап. от Е. Я. Завала на Кенозере Олонецкой губ. в 1871 г. Былина-сатира. Сюжет ее требует разъяснения, так как излагается не всегда достаточно четко и, кроме того, содержит некоторые намеки, переставшие быть понятными в позднее время. Бык, который оказы-вается виновником всех событий, изображается пародийно, в нем есть черты Идолища («промежду роги косая сажень»). В первых эпизодах содержится насмешка над боярами: Афанасий Путятинский, которому все приелось и захотелось «телятинки», сам посылает слуг увести быка с чужого двора. Может быть, здесь былина в пародийной форме отра-вила боярские распри, характерные для XVI—XVII вв. Дальнейшее содержание былины посвящено злоключениям тех, кто оказался при-частным к краже быка. «Проводят по рядам», то есть наказывают кнутом (и взыскивают деньги) мясника, кожевника, харчевников и, на-конец, волынщика, сделавшего себе «перегудочку» из бычьего пузыря. Заступниками наказываемых выступают купцы Строгановы. Быть может, имеются в виду знаменитые Строгановы, уральские купцы и заводчики. *Да как степи рукой не добыть*. Степь — хребет у быка; не добыть — не достать. *Надобные* — умелые, пригодные. *Вязивце* —

веревка, привязь. *Поспешники* — помощники. *Клепки* — ножи. *Да лишо* — оставалось. *Да неудала* — неудачная. *Да он другом пузырь доступил* — через друзей пузырь достал.

Агафонушка (стр. 439). Кирша Данилов, № XXVa; запись былины относится, по-видимому, к середине XVIII в. и сделана, вероятно, в Западной Сибири. В русском эпосе наряду с былинами серьезного содержания есть былины-пародии. В них образы и приемы героического эпоса применены в плане шутовском, комически сниженном. Содержанием таких былин являются обычно житейские истории — домашние ссоры, семейные столкновения, уличные драки и т. п. Близки к былинам-пародиям былины-небылицы, в которых также в шутовской форме называются события, невозможные в действительности, нелепые и потому смешные. Пародия и небылица обычно сравнительно кратки, в них нет единого законченного сюжета, эпизоды в подчас совсем разным содержанием сцепляются в них без особой внутренней связи. Былина об Агафонушке соединяет в себе черты пародии и небылицы. Пародийный характер имеет первая часть (до слов «В то же время и в тот же час»). В эпизодах ее можно обнаружить эпическую первооснову. Так, начало пародирует поэтическую заповку из былины о Соловье Будимировиче (из того же Сборника Кирши Данилова):

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота окиян-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днепровские.

Шутовое описание одежды Агафонушки является пародией на идеализированные описания роскошного наряда богатырей. Обычно богатырь носит шубу соболиную, одна пола которой стоит пятьсот рублей, а другая — тысячу.

Петелки ты вплетены шелковые,
Пуговки ты вливаны да золоченые,
В петелки ты вплетано по красной по девушке,
А-й во пуговки ты вливано по доброму по молодцу.

Кокосники — народный женский головной убор. *Шемшура* — особого вида кокошник. *Мушник* — мучник, хлеб. *Комуха* — лихорадка. *Вереды* — болячки. *Сливные* — сплошные, почти в один струп. *Короста* — чесоточная сыпь. *Смечал* — считал. *Спинаючи* — задом, спиной (?). *Шебура* — зипун, балахон.

Старина о льдине и бое женщин и небылица (стр. 441). Григорьев, III, № 22 (№ 326); зап. от А. Я. Тярсова в д. Дорогая гора (Мезень) Архангельской губ. в 1901 г. В былине соединены пародия и небылица (см. об этих видах эпической поэзии в прим. к «Агафонушке»). В пародийной форме здесь дана история о том, как в некоем городе правила княгиня льдина, как она растаяла весной и как после этого между женщинами города начались раздоры, перешедшие в побоище. Как обычно в пародийных былинах, побоище

это получает характер шутейной кухонной драки, оружием в которой «лужит утварь». В одном варианте строке о каше предшествует строка: «Пирогы они, шаньги да во полон брали». Вторая часть песни представляет типичную небылицу. В других небылицах каждый эпизод завершается иногда припевом:

Небылица в лицах, небывальщина,
Небывальщина да неслыхальщина.

Об овине чаще говорится, что он горит на море. *Обневолили* — покорили, взяли в плен. *И у их кислы ти шти...* О щах чаще говорится, что они обратились в бегство. *Приодерживат* — придерживает, направляет.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Между стр. 80 и 81.* Илья Муромец и Соловей-разбойник. Лубочная картинка. С фотокопии, хранящейся в Пушкинском Доме АН СССР.

2. *Между стр. 96 и 97.* Трофим Григорьевич Рябинин. С гравюры А. Серякова. Помещено в сборнике А. Ф. Гильфердинга «Онежские былины». СПб., 1873.

3. *Стр. 399.* Страница из рукописного сборника Кириши Данилова (середина XVIII в.). Рукописный отдел ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

СОДЕРЖАНИЕ¹

Русский былинный эпос. *Вступительная статья Б. Путилова* 5

ВЫЛНЫ

Святогор и тяга земная	47 448
Святогор и гроб	48 448
Волх Всеславьевич	53 449
Вольга и Микула	59 450
Исцеление Ильи Муромца	64 450
Три поездки Ильи Муромца	67 451
Илья Муромец и разбойники	72 452
Илья Муромец и Соловей-разбойник	75 452
Илья Муромец и Идолище	84 453
Илья Муромец и Издолище	89 453
Алеша Попович и Тугарин	97 453
Алеша и Змей Горыныч	102 454
Добрыня и Змей	104 454
Илья Муромец и сын	112 455
Илья Муромец и Калин-царь	118 456
Илья Муромец, Ермак и Калин-царь	134 456

¹ Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

Камское побоище	139 457
Василий Игнатьевич и Батыга	149 458
Васька-пьяница и Кудреванко-царь	154 458
Михайло Данилович	163 459
Сухман	170 460
Алеша Попович убивает татарина	176 460
Михайло Козарин	178 461
Королевичи из Крякова	183 461
Братья Дородовичи	191 461
Добрыня Никитич и Василий Казимирович	194 461
Суровец-Суздалец	204 462
Царь Саул Леванидович и его сын	207 462
Наезд литовцев	215 463
Илья Муромец на Соколе-корабле	221 463
Садко	224 464
Михайло Потык	240 465
Иван Годинович	264 466
Бой Добрыни с Дунаем	271 466
Дунай	276 467
Соломан и Василий Окулович	285 467
Добрыня и Маринка	292 468
Идолище сватается за племянницу Владимира	299 468
Глеб Володьевич	305 469
Вавило и скоморохи	310 469
Ванька Удовкин сын	316 470
Бунт Ильи Муромца против Владимира	324 471
Илья Муромец в ссоре с Владимиром	330 471
Данила Ловчанин	334 472
Иван Гостиный сын	340 472
Ставер Годинович	344 473
Дюк Степанович	354 473
Василий Буслаев и новгородцы	366 474
Смерть Василия Буслаева	374 474
Соловей Будимирович	382 475
Сорок калик	389 475
Добрыня Никитич, его жена и Алеша Попович	400 476
Возвращение Добрыни домой	407 477
Алеша Попович и сестра Петровичей	411 477
Дунай и Настасья-королевична	414 478
Чурила и князь	417 478
Смерть Чурилы	424 478

Хотен	428 479
Стáрина о большом быке	433 479
Агафонушка	439 480
Стáрина о льдине и бое женщин и небылица	441 480
Примечания	443
К иллюстрациям	482

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор), М. О. Ауэзов,
А. Г. Дементьев, В. П. Друзин, В. О. Перцов,
А. А. Прокофьев, М. Ф. Рыльский, В. М. Саянов,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
И. Г. Ямпольский (заместитель главного редактора).*

БЫЛИНЫ

Редактор *Д. С. Лихачев*

Художник *И. С. Серов*

Худож. редактор *М. Е. Новиков*

Техн. редактор *В. Г. Комм*

Корректор *И. Г. Клейнер*

Сдано в набор 25/IX 1957 г. Подписано
в печать 26/XI 1957 г. Бумага 84×108/32.
Печ. л. 30³/₄ (25,21). Уч.-изд. л. 26,44
Тираж 30 000. Зак. № 844. Цена 9 р. 50 к.

Ленинградское отделение издательства
«Советский писатель»

Ленинград, Невский пр., д. 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
14	14 св.	сообщил об отказе	сообщил об отказе царя
77	18 св.	прямоезжей	прямоезжей
77	20 св.	прямоезжею	прямоезжею
179	3 св.	стрела	свеча
19	5 сн.	дубовые	дубовые
391	4 сн.	своим	своими
447	16 св.	I—II	I—III
448	6 сн.	оставлся	оставался

